

ЭЛЕН МАРИ ВАЙСМАН

ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ НЕЕ

• *Memory*

Annotation

Главные героини романа — две девушки, Клара и Иззи. Они живут в разное время, но их судьбы похожи: обеим пришлось пережить предательство близких людей и один на один столкнуться с жестоким и несправедливым окружающим миром. Выжить или умереть? Уйти без следа или оставить после себя нечто большее, чем полуистлевшие вещи?

Элен Мари Вайсман объединяет прошлое и настоящее в завораживающей истории о любви, верности, сострадании и чувстве ответственности за слабых и беззащитных.

- [Элен Мари Вайсман](#)

- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)

- [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА](#)
-

Элен Мари Вайсман

ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ НЕЕ

*Посвящается
моему мужу Биллу,
который всегда в
меня верил*

ГЛАВА 1

ИЗАБЕЛЛА

Государственная психиатрическая лечебница Уиллард, 1995 год

Изабелла Стоун застыла на растрескавшейся, покрытой рытвинами дороге, ведущей к утопающему в тени деревьев зданию психиатрической лечебницы Уиллард. Приходить сюда было ошибкой — девушку охватил животный ужас, и она с трудом заставляла себя передвигать ноги.

Но с другой стороны, чего ей бояться? Стояла суббота — обычный, душный августовский день. Теплый ветер разносил запах рогоз и водорослей, овеявая им сосны, растущие слева от здания лечебницы. Становилось все жарче. От высушенной солнцем земли поднимались волны горячего воздуха, а цикады трещали в высокой траве, будто жужжащий живой термометр. С каждым часом эти звуки становились все громче и пронзительнее.

Стриженные газоны покатыми валами спускались от здания лечебницы к каменистым берегам озера Сенека. На его волнах покачивались парусные лодки, и длинный пирс, словно в приглашающем жесте, тянулся вдаль по поверхности искрящейся воды.

Но Изабелла — отец называл ее Иззи — не замечала ни теплых лучей солнца, глядящих ее по щеке, ни живописного пейзажа. В голове теснились воспоминания, которые она не могла прогнать уже много лет, — мертвое лицо отца в луже подсохшей крови и страшная рана на его виске. Она как будто застряла в чистилище... Неужели ей суждено вечно помнить ту ужасную ночь?

Иззи вышла из тени Чапин-Холла — массивного главного здания — и, прикрыв глаза, подставила лицо солнцу, стараясь выбросить из головы навязчивые мысли. Но когда она взглянула на трехэтажный кирпичный особняк в викторианском стиле, с арочными окнами, к горлу снова подкатил комок. Огромный трехъярусный купол с окнами-бойницами возвышался над черной мансардной крышей, а вокруг множилось бесконечные чердачные слуховые окошечки, башенки и трубы. За каменной крытой галереей с обветшалыми колоннами

скрывались массивные двустворчатые двери. Высокие окна были зарешечены и почти все, не считая окошек на чердаке и круглых отверстий-бойниц в куполе, заколочены изнутри. Здание было больше похоже на дом с привидениями, чем на место, где помогают людям.

Сколько трагедий повидал этот монструозный особняк? Какими пугающими воспоминаниями пропитаны его кирпичи, цемент и матовое стекло, намертво скрепленные и запечатанные кровью и слезами? Неужели она никогда не избавится от боли и отчаяния, а воспоминания тысяч несчастных душ так и будут жить в Чапин-Холле и других зданиях лечебницы Уиллард? Неужели это место навсегда останется печальным символом потерянных жизней?

Она судорожно сглотнула подступивший к горлу комок и повернулась к озеру, козырьком поднеся руку к глазам. Наверное, люди, проплывающие мимо на лодках, смотрят на лечебницу и думают, что эти кирпичные здания и идиллический парк принадлежат какому-нибудь загородному клубу или колледжу. На расстоянии все выглядит таким опрятным и благопристойным. Но она-то знала, что это не так. Она легко могла представить, как пациентов выводили в сад: кто-то сидел в кресле-каталке, кто-то ковылял сам, с трудом волоча ноги по траве. Больничные робы свисали с тощих фигур с остекленевшими глазами. На секунду она почувствовала себя одной из них и перевела взгляд на голубое озеро. Понимали ли пациенты, что жители городков на другом берегу залива ведут обычную жизнь: катаются на лодках, устраивают пикники, влюбляются, рожают детей? Могли ли они мечтать о свободе, возвращении в «нормальный» мир? Или совсем не думали о жизни, которой лишились?

К горлу снова подкатила тошнота, когда Иззи вспомнила, как ее мать, Джойс, лежала на кровати в психиатрическом центре Эльмира, раскинув руки и устремив бессмысленный взгляд к потолку. А ее волосы торчали в разные стороны. День был такой же душный, как сегодня, и тушь вместе с подводкой для глаз поплыла и размазалась по ее бледным щекам. Мать была похожа на забытого под дождем клоуна. Иззи тогда уткнулась лицом в бабушкину юбку и стала проситься домой. Она никогда не забудет бесконечные белые коридоры психиатрического отделения, запах мочи и хлорки, темные комнаты, пациентов в инвалидных креслах и кроватях среди обитых резиной стен. После этого визита ей несколько лет снились кошмары. Иззи

умоляла бабушку не заставлять ее ходить туда. К счастью, старая женщина прислушалась к ее просьбе.

Девушка обхватила себя руками и побрела по разбитой главной дороге, осматривая гигантскую копию той зловещей больницы. Зачем она сюда приехала? Могла бы придумать, что у нее болит голова или крутит живот. Тогда ее место занял бы кто-нибудь из музейных сотрудников. Но она не хотела разочаровывать Пег — свою опекуншу, которая работала куратором выставок. Впервые с тех пор как ей исполнилось десять, после смерти бабушки, Иззи попала к опекунам, которым ее судьба была безразлична.

Но меньше чем через год ей исполнится восемнадцать. Она знала, как все устроено, и отлично понимала: радоваться тут нечему. Как только перестанут присылать чеки, придется выживать самостоятельно. Стоит перерасти возраст, до которого дети находятся под опекой приемных родителей, как она станет бездомной. Иззи слышала истории о том, как другие подростки жили на пособие или продуктовые талоны, попадали в тюрьму или больницу, продавали наркотики. До какого же отчаяния нужно дойти, чтобы нарушить закон? А у нее пока все складывается неплохо, и ей не хотелось бы это портить.

Пег упростила Иззи съездить в старую психбольницу, чтобы отобрать самые интересные вещи, пока здание не разрушилось окончательно. Она согласилась, ни слова не сказав о том, что ее мучило. К счастью, Пег разрешила ей сначала осмотреться, поэтому Иззи не пришлось сразу идти внутрь вместе с остальными, спускаться в подвал, брести через морг, минуя десятки опустевших палат. Что бы подумала Пег, если бы узнала, что ее мутит от самой близости лечебницы Уиллард?

Она перешла по деревянному мостику высохший ручей и зашагала по узкой дороге к сосновому леску. Слева, на заросшем высокой травой поле, важно расхаживали казарки; круглые черные головки, видневшиеся над золотарником, походили на бархатистые верхушки камыша. В нескольких футах от дороги, в гнезде, свитом из тимофеевки и песчанки, вытянув шеи, лежали грязновато-желтые птенцы. Иззи остановилась, чтобы понаблюдать за ними. Глаза у птенцов были открыты, но сами они не шевелились. Она осторожно придвинулась к ним, опасливо поглядывая на взрослых казарок. Хотя

Иzzi подошла довольно близко, птенцы оставались на месте. Они лежали неподвижно, будто речная галька. Почувствовав, что в горле пересохло, Иззи сглотнула. Птенцы то ли умерли, то ли умирали.

Она опустилась на колени, взяла одного из них и осмотрела поникшее мягкое тельце: нет ли ран под крыльями или на животе, не сломаны ли ножки или шея? Нет, ничего. Мягкий пушок был еще теплым. Вдруг птенец моргнул. Значит, он жив! Может, они заболели, отравились химикатами или лекарствами, выброшенными из лечебницы? Иззи оглядела еще двух птенцов, но, не обнаружив никаких травм, положила их на место.

Разрешит ли Пег забрать гусят, чтобы выходить? Иззи вспомнила, что диких животных в таких случаях лучше не трогать. Может, казарка прибежит им на помощь? Иззи поднялась с травы и пошла дальше. В глазах стояли слезы. Она оглянулась. Где же родители птенцов? Хоть бы с ними ничего плохого не случилось! Вдруг гусята вскочили и поковыляли по полю, а встревоженная мать с гоготом бросилась им навстречу. Иззи заулыбалась и вытерла слезы. Надо же, они только притворялись мертвыми!

Облегченно вздохнув, она направилась к сосновой роще. В стороне от дороги, посреди поля, стояло покосившееся четырехэтажное строение. Разбитые окна прикрывали решетки, крыша обвалилась, а зеленая черепица и покореженное дерево почернели от времени. Здание выглядело здесь абсолютно неуместным. Оно было похоже на корабль, выброшенный из моря в тысяче миль от берега. Недалеко от него виднелись железные могильные кресты. Они окружали задичавшую поляну, словно кривые гнилые зубы. «Господи, это же кладбище лечебницы Уиллард!» Во рту у Иззи стало горько. Она резко повернулась и побежала обратно, к главному корпусу, к обветшавшим кирпичным зданиям, больше похожим на фабрику, чем на больницу. Эти строения соединялись с Чапин-Холлом, где находились палаты пациентов.

Пожарные лестницы были огорожены металлической сеткой, грязные окна скрывались за толстой решеткой, а из прогнивших рам сочилась черная грязь, стекавшая по кирпичным стенам. Двери и окна были заколочены изнутри, как будто кто-то хотел, чтобы живущие там воспоминания никогда не вышли на свет. Иззи вздрогнула. Сколько пациентов страдало и умерло в этом ужасном месте?

Кто-то окликнул ее по имени. Очнувшись, она обернулась и увидела Пег, которая с широкой улыбкой спешила к ней по дороге. Еще при первой встрече опекунша напомнила Иззи о хиппи, этих «детях цветов» шестидесятых. И сейчас она выглядела так же: Пег была одета в джинсовый комбинезон и цветастую цыганскую блузу, а ее голову венчала копна буйных кудряшек.

— С ума сойти! — воскликнула Пег. — Я и не знала, что лечебница такая огромная!

— Большая, это точно, — с готовностью подтвердила Иззи.

— А ты видела лодочную станцию и причал? — спросила Пег. — Первая пациентка лечебницы приплыла сюда на пароходе в октябре 1869 года. Ее звали Мэри Роут. Эта несчастная больше десяти лет была закована в цепи. Ее держали на привязи в богадельне округа Колумбия — без кровати, без одежды. В тот же день привезли еще троих пациентов — тоже в кандалах. Один из них сидел в клетке, наподобие птичьей.

Иззи посмотрела на пирс. Справа от причала стояла двухэтажная лодочная станция с разбитыми окнами и обвалившейся дражкой, делавшими ее похожей на чью-то помятую физиономию с нависшими веками.

— Дикость какая, — сказала девушка.

— Вот-вот, — подтвердила Пег. — Поэтому Уиллард и построили. Здесь лечили безнадежно больных людей, которых раньше держали в приютах и тюрьмах. Когда пациенты приезжали в новую лечебницу, их сразу мыли, одевали и кормили. И они спокойно отдыхали в своих палатах в основном.

— Значит, с ними хорошо обращались?

Пег помрачнела.

— Сначала хорошо, я думаю. Но со временем палаты переполнились, а здания обветшали. Печально, но половина из пятидесяти тысяч пациентов умерли в больнице.

Иззи закусила губу. Она не решалась попроситься обратно в машину. Пег улыбнулась и взяла ее за руку. Глаза опекунши загорелись.

— Пойдем! — позвала она. — Бывшая сотрудница хочет показать нам, что нашла в заброшенной мастерской. Похоже, что-то интересное! Ты должна это видеть!

Иzzi внутренне содрогнулась, но послушно поплелась за приемной матерью. Что бы такого придумать, чтобы не ходить туда? Ничего не приходило в голову. Только совершенно глупые отмазки. А вдруг Пег подумает, что она сумасшедшая? Прошлым летом, когда Иззи приехала к Пег и Гарри, она не сомневалась: новые приемные родители, так же как все остальные, берут детей, чтобы получать за них пособие и заставлять бесплатно работать. Гарри был арт-директором в музее, и Иззи сначала решила, что с деньгами у них не густо. К счастью, на этот раз она ошиблась. Новые приемные родители были такими славными! Они не наседали на нее, не приставали с разговорами; они понимали, что молодой девушке порой хочется побыть одной. Они выделили ей в своем трехэтажном доме в Интерлакене комнату с окнами на озеро. Теперь у нее был собственный телевизор, DVD-плеер, компьютер. Они ей доверяли. Наконец ей подарили свободу, ни в чем не подозревая и не осуждая. И впервые за долгое время Иззи чувствовала себя нормальной.

И все же иногда ей не верилось, что это правда. Слишком удачно все складывалось. У нее было предчувствие, что кто-то или что-то обязательно все испортит. Вечно с ней так. Вдруг она вспомнила, что через два дня начнутся занятия в школе, и у нее засосало подложечной. Быть новенькой в классе — это такая засада!

Когда они приблизились к мастерской, Иззи бросило в жар. Внешностью она пошла в мать: серо-голубые глаза, темные волосы, белая матовая кожа. Но стоило ей разволноваться, как на груди и шее выступали красные пятна. Вот и сейчас кожа стала зудеть. Одно дело — прогуливаться по газонам лечебницы, и совсем другое — зайти в здание. Ей так хотелось сбежать, что сердце стало лихорадочно колотиться в груди. «Это всего лишь работа, — сказала она себе. — Моя мать тут ни при чем. К тому же давно пора забыть о детских страхах».

Она собрала длинные волосы в узел на затылке, чтобы ветерок охладил вспотевшую шею.

— Тебе не жарко в кофте с длинными рукавами? — спросила Пег.

— Нет, — ответила Иззи и потянула рукава вниз, зажав ткань в кулаках. — Она совсем тонкая.

— Когда я складывала белье после стирки, я заметила, что у тебя нет футболок с коротким рукавом, — продолжила Пег. — Может,

пройдемся по магазинам, купим тебе новую одежду?

Девушка криво улыбнулась.

— Спасибо, — ответила она. — Но мне нравятся футболки с длинными рукавами. И ты зря беспокоилась — я могу сама стирать свои вещи.

— Да ладно тебе, — с улыбкой возразила Пег. — Почему ты всегда носишь закрытую одежду?

Иззи пожала плечами.

— У меня уродские руки, — пожаловалась она. — Тощие, и цвет синюшный.

— Многие девчонки позавидовали бы таким длинным и стройным рукам и ногам, как у тебя, — рассмеявшись, сказала Пег.

«Вряд ли они стали бы завидовать, если бы увидели шрамы», — подумала Пег.

Она перевела взгляд на озеро и увидела у берега людей, которые сидели за столиками для пикника, прогуливались, играли в мяч и бадминтон. Странные фигуры были одеты в старую поношенную одежду. Они еле волочили ноги, словно одурманенные наркотиками. Иззи остановилась как вкопанная.

— А это кто такие? — спросила она Пег.

Женщина поднесла руку к глазам, чтобы не слепило солнце и, прищурившись, посмотрела на берег.

— Наверное, пациенты Эльмиры, соседней лечебницы, — ответила Пег. — Рядом с озером есть кемпинг. Их порой привозят сюда отдохнуть.

На глазах девушки выступили слезы, и, не отрывая взгляда от земли, она устремилась вперед.

— Что такое? — встрепенулась Пег, бросившись за ней.

— Моя мать там лежала, — коротко ответила Иззи. — В Эльмире.

Пег положила ей руку на плечо.

— Прости. Я даже не подозревала.

Иззи вскинула голову и попыталась выдавить улыбку.

— Ничего. Это было давно.

— Когда захочешь об этом поговорить — только скажи. Если что, я рядом. Ты же знаешь, правда?

— Знаю, — подтвердила Иззи. — Спасибо. — И подумала: «Благодарю, но не надо».

Сколько ни говори, легче от этого не станет. Она не привыкла полагаться на окружающих людей. Пока бабушка не умерла семь лет назад, Иззи успела побывать у трех врачей, но они так и не смогли избавить ее от мучительных ночных кошмаров. Ничего не помогало. От врачей не было никакого толку. Куча экспертов в один голос утверждали, что мать Иззи была здорова телом и духом и поэтому должна предстать перед судом. Но Иззи знала: она стреляла в спящего отца, потому что сошла с ума.

Они дошли до мастерской. Бывшая сотрудница открыла дверь и провела Иззи, Пег и других музейных работников внутрь.

— Здесь пациенты упаковывали ручки и клеили бумажные пакеты, — бойко прочирикала она, словно показывала разноцветные стеганые одеяла на ярмарке.

Кроме пустых столов, в комнатах ничего не было. На облупившихся стенах висели покоробившиеся календари и старые огнетушители. Грузовой лифт давно сломался, так что Иззи и всем остальным пришлось карабкаться на чердак по крутой узкой лестнице, перешагивая через сломанные ступеньки, куски отвалившейся штукатурки и смахивая с лица паутину. Когда они забрались наверх, сотрудница повернула ключ в двери и навалилась на нее, чтобы открыть. Но дверь не поддавалась. Пег решила ей помочь. Она шагнула вперед и стала толкать дверь обеими руками. Наконец петли закрипели, дверь со скрежетом открылась, и наружу вырвался затхлый воздух, словно чердак с облегчением выдохнул. Сотрудница повела всех внутрь.

На чердаке было такое пекло, что перехватывало дыхание. Пахло старым деревом, пылью, птичьим пометом. На полу валялись сухие листья, залетевшие когда-то внутрь через выбитое оконце. На гвозде висел выцветший лабораторный халат, а на полу валялись чемоданы, из которых, как из распоротого брюха, повывлезло их содержимое: ключи, фотографии, серьги и ремни, блузки и кожаные туфли. Они давно смешались с грязью и листьями и напоминали полуистлевшие вещи, которые достали из могилы. В центре комнаты, покрытый толстым слоем голубиного помета, лежал саквояж, рядом валялась какая-то разорванная карта.

Под крышей стояли деревянные стеллажи, занимавшие почти все помещение. На одних было написано «Мужчины», на других —

«Женщины», и все они были поделены на буквы от А до Z. Эти огромные стеллажи, перпендикулярные высоким стенам, создавали длинные коридоры, напоминающие проходы в бакалейном магазине или библиотеке. Но на полках стояли не товары и не книги, а сотни запыленных чемоданов, портпледов, кофров и сундуков.

— Что это? — изумленно спросила Иззи.

— Здесь хранили их вещи, — пояснила сотрудница. — Все эти сундуки и чемоданы остались от людей, которые поступили в больницу, но так никогда и не выписались из нее. Их никто не трогал с тех пор, как владельцы упаковали свой скарб перед отъездом. С того времени прошли десятки лет.

Иззи закусила губу. Из глаз чуть не брызнули слезы. Она вспомнила: раскрытый мамин чемодан стоит на столике у больничной кровати, а в нем лежит скомканное белье: лифчики, ночные сорочки... Она никогда не забудет, как впервые вошла в родительскую спальню после убийства отца. Бабушка попросила ее помочь найти и собрать мамины вещи. Иззи, словно в полусне, открывала ящики комода, вдыхая знакомый запах маминых духов, напоминавший о потерянном счастье. Из комнаты еще не выветрился запах пороха и крови. Она разглядывала родительскую кровать: изголовье, изножье, снятые поручни, прислоненные к стене спальни... Будто они наконец переезжают в дом побольше, как мечтала мама. Иззи захотелось опрометью броситься вон с чердака, пробежать вниз по лестнице, на свежий воздух, прочь от воспоминаний о несчастных загубленных жизнях.

— Это настоящий клад! — воскликнула Пег.

Она прошла по рядам, осторожно касаясь кожаных ручек сундуков и чемоданов, с трудом читая таблички с именами и поблекшие монограммы. Вдруг Пег порывисто повернулась к бывшей сотруднице.

— И что вы сделаете с этими вещами? — спросила она, широко раскрыв глаза.

Женщина пожала плечами.

— Наверное, их отправят на свалку, — предположила она.

— Ни в коем случае! — возразила Пег. — Мы этого не допустим. Давайте отвезем их в музейное хранилище.

— Все, что ли? — удивилась сотрудница.

— Да, — твердо ответила Пег. — Разве вы не понимаете? Увидеть эти чемоданы — все равно что побывать на археологических раскопках или найти несколько старинных картин. Пациенты психиатрической лечебницы были лишены возможности рассказать о себе. Но их вещи поведают нам о том, что с ними стало. Нам очень повезло: мы можем воссоздать их жизнь до того, как их отправили в Уиллард! — Она взглянула на Иззи. — Здорово, правда?

Иззи с трудом выдавила улыбку, потому что ее грудь сдавило от ужаса, словно на нее положили холодную каменную плиту.

ГЛАВА 2

КЛАРА

Верхний Ист-Сайд, Нью-Йорк, Октябрь 1929 года

Восемнадцатилетняя Клара Элизабет Картрайт, затаив дыхание, стояла на роскошном персидском ковре возле отцовского кабинета. Она слегка подалась вперед, стараясь разобрать, о чем говорят родители за дубовой резной дверью. В детстве, разглядывая роскошную обстановку особняка — обшитые панелями коридоры, блестящие деревянные полы, портреты и зеркала в золоченых рамах, серебряный чайный сервиз на комодке из вишни, — она воображала себя принцессой в замке. Но сейчас деревянный декор и тяжелые шелковые портьеры стали напоминать ей тюрьму. И не только потому, что она три недели просидела под домашним арестом. Дом был похож на музей, набитый старой рухлядью и старомодным убранством. В нем стало душно от нафталиновых стереотипов и допотопных убеждений. Он напоминал ей мавзолей — последнее пристанище мертвецов. И она вовсе не хотела занять их место.

Клара выдохнула. Надо взять себя в руки. Она уже пыталась сбежать. А что ей еще остается? Из-за двери воняло гнилым деревом — так пахла отцовская сигара. Дым смешивался с лимонным ароматом воска для мебели, напоминая о том, как она часами томила на этом самом месте со старшим братом Уильямом, ожидая ежедневной «аудиенции» с отцом — Генри Эрлом Картрайтом. Каждую пятницу, после уроков и прогулки в парке, они ждали у его кабинета до ужина, тихо переговариваясь, чтобы не раздражать отца. Освободившись, он вызывал их по одному и выслушивал отчет об учебе, в зародыше пресекая любое неповиновение и пространно объясняя, каких успехов обязаны добиваться дети их возраста. Они с Уильямом стояли с другой стороны огромного стола, подняв подбородки и устремив на него глаза; переминаясь с ноги на ногу не дозволялось. В конце концов отец зажигал сигару и кивал головой — это означало, что он их больше не держит.

Их мать, Рут, четко дала понять, что разговоры о дисциплине и школьных отметках слишком утомительны для столь деликатной

натуры, как она. Пока муж занимался этим трудным и неприятным делом, то есть воспитанием детей, она ложилась немного соснуть. Впрочем, несколько лет назад, когда Клара расцвела и превратилась в красивую молодую девушку, беззащитную перед уловками похотливых юнцов, Генри настоял, чтобы жена приняла на себя часть обязательств. Рут с неохотой подчинилась, но всерьез взяться за дело решила всего три недели назад. Что бы сказал Уильям, если бы узнал, что родители держат ее взаперти, как преступницу?

Когда Клара подумала о брате, ее сердце налилось свинцовой тяжестью, а на глазах выступили слезы. Полтора года назад его тело вытащили из реки Гудзон. Такое чувство, что это было вчера. Она вспомнила, какое лицо было у отца, когда он услышал печальную новость: его челюсти заходили ходуном, щеки покраснели. Он пытался переварить мысль о том, что его старший сын мертв, но не проронил ни слезинки. Клара чуть не бросилась на него с кулаками, чуть не закричала, что это он виноват. Впрочем, он бы не стал ее слушать. Его душа была закрытой, запечатанной книгой, в которой сухо и бесстрастно излагалось, как все должно быть. Она не обняла ни его, ни мать. Сердце обливалось кровью, но она безучастно наблюдала за тем, как они разыгрывали безутешных родителей. Она не хочет стать следующей жертвой, раздавленной железным кулаком Генри Картрайта, и сделает все, чтобы этого не случилось.

Она бы, наверное, сошла с ума, если бы не вечеринки по субботам в «Коттон-клуб», где она, забыв обо всем, смеялась и веселилась с друзьями. Последний раз она была там три недели назад. Кажется, что с тех пор прошло десять лет.

В детстве Клара изо всех сил старалась угодить родителям: усердно училась, следила за тем, чтобы в комнате не было ни соринки, никогда не перебивала и тем более не дерзила. Повзрослев, она поняла, что, по мнению родителей, они с братом должны быть ниже травы, тише воды. Родители считали своей обязанностью — накормить детей и дать им крышу над головой. А что еще? За последние два года, после первого исчезновения Уильяма, Клара научилась лгать с большой легкостью: она говорила, будто идет в библиотеку, а сама шла с подружками в кино на фильм с Чарли Чаплином, а то и в Центральный парк, где парни играли в скибол или стреляли в тире. Сначала, возвращаясь домой, она думала, что мать, подбоченившись,

поджидает ее у входа, чтобы позвать мужа, который придумает для нее суровое наказание. Кларе казалось, что она слышит его срывающийся от ярости голос: «Твое место дома, ты должна учиться готовить и ухаживать за детьми, а не шляться по городу. Что ты себе позволяешь? Твоя фамилия Картрайт, черт тебя подери! Вот и веди себя прилично, а не то мигом окажешься на улице!»

Но со временем она поняла, что родители даже не замечают ее отсутствия. Сначала она думала, что они переживают за Уильяма, беспокоятся, не случилось ли с ним несчастья, не ушел ли он после ссоры с отцом навсегда из дома. Может, мать не такая уж бессердечная? Может, она и правда слишком чувствительна и ей не хватает душевных сил, чтобы волноваться сразу о двоих детях? Но постепенно до Клары дошло: пока сын где-то пропадает, а дочь занимается неизвестно чем, Рут преспокойно попивает чай со знакомыми дамами, обсуждает с рестораторами и флористами следующий светский прием, перелистывает журналы, смакует запрещенный виски и заказывает новые платья, украшения и меха.

После того как тело Уильяма вытащили из воды, мать перестала планировать торжества, но еще больше пристрастилась к алкоголю и каждый вечер напивалась до бесчувствия. Она утверждала, что виски благотворно действует на ее нервы, и отец, который выходил из кабинета только для того, чтобы поесть и поспать, следил за тем, чтобы его запасы своевременно пополнялись. Клара догадалась: родители только рады, что она им не докучает. Главное, чтобы она приходила домой к ужину, ровно к половине шестого. А если нет — пусть пеняет на себя.

Последние семь месяцев она говорила родителям одно и то же — она идет на спектакль с Джулией, Мэри и Лиллиан, а после переночует у кого-нибудь из них. Мать видела Лиллиан всего пару раз в жизни, но полностью одобряла ее встречи с подругами — на том основании, что их матери состояли в благотворительном женском комитете и ходили в ту же церковь, что и она. По ее мнению, раз Джулии и Мэри разрешают ночевать у Лиллиан — значит, это вполне допустимо.

Однако вместо того чтобы пойти в театр, они собирались у Лиллиан дома, укладывали волнами волосы и наряжались в расшитые стеклярусом платья-чарльстон с бахромой. Они спускали чулки до колен, чтобы все видели: они не носят корсет, и надевали туфли на

высоких каблуках и с ремешками. На груди болтались длинные нитки жемчуга. В десять вечера жених Лиллиан приезжал за ними на «бентли», и они мчались в центр города. Следом ехал «роллс-ройс», в который набивались друзья ее брата.

Чаще всего они бывали в «Коттон-клуб» — модном местечке на углу 142-й улицы и Ленокс-авеню. Здесь любили развлекаться богачи. В дымной полутьме клуба Клара и ее друзья пили контрабандный джин, угощались вишней в шоколаде, курили, танцевали чарльстон и танго. Они слушали джаз в исполнении Луи Армстронга и порой так набивались, что с трудом стояли на ногах.

Именно здесь Клара познакомилась с Бруно. Он родился в Италии, в семье башмачника, и в одиночку приехал покорять Америку. Шик и блеск роскошного нью-йоркского клуба были ему в диковинку. И все же, когда она увидела его впервые, в белом жилете, галстуке, фраке и черном пальто, протискивающимся через толпу, Бруно выглядел так, словно был завсегдатаем этого заведения. Не замечая девушек, которые приглашали его потанцевать, не обращая внимания на закуски с икрой и тележки с мартини, Бруно упорно шел вперед, не спуская горящих глаз с Клары. А она в тот момент вальсировала с Джо — братом Лиллиан. Джо напился вдрызг и нес всякий вздор о своей работе на Нью-Йоркской бирже и о внушительном состоянии, которое позволит ему осыпать любимую женщину роскошными дарами.

Когда Клара увидела, что Бруно идет к ней, сердце громко застучало у нее в груди. Он выглядел рассерженным, словно кто-то посмел ухлестывать за его девушкой. Она решила, что он ее с кем-то перепутал, и приготовилась защищать бедного пьяненького Джо. Тот как раз наклонился, чтобы ее поцеловать, но она увернулась и высвободилась из его липких объятий. А потом даже не поняла, как так случилось, но Бруно вмешался и увлек ее за собой, оставив изумленного Джо в одиночестве посреди зала.

Они стали танцевать с Бруно. Он серьезно смотрел на нее, положив сильную руку ей на талию. Когда она рассмотрела его вблизи, он показался ей красивым, как Адонис: зачесанные назад черные волосы, рельефное лицо с гладкой смуглой кожей... Она опустила глаза, смутившись под его пристальным взглядом.

— Надеюсь, это был не твой жених, — низким голосом произнес он. Из-за акцента каждое слово звучало отчетливо и слегка экзотично.

Клара покачала головой, делая вид, что разглядывает другие танцующие пары. Лиллиан и Джулия сидели за барной стойкой, держа в руках бокалы с виски. Лиллиан перебирала жемчужины своего ожерелья, а Джулия щекотала какого-то красавчика пером своей головной повязки.

— Прости, что не дал тебе с ним дотанцевать, — сказал он. — Я боялся, ты мне откажешь, если я тебя приглашу. Ты меня прощаешь?

Она посмотрела в его черные, как эбеновое дерево, глаза, и обо всем позабыла. Клара молчала, не в силах отвести от него взгляд. Наконец она ослепительно улыбнулась, напустив на себя беззаботный вид.

— Пожалуй, — ответила она.

— Ты не думаешь, что я слишком напорист? — спросил он, слегка усмехнувшись.

— Нет, — возразила она, — но я...

И тут появился Джо. Он похлопал Бруно по плечу, тот обернулся, и Джо, ощерившись, занес кулак.

— Не надо! — закричала Клара, вскидывая руку.

Джо замер с поднятым кулаком.

— А вдруг он какой-то жулик? — брызгая слюной, взвизгнул он. — По мне, так он похож на альфонса.

— Ну что ты! — успокоила его Клара. — Мы просто танцуем.

— Точно? — грозно спросил Джо.

— Конечно! — ответила она. — Поговорим потом. И сходим вместе перекусить, хорошо?

Джо уставился на Бруно, прищурился налитые кровью глаза. Наконец он опустил кулак. Бруно улыбнулся, протянул руку и представился:

— Обещаю, что верну... — Теплыми пальцами он коснулся ее запястья: — Прости, я даже не знаю твоего имени.

— Клара, — зардевшись, ответила она.

— Обещаю, что верну Клару друзьям в целостности и сохранности, — сказал он Джо.

— Ты мне зубы не заговаривай, — окрысился тот, — не то мы с приятелями мигом вышвырнем тебя на улицу.

— Уверяю тебя, — спокойно продолжил Бруно, — я порядочный человек.

Наконец Джо дернул себя за галстук, пожал ему руку и, пошатываясь, отошел в сторону.

— Потанцуешь со мной, белла Клара? — спросил он.

Клара кивнула, и он притянул ее к себе. Бусины ее платья прижались к его мускулистой груди, а стрелки на его брюках коснулись нежной кожи ее коленей. Элла Фицджералд еще не допела песню про заботливого пастушка, но Кларе вдруг захотелось присесть. У нее подгибались ноги, а внутри все ходило ходуном. В «Коттон-клуб» она танцевала с десятками мужчин; некоторые знали ее отца и надеялись снискать симпатию богатой невесты, другие искренне хотели лучше ее узнать. Но никто не вызывал у нее таких чувств, как Бруно. Она крепче сжала его руку. Может, она перебрала джина? Или так подействовал на нее мускусный запах его одеколona?

— Все хорошо? — забеспокоился он. — Проводить тебя на свежий воздух?

Она покачала головой.

— Все отлично, — ответила она. — От алкоголя немного голова закружилась, вот и все.

— Не бойся, я тебя держу, — заверил он, наклонил голову и коснулся губами ее уха. От его теплого дыхания у нее по телу побежали мурашки. Тут песня закончилась, и он перестал покачиваться, но не выпустил ее из объятий.

— Хочешь пойти со мной и моими друзьями в кафе? — охрипшим голосом спросила она. — Мы всегда пьем кофе после...

— С огромным удовольствием, — согласился Бруно и нежно приподнял ее подбородок. — Но сначала я должен кое-что сделать, — с этими словами он впился в ее губы с такой страстью, что она чуть не вскрикнула.

Клара отпрянула от него, но потом сама прильнула к нему, словно растворяясь в его объятиях. Она больше не слышала ни смеха, ни звона бокалов — только оглушительный стук собственного сердца. Перед глазами поплыли звезды, а внизу живота разлилось приятное тепло. Наконец молодые люди оторвались друг от друга.

— Видишь, — сказал Бруно, — иногда лучше не спрашивать.

Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

Позже, за ужином, они сидели за одним столиком, пили кофе и ели кусок яблочного пирога на двоих. Лиллиан, Джулия и остальные

из их компании громко болтали и смеялись, заняв два стола напротив, но Клара и Бруно их словно не замечали. Он рассказывал ей о своей итальянской семье, о мечте добиться успеха в Америке. Клара, сама себе удивляясь, говорила с ним совершенно откровенно, совсем как с Уильямом. Она рассказала ему о сложных отношениях с родителями и чуть не разревелась, когда упомянула о гибели любимого брата. Бруно потянулся через стол и взял ее за руку. Он сказал, что больше всего мечтает о семье, где все любят друг друга и поддерживают, несмотря ни на что. Она мечтала о том же.

Когда ночь подошла к концу, они все еще не могли оторваться друг от друга. Спустя неделю они уже встречались в его квартире. А через месяц Бруно стал полноправным членом их молодежной компании, и даже Джо, брат Лиллиан, считал, что он «молодчага».

И вот сейчас Клара стоит у резной дубовой двери отцовского кабинета, прислушиваясь к низким раскатам его баритона, громяющего, как замедляющий ход поезд. Мать всхлипывает и жалуется. Они о чем-то сердито спорят. Нет, они не ссорятся. Они говорят о Кларе, недовольные тем, что впервые в жизни она осмелилась их послушаться.

Она, словно защищаясь, положила руку на живот и заморгала, прогоняя слезы. Праздник в честь помолвки должен состояться завтра вечером; фотограф, повар, важные друзья родителей уже выбраны и приглашены. Ричард Гэллагер, папин компаньон, позвал дюжину гостей, желая похвастаться тем, какая невеста досталась его сыну. Приглашения были разосланы десять дней назад, и всего несколько визиток вернулись с отказом. Джеймс Гэллагер, будущий жених Клары, отправил ювелиру кольцо покойной матери с двухкратным бриллиантом, велел присовокупить к нему еще четыре камня. Рут купила Кларе платье и наняла парикмахера, чтобы он уложил ей волосы. Казалось, все устроилось наилучшим образом. Гости думают, что их пригласили на празднование годовщины свадьбы Рут и Генри, но перед ужином им преподнесут сюрприз: новость о помолвке Джеймса и Клары.

Вдруг она почувствовала запах гнилых яиц, исходивший от застоявшейся воды в вазе на вишневом приставном столике. Горло сдавил спазм. Она отошла от двери и зажала рот и нос рукой, едва сдерживая рвоту. Если она еще долго будет стоять в коридоре,

репетируя свою речь, то упадет в обморок. Или ее вырвет. Сейчас или никогда.

Она постучала в дверь кабинета.

— В чем дело? — прогремел отец.

— Это я, — сдавленным голосом ответила Клара. Она тихонько кашлянула и продолжила: — Я, Клара. Можно мне войти?

— Входи! — рявкнул отец.

Клара положила руку на дверную ручку и стала поворачивать ее, но заметила, что второй рукой прикрывает живот. Кровь бросилась ей в лицо, и она опустила руки по швам. Она прекрасно знала, что мать внимательно за ней следит: измеряет взглядом раздавшуюся талию, подмечает разыгравшийся по утрам аппетит, подсчитывает испачканные кровью матерчатые прокладки под раковиной в ванной. Если бы Клара вошла в кабинет, положив руку на живот, она бы сразу поняла, что ее худшие опасения оправдались.

Клара сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Мать сидела на розовой козетке рядом с кирпичным камином, обмахиваясь цветистым веером. Одну ногу она закинула на обитый стул. Каштановые волосы, как обычно, были уложены свободным узлом на затылке в стиле «девушек Гибсона». Клара удивилась, увидев, что ее длинная пышная юбка задралась, обнажив бледные лодыжки над зашнурованными туфлями с острым мыском. Мать говорила, что руки и ноги у приличной женщины всегда должны быть прикрыты, что бы ни случилось. «Наверное, она сильно расстроена», — подумала Клара.

Сложно сказать, в какой момент это началось, но постепенно Клара прониклась презрением к ее викторианским платьям, старомодным прическам, кольцам и брошам-камням. Вычурные манеры и устаревшие выражения матери казались ей лицемерными. Девушку передергивало, когда она слышала в коридоре шелест ее многослойных юбок и стук каблуков.

Рут встала и поправила платье. «Лебединый» корсет подчеркивал тонюсенькую талию. Клара инстинктивно расправила плечи и втянула живот, надеясь, что мать не заметит отсутствие корсета.

Впервые Кларе пришлось его надеть, когда ей было всего шесть лет. Измерив ее талию, мать объявила, что она ужасно толстая и нескладная. По ее словам, если они немедленно не примут меры,

осанке и здоровью Клары будет нанесен непоправимый ущерб. К тому же ни один мужчина, если он в своем уме, не женится на избалованной девице с талией толще семнадцати дюймов. В тот же вечер мать надела на нее тяжелый и жесткий корсет, строго объяснив, что снимать его можно только в случае болезни или перед купанием. Спустя неделю Клара развязала шнуровку посреди ночи, чтобы немного поспать. Утром мать обнаружила корсет рядом с кроватью и рывком вытащила дочь из постели, чтобы хорошенько отшлепать. После этого она целых две недели связывала ей запястья шелковым платком, чтобы она больше не самовольничала. Чем старше становилась Клара, тем туже дюжая горничная затягивала ее корсеты. Когда ей исполнилось восемнадцать, талия достигла желанных семнадцати дюймов, но мать пренебрежительно фыркала, напоминая, что у нее-то всего шестнадцать! Она словно забыла, что Клара на два дюйма ее выше.

Девушка взглянула на мать. Та пришла бы в ужас, если бы обнаружила в шкафу Клары, в чемодане под старым шерстяным костюмом, новомодные украшения, заколки из перьев и платья с бахромой. Рут, словно прочитав ее мысли, фыркнула и отвернулась к окну, поджав губы. Отец поднял брови и, пожеывая сигару, постучал серебряной зажигалкой по столу. Он, как обычно, был одет в деловой костюм в тонкую полоску. Над его верхней губой изгибались густые, как у моржа, усы.

— В чем дело, я спрашиваю? — повторил он.

Клара разжала кулаки и сцепила пальцы на животе, стараясь унять дрожь.

— Можно с тобой поговорить? — робко спросила она.

Мать что-то прошипела и, шурша юбками, подошла к окну. Она отдернула занавеску и притворилась, будто смотрит на улицу.

Отец вытащил сигару изо рта.

— Если про завтрашний вечер, — сказал он, — то тут не о чем говорить. Праздник состоится, как планировалось.

Клара сглотнула. От волнения у нее свело живот.

— Конечно! — согласилась она. — И это правильно! Вы с мамой так давно не отмечали годовщину свадьбы.

Мать тут же отвернулась от окна.

— Ты прекрасно знаешь, зачем мы позвали гостей, — сказала она. — Все это для тебя! И Джеймса! Я впервые за много лет захотела

что-то отпраздновать.

Клара разжала губы, пытаясь изобразить улыбку.

— Я знаю, мама, — сказала она. — Спасибо. Ты так старалась. Но я...

— Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, что такой человек, как Джеймс, хочет на тебе жениться? — воскликнула мать.

«Ну надо же! — подумала Клара. — Ведь у меня столько недостатков и изъянов, что ни один нормальный человек не захочет взять меня в жены. А может, мама, так оно и есть? Джеймс не нормальный человек. Он жестокий и развратный негодяй. Впрочем, тебе плевать, лишь бы сбить меня с рук. Главное, разлучить меня с Бруно».

Клара шагнула к отцовскому столу. Ее щеки разрумянились, а глаза наполнились слезами.

— Отец, — сказала она, — я не хочу выходить замуж. Тем более за Джеймса.

Он встал и вдавил сигарету в пепельницу. Толстые пальцы покраснели от того, с какой силой он это сделал.

— Клара, — заявил он, — мы это уже обсуждали. Мы с твоей матерью считаем...

— А что я считаю, разве не важно? — крикнула Клара. Ее сердце разрывалось на части. — Разве не важно, чего я хочу?

— Ты слишком молода и сама не знаешь, чего хочешь, — отрезал отец.

— Нет, — возразила Клара, глядя ему в глаза, — это не так. Я уже говорила. Я хочу учиться в колледже. — Она надеялась, что эта причина поможет уговорить родителей отменить помолвку. Или хотя бы отложить. Когда-то она собиралась поступить в колледж, чтобы стать секретарем или медсестрой и уйти от родителей. Она хотела сама зарабатывать себе на жизнь. Но теперь Клара мечтала о другом. Впервые в жизни она почувствовала чью-то любовь и заботу и больше всего на свете хотела жить с Бруно, выйти за него замуж. — Лиллиан будет учиться в колледже, — решила она, понимая, что для отца это не убедительный аргумент.

— Да мне плевать, что делают твои подружки! — побагровев, заявил он.

— Мы не собираемся платить кучу денег, которые заработали тяжелым трудом, чтобы сплавить единственную дочь в колледж, где она сможет курить, пить и обжиматься на вечеринках! — завизжала мать.

Клара закатила глаза и насмешливо фыркнула. Скорее всего, мать напугала популярная песенка: «Она не пила, она не курила — она ведь в колледж не ходила!» Ну конечно, что еще от нее ждать!

— Мама, девушки поступают в колледж не для этого, — сказала Клара.

— Все из-за этого мальчишки Бруно! — воскликнула мать. — Это он виноват, тот иммигрант, которого ты притащила на ужин, верно?

Клара покраснела.

— Не знаю, мама. Так вот в чем дело? Вы хотите выдать меня замуж за Джеймса, чтобы я не досталась Бруно?

Она вспомнила тот ужасный вечер, когда он пришел познакомиться с родителями. Образы сменяли друг друга, словно снимки в игровом автомате: вот Бруно, улыбаясь, стоит в дверях; густые темные волосы зализаны назад, руки в карманах взятого напрокат смокинга. Клара поздоровалась с ним и поцеловала в щеку, вдохнув чистый аромат теплой кожи и приятный запах мыла и крема для бритья. Он пришел на пятнадцать минут раньше, потому что Клара предупредила его, что мать ненавидит опоздания.

Клара вытащила его руку из кармана и поправила галстук. Скрывая нервную дрожь, чтобы его не напугать, она велела ему сделать глубокий вдох и не забыть пожать отцу руку, а затем повела через фойе и по коридору в гостиную. Бруно, приоткрыв рот, разглядывал роскошные люстры и картины в рамах. Он был явно удивлен, увидев, в каком большом доме она живет. Она сказала ему, что ее отец работает в банке, чтобы он не оробел, узнав правду: Генри Картрайту принадлежала половина банка «Свифт», самого большого на Манхэттене, с филиалами в пригородах Нью-Йорка и других городах штата. А ее мать Рут была единственной наследницей универсального магазина одежды «Бридж Бразэрс».

Клара распахнула двери цвета слоновой кости, ведущие в гостиную, и жестом пригласила Бруно войти. Родители пили перед ужином чай. Мать сидела у камина, отец — рядом, положив руку на мраморную полку. Когда Клара и Бруно вошли в комнату, он поднял

глаза, крикнул и взглянул на карманные часы. Мать сначала вскочила с сияющей улыбкой, но, увидев дурно сидящий смокинг и стоптанные ботинки Бруно, тут же села на место.

Клара, заскрежетав зубами, подвела Бруно к отцу. Она надеялась, что тот с интересом выслушает историю о том, как молодой человек в одиночку отправился попытать счастья в Америку — страну свободных людей, ведь дедушка сделал то же самое в 1871 году, когда перевез юную невесту из Англии в США. Но отец, словно не замечая протянутую руку, снова посмотрел на часы и объявил, что пора ужинать. Мать замерла с застывшей в воздухе тонкой рукой, словно разрешая Бруно коснуться ее пальцев. Он пожал ей руку и кивнул.

— Рад познакомиться с вами, миссис Картрайт, — сказал он.

Рут слабо улыбнулась, взяла мужа под руку, и они медленно прошествовали в столовую. Клара погладила Бруно по запястью и, закатив глаза, кивнула на родителей. Бруно нахмурился с недоуменным видом, потом набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул. Она беззвучно прошептала: «Я тебя люблю» и поцеловала его в щеку. Он наконец улыбнулся. Они молча расселись вокруг стола — родители в его торцах, они с Бруно друг напротив друга. Чтобы посмотреть на него, ей приходилось выглядывать из-за огромных нелепых ваз с цветами, которые мать зачем-то расставляла по всему дому.

Порой Клара думала: может, она ставит их на стол, чтобы не смотреть на мужа во время обеда? Ведь ее, несомненно, раздражало, что он с хлюпаньем всасывает суп и торопливо жует. Он ел с большим аппетитом и даже жадностью, бросал в рот куски, не закончив жевать, хватал последнюю порцию птицы или рыбы, хотя остальные не успели к ним даже прикоснуться. Отец всегда заканчивал есть первым, и это безумно бесило ее мать. Пожалуй, манеры отца вполне соответствовали его жизненным принципам: он брал то, что хотел, не задумываясь об окружающих, ломился вперед, уверенный в своей безнаказанности. Клара решительно встала и отнесла вазу на комод в дальнем конце столовой. Рут не проронила ни слова и смотрела на нее, открыв рот.

Пока служанка разливала суп, мать упорно разглядывала тарелку. Генри сидел, уставившись на Клару и Бруно, и морщил лоб, оценивая положение. Девушка ерзала на стуле, ожидая, когда отец начнет

разговор. Наконец она поймала его взгляд, но он сделал вид, что старательно раскладывает на коленях салфетку. Обычно Рут приходилось напоминать ему об этом.

Клара взялась за край скатерти и расправила плечи.

— Знаешь, отец, — начала она, стараясь говорить непринужденно, — Бруно проработал в доке всего полгода, но его уже назначили старшим в команде.

Отец что-то проворчал, взял ложку и принялся есть суп.

— Спасибо, что пригласили меня на ужин, — сказал Бруно. — Вы так любезны, что приглашаете в гости друзей вашей дочери.

Клара посмотрела на мать, ожидая ответа. В детстве она постоянно твердила, что о людях судят по их манерам. Она повторяла, что если человек говорит «спасибо» и «пожалуйста» — значит, он хорошо воспитан. Похоже, хорошие манеры имели значение только в том случае, если они подтверждали ее мнение. Мать опустила ложку в суп, не спуская глаз с тарелки, словно ничего интереснее она в жизни не видела. Кровь бросилась Кларе в лицо. Обычно, когда на ужин приходили гости, мать говорила без умолку обо всем на свете: искусство, театр, модные электрические приборы. Она засыпала людей вопросами, и порой это выглядело несколько навязчиво. Даже после гибели Уильяма она старательно разыгрывала роль радушной хозяйки. В конце концов, этого требовали правила приличия.

— Мама, — не выдержала Клара, — ты говорила, что молчать, когда к тебе обращаются, невежливо.

— Ах, — воскликнула Рут, — простите. — Она положила ложку, вытерла рот салфеткой и слегка повернулась на стуле. — Я не сразу поняла, что твой гость обращается ко мне. — Рут посмотрела на Бруно, приподняв брови. — Так что вы сказали, молодой человек?

— Я хотел поблагодарить вас за то, что вы пригласили меня в свой прекрасный дом, — повторил он.

— Всегда пожалуйста, — сухо отозвалась она и, не сказав больше ни слова, взяла ложку и продолжила есть. Каплевидные жемчужные серьги раскачивались у бледных щек.

Кровь закипела в жилах Клары. Вот, значит, как! Стоило им один раз взглянуть на Бруно, и они уже составили о нем мнение. И что же им не понравилось? Его одежда, работа, акцент, загорелая кожа? Клара сцепила руки на коленях, впившись ногтями в ладони.

Она говорила Бруно, что отец будет восхищен тем, как быстро он делает карьеру в морском порту. Она думала, он похвалит его за то, что он скопил достаточно денег, чтобы снимать квартиру. Бруно собирался сделать инвестиции, купить кое-какие акции. Клара утверждала, что отец с удовольствием даст ему совет, поделится опытом и, возможно, укажет благонадежного заемщика. Теперь она бранила себя за глупость. О чем она только думала, когда позвала Бруно домой?

Клара лихорадочно соображала, как быстрее положить конец этой пытке? Она притворилась, будто ест суп, хотя ее тошнило. Что чувствует Бруно? Видит ли он, как она расстроена? Понимает ли он, что она не ожидала от родителей такого, иначе никогда бы его не пригласила? Или он подозревает, что она специально это подстроила? Ее грудь и шея покраснелись, щеки горели. Вдруг отец заговорил:

— Я бы хотел кое-что уточнить, — сказал он, впервые глядя на Бруно. Он замолчал и положил руку на стол, указывая пальцем на гостя. — Как ваша фамилия, кстати?

— Моретти, сэр, — ответил Бруно. — Бруно Моретти. Меня называли в честь покойного отца.

— Хм-м, — протянул отец, задрав подбородок. — А чем он занимался в Италии?

— Он делал обувь. И очень хорошую, сэр.

— Ясно, — бросил он. — Итак, он был сапожником, а вы работаете в доке. Где именно? В порту на Саут-стрит?

— Да, сэр, — ответил Бруно с едва заметной улыбкой.

Клара слегка приободрилась. Она впервые осмелилась глубоко вдохнуть с тех пор, как Бруно появился в дверях ее дома. Они беседуют с отцом. Ну что ж, начало положено.

— И сколько же вы зарабатываете в доке? — спросил он.

— Папа! — не выдержала Клара. — Ты же сам говорил, нельзя спрашивать человека, сколько он зарабатывает.

Отец, нахмурившись, смерил ее взглядом.

— Полагаю, Бруно пришел сюда потому, что желает ухаживать за моей дочерью, — заявил он. — В таком случае, я имею право задавать ему любые вопросы.

— Верно, — с готовностью подтвердил Бруно, глядя на Клару. Затем он снова обратился к отцу: — Я зарабатываю достаточно, чтобы

жить в собственной квартире, мистер Картрайт. Недавно я получил должность старшего в команде.

— Где находится эта квартира? — продолжил расспросы отец.

— На Малберри-стрит, сэр.

— В Маленькой Италии? — спросил отец.

— Да, сэр, — кивнул Бруно.

Отец что-то пробормотал и провел рукой по усам.

— Моя дочь привыкла к роскоши, — заявил он. — Вы и впрямь считаете, что сможете обеспечить ее на зарплату портового грузчика?

— Пожалуй, пока нет, сэр, — согласился Бруно. — Но я упорно работаю и не всегда буду грузчиком...

— Упорно работаете? И кем вы хотите стать? Сапожником, как ваш отец? Видите ли, дочь не может вечно рассчитывать на мою доброту. Вы же не надеетесь, что я буду снабжать вас деньгами?

Клара в ужасе взглянула на Бруно. Сердце стучало в груди, как молот по наковальне. Бруно изменился в лице и опустил глаза, уставившись на стол. Было видно, как кровь пульсирует в жилах на его висках. Но он растерялся всего на секунду. Почти сразу он гордо вскинул подбородок и смело встретил взгляд отца.

— При всем уважении, сэр, ваша дочь рассказывала, что, прежде чем заняться банковским делом, вы зарабатывали на жизнь, продавая обувь. Возможно, те самые туфли, которыми славилась мастерская моего отца. Сальваторе Моретти — слышали о таком?

К удивлению Клары, отец смешался. Он откинулся назад и тихо кашлянул.

— Нет, никогда.

— Возможно, потому, что в вашем магазине имелась только дешевая обувь? — продолжил наступление Бруно. — Туфли моего отца поставлялись в самые роскошные бутики.

Клара закусила губу, чтобы не рассмеяться. Она никогда не видела, чтобы кому-то удалось поставить отца на место. Но ее веселье быстро иссякло — она прекрасно знала, что никто не может безнаказанно подсмеиваться над Генри Картрайтом.

— Раз ваш отец известный производитель обуви, — ответил Картрайт, — то что вы делаете в Америке, почему работаете в порту?

Бруно сжал губы и покраснел. Наконец он кашлянул и сказал:

— Отец в прошлом году умер. Дело перешло в руки моего дяди и старшего брата. К сожалению, правы те, кто не советует работать с родственниками. Мы с братом не очень-то ладили. Чтобы не ссориться, я решил уехать. Кроме того, я всегда мечтал жить в Америке. Я поселился здесь, чтобы испытать себя и доказать, что я на что-то способен. Я знаю, у меня все получится, потому что упорства и решительности мне не занимать. В этом я похож на отца.

Генри откинулся в кресле, скрестив руки на широкой груди.

— Понятно, — заметил он. — Полагаю, вам следовало сначала добиться успеха, а затем уж приходить сюда и рассказывать об этом. Потому что, если честно, я пока не в восторге.

Клара бросила ложку в тарелку, и тяжелое серебро звякнуло о золотистый край фарфоровой тарелки. Она резко отодвинула стул и встала.

— Прости, Бруно, — сказала она, — прости, что заставила тебя прийти в наш дом. Я даже не думала, что у меня такие косные родители. Иначе я бы никогда не стала вас знакомить. Лучше бы мы поужинали у тебя в квартире, как обычно по пятницам.

Услышав это, мать ахнула. Кровь отлила от ее лица. Она прижала руку к горлу, и ее губы запрыгали, как полудохлая рыба.

— Ничего страшного, — успокоил ее Бруно. — Я понимаю, твой отец беспокоится...

— Нет, — отрезала Клара. — Нечего тут понимать. Пойдем, пожалуйста.

Бруно встал со стула. Клара обошла вокруг стола, чтобы взять его за руку, и, не оглядываясь, повела его прочь из столовой. Отец кричал им в спину и сыпал проклятиями, приказывая немедленно вернуться на место. Клара сделала вид, что не слышит.

Это случилось месяц назад. А три дня спустя после того злополучного ужина родители велели ей готовиться к свадьбе с Джеймсом. Ее посадили под домашний арест. Она не знала, навещал ли ее Бруно, потому что ей не разрешали открывать дверь и отвечать на телефонные звонки. Прислуге запретили сообщать ей, кто приходил или звонил.

Теперь, в кабинете, мать строго воззрилась на нее.

— Ты обязана относиться ко мне с почтением, — потребовала она. — Я забочусь только о твоей пользе. Я хочу, чтобы ты вышла

замуж за Джеймса, потому что он хороший человек.

— Неправда! Он...

— Он позаботится о тебе. Ты будешь сыта, обута и одета, ты будешь жить в красивом доме! — воскликнула мать. — Он обеспечит тебе достаток, к которому ты привыкла.

— Наверное, это покажется тебе невероятным, — с трудом скрывая отвращение, ответила Клара, — но не все выходят замуж из-за денег. Некоторые делают это по любви.

— Не смей разговаривать с матерью в таком тоне! — крикнул отец, трясая брылями.

Слишком поздно! У нее в голове словно что-то щелкнуло. Решив высказаться начистоту, она не могла остановиться, видимо, гнев и разочарование, которые годами кипели в ее душе, вдруг выплеснулись наружу.

— Тебя же больше ничего не волнует! — воскликнула она, обращаясь к матери. — Главное, чтобы у тебя были побрякушки и красивый дом, а не дружная и счастливая семья.

— Это неправда! — с обиженным видом заявила мать. — Как ты можешь говорить такое, ты же знаешь, какие испытания выпали на мою долю! Ты злая, бессердечная девчонка! Твой брат никогда бы так не сказал! Неудивительно, что он ушел из дома. Он не хотел иметь с тобой ничего общего.

— Он ушел не из-за меня! — возразила Клара. — Он ушел, потому что отец его уволил, а ты за него не заступилась. Знаешь, иногда мне кажется, ты бы переступила через тело умершего сына, чтобы поднять доллар на улице.

Отец, сжав кулаки, с трудом протиснулся вдоль стола.

— Немедленно извинитесь, юная леди! — прорычал он. У него тряслись губы. — Свадьба с Джеймсом назначена на сентябрь. И все на этом! Хватит спорить!

Но у нее внутри что-то изменилось окончательно и бесповоротно, будто кто-то захлопнул тяжелую дверь. Долгие годы она не возражала против того, что родители полностью контролируют ее жизнь, начиная с одежды, которую ей следует носить, и заканчивая предметами, которые она должна изучать в школе. Мать велела горничной еженедельно обыскивать комнату Клары, чтобы убедиться, что она не прячет сигареты или алкоголь. Отец изъясил из библиотеки

«непристойные» книги и запретил учиться играть на пианино, потому что это «неприлично». Он решал, на что она потратит карманные деньги, он возвращал в магазин платья, которые ему не понравились. Возможно, это материнский инстинкт дал о себе знать, но Клара твердо решила, что больше не станет с этим мириться.

— Почему? — крикнула она. — Почему вам не терпится сбить меня с рук? Потому что родители Джеймса богаты и вам больше не придется меня содержать? Или это ради бизнеса? Ты хочешь, чтобы его отец стал твоим партнером?

Генри схватил ее за плечи и потряс, впившись в кожу жирными пальцами.

— Какое ты имеешь право разевать рот? — проорал он, сверкая глазами от ярости.

Клара почувствовала, что он с трудом удерживается от того, чтобы не швырнуть ее через всю комнату. Она гневно взглянула на мать.

— Как ты можешь спокойно на это смотреть? — спросила девушка. — Муж тебе дороже, чем дети? Я знаю, как он поступил с Уильямом. Он избил собственного сына! А ты даже не вмешалась!

— Не надо приплетать сюда Уильяма! — взвизгнула мать.

— Почему? — не сдавалась Клара. — Отец его буквально растоптал. А теперь он сделает это со мной?

Мать приложила ко лбу тонкую руку и без сил уселась на козетку. Отец отпустил Клару, подбежал к жене и встал рядом с ней на колени.

— Посмотри, что ты наделала! — он в бешенстве взглянул на дочь. — Из-за тебя мать плачет!

Клара смотрела на родителей, чувствуя, как в груди разгорается годами копившийся гнев.

— Уильям так старался, — сказала она. — Он несколько лет работал на тебя днем и ночью. Он забыл обо всем, лишь бы добиться успеха. Но тебе этого было мало! Ты ни разу его не похвалил, чтобы он не получил то, что полагалось ему по праву!

Услышав это, отец встал, промаршировал по комнате в ее сторону и дал ей пощечину. Она качнулась, но удержалась на ногах и, прижав руку к горячей щеке, заморгала, чтобы не заплакать.

— В чем он провинился? — возмущенно спросила она. — Что он такого ужасного сделал, что ты перестал его любить?

— Имей в виду, — прорычал отец, — еще одно слово, и я...

— Ну да, конечно! — слезы покатались у нее по щекам. — Ты относился к нему хуже, чем к рабу, и все деньги забирал себе. Наконец он потерял терпение и решился постоять за себя. Ты не смог этого стерпеть и выгнал его из дома. — Клара разъяренно посмотрела на мать. — И ты ему не помешала! Ты даже не спросила Уильяма, что произошло. Тебя не интересовало, есть ли ему где жить и что есть!

— Сейчас же замолчи, слышишь? — проревел отец. — Или ты пожалеешь!

— Я ни о чем не жалею, — ответила Клара, — лишь о том, что раньше не поняла, что ты за человек.

Отец бросился к столу, поднял трубку телефона и набрал номер. Ожидая ответа, он смотрел на плачущую жену. Его лицо побагровело, обвислые щеки дрожали, на его вспотевшем лбу отражался свет люстры. Клара повернулась, чтобы уйти. Если она это сделает, то останется без денег. Если не сделает — окажется в ловушке. Другого выхода нет. Она взялась за ручку двери.

— Алло, лейтенант? — произнес в трубку отец. — Это Генри Картрайт. Пожалуйста, пришлите к нам кого-нибудь. Сейчас же. Происходит что-то странное. — Клара замерла у двери, чтобы узнать, что будет дальше. — Моя дочь Клара... похоже, она не в себе.

Клара дернула на себя дверь и выбежала из комнаты.

ГЛАВА 3

ИЗЗИ

Школа Лейкшор

Просунув большой палец под толстую лямку, Иззи накинула рюкзак на плечо. Где же нужный ей класс? Подростки толпились в коридорах, проносились мимо к своим шкафчикам, слушали музыку в наушниках, смеялись, болтали с друзьями. В школе, как обычно, пахло потом, жвачкой и карандашной стружкой. Раньше ей не приходилось бывать в таких школах, как Лейкшор. В ней учились с девятого по двенадцатый класс, и всего здесь было семьсот шестьдесят пять человек. Что ждет ее в Лейкшоре? Сложнее или легче освоиться в маленькой школе?

Утром она надела черную рубашку с длинными рукавами, джинсовые шорты и кеды. Почти все девчонки носили рваные джинсы с туфлями на каблуках или мини-юбки и грубые ботинки. Иззи растерянно посмотрела на документы, которые держала в руках. Кому их отдать — учителю или медсестре? Наверное, бумажки с фамилиями и телефонами опекунов понадобятся медсестре. А с расписанием занятий как быть? Отнести учителю или оставить себе? Она уже забыла, что нужно делать.

Наконец она увидела на двери табличку с фамилией учителя и направилась к ней, стараясь никого не задеть. Вдруг кто-то закричал, и два парня стали пробиваться через толпу: один был в футболке с рок-группой, другой, рыжий, с брекетами на зубах. Рыжий налетел на нее, чуть не опрокинув на шкафчики. Она завертелась вокруг своей оси и уронила бумаги. Волосы упали ей на глаза, а рюкзак слетел с плеча. Парень заржал, извинился и убежал. Она отбросила волосы со лба и стала шарить по кафельному полу, поднимая с него документы, которые мялись и рвались под чужими кроссовками, сандалиями и ботинками.

Наконец ей удалось прорваться через толпу. Иззи опустилась на колени и начала выхватывать бумаги из-под чужих быстрых ног, надеясь, что на нее не наступят. Она потянулась за последним листом,

но не успела — кто-то его схватил. Иззи вскочила на ноги, чтобы пуститься вдогонку за вором.

— Эй! — крикнула она.

— Я просто хотел помочь, — сказал парень, протягивая ей лист. У него были голубые глаза — такие светлые, что казались серебристыми, и волосы цвета воронового крыла.

— Спасибо, — смутилась Иззи.

— Не за что, — с улыбкой ответил он, продолжая сжимать руку своей подружки, которая и не думала останавливаться.

Наконец она оглянулась, чтобы посмотреть, что он делает, и хихикнула. У нее были длинные светлые волосы и стройные загорелые ноги. Она была такой хорошенькой, уверенной в себе и жизнерадостной... Ей, Иззи, нипочем такой не стать. Девушка без особого интереса взглянула на нее и нетерпеливо дернула парня за руку. Он пожал плечами и, последовав за своей спутницей, растворился в толпе.

Иззи осторожно, чтобы не размазать чернила, пригладила скомканные листы, вытащила нужный документ, а остальные спрятала в рюкзак. Она вошла в классную комнату вместе с другими учениками. У стен стояли чучела животных: бобер, кролики, лиса, ондатра, ворона, фазан. На полках поверх окон выстроились банки с эмбрионами свиньи. В комнате едва уловимо пахло формальдегидом. Мистер Хадсон читал за своим столом книгу, а ученики болтали и смеялись, сидя на партах и перевернутых задом наперед стульях. Дальние ряды занимали ребята с черными волосами и в черной одежде. У всех были проколоты носы и уши. Парни, которые налетели на Иззи, бросали из окна шарики с водой. Спортсмены и девицы из команды поддержки, прижимаясь друг к другу, сидели поодаль.

Иззи, сжав зубы, направилась к учительскому столу. Живот урчал от волнения. Что она так разнервничалась? Она уже не раз была новенькой. Четыре раза, если точнее. Когда маму посадили в тюрьму, она переехала в другой город, к бабушке, и начала ходить в тамошнюю школу. Три года спустя бабушка умерла, и ее отдали опекунам. В пятый класс она пошла в новую школу. Через два года новая «мать» попала в больницу после пьяной ссоры с «отцом». Вечером Иззи перевезли в другую семью, а утром она пошла в седьмой класс очередной школы. Прошло два года, и ее опекуны переехали в другой

штат, а Иззи перед поступлением в девятый класс опять отдали новой семье. На этот раз проблемы с алкоголем были у матери. Три года Иззи выбивалась из сил, приглядывая за двумя другими детьми: семилетним мальчиком, родным сыном алкоголички, и десятилетней девочкой, которая тоже была сиротой, как она. Когда «мама» напивалась до бесчувствия, Иззи готовила еду и следила за тем, чтобы у детей была чистая одежда для школы. За день до выпускного ее опекуна на мини-вэне въехала в озеро и утонула. Через неделю Иззи перевели к Пег и Гарри. В общем, она знала, что делать, если ты новенькая.

Но сейчас все не так, как раньше. Найти друзей будет сложнее, потому что эти ребята учатся вместе уже несколько лет. В старой школе никто не знал своих одноклассников. Здесь все по-другому. Быть новенькой в выпускном классе — все равно что вломиться на вечеринку без приглашения.

В общем, она стояла у стола с документами в руках, ожидая, когда мистер Хадсон поднимет на нее глаза. Спиной она чувствовала любопытные взгляды одноклассников. Они таращились на нее. Учитель продолжал читать книгу, не обращая на Иззи внимания. Постепенно смех и болтовня стихли.

— Ого, классный рюкзак! — раздался мужской голос. — Ты что, в поход собралась?

Все загоготали. Она вздрогнула. Разве у нее плохой рюкзак? Иззи кашлянула, чтобы привлечь внимание учителя. Тут кто-то кинул в нее презерватив. Он отскочил от головы и упал на пол. Иззи оглянулась на одноклассников. Стайка девчонок захихикала и отвернулась. Одна из них — подружка мальчика-ворона, который пристально смотрел на нее. Что отражалось в его глазах — презрение или жалость? Непонятно. Иззи положила документы на стол, подняла с пола упаковку с презервативом и протянула ее учителю. Тот наконец поднял глаза.

— Это вам, наверное, — сказала Иззи.

Все засмеялись.

— Что за шутки? — спросил мистер Хадсон, наморщив лоб.

— Не знаю, — ответила Иззи. — Я хотела отдать документы. Кто-то бросил его вам, а попал в меня.

Мистер Хадсон взял презерватив, бросил его в корзину и встал из-за стола.

— Ну ладно, ребята, — сказал он. — Успокойтесь и садитесь на свои места.

Он забрал у Иззи документы, просмотрел их и объявил:

— С вами будет учиться Изабелла Стоун. Прошу любить и жаловать. — Затем взглянул на Иззи: — Выбирайте себе место.

Иззи окинула взглядом класс. Где бы ей сесть? Осталась одна пустая парта в дальнем углу. Она сняла с плеча рюкзак, намереваясь пройти с краю, а не по центральному проходу между партами. Тут она поняла, что придется пройти рядом с мальчиком-вороном и его девушкой, и чуть не повернула обратно. Но это же бред! Иззи пошла вперед. На полпути она миновала сладкую парочку, но незнакомый парень поставил на подоконник ногу, загородив ей дорогу.

— Можно пройти? — натужно улыбнувшись, спросила она.

— Как тебя зовут, повтори? — спросил парень. Он был довольно симпатичным: чистая кожа, густая блондинистая челка, падающая на глаза.

— Изабелла, — дружелюбно повторила она. — Но друзья зовут меня Иззи.

— Иззи? — удивился парень. — Как Иззи Поп, типа?

— Нет, — возразила Иззи. — Его зовут Игги Поп.

— Мистер Андерсон! — прогремел учитель. — Так вы решили начать новый учебный год?

— Я просто хотел познакомиться, — загундосил парень, — вы же сами велели оказать Иззи Попу радушный прием.

В классе раздался хохот. У Иззи зачесались шея и грудь.

— Люк, хватит тупить, — сказал кто-то позади нее.

Иззи повернулась, чтобы поглядеть, кто за нее заступился. Это был мальчик-ворон.

— Пусти ее, — велел он Люку.

Девушка мальчика-ворона с недовольным видом хлопнула его по плечу, но он не обратил на нее внимания.

Люк убрал ногу и подмигнул Иззи.

— Если хочешь, покажу, что здесь и как, — предложил он, ухмыльнувшись. — Всегда рад помочь.

«Ну что ж, пока все идет неплохо, — подумала она, усаживаясь на свое место. — А ведь прошло не больше пяти минут!»

На перемене она узнала, что мальчика-ворона зовут Итан Блэк, а его девушку — Шэннон Маккензи. Иззи наблюдала за одноклассниками, пока мистер Хадсон рассказывал о сборе денег, организации выпускного и школьных выборах. Соседка Шэннон — ее звали Кристал — оглянулась на Иззи, а потом что-то сказала на ухо подружке. Обе повернулись к ней и засмеялись. Другая девушка — кажется, ее звали Николь — вопросительно посмотрела на Шэннон. Та ей что-то прошептала, и они втроем, оскалив зубы, уставились на Иззи, словно она их чем-то рассмешила.

Иззи вонзила ногти в ладони, чтобы не показать им средний палец. В каждой школе есть такие девицы, которые измываются над одноклассниками. Дураку ясно, кто в ее классе глумится над остальными. Лучше не обращать на них внимания. Хоть бы они не развели, что ее мать сидит в тюрьме особого режима за то, что пристрелила отца. Но класс такой маленький — скрыть тайну будет непросто. Она вдруг вспомнила, как две девчонки в старой школе обзывали ее «психичкой». «Эй, у тебя пистолет остался?» — кричали они. Она кусала губы до крови, чтобы не выцарапать им глаза. Она и сейчас чувствовала во рту ее медный привкус.

Иззи потянула рукава вниз. К счастью, шрамы уже посветлели. Она поклялась, что больше ни за что не станет себя уродовать. Месяц назад она выбросила лезвия и теперь не станет нарушать обещание из-за каких-то идиотов.

Первый раз она сделала это ночью, после того как умерла бабушка. Она пошла в ванную, достала из аптечки стеклянного человечка, черноволосого брадоброя в синей рубашке, в котором хранились бритвенные лезвия покойного дедушки, вытряхнула одно, села на унитаз и сделала надрез на руке — сантиметра два-три. И тут же упала в обморок. Спустя несколько минут она очнулась на полу и зажала рану рукой, не осмеливаясь на нее взглянуть. Тогда-то она и узнала, что телесные страдания заставляют забыть о душевных, пусть и ненадолго, и что от вида собственной крови она теряет сознание. Прошло семь лет, и за это время она много раз наносила себе раны, чтобы заглушить гнев, разочарование и боль. Она научилась делать это не глядя.

Переехав к Пег и Гарри, Иззи поняла: резать себя — это безумие. А ей меньше всего хотелось съехать с катушек, как ее мать. Сойти с

ума — что может быть страшнее? Надо держать себя в руках. Постараться не злиться, тогда она не сорвется.

Она обратила внимание на девушку в переднем ряду. Ее блестящие черные волосы закрывали спину, как плащ-накидка. Она что-то писала в блокноте, не обращая внимания на гвалт и гомон, лишь изредка, без особого интереса взглядывала на одноклассников. Этот тип ей тоже был знаком. Наверняка встречается с парнем из колледжа и плевать хотела на детские разборки одноклассников. Или она главная в компании этих противных девиц.

Наконец прозвенел звонок, все повыскакивали из-за парт и побежали в другой класс. Рюкзаков, кроме нее, ни у кого не было. Иззи медленно собирала учебники. Она хотела выйти из класса последней. Когда она подошла к двери, учитель ее окликнул. Она обернулась.

— Да, мистер Хадсон?

— Ты дала мне не тот документ. Этот нужно отнести медсестре.

— Ой! — Иззи подошла к его столу, взяла бумаги и стала рыться в рюкзаке, чтобы найти нужную бумажку. — Простите.

— Послушай, — продолжил мистер Хадсон, — школа у нас маленькая. Ребята учатся вместе с седьмого класса. Новых учеников уже два года не было.

— Ясно, — ответила Иззи, пожав плечами.

— Если тебя начнут травить, просто не обращай внимания.

«Тебе-то легко говорить», — подумала она, но вслух сказала:

— Хорошо. Спасибо.

Иззи вышла из класса. Когда она стояла у шкафчика, к ней подошла девушка с черными волосами.

— Привет, — сказала она. — Добро пожаловать в ад. Как тебе у нас?

— Нормально, — ответила Иззи, бросив пустой рюкзак в шкафчик.

— Здесь никто с рюкзаком не ходит, — заметила девушка. — Школа такая маленькая, что на переменах все бегают за учебниками к шкафчикам.

— Понятно, — сказала Иззи. Девушка слегка шепелявила, но в остальном ничем не отличалась от компании противных девиц — у нее была идеальная фигура, макияж и одежда. Что ей надо, зачем она с ней заговорила?

— Меня зовут Александра, — представилась девушка. — Или просто Алекс.

Иззи закрыла шкафчик и, прижимая к груди учебник математики, ответила:

— А меня Изабелла. Или просто Иззи.

— Красивое имя, — улыбнулась Алекс. — Тебе идет. Слушай, эта Шэннон и ее подруги вечно воду мутят. Лучше не обращать на них внимания и не связываться.

— Мне об этом сегодня уже говорили.

— Неудивительно, ведь это правда, — сказала Алекс.

Иззи пожала плечами.

— Честно говоря, они меня не волнуют. Какое мне до них дело?

Алекс улыбнулась.

— Ладно. Потом не говори, что я тебя не предупреждала. Вряд ли ты сталкивалась с такими, как Шэннон.

— Почему я должна ее бояться? — удивилась Иззи. — Я же первый день сегодня.

— Ее парень за тебя вступился, — нахмурившись, объяснила Алекс. — Это раз.

— А я здесь при чем?

— Ни при чем. Но у нас в классе училась девочка, которая, по мнению Шэннон, заигрывала с Итаном. Ей пришлось перевестись в другую школу.

— Тебе она не нравится?

Алекс на мгновение отвела глаза и слегка помедлила с ответом. Но это едва заметное движение, крошечная пауза навели Иззи на мысль о том, что она, возможно, говорит неправду. А если Алекс — шпионка, которую подслала Шэннон? Вдруг она приказала ей подружиться с Иззи, чтобы передавать ей все, чем она поделилась?

— Мы когда-то дружили, — ответила Алекс. — Но это было давно.

— А потом что случилось? — поинтересовалась Иззи. Вопрос бестактный, ну и ладно. Главное — не попасть в ловушку.

— Давай потом пообщаемся? — предложила Алекс. — Если хочешь, могу подвезти тебя домой. У меня «бэха». Старье, конечно, но я сама ее купила. Главное, что на ходу.

Иззи вонзила ногти в обложку учебника. Что же делать?

— Я лучше на автобусе, — сказала она. — Опекунуны не разрешают садиться в машину к тем, кого я не знаю.

— А если я к тебе домой приеду? — предложила Алекс. — Познакомишь меня с опекунами. Потом можем вместе погулять.

Иzzi чуть не согласилась, но Алекс вдруг отвела взгляд и уставилась в коридор. Выражение ее лица изменилось: рядом с ними, в облаке духов и других парфюмерных запахов, стояла Шэннон со товарищи. Она с горящими глазами смотрела на Алекс, словно ей не терпелось поделиться отличной новостью.

— Ты придешь сегодня? — спросила она. — Родители Дэйва уехали во Флориду, а его холодильник набит пивом!

Алекс поморщилась. Она хотела что-то ответить, но Шэннон сделала вид, что только сейчас заметила Иззи.

— О! — Она оглянулась на подружек и улыбнулась Иззи: — Ты тоже приходи, я тебя со всеми познакомлю.

— Я... — заговорила Иззи.

— Не забудь, ты обещала принести текилу! — перебила ее Шэннон, глядя на Алекс.

Та не успела ничего ответить, потому что Шэннон и ее подружки с хохотом помчались прочь по коридору. Иззи недоуменно посмотрела на Алекс.

— Она поняла, что я говорю о ней, и специально подошла, чтобы ты подумала, что дело нечисто, — объяснила Алекс.

— Ясно, — ответила Иззи. — Ну мне пора. — Она обошла Алекс и направилась по коридору. Похоже, ей предстоит непростой год. — Еще увидимся!

ГЛАВА 4

КЛАРА

Психоневрологическая лечебница Лонг-Айленд, 1 января 1930 года

Два с половиной месяца спустя после ссоры с родителями Клара стояла у узкого шестисекционного окна на третьем этаже Нортонкоттеджа и разглядывала территорию лечебницы. Наступило утро нового года, и серые мрачные облака загородили низкое зимнее небо. Ночью дул сильный ветер, поднялась метель, и все вокруг стало белым. Кедровые деревья поникли под грузом тяжелого снега, а вода в бегущем ручье стала такого же цвета, как могильные камни. Сгорбленный уборщик подметал дорожки. Он сгребал мокрый снег в кучи, которые поднимались все выше и выше, и его красная шапка прыгала вверх-вниз. Низкий черный грузовик убирал широкий проезд. Лопасты поднимались и опускались, словно крылышки гигантской осы; через тонкое вибрирующее стекло были слышны грохот мотора и скрежет металла. Ветер наконец стих, но спустя несколько минут небеса вновь разверзлись, внезапно обрушив на землю рой пухлых снежинок.

Клара, смахивая слезы, думала о том, где она встретит следующий Новый год. Она мечтала избавиться от родительского гнета, жить с Бруно и вместе с ним растить ребенка. Но сначала нужно выбраться из лечебницы. Надо убедить доктора Торна, что ее незачем держать взаперти. Хотя до сих пор ей это не удалось. Слова ее отца значили для него гораздо больше, чем ее объяснения.

Что ж, хорошо, что хотя бы утреннюю прогулку отменили. Ей не очень-то хотелось выходить на стылую улицу, на снег и холод. К тому же она все утро просидела в уборной, потому что ее сильно тошнило. После первого утреннего приступа она совсем выбилась из сил и дрожала всем телом. Клара провела рукой по животу. Она была готова на все, чтобы защитить ребенка, который находился в ее чреве. К счастью, глядя на девушку, никто бы не догадался, что она беременна, но она чувствовала твердый комочек под пупком. У нее родится девочка, это точно. Каждую ночь, уже больше недели, ей снился младенец в розовом кружевном платице. У ее доченьки будут темные

кудряшки, как у Бруно, и такие же темно-шоколадные глаза. Она сглотнула возникший в горле комок. Поразительно, как сильно она ее любит, хотя ни разу не видела!

Клара задумалась о своей матери, Рут. Интересно, забеременев первым ребенком, прикрывала ли она рукой растущий живот, обещала ли всю жизнь любить и защищать его, несмотря ни на что? Или злилась оттого, что живот мешает ей надевать любимые наряды? Предвкушала ли она тот день, когда новорожденный появится на свет и она сможет взять его на руки и поцеловать в крошечный, чудесно пахнущий лобик, или мечтала побыстрее разродиться и сплавить ребенка няне, чтобы вернуться к обычной жизни? Похоже — второе. Иначе как любящая мать смогла превратиться в эгоистку, которой нет ни малейшего дела до того, что ее дети страдают?

Клара постаралась прогнать мысли о матери. Какой смысл пытаться понять, что за человек женщина, благодаря которой она появилась на свет божий? Ничего это не даст. Она отвернулась от окна, села на узкую кровать, кутаясь в свитер, и посмотрела на запечатанный конверт на столе. Отец прислал письмо — второе с тех пор, как ее больше двух месяцев назад доставили в лечебницу. А она-то писала ему каждый день, умоляя об освобождении. Конверт цвета слоновой кости лежал на этом месте, когда она час назад вернулась в палату после завтрака. Она раз двадцать брала его в руки, проводила большим пальцем по заклеенному шву, но возвращала обратно.

В первом письме, которое пришло спустя неделю после того, как ее доставили сюда, говорилось, что пребывание в лечебнице пойдет ей на пользу. Это временная мера, врачи ей помогут. Но неделя шла за неделей, и Клара начала волноваться, что отец передумал, и она останется здесь дольше, чем планировалось. Ее будущее зависело от того, что содержалось в отцовском письме, и Клара тянула время, не вскрывая его, чтобы не расставаться с надеждой получить разрешение родителей вернуться домой. Если Джеймс узнает, что она беременна от другого мужчины, он откажется на ней жениться. Родители отрекутся от нее и выгонят на улицу. Не важно. Это не страшно. Намного страшнее — быть запертой в дурдоме, даже если это самый комфортный дурдом, в который можно попасть за деньги.

Комнаты в лечебнице были теплыми и удобными, на территории тщательно поддерживали порядок. Персонал по большей части был

весьма любезен. Пациенты ели из дорогого фарфора и пользовались серебряными столовыми приборами, отдыхали в гостиных на шелковых диванах в стиле Людовика XV. Специалисты полагались на исцеляющее действие отдыха, расслабления, вкусной еды, спортивных игр вроде езды на велосипеде и лаун-тенниса, ну и, разумеется, бесед с лечащим врачом. Однако уйти она отсюда не могла, это несомненно. Познакомившись с врачом на следующий день после прибытия, она поинтересовалась, что ее ждет, если она попытается покинуть лечебницу.

— Отчего же вы хотите нас покинуть? — спросил он, глядя на нее поверх круглых очков. Он был худым, как гончая. Огромный кадык на его шее ходил вверх-вниз, словно рыба в клюве пеликана.

— Мне здесь нечего делать, — удивилась его вопросу Клара. — Я же здорова.

— Понятно, — кивнул доктор Торн и нацарапал что-то в блокноте. — А почему, по-вашему, вы оказались в нашей лечебнице?

Клара сидела на деревянном стуле, скрестив лодыжки и сложив руки на коленях. Она впиалась ногтями в кожу, но спокойно проговорила:

— Отец не привык к тому, чтобы я выражала свое мнение. Он считает, что женщины не имеют права голоса. Он пытается заставить меня замолчать, доказать, что у него есть надо мной власть. Он хочет принудить меня сделать то, чего я не хочу.

— Разве отец не должен заботиться о своих детях?

— Да, верно, — согласилась она. — Но разве он заботится обо мне? Он хочет, чтобы я вышла замуж за мерзкого, отвратительного... — Клара запнулась, ощутив приступ тошноты. Не сболтнула ли она лишнего? — А что отец говорил обо мне? Почему он отправил меня сюда?

— По его словам, у вас был приступ. Он беспокоится, что ваш разум помутился.

— Какой бред! — возмутилась девушка. — Он просто не хочет признавать правду.

— Какую правду, Клара?

— Правда в том, что моим родителям деньги и статус важнее, чем родные дети.

— Похоже, вы сильно злитесь на него за то, что он отправил вас сюда.

Клара вскинула голову.

— Само собой, я очень зла! — воскликнула она. — А вы бы не разозлились на моем месте?

Доктор Торн кивнул и опять что-то записал в блокноте. Затем, не поднимая глаз, он задал следующий вопрос:

— Вы полагаете, отец против вас что-то замышляет?

Клара застыла.

— Нет, — ответила она, качая головой. — Это слишком серьезное обвинение. Я думаю, он решил сослать меня сюда, чтобы преподать урок. Ему не нравится человек, которого я люблю. Он верит, что, когда я вернусь домой, послушно сделаю все, что он скажет.

Доктор Торн отложил ручку. Он снял очки, потер глаза, потом сложил руки на столе и пристально посмотрел на Клару, наблюдая за ее реакцией.

— Иногда, — тихо сказал он, — когда нам грустно или тревожно, у нас появляются навязчивые идеи. Ваш отец утверждает, вы обвинили его в том, что он убил вашего брата.

— Неправда! — крикнула она. — Мой брат совершил самоубийство, потому что жизнь потеряла для него смысл. Отец буквально растоптал его, а мать за него не заступилась.

— То есть вы считаете, что родители виноваты в его смерти?

— Они могли поступить по-другому, — ответила Клара, — но пошли на крайние меры, как обычно. Вместо того чтобы обсудить с ним возникшие проблемы, они просто от него избавились!

— И вы считаете, что теперь они хотят избавиться от вас.

— Я вовсе не... — Клара замолчала. Сердце от волнения забилось часто-часто. Она вдруг поняла, что ее слова можно переиначить и обернуть против нее.

— Что-то не так? — спросил доктор Торн, приподняв брови.

Она покачала головой.

— Так что вы говорили? Вы не закончите свою мысль?

Она посмотрела на свои руки. Глаза наполнились слезами.

— Вы меня не слушаете, — сказала она. — Вы слышите только то, что хотите слышать. Вы искажаете смысл моих слов, чтобы они звучали так, будто у меня не все дома.

— Похоже, вы склонны подозревать людей, — заявил он. — Вы подозреваете родителей, мужчину, за которого они хотят выдать вас замуж. Даже меня.

— А что бы вы сделали на моем месте? Если бы вы были здоровы, разве вы бы не попытались объяснить и потребовать, чтобы вам вернули свободу?

Доктор Торн закрыл блокнот и снова надел очки.

— Пациенты нашей лечебницы покидают ее только с моего согласия. Или по просьбе родственников, в данном случае, вашего отца.

— Что же произойдет, если я сложу вещи в чемодан и покину здание? Если я пройду по дорожке и выйду за ворота?

Доктор Торн улыбнулся и засопел, словно едва сдерживая смех.

— Вы, конечно, можете попробовать, — сказал он, — но лечебница расположена на участке площадью в четырнадцать акров, и до ворот путь неблизкий. Вы не сможете далеко уйти, мы вас поймем. Кроме того, ворота закрыты. Я видел чемодан, который вы привезли с собой. Думаю, вы с трудом вытащите его из своей комнаты, не говоря уже о том, чтобы спуститься с ним по лестнице и пройти через территорию.

Клару бросило в жар. Она хотела сказать ему, что ей плевать на чемодан. Если понадобится, она уйдет без него. Но она быстро осеклась, догадавшись, что он может истолковать ее гнев по-своему, как симптом «болезненного состояния».

Она совершила ошибку в тот день, когда поссорилась с отцом, потому что бросилась собирать чемодан и потеряла драгоценное время. Лучше бы она выбежала из кабинета, схватила пальто и как можно быстрее ушла из дома. Надо было спасаться бегством, как только она услышала, что отец велит помощнику привезти врача. А она направилась в свою комнату и начала упаковывать вещи, не подумав о том, что ей придется самой тащить огромный чемодан вниз по лестнице, ведь никто не позвонит дворецкому или водителю, чтобы они помогли ей донести багаж до машины. Она же навсегда уходит из дома, а не отправляется в очередное путешествие! Но в тот момент Клара так растерялась, что ее разум и впрямь помутился. Она думала только о том, что нужно взять как можно больше вещей, ведь, когда

она уйдет, единственное, что у нее останется своего, — это одежда в чемодане и платье, в которое она была одета.

Сейчас она ругала себя за глупость. Она знала, что полицейские придут с минуты на минуту, потому что мать уже не раз звонила им раньше — когда не могла найти жемчужное ожерелье, когда из гостиной пропали подсвечники и когда исчез ее любимый английский чайный сервиз. Полицейские быстро приезжали и спокойно задавали вопросы, а мать расхаживала по комнате и истерично завывала, утверждая, что среди слуг завелся вор. Горничных, дворецких и водителей, как подозреваемых преступников, выстраивали в ряд, чтобы подвергнуть допросу. И в конце концов полицейским удавалось найти логическое объяснение пропажам: оказывалось, что жемчужное ожерелье завалилось за туалетный столик, подсвечники положили в кладовую, чтобы почистить, а чайный сервиз поставили в другой шкаф. Убедившись, что ее драгоценные вещи никуда не делись, Рут благодарила полицейских за то, что они не заставили себя ждать. А Клара тем временем извинялась перед прислугой.

Если бы она вспомнила, с какой скоростью полицейские оказывались у их дома, и не стала, подобно матери, переживать о своих пожитках, у нее был бы шанс улизнуть. Но она сама отрезала себе путь к спасению: когда чемодан уже доверху был набит одеждой, в дверях ее комнаты появился отец в сопровождении лейтенанта, двух полицейских и врача. Отец велел мужчинам закрыть чемодан, а ее, его единственную дочь, увести. Она никогда не забудет его багровое лицо и обезумевшие глаза. Отец размахивал руками, словно приказывал вывести из дома опасного преступника.

— Что же случилось? — спросил лейтенант.

— Она накинулась на меня с чудовищными обвинениями, — заявил отец, трясая головой. — Похоже, она бредит.

— Неправда! — крикнула Клара. — Я только...

Генри с умоляющим видом посмотрел на врача.

— Вы ей поможете?

Клара побежала к двери, но полицейский схватил ее за руку. Она попыталась вырваться, но тщетно.

— Отпустите меня! — закричала она. — Как вы смее! Я ничего не сделала!

— В ее жизни в последнее время происходили какие-то трагические события? — спросил врач, глядя на отца.

— Ее брат погиб, — ответил он. — И она по какой-то причине вообразила, будто я... — Он опустил голову и поднес ко лбу стиснутые кулаки, словно не мог заставить себя произнести это вслух.

— Не в этом дело! — воскликнула Клара. Полицейский сильнее сжал ее руку. — Отпустите сейчас же!

Лейтенант перевел взгляд на врача, словно ожидая его вердикта. Тот кивнул. Клара не успела пикнуть, как полицейский схватил ее за плечи и вывел из комнаты. Они спустились вниз по лестнице и вышли на улицу. Там ее затолкали в черный «бьюик». Жакет и зимние ботинки швырнули на заднее сиденье рядом с ней, а чемодан погрузили в багажник. Она помнила, как бросила из машины взгляд на каменный фасад родительского дома, знакомую гранитную балюстраду и резную лилию над входом. Зачем она это сделала? Может, в глубине души надеялась, что увидит на ступеньках обезумевшую от горя мать, плачущую оттого, что единственную дочь куда-то увозят? Но она увидела только край отцовского пиджака. Он так быстро захлопнул дверь, что медное кольцо подпрыгнуло.

Клара закусила губу, ломая голову над тем, как убедить доктора Торна, что ее надо отпустить.

— Извините, — сказал он, — но наше время подошло к концу.

— Но я... — оторопела Клара.

Врач встал и обошел вокруг стола.

— Клара, на сегодня хватит.

Клара поднялась со стула.

— И это все? — спросила она, махнув рукой. — Вы беседовали со мной всего двадцать минут, и вам все стало ясно?

— Поговорим в следующий раз, — ответил он, открывая дверь.

— Когда? — поинтересовалась девушка. — Завтра?

Доктор Торн улыбнулся и покачал головой.

— Боюсь, что завтра меня ждут другие пациенты. Встретимся через неделю.

У нее сжалось сердце. Через неделю! Она чуть не завопила, представив, что останется здесь еще на неделю. Нет, отец не мог упрятать ее сюда так надолго!

В холле ждала молоденькая медсестра, чтобы отвести ее в палату. Клара шла по коридору со сложенными на животе руками, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться. Не хватало еще рыдать, как безумная, перед медсестрой. Милая голубоглазая девушка сочувственно улыбнулась ей, когда она вышла из кабинета.

Внутри у Клары заворочался страх, по рукам забегали мурашки. Коридоры казались бесконечными. Красно-зеленые ковры и хрустальные бра напомнили ей о «веселом доме» в парке развлечений на Кони-Айленд — с изогнутыми кривыми комнатами, уходящими вниз темными коридорами и раздвижными стенами, откуда выскакивали клоуны с электрическими жезлами. Она возненавидела этот аттракцион после того, как прямо у ее ног из пола вырвалась мощная воздушная струя. Клара тут же развернулась и стала протискиваться назад, расталкивая других посетителей. Она ни за что не соглашалась пойти туда снова, как друзья над ней ни потешались. В лечебнице Лонг-Айленд было в сто раз хуже. Здесь не было выхода, не было спасения, не было пути наружу — навстречу солнечному свету, карнавальным угощениям и смеющимся людям.

Когда они дошли до палаты, Клара опустила глаза, терпеливо ожидая, когда медсестра впустит ее внутрь. Прошла, наверное, целая минута, прежде чем Клара наконец заметила, что девушка стоит рядом и смущенно смотрит на нее, словно не решаясь что-то предложить.

— Вы уже гуляли по участку? — спросила она.

Клара покачала головой.

— Я недавно приехала.

— Я знаю, — ответила девушка. — Мы с медсестрой Маккарн привели вас вчера в палату. Я помогала разложить ваши вещи.

— О, простите, — спохватилась Клара, — я не помню. Я.....

— Ничего страшного, — с улыбкой сказала девушка. — Хотите выйти на улицу? Обед подадут минут через двадцать. Сегодня такой хороший теплый денек, а ведь того и гляди зима начнется. Погулять по травке так приятно. — Она с тревогой посмотрела в коридор, словно опасаясь, что их могут услышать.

Клара покачала головой.

— Я лучше побуду немного одна.

— Вы уверены? — не сдавалась медсестра. — Солнце светит так ярко, что вам и свитер, пожалуй, надевать не придется. Завтра

обещают похолодание...

Клара вздохнула и ссутулилась. Может, и правда пойти прогуляться, а заодно поискать выход? Она кивнула, и они направились по коридору, затем повернули к лестничной клетке. Медсестра начала спускаться первая, но на четвертой ступеньке остановилась. Навстречу им поднималась Маккарн.

— Ох, — медсестра беспомощно повернулась к Кларе. — Пожалуй, не стоит. Лучше в другой раз.

Она повернулась и побежала вверх по лестнице. Клара поспешила за ней.

— Медсестра Йотт! — прогремел сзади голос Маккарн. Она шумно топала вслед за ними.

Молоденькая медсестра сжалась в комок, остановилась и, нахохлившись, стала ждать медсестру Маккарн.

Добравшись до них, старуха уперла руки в бока и сурово спросила:

— Куда это вы собрались? Тебе же велели проводить пациентку в палату.

— Я хотела вывести Клару на улицу, — объяснила девушка, — подышать свежим воздухом.

Медсестра Маккарн, жуя губами, недовольно покосилась на нее.

— Это не твое дело — решать, что пойдет на пользу пациентке, — заявила она. — Немедленно отведи ее в комнату.

Медсестра Йотт опустила глаза.

— Да, мэм.

— Запомни, ты не врач, — не унималась Маккарн. — Бери пример с меня. Я работаю здесь уже больше двадцати лет и всегда скрупулезно выполняю указания докторов!

— Простите, — покраснев, пролепетала девушка.

Медсестра Маккарн покачала головой и зацокала языком.

— Я уже второй раз делаю тебе замечание. Ты слишком много себе позволяешь!

Клара сглотнула и сделала шаг вперед.

— Доктор Торн велел ей вывести меня на улицу, — сказала она. — Я пожаловалась, что устала сидеть взаперти, и он предложил мне немного прогуляться.

Маккарн воззрилась на Клару, скривив рот. Но та спокойно выдержала ее взгляд и не отвела глаз. Наконец Маккарн посмотрела на молоденькую медсестру.

— Это правда? — спросила она.

Девушка кивнула.

Маккарн сжала губы. У нее на лбу вздулась синяя жила. Она с трудом сдерживалась.

— Ну хорошо, — наконец сказала она, махнув рукой в сторону лестницы. — До обеда осталось десять минут. Проследи, чтобы пациентка пришла в столовую вовремя. Если опоздает — пеняй на себя. — Маккарн раздраженно затрясла головой и, задрав нос, прошествовала по коридору.

Медсестра Йотт улыбнулась Кларе.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Она мне это еще припомнит, даже не сомневаюсь.

Этот случай произошел десять недель назад. А чувство у Клары было такое, будто миновало десять лет.

Она протянула руку к письму на столе. Когда девушка заметила его утром, сердце радостно подпрыгнуло в груди: она решила, что ей написал Бруно. Наконец-то он ответил на письма, которые она отправляла ему каждый день! Но, увидев на конверте ровный отцовский почерк, Клара рухнула на кровать, закрыв лицо руками. Почему, ну почему Бруно ей не отвечает?! Сначала она думала, что ее письма кто-то перехватил. Но это невозможно. Она сама относила их вниз, к столу дежурного, и опускала в запечатанный почтовый ящик. За целый месяц она не получила ни одной весточки. Она начала просыпаться в холодном поту: а вдруг произошло что-то ужасное? Ее отец — властолюбивый тиран, но не мог же он причинить вред Бруно? На секунду мелькнула мысль: может, Бруно о ней забыл? А вдруг ее любовь для него пустяк? Что, если она — всего лишь одна из женщин в его длинном списке? Да нет же. Все совсем не так. Она много для него значила. Очень много. Она в этом не сомневалась. И все же пусть лучше он полюбит другую женщину, чем плывет лицом вниз по реке Гудзон, как ее брат Уильям. Этот кошмар снился ей каждую ночь.

Клара отступила от стола и снова прижала руку ко рту. Ей вдруг стало дурно, хотя сухой тост, съеденный за завтраком, на время помог усмирить тошноту. Вряд ли отец после трех месяцев молчания написал

ей, чтобы только передать привет. На Рождество и Новый год она не получила даже открытки. Неужели ее наконец выпустят отсюда? Или наоборот, объявят, что она останется здесь еще надолго?

Она набрала в грудь воздуха и снова взяла письмо, мысленно поклявшись, что на этот раз точно его откроет. Закусив губу, Клара просунула палец под бумажный край и разорвала конверт. Дрожащими пальцами она раскрыла единственный листок — один из тех, что лежали на подставке из слоновой кости в отцовском кабинете. Сжимая письмо похолодевшими руками, она даже не обратила внимания, что конверт упал на пол.

Дорогая Клара!

Мы с твоей матерью надеемся, что ты чувствуешь себя хорошо и лечение идет тебе на пользу. Как прискорбно, что в твоей жизни произошел такой поворот. Доктор Торн объяснил мне, что порой, как бы ни старались родители, они не в силах предугадать, какие плоды принесет их воспитание. Впрочем, это неважно. Что выросло, то выросло. Мы с твоей матерью трудились не покладая рук, и нам не в чем себя упрекнуть. Я пишу тебе потому, что после обвала фондового рынка в сентябре многое изменилось. Мы понесли денежные убытки. Чтобы сохранить дом и вести привычный образ жизни, мы, к моему сожалению, больше не сможем платить за твое лечение в этой клинике. Мы с доктором Торном обсудили твое состояние и договорились принять меры, которые оба считаем необходимыми. Он объяснит тебе, о чем идет речь. Помни, мы с твоей матерью неустанно печемся о твоём благе.

*С наилучшими пожеланиями,
отец*

Клара растерянно смотрела на письмо. Слова сливались в пятна, в горле вырос ком. Что все это значит? О каких мерах он говорит? Ее

отпустят на свободу? Неужели ее оставят в покое, и она сможет идти куда захочет? Она уронила письмо на пол и, дрожа всем телом, стала расхаживать по комнатке. Прием у доктора Торна назначен на одиннадцать часов, а сейчас всего полдесятого. Клара остановилась и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце. Нельзя так волноваться, это вредно для ребенка. Надо успокоиться. Она легла на кровать и прикрыла глаза, накинув на себя одеяло, чтобы унять дрожь.

Вдруг Клара резко вскочила, подумав о том, что нужно срочно что-то предпринять. Надо написать Бруно! Он должен знать, что в ее жизни скоро что-то изменится: ее отпустят или отправят домой. Она сомневалась, что он получает ее письма, но все же имеет смысл объяснить ему, что происходит. Клара встала, открыла ящик стола и замерла с занесенной над бумагой ручкой: она не знала, что ему сообщить, ведь она сама не догадывалась, что ее ждет. Наверное, лучше сделать это после разговора с доктором Торном. Может, он примет ее раньше? Она решила спросить медсестру Маккарн, нельзя ли изменить расписание. Клара встала и направилась к двери, но вдруг услышала в коридоре мужские голоса.

Она бросилась обратно к столу, смахнула бумагу и ручку в ящик и огляделась по сторонам: надо сделать вид, что она чем-то занята. Медсестра Маккарн утверждала, что «все беды от безделья» и если пациентка заскучала, она может подмести пол или помыть туалет. Клара схватила Библию, которая пылилась на полке, плюхнулась на кровать и открыла наугад. У нее кружилась голова, а ноги подкашивались, словно она несколько дней голодала.

И тут в дверь тихо постучали. В комнату вошел доктор Торн и какой-то незнакомый мужчина, а за ними — медсестра Маккарн. На плечах незнакомца лежал снег, забившийся и в манжеты шерстяного пальто; на полу, под галошами растекались грязные лужицы.

— Доброе утро, Клара, — приветствовал ее доктор Торн. — Как вы сегодня себя чувствуете?

Она с усилием улыбнулась и закрыла лежащую на коленях Библию.

— Прекрасно, спасибо. А вы?

Доктор Торн взглянул на второго мужчину.

— Как я и говорил, — произнес он, — она всегда в хорошем, ровном настроении. Она не доставит вам никаких неприятностей.

Мужчина поднес руку в перчатке к котелку и коснулся его, глядя на Клару. Она слегка кивнула, пытаясь улыбнуться. Доктор Торн взглянул на письмо на столе.

— Вижу, вы уже прочитали письмо от отца?

— Да, — ответила она, стараясь держаться уверенно. — Он написал, вы объясните, что меня ждет.

— Ну да, — кивнул доктор Торн. — За этим я и пришел. — Он показал на мужчину в шерстяном пальто. — Познакомьтесь, это мистер Глен. Он приехал из Овида, маленького городка рядом с озером Сенека.

Медсестра Маккарн шагнула вперед и встала рядом с доктором Торном. Она держала руки по бокам, словно пряча что-то за юбкой. Кларе показалось, в ее руке блеснул какой-то длинный серебристый предмет. Шприц? Горло Клары словно обледенело, ей стало трудно дышать. Она вскочила с кровати. Библия с громким стуком упала на пол. И тогда она увидела в коридоре двух санитаров и медсестру в голубой накидке.

Доктор Торн вытянул руку, словно хотел помешать ей сбежать. Медсестра Маккарн грозно вытаращила глаза и стала надвигаться на нее.

— Мистер Глен вместе с медсестрой отвезут вас в Уиллард.

— Какой Уиллард? — сглотнув, пролепетала Клара. Язык, казалось, превратился в камень.

— Это государственная лечебница для душевнобольных, — пояснил доктор Торн. — Ваш отец хочет, чтобы врачи вам помогли. К сожалению, он больше не может платить за ваше пребывание у нас.

Клара попятилась, цепляясь за свой свитер.

— Не понимаю, — прошептала она. У нее на лбу выступил пот. — Отец говорил, это временная мера. Мне не нужна помощь. Я просто хочу вернуться домой!

Медсестра Маккарн продолжала двигаться на нее. Она больше не прятала шприц. Доктор Торн поднял руку, сделав ей знак остановиться.

— Я понимаю, Клара, — сказал он. — Но сначала вам нужно выздороветь. Прошу вас, соберите свои вещи. Мистер Глен приехал за

вами на машине.

— В такую погоду... — не сдавалась Клара. Она искала повод, чтобы задержаться в лечебнице.

— Тучи рассеиваются, — заявил мистер Глен. — Лучше ехать как можно скорее. Тогда поздно вечером мы будем в Уилларде.

— Вам нечего бояться, — продолжал умасливать ее доктор Торн. — В Уилларде о вас позаботятся.

Клара без сил опустилась на кровать. Ноги внезапно стали ватными. Она чуть не рухнула на пол. Что сказать, как объяснить им, что она совершенно здорова? Ее преступление состоит лишь в том, что она поссорилась с родителями. Ее наказывают за то, что она осмелилась высказать собственное мнение, осмелилась защищать то, во что верила всей душой. Она искала нужные слова, но не находила.

— Медсестра, — обратился к Маккарн доктор Торн, — велите кому-нибудь помочь Кларе собрать чемодан. Проводите мистера Глена с помощниками в столовую, им не помешает перекусить перед долгой дорогой. И принесите Кларе горячего чая и что-нибудь поесть перед отъездом.

Маккарн и мистер Глен вышли из комнаты, а доктор Торн остановился в дверях, взявшись за ручку.

— Все будет хорошо, — пообещал он Кларе. — Вы разумная молодая девушка, и вас ждет счастливое будущее. Но вам нужна помощь, чтобы принять правильное решение, которое повлияет на вашу жизнь. Если вы будете делать что вам говорят, вам нечего опасаться, — с этими словами он закрыл дверь и ушел, а Клара осталась стоять, в оцепенении глядя на деревянный пол.

Словно в замедленной съемке, она вытащила из-под кровати свой дневник, села за стол и открыла последнюю запись. Буквы расплывались у нее перед глазами. С тех пор как ее доставили сюда, она писала в дневник каждый день, но еще ни разу не упомянула о ребенке, растущем у нее под сердцем. Она почему-то боялась, что это может ему навредить. А если врачи прочитают дневник и всё расскажут отцу? Если отец узнает, что она беременна от Бруно? Страшно представить, что он сделает! Скорее всего, ее навечно посадят в психушку.

Она вытерла глаза и взяла ручку. Какими словами описать, что чувствует человек, когда его выбрасывают, словно мусор, или держат

взаперти, как преступника? Она слышала истории о том, как родители прятали на верхнем этаже дома или на темном чердаке детей с изуродованными конечностями или с заячьей губой, придурковатых или бестолковых. Не так ли поступает с ней отец? Неужели он настолько стыдится того, что дочь полюбила человека, который не соответствует его ожиданиям, что готов сдать ее в сумасшедший дом? Или он действительно верит, что врачи убедят ее в том, что она поступает неправильно, и принудят выйти замуж за нелюбимого мужчину? Не думает ли он, что она вправду больна? Клара коснулась ручкой бумаги и написала:

Отец хочет избавиться от меня, убрать с глаз долой. Не знаю, чего он добивается. Я лишь сильнее убеждаюсь в том, что, выйдя отсюда, я должна жить так, как считаю нужным, и уйти из родительского дома. Отец договорился, чтобы меня перевели в Уиллард. Мне страшно.

Спустя несколько минут в ее комнату вошла медсестра Йотт. Она всегда улыбалась Кларе и смотрела ей в глаза, в отличие от остальных медсестер и врачей, которые вечно глядели куда-то сквозь нее. Клара хотела рассказать ей, что ее переводят в другую больницу, но какой в этом смысл? Чем ей могла помочь эта юная девушка? Клара наблюдала за тем, как медсестра вынула из шкафа чемодан и поставила его на пол. Обходя чемодан, чтобы поднять крышку, она грациозно повернулась на носках: ее ножки в белых чулках и бледные руки двигались медленно и уверенно. Йотт была похожа на балерину, исполняющую сложный постановочный танец. Клара вскользь подумала, что они ровесницы — медсестра, возможно, старше ее на два-три года. Интересно, какие у нее родители. Наверное, они очень радовались и гордились дочерью, когда она закончила медицинское училище. Со слезами на глазах Клара посмотрела на ее пальцы: может, она уже замужем? На левой руке у нее было помолвочное кольцо.

Тут Клара почувствовала такую тяжесть, словно ее придавил гигантский валун. Она сгорбилась и начала задыхаться. Ей показалось, что она слышит, как разбивается ее сердце, не способное вынести эту ужасную ношу. Вдруг на нее накатил приступ тошноты. Клара

бросилась к мусорному ведру и опустилась перед ним на колени. Тост, который она съела утром, вышел наружу, обжигая горло. Во рту остался кислый привкус. Она снова и снова плевала в корзину. Затем с трудом встала. Ноги подкашивались. Медсестра Йотт подошла к ней и положила руку на плечо, с сочувствием глядя на нее.

— С вами все в порядке? — спросила она.

Клара вытерла рот тыльной стороной руки.

— Нет, — ответила она, — не в порядке.

— Вы заболели? Позвать врача?

Клара запахнулась в свитер и села на кровать.

— Я не больна, — собравшись с силами, ответила она. — Я беременна.

Медсестра ахнула. Клара закрыла лицо руками и подалась вперед, поставив локти на колени. Ее плечи конвульсивно содрогались, она часто дышала, словно ей не хватало воздуха.

Медсестра присела рядом с ней на корточки, поглаживая ее по спине.

— Пожалуйста, не плачьте, — попросила она. — Все будет хорошо.

— Нет, — отрезала Клара. — Ничего хорошего не будет. Здешние врачи якобы должны мне помочь, но как они это сделают, если они меня даже не слушают? — Она легла на кровать, свернувшись калачиком на одеяле.

Медсестра Йотт выдвинула стул из-за стола и села на него, повернувшись к Кларе.

— Мне так жаль, — прошептала она. — Я чем-нибудь могу вам помочь?

— Вряд ли. Вы же не можете помочь мне выйти отсюда, чтобы они не увезли меня в Уиллард, правда? Чем еще вы можете помочь?

— Простите, что я задаю такой вопрос, — продолжила медсестра Йотт, — но как же отец ребенка? Он знает? Вы с ним не расстались?

Клара резко села в кровати и злобно, истерично рассмеялась.

— Ну что вы! — брызгая слюной, хохотнула она. Конечно, медсестра Йотт ни в чем не виновата, но ее распирало от бешенства. — Конечно, мы не расстались! Разве вы не видели, как он приезжал за мной, чтобы устроить романтическое свидание? Такой высокий, смуглый, красивый! В своем лучшем костюме! Его

невозможно не заметить! — Она говорила громко, почти визжала, и на мгновение вдруг подумала: а что, если она правда сходит с ума?

Медсестра сложила руки на коленях и долго молчала, опустив глаза. Когда она их подняла, Клара увидела, что в них блестят слезы.

— Послушайте, — мягко произнесла она, — я работаю здесь всего полгода. Не скажу, что я мечтала об этом, но лучше места мне пока найти не удалось. Мы с моим парнем хотим пожениться как можно скорее, но его уволили с работы и... — она замолчала и закусила нижнюю губу, словно не решаясь продолжать. — Как только я вас увидела, я сразу поняла, что вы не сумасшедшая. Не знаю почему, но это ясно, как белый день. Пожалуйста, никому не рассказывайте, но я подслушивала, о чем вы говорили с доктором Торном, и убедилась, что предчувствие меня не обмануло. Вы говорили, что отец отправил вас сюда, потому что вы не хотите выходить замуж за человека, которого он для вас подыскал. Как я вас понимаю! Отец не одобряет мой выбор. Поэтому я здесь работаю. Я пытаюсь скопить денег, чтобы уйти от родителей. Ваш отец отправил вас сюда, потому что вы влюблены в другого парня, ведь так? Его зовут Бруно Моретти?

Клара резко села, свесив ноги с края кровати.

— Откуда вы знаете его имя? — поразилась она. — Я не упоминала его на приеме у доктора Торна!

Медсестра Йотт задышала часто-часто, ее грудь быстро вздымалась и опадала.

— Пожалуйста, пообещайте, что никому не скажете ни слова, — прошептала она. — Если кто-то узнает, меня сразу уволят.

— Обещаю, — сказала Клара. У нее закружилась голова. — Объясните, откуда вы знаете, как его зовут? Он что, приезжал сюда? Он меня искал?

Медсестра взглянула на дверь и наклонилась к ней.

— Я видела письма, — тихо сообщила она. — Письма, которые вы написали Бруно.

Клара недоуменно покачала головой.

— О чем вы говорите? Как вы могли их видеть? Я же сама бросала их в почтовый ящик!

Девушка плотно сжала губы и встала. Она прошла по комнате, потом крепко схватилась за спинку стула и посмотрела на Клару.

— Эти письма не были отправлены, — прошептала она. — Маккарн велела мне просматривать почту и забирать их из почтового ящика. Она сказала, это приказ врача. Но я думаю, это приказал ваш отец.

Кларе показалось, что она разучилась дышать. Ее шея и лицо горели, как в огне, а в горле застрял горячий шар, мешавший ей говорить. Так вот почему Бруно не отвечал на ее письма! Она встала и толкнула стул к столу. Колени подгибались. Клара села, вытащила из ящика канцелярские принадлежности и начала писать. Ее пальцы дрожали, пока она пыталась связно изложить, что произошло.

— Отправьте, пожалуйста, это письмо, — попросила она, стараясь писать как можно быстрее. — Бруно не знает, где я нахожусь и куда меня переводят. Пообещайте, что вы его отправите. — Она закончила короткое письмо, вложила его в конверт и вопросительно посмотрела на медсестру Йотт.

Девушка сразу как-то поникла, опустила голову и стала мять руки. Потом подняла на Клару полные слез глаза.

— Даже не знаю, — пролепетала она. — А если меня поймают?

— Спрячьте письмо, — предложила Клара. — В корсет или в нижнее белье. Все равно. Спрячьте туда, где его никто не увидит. Отправите, когда вернетесь домой. — Она запечатала конверт, написала на нем адрес Бруно и протянула медсестре.

Та, закусив губу, посмотрела на письмо. Вдруг в коридоре послышались голоса. Клара вскочила и всунула медсестре в руки конверт. Девушка расстегнула верхнюю пуговицу униформы и спрятала его в бюстгальтер. Как раз в этот момент дверь открылась, и в комнату с подносом еды вошла медсестра Маккарн. Увидев пустой чемодан на полу, она встала как вкопанная.

— Что происходит?! — возопила она. — Почему ты не помогла Кларе собрать вещи?

Медсестра Йотт с улыбкой обернулась к ней.

— Клара расстроилась, и я пыталась ее подбодрить. Я сказала, что в Уилларде работают очень хорошие врачи и медсестры. По-моему, ее настроение немного улучшилось. Правда, Клара?

Медсестры вопросительно воззрились на Клару, и та кивнула.

— Да, — подтвердила она, — спасибо.

Клара подошла к шкафу и стала доставать одежду, аккуратными стопками складывая ее рядом с чемоданом. Ей казалось, что ее ноги совсем потеряли устойчивость и она вот-вот растечется лужицей по полу. Из всех сил сдерживая дрожь, Клара опустилась на колени и положила блузку в чемодан.

Маккарн громко вздохнула.

— Медсестра Йотт, — грозно начала она, — тебе дали задание: помочь пациентке упаковать вещи. Ты пока еще не врач, верно? Так что выполняй свои должностные обязанности, а не то придется объявить тебе выговор за неподчинение.

— Да, мэм, — пролепетала девушка, принимая у нее поднос с едой. Она поставила его на стол и повернулась к Маккарн. — Я прослежу за тем, чтобы пациентка собрала вещи и поела перед отъездом.

Маккарн, прищурившись и поджав губы, наблюдала за Кларой, которая стояла на коленях у чемодана. Девушка подняла на нее глаза и слабо улыбнулась. Наконец медсестра повернулась к выходу.

— Долго не копайтесь, — скомандовала она. — Когда мистер Глен с медсестрой закончат обедать, он пойдет заводить машину. На сборы осталось меньше получаса.

— Очень хорошо, — покорно согласилась медсестра Йотт. — Я прослежу за тем, чтобы Клара как можно скорее спустилась к выходу.

Как только Маккарн ушла из комнаты, девушка поспешила к двери.

— Я сейчас вернусь, — пообещала она.

— Куда же вы? — спросила Клара. От страха по ее рукам побежали мурашки. А если она отдаст письмо доктору Торну? Если это все подстроено?

— Лучше быстрее собирайте вещи, — посоветовала медсестра Йотт. — Когда закончите, наденьте пальто и ботинки, но не закрывайте чемодан. Подождите, пока я вернусь — с этими словами она убежала, оставив Клару в одиночестве.

Сложив все вещи в чемодан, Клара надела ботинки и накинула пальто. Она подошла к окну и вытянула шею, чтобы посмотреть на главный вход. Снежная буря закончилась. Она увидела на дорожке мистера Глена. Он курил рядом с автомобилем с включенным двигателем. Дым сигареты и клубы выхлопных газов окутывали его

темную фигуру, и вся эта картина напоминала сцену из фильма. Но это был не фильм. И мистер Глен — вовсе не герой, который явился, чтобы ее спасти.

Когда медсестра Йотт вбежала в комнату, прижимая к груди одеяло, Клара подпрыгнула от неожиданности.

— Вот, — запыхавшись, объявила она и бросилась к чемодану. — Я сказала Маккарн, что вам в машине пригодится теплое одеяло. — Она опустилась на колени и развернула одеяло. Оттуда высыпались письма, которые Клара писала Бруно. — Я подумала, это ведь ваше...

Клара ахнула и взяла один конверт. Медсестра вырвала его и бросила обратно, к остальным письмам, прикрыв одеждой Клары.

— Сейчас на это нет времени, — тяжело дыша, проговорила она, потом закрыла чемодан и заперла на ключ. — Может, кто-нибудь в Уилларде согласится их отправить?

Клара крепко ее обняла.

— Спасибо большое, — сказала она, еле сдерживаясь, чтобы не зарыдать.

Медсестра Йотт отстранилась и повела ее к двери. Но Клара успела заметить, что в глазах девушки стояли слезы.

ГЛАВА 5

ИЗЗИ

Закончилась первая школьная неделя. Суббота выдалась знойной. Легкий ветерок играл в верхушках деревьев, а внизу, у земли, воздух был неподвижным. Иззи шла на работу по тенистой тропинке, доставая пальцами до березовых листьев над головой. Было раннее утро, и роса еще не высохла — мокрые листья охладили кожу. Опекуны уехали на рассвете, потому что Пег не терпелось заняться чемоданами из Уилларда. Склад психбольницы находился в двух милях отсюда. Иззи попросила разрешения пройти пешком. Ей хотелось немного побыть одной. Она ходила в школу, делала уроки, завтракала и ужинала с опекунами — так и пролетела неделя. И она была непростой.

Пока Иззи не запомнила, где проходят разные уроки, она постоянно опаздывала. Пару раз она просила ей помочь, но одноклассники часто показывали в неправильную сторону, как будто назло ей. Но почему? Что она им плохого сделала? Она старалась не думать об этом. Может, они относятся так ко всем новеньким, не только к ней? В любом случае приятного мало.

Она не сразу догадалась, что спортивный зал находится в отдельном здании, в которое можно попасть по длинному коридору из столовой. Когда она туда добралась, на двери женской раздевалки висела табличка: «Закрито. Протекли трубы». Вдалеке она услышала крики и шарканье кроссовок по деревянному полу. «Вот черт! Уже опоздала!» Иззи вздохнула, завернула за угол и чуть не налетела на подругу Шэннон, которая, сидя на корточках рядом с мужской раздевалкой, завязывала шнурки.

— Эй, осторожно! — воскликнула девушка, опираясь рукой о пол.

— Прости, я тебя не заметила, — сказала Иззи.

Она наклонилась, чтобы помочь ей встать, но та, не обращая внимания на протянутую руку, закончила шнуровать кроссовки. «Как же ее зовут? — соображала Иззи. — Кристал? Николь? Тина?»

Девушка выпрямилась.

— Ты куда бежишь? — спросила она, отряхивая колени, шорты и поправляя мелированные пряди. У нее, также как у Шэннон и многих других, были гладкие подстриженные лесенкой волосы, подвитые на концах, — в общем, такая же прическа, как у Рэйчел из сериала «Друзья». Белые тугие шорты чуть ли не лопались на ней, а на короткой свободной футболке переливалась и блестела первая буква ее имени. «Кристал, точно! Вот как ее зовут».

— Я хотела переодеться перед уроком, но... — начала было объяснять Иззи.

— Пока трубы не починят, мы пользуемся мужской раздевалкой, — сказала Кристал. — Давай быстрее. Опоздавших миссис Саутард заставляет бегать вокруг зала.

— Но как же... — нерешительно протянула Иззи.

Кристал махнула рукой.

— Да все нормально. С трубами вечно какие-то проблемы. Канализация протекает каждый месяц, наверное. Парни идут в раздевалку только после обеда.

Иззи стояла, как приклеенная, не зная, что делать.

— А если я приду на урок в джинсах и шлепанцах, это прокатит?

— Уж лучше опоздать, — засмеялась Кристал, закатывая глаза.

Она схватила Иззи за руку и потащила к двери раздевалки.

— Пошли. Там одни девчонки. Я тебе покажу.

Иззи дошла с ней до раздевалки и остановилась в нерешительности. Кристал открыла дверь нараспашку и, улыбаясь, придержала ее. Иззи застыла на месте.

— Гос-споди! — зашипела Кристал. — Ну что ты встала? Не будь такой трусихой. Я пойду с тобой.

Иззи сделала глубокий вдох. Ну если Кристал пойдет с ней, может, и нет никакого подвоха? Она шагнула за девушкой в предбанник перед второй дверью. В нос ударил сильный запах пота и застарелой мочи. Она услышала лязг шкафчиков, шум воды и эхо голосов. Мужских голосов. Иззи замерла. Она хотела убежать, но Кристал схватила ее за руку и распахнула вторую дверь. Там ее поджидали Шэннон и Николь. Втроем они схватили Иззи за одежду и волосы и потащили в раздевалку, впившись холеными ногтями ей в кожу. В облаках пара стояли голые и полураздетые парни. Увидев девчонок, они заржали, заулюлюкали, стали подбрасывать мокрые

полотенца и пританцовывать на скамейках. Иззи не решалась поднять голову. Она пыталась вырваться, но безуспешно. В борьбе она потеряла шлепанец и уронила сумку со спортивной формой.

Девчонки протащили ее по раздевалке и втокнули в душ, прямо под воду, а сами убежали. Иззи чуть не упала, поскользнувшись босой ногой на мокром полу, но чья-то влажная рука подхватила ее, чтобы поддержать. Она подняла глаза и увидела Итана: мокрая челка прилипла ко лбу, голая грудь — в мыльной пене. Она, словно олененок, ослепленный светом фар, остолбенело воззрилась на него. Наконец Иззи повернулась и, спотыкаясь, вышла из душевой.

Сгорая от стыда, не решаясь поднять глаза, она прошла по раздевалке, подняла шлепанец и одежду. Мальчишки свистели и улюлюкали ей вслед. «Эй, тебе понравилось?» — кричали они. Когда кто-то бросил ей в грудь пластиковую мыльницу «ракушка», она остановилась и посмотрела на них:

— У ползунков пиписьки и то больше, чем у вас, — храбро заявила она.

Парни загоготали и замахали руками.

Она вышла из раздевалки: одна штанина намокла, рукав футболки оторван. Шэннон с подружками ждала ее в коридоре. Иззи, стиснув кулаки, промчалась мимо них. Ей хотелось набить им морды. Но они не стоят того, чтобы усложнять себе жизнь.

— Не сердись, — крикнула ей вслед Шэннон. — Это просто шутка. Все новенькие через это проходят.

Тихо выругавшись — какая она дура, что поверила Кристал! — Иззи дошла до кабинета директора. Тот сказал, что велит психологу выступить на школьном собрании с лекцией о травле, а если Иззи почувствует себя в опасности, она может пойти к медсестре. Он попросил назвать имена обидчиц, но Иззи промолчала. Если директор вызовет к себе на допрос Шэннон и ее подруг, ей конец. Он должен знать, что происходит, это его работа, но она не хотела, чтобы ее называли стукачкой. Вечером она едва удержалась, чтобы не прокрасться в ванную за лезвием.

Казалось бы, что может быть хуже, чем этот случай в мужской раздевалке? Но вчера она вспугнула Шэннон и Николь, когда они приклеивали измазанную кетчупом прокладку к дверце ее шкафчика. Заметив Иззи, они бросились в конец коридора, где их поджидал Итан.

Он выглядел озадаченным и сжал губы так, что рот стал похож на тонкую твердую линию. Иззи поймала его взгляд, и ей показалось, что ему стало стыдно. Но он убежал вместе с Шэннон и Николь, сжимая в руке пустую бутылку из-под кетчупа. Он ничем не лучше своей подружки. Правда, они с ним не обменялись и парой слов, но из-за того, как он улыбался и поддержал ее в душе, чтобы она не упала, Иззи решила, что он не такой. Когда она поняла, что ошибалась, ей почему-то стало грустно и противно.

Она думала об этом, скрежеща зубами. Сердце бешено колотилось в груди. Надо сделать так, чтобы Шэннон отстала от нее, но как? Что она может предпринять? И так ясно, что Шэннон в этой школе главная. С ней боялись связываться. Другие девочки старались к ней не приближаться и следовали за ней и ее подругами на почтительном расстоянии, даже если опаздывали на урок, или шли в другую сторону, если в коридоре было много людей и избежать встречи с ней было невозможно. Парни, которые не гоготали над ее издевательскими шутками и розыгрышами, смущенно отводили глаза, но не вступались за ее жертв. Поразительно, как эта пигалица всех запугала. «Тошнит от всего этого, честное слово!»

Обращаться к опекунам она не собиралась. Иззи прекрасно знала, что бывает с детьми, которые жалуются взрослым на одноклассников. Разъяренные родители, изрыгая угрозы, побегут к директору и в школьный совет. Сотрудники школы, испуганные перспективой судебного иска в случае признания факта травли, постараются сделать вид, что ничего не происходит. И тогда для несчастного ребенка, который посмел привлечь к делу взрослых, наступит час расплаты. Хулиганы всегда находят способ ему отомстить. Всегда! Чего бы им это ни стоило. Если она скажет опекунам и они пойдут к директору, ее положение только ухудшится. Поэтому надо самой придумать, как сделать так, чтобы Шэннон и компания от нее отстали. К тому же она с десяти лет привыкла рассчитывать только на себя. И переучиваться она не собирается.

Иззи замедлила шаг. Когда она думала о своих обидчицах, что-то рвалось у нее из груди, ударяясь о ребра, словно дикий царапающийся зверь в клетке. Живот сводило от спазмов, а зубы ныли от боли. У нее закружилась голова, и она остановилась, чтобы отдышаться. Ей нельзя так злиться, иначе она слетит с катушек, совсем как ее мать. Иззи

набрала в грудь воздуха, огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не видел, как она ни с того ни с сего встала как вкопанная посреди тротуара — ни дать ни взять сумасшедшая.

На другой стороне улицы она увидела магазинчик и со всей силой впиалась в кожу ногтями, борясь с искушением пойти туда и купить пачку лезвий. Иззи разжала кулаки и, сосчитав до десяти, пошла дальше. Она гнала из головы мрачные мысли. Никто не заставит ее вернуться назад, к той темноте и одиночеству, где единственным развлечением была острая боль. Не бывает этому!

Наконец Иззи дошла до склада. Пег уже поджидала ее там. Она возбужденно тараторила, широко раскрыв глаза. На ней была длинная пестрая юбка, мужская безрукавка и сандалии. Свои буйные темные локоны она убрала наверх. Гарри стоял в другом конце склада и, оживленно жестикулируя, о чем-то рассказывал группе мужчин и женщин.

Пег показала Иззи четыреста двадцать семь чемоданов и сундуков из Уилларда. Они стояли на столах в ожидании, когда их откроют и вынут содержимое. Задыхаясь от волнения, Пег вручила Иззи толстый блокнот в кожаном переплете.

— Ты будешь записывать имена владельцев, — объяснила опекушка. — А я буду открывать чемоданы и перечислять, что внутри. Нужно указать все, вплоть до мелочей.

— Понятно, — кивнула Иззи. — По-моему, это несложно.

— Мы начнем работу с одного конца, а команда Гарри — с другого.

В эту минуту Гарри направился к ним в сопровождении двух людей. Он был высоким, стройным мужчиной. Его светлые волосы уже поредели. Он носил очки в серебряной оправе и одевался с безукоризненным вкусом: сегодня он выбрал рубашку в тонкую полоску и черные брюки. Рядом с ним по проходу, тяжело переваливаясь, шел седобородый великан, по сравнению с которым Гарри выглядел ребенком. Иззи с открытым ртом разглядывала гиганта, его широкое красное лицо и похожие на бревна ноги. Она никогда не видела такого высокого и могучего человека. Камера в его руке была похожа на детскую игрушку. Далеко не сразу она заметила второго мужчину, который нес сумки и треножник. У него были

волосы цвета воронового крыла. Кровь бросилась ей в лицо — это же Итан!

— Познакомься, наш друг Питер и его сын Итан, — сказал ей Гарри. — Они будут фотографировать.

Питер с улыбкой взял ее за руку, и тонкие девичьи пальцы сразу исчезли в огромной горсти. Итан пожал руку Пег и приветливо поздоровался с Иззи. Она кивнула и метнула взгляд на свои стоптанные кеды и мешковатые джинсы. Пег сказала ей, чтобы она надела какое-нибудь старье, которое не жаль будет выбросить. Вот облом! Лучше бы она надела рубашку вместо кофты с фотографией бой-бэнда. На груди было написано: «Я люблю Джордана». Она купила ее в десятом классе и не раз ложилась в ней спать. Но черт бы с ними, с уродскими старомодными шмотками, так она еще не стала принимать утром душ! Иззи собрала грязные волосы в хвостик, и теперь жирные пряди падали на глаза. Краситься она, естественно, тоже не стала. «М-да, можно себе представить, как теперь будут глумиться в школе!»

Питер и Итан последовали за ними в конец склада, а Гарри вернулся обратно. К счастью, Питер, как скала, загораживал Иззи от Итана. Можно притвориться, будто его здесь вообще нет. Когда ей это удавалось, она медленно, глубоко дышала, чтобы кровь отхлынула от покрасневших лица и шеи.

Они подошли к первому чемодану: истертая кожа, коричневая рукоятка, металлические защелки. Итан поставил треножник и достал из брезентовой сумки портативный фонарь. Пег с Иззи отошли назад, чтобы он сделал несколько фото. Иззи ругала себя на чем свет стоит, потому что, как ни старалась, не могла отвести взгляд от его спортивной фигуры. Он был одет в черные туфли и узкие джинсы. Под рукавами белой рубашки перекачивались крепкие мускулы. В памяти промелькнуло воспоминание о том, как он стоял перед ней голый в душе и вода стекала по его загорелому телу. «Ну зачем он тоже пришел? — мысленно простонала она. — И почему он такой красавчик?» Потом она вспомнила другое: как Итан убежал от нее с пустой бутылкой из-под кетчупа, словно дошкольник, которого поймали с поличным, когда он окунал кошку в унитаз. Да, он симпатичный внешне, но у него уродливая душонка. И с этим ничего

не поделаешь, несмотря на все его бицепсы и мужественный подбородок.

Наконец Пег подошла к чемодану и громко зачитала то, что было написано на бирке. Она произнесла имя и фамилию по буквам, чтобы Иззи записала правильно: «Мадлен Смолл». Затем Пег набрала в грудь воздуха, достала одноразовые перчатки, медленно, осторожно отстегнула застежку и раскрыла чемодан. Питер подошел ближе, чтобы сфотографировать содержимое, прежде чем его вытащат наружу. Иззи с Итаном остались стоять позади. Краем глаза она увидела, что он на нее смотрит. Она же смотрела строго перед собой.

Бережно, почтительно Пег стала доставать из чемодана ссохшиеся хрупкие предметы. Иззи записывала: «Библия с тремя вложенными внутрь черно-белыми фотографиями: на одной изображен мальчик в белой рубашке и черных брюках, на обороте написано карандашом: „Чарльз — 1919“, на второй — девочка в платье с оборками и в цветастом чепчике, на обороте написано карандашом: „Эстер — 1921“, на третьей — пожилая женщина в фартуке, которая стоит на крыльце, на обороте написано карандашом: „Мама — дом в Саратоге, 1927“. Серебряные столовые приборы — четыре штуки. Две вязаные детские шапочки, одна с розовыми лентами-завязками, вторая с голубыми. Сохранность: немного пожелтевшие и с пятнами. Детские пинетки с вышивкой. Сохранность: хорошая».

Иззи ждала продолжения, но в чемодане больше ничего не было: ни одежды, ни ночных сорочек, ни писем, ни других личных вещей.

— Это все, — подытожила Пег. Ее глаза блестели. Она пожала плечами и оглянулась на Иззи, Питера и Итана.

— Зачем она привезла в психбольницу детскую одежду? — удивилась Иззи.

— Не знаю, — ответила Пег. — Возможно, это шапочки и пинетки ее детей. Наверное, эти вещи были ее главной ценностью. Теперь ты понимаешь? Вот зачем мы это делаем! Мы хотим больше узнать о людях, которые оставили здесь свои чемоданы.

— Но как? — изумился Итан. — Разве можно что-то узнать, разглядывая их пожитки?

— Мы рассчитываем получить доступ к медицинским документам, — ответила Пег. — Сейчас они засекречены, но мы хотим выбрать несколько наиболее интересных случаев и обратиться в

министерство здравоохранения, чтобы они разрешили нам провести расследование.

— А как фотографировать вещи — все вместе или по одной? — спросил Питер.

Пег задумалась, положив руки на бедра.

— Зависит от того, сколько их в каждом чемодане. Эти вещи, я думаю, можно сфотографировать все вместе, разом.

Итан достал из сумки черную ткань и положил ее перед чемоданом. Потом установил треножник с фонарем и направил свет на предметы. Пег дала Иззи пару одноразовых перчаток и попросила разложить шапочки, фотографии и столовые приборы. Как хорошо, что она принесла перчатки, обрадовалась Иззи. Она бережно брала в руки хрупкие предметы, жалея лишь о том, что не захватила медицинскую маску, вроде той, в которых Пег реставрировала картины или отскребала грязь от выставочных экземпляров. Глупо, наверное, но Иззи не хотела вдыхать старую пыль и миазмы разложения, исходившие от чемодана и пожелтевших детских вещей. Этот едкий душок, резкий запах смерти, напоминал ей о старых могилах и опечатанной родительской спальне.

В музеях, к счастью, экспонаты находятся на стендах, под стеклом. Их нельзя трогать. Это совсем другое дело. А она, словно археолог на раскопках, держит в руках предметы, к которым десятки лет никто не прикасался. Она помогает раскрыть старые секреты, дотрагивается до вещей, некогда принадлежавших людям, от которых осталась лишь горстка гниющих костей в могиле. К тому же владелица этих вещей была безумна. Конечно, это бред, но Иззи представляла, что детские чепчики и серебро испускают мельчайшие частицы, которые с воздухом попадают в ее сосуды и легкие, где начинается психическая цепная реакция; как только вредоносные молекулы доберутся до ее мозга, она будет обречена повторить судьбу матери. У Иззи кружилась голова, она старалась не дышать и думала лишь о том, как бы быстрее вернуться домой и принять душ.

Когда они с Пег закончили раскладывать вещи, Питер и Итан их сфотографировали. Женщины отошли назад, ожидая вердикта Питера: может, разложить вещи по-другому? Они вчетвером работали молча, нависая над чепчиками, серебром, фотографией и Библией, будто хирурги и медсестры над операционным столом. Наконец Пег сказала

Питеру, что снимков достаточно, затем вместе с Иззи осторожно переложила вещи в чемодан, закрыла его и подошла к следующему.

Им удалось сфотографировать вещи еще из четырех чемоданов. Иззи боялась вдохнуть, стеснялась своих рук и ног. Она знала, что Итан поглядывает на нее, чувствовала пряный, древесный запах его одеколона, напоминавший о том, что они еще очень молоды и смерть им не грозит. Ей хотелось прижаться к нему, вдыхать этот свежий чистый запах, а не удушливую вонь чемоданов. Если они случайно касались друг друга или сталкивались, он широко улыбался, обнажая белые зубы. Она делала вид, что не замечает его, и злилась из-за того, что краснеет. Почему она чувствует себя такой слабой и уязвимой, как будто ее раздели догола? Что в нем такого?

Она волновалась, совсем как тогда, когда разговаривала с социальным работником, хотя чувство было немного другое. Странно, конечно. Итан же ничего о ней не знает. Он не знает о ее прошлом и настоящем, проблемах и скитаниях, надеждах и мечтах. И никогда не узнает. Он обнаглевший урод, ничем не лучше своей подружки. Иззи не хотела иметь с ним ничего общего. Надо взять себя в руки. Тем более что им предстоит разобрать еще двести чемоданов. Ей было страшно и противно копаться в вещах давно умерших безумцев. А тут еще Итан. Мысли путались и разбегались в разные стороны. Каждое движение стоило ей больших усилий.

В чемоданах лежали письма и фотографии, серебро и Библии, подтяжки и будильники, пуговицы и туфли, вышитые носовые платки и кружки для бритья, статуэтка собачки и фарфоровая чашка и еще самодельное одеяло. Иззи прилежно записывала, украдкой смахивая слезы. Она не могла не думать о родителях, мужьях, женах и детях пациентов, которым принадлежали эти чемоданы. Как они плакали, как горевали, разлучившись с дорогими сердцу людьми, хотя те жили совсем недалеко от них! Она представляла, как бессонными ночами они терзались мыслями о своих несчастных родственниках, спрашивали себя, что могли бы они сделать для них, как могли бы им помочь. Как они узнали о болезни? Стала она для них потрясением, или они давно подозревали, что подобный исход неизбежен? В любом случае, когда она представляла себя на месте людей, чья жизнь внезапно закончилась из-за какого-то сбоя или необъяснимого хаоса в голове другого человека, у нее сжималось сердце. Больше никаких

семейных сборищ, новогодних праздников и дней рождения, никаких любовных историй и сказок на ночь, никаких свадеб и школьных выпускных... Какой ужас!

К полудню они разобрали всего пятнадцать чемоданов. Иззи поняла, что проект продлится намного дольше, чем она предполагала. Похоже, ей придется провести рядом с Итаном еще шесть-семь дней. Может, сказать, что она предпочла бы помогать Гарри? Или все сразу поймут, в чем дело? Если честно, когда она представляла, как они работают вместе с Итаном, у нее в животе порхали бабочки. Рядом с ним у нее было такое чувство, будто она не спала и не ела несколько дней. Ноги подкашивались, голова кружилась. Это раздражало, утомляло и в то же время доставляло удовольствие. «Да что со мной такое, в конце концов?» — раздраженно думала она.

К счастью, когда подошло время обедать, Пег спросила Иззи, не хочет ли она устроить пикник. Она привезла с собой в переносном холодильнике сэндвичи. Можно перекусить в тени деревьев — недалеко от парковки есть милая полянка. Питер, Итан и все остальные собирались в ближайший «Макдоналдс» за гамбургерами и молочными коктейлями. В другой раз Иззи с радостью поехала бы с ними, ведь прежние опекуны редко брали ее с собой даже в обычные забегаловки. А сейчас она вздохнула с облегчением оттого, что сможет остаться одна, посидеть в тишине вдали от Итана. Но когда она услышала, что говорит Пег, живот скрутило от волнения.

— Да не надо! — воскликнула та. — Я столько еды набрала! У нас есть сэндвичи с ветчиной и сыром, салат с макаронами, хумус и пита, чипсы, дыня, холодный чай и лимонад. В багажнике лежат одеяла и складные стулья. Соглашайтесь, будет весело!

— Простите, ребята, — радостно сказал Гарри. — Моя жена обожает всех кормить.

Питер и остальные рассмеялись и, конечно, согласились остаться. Они пошли к машине за стульями. Пег повернулась к Иззи.

— Поможешь накрыть на стол?

— Само собой, — хмуро ответила Иззи, едва скрывая досаду.

«Пусть Пег сама над ними кудахчет, — подумала она. — Мало того что я работаю с Итаном, так теперь я еще и обедать с ним должна?» За несколько минут до перерыва она почувствовала, что

проголодалась. В животе так громко урчало, что все, должно быть, это слышали. Ее мутило от ужаса и восторга.

Все собрались под старыми дубами. Мужчины раскладывали стулья, а Пег с Иззи достали одеяло и расставляли еду на складном столе. Мужчины выстроились в очередь. Пег наливала им напитки и накладывала салат с макаронами на бумажные тарелки, а Иззи доставала из холодильника сэндвичи и раздавала пакетики с чипсами. Когда к ней подошел Итан, она опустила глаза, надеясь, что он выберет место подальше. Она протянула сэндвич, сделав вид, что ищет в сумке чипсы, и их пальцы соприкоснулись. Иззи притворилась, что ничего не заметила, и отдала ему чипсы. Он схватил пакет вместе с ее рукой и сдавил с такой силой, что чипсы захрустели. Она подняла глаза.

— Ах, прости, — ухмыляясь, заявил он. — Когда не смотришь, ничего не видишь.

Она попыталась выдернуть руку, но он крепко ее держал.

— Спасибо за сэндвич. И чипсы.

Она поморщилась.

— Отпусти руку.

— Ты так любезна...

— Ты задерживаешь очередь.

— А ты можешь сказать: «Проходи, пожалуйста»?

Она ущипнула его за руку.

— Иди уже. Пожалуйста, — в ее голосе слышался сарказм.

Он отпустил ее и взял чипсы.

— По-моему, ты забыла пожелать мне приятного аппетита.

Иззи сделала вид, что не слышала, и приветливо кивнула мужчине, который стоял за Итаном.

— Ну вот, а мне ты почему не улыбнулась? — шутливо возмутился Итан.

Иззи натянуто улыбнулась, чтобы он от нее отстал.

— Так-то лучше, — заметил он. — А то мне бы кусок в горло не полез.

Он отошел от нее, а Иззи вздохнула и перевела глаза на мужчин в очереди. Кожа на груди зудела. Ну и тип! От скромности не умрет. А она-то чего так разнервничалась?

Когда все закончили есть, Иззи села, скрестив ноги, на одеяло под дубом и стала отщипывать кусочки от лепешки. Пег разливала напитки. Итан сидел на стуле в нескольких ярдах от нее, болтал и смеялся с Питером и Гарри. Время от времени он поднимал глаза и, конечно, видел, что она на него пялится. Каждый раз она клялась себе, что больше не будет этого делать, но ее так и тянуло взглянуть туда, где раздавался его глубокий голос и заразительный смех. Жаль, что она не прихватила с собой журнал или книгу. Она могла бы сделать вид, что читает, а не просто сидит на траве. Закончив раздавать еду, Иззи специально задержалась в туалете, долго мыла руки и поправляла волосы. Она надеялась, что, когда она выйдет оттуда, все уже пообедают. Однако Пег стала раздавать оставшуюся еду, шутливо умоляя все доесть, чтобы ничего не выбрасывать.

Пока Пег разливала оставшийся чай и лимонад, Иззи опустилась на одеяло и стала собирать пластиковые контейнеры и салфетки, чтобы чем-то себя занять. Хоть бы этот глупый пикник быстрее прошел! Закончив с напитками, Пег села рядом с ней, прислонившись к сучковатому стволу широкого дуба. Она вздохнула и вытерла лоб тыльной стороной руки.

— Здорово, — сказала она. — Обожаю пикники. А ты?

— Угу, — буркнула Иззи.

— Какой же он красавчик! — заметила Пег. — Согласна?

— Кто? — Иззи потянулась за пластиковым кувшином.

— Ты знаешь кто! — рассмеялась Пег. — Итан.

Иззи пожала плечами и сунула кувшины в корзину.

— Наверное.

— Мы с его родителями старые друзья, — продолжала Пег. — Они милейшие люди.

— Жаль только, что у них сын говнюк, — выпалила Иззи, поднимая пакеты из-под чипсов, чтобы выбросить их в мусор.

— Кто говнюк? — пробасил чей-то голос.

Иззи обернулась и увидела нависавшего над ними Итана: одной рукой он сжимал ветку дерева, а вторую сунул в карман джинсов. Итан подмигнул ей. Иззи ужасно хотелось встать и сделать что-то такое, чтобы ухмылка слетела с его самодовольной рожи.

Пег похлопала по одеялу.

— Садись, — предложила она, показывая на пустое место рядом с Иззи. — Отдохнем несколько минут, а потом опять за работу.

Иззи запихала грязные салфетки в пакет. «Что за фигня? — подумала она. — Я не обязана любезничать с Итаном, раз вы дружите с его родителями».

— Все нормально, миссис Бэрроус, — ответил Итан. — Не хочу вам мешать.

«Миссис Бэрроус? — фыркнула про себя Иззи. — Корчит из себя паиньку».

— Ты не помешаешь, — возразила Пег. — Я как раз говорила Иззи, что твои родители замечательные люди и мы давно дружим.

— А, так это я говнюк, получается, — рассмеялся Итан.

— О нет! — Пег сразу выпрямилась и, широко распахнув глаза, замахала руками, словно хотела прогнать слова, повисшие в воздухе. — Я имела в виду совсем другое...

— Не надо меня выгораживать, — отрезала Иззи.

Она схватила грязные вилки и нож, которым резали дыню, завернула в бумажное полотенце и, вскочив, швырнула в корзину к пластиковым контейнерам и кувшинам. Вдруг указательный палец пронизала резкая боль — она нечаянно порезалась фруктовым ножом. Иззи поднесла руку к глазам и уставилась на длинную царапину. Ноги стали ватными. Она сунула палец в рот, ощутив металлический привкус крови, снова села на одеяло и прикрыла глаза, ожидая, когда тошнотворное головокружение прекратится.

— Что такое? — всполошилась Пег. — Ты поранилась?

Иззи кивнула и схватилась второй рукой за одеяло. Надо за что-то ухватиться, пока мир вращается перед глазами. Вдруг кто-то коснулся ее запястья. Она открыла глаза. Рядом с ней сидел Итан. Он ласково улыбался ей.

— Дай мне взглянуть, — голос его звучал мягко.

Она так ослабла, что не стала возражать и послушно протянула ему руку. Его ладонь была теплой и шелковистой, как гладкий животик спящего щенка. Голова, кажется, перестала кружиться, и сердце Иззи забилося спокойнее.

— Глубокая царапина, — сказал он. — Но ничего страшного. — Он поднял глаза на Пег: — У вас есть лейкопластырь? Или марля?

— Я принесу аптечку, — предложила Пег, с трудом поднимаясь с земли.

— Не нужно, — возразила Иззи, убирая руку. — Правда! — Но было поздно. Пег уже бежала по поляне с такой скоростью, что полы цветастой юбки развевались у нее за спиной.

— Вид у тебя не очень, — заботливо заметил Итан и оторвал кусок бумажного полотенца. — Белая, как лист бумаги.

— Я всегда такая, — объяснила она, прижимая кулак к животу.

— Вот и неправда, — сказал Итан. — Я же видел, обычно ты красная от злости.

Он попытался взять ее за руку, но она ее отдернула.

— Ха-ха! Очень смешно, — огрызнулась Иззи.

— Оберни палец, чтобы остановить кровь, — предложил он, протягивая бумажное полотенце.

Она обернула. Ну что он здесь сидит? Он был слишком близко, от него слишком хорошо пахло, он был слишком милым и нереально красивым. Она быстро отползла назад и поднялась на ноги. Итан посмотрел на нее и рассмеялся:

— Не бойся, я не кусаюсь!

— Откуда мне знать? — Иззи взяла плетеную корзинку и пошла к машине.

Он встал и пошел за ней.

— Так ты считаешь меня говнюком, да? — Похоже, это казалось ему забавным. Как же он ее бесит!

— Ничего я не считаю. Я тебя даже не знаю. — Иззи пошла быстрее. Он тоже прибавил шаг.

— Вот именно, ты меня не знаешь. Может, тогда не надо обзывать?

— А! — сказала она, закатывая глаза. — Вот оно что. Ты можешь делать все что хочешь, а другим нельзя. Так выходит?

— Ты о чем?

Она остановилась и обернулась к нему.

— Тебе неприятно, что я назвала тебя говнюком, а сам со своей подруженькой издеваешься над одноклассниками. Что, неправда?

Улыбка слетела с его лица. Нахмурившись, он смотрел на нее.

— Я не знал, что это твой шкафчик.

— Какая разница! Это подло, мерзко!

— Ты права, — признал он. — Но Шэннон...

— Шэннон говорит тебе и всем остальным, что делать, а вы и рады стараться.

— Нет, все не так. Просто... она...

Но тут Иззи заметила Пег, которая торопливо шла к ним по парковке. Она несла сине-белую аптечку. Гарри с встревоженным видом шел за ней.

Иззи затрясла головой.

— Нет, так! Но сейчас я не хочу об этом говорить. Нам придется работать вместе, пока мы не разберем все чемоданы. В общем, давай оставим все, как есть, ладно?

Итан повернул голову туда, куда она смотрела, и увидел Пег и Гарри.

— Мы можем обсудить это позже? В другом месте?

Иззи схватила корзинку обеими руками, случайно прижавшись раненым пальцем к ручке. Острая боль эхом отдалась в сердце и в мыслях. Противоречивые чувства брали вверх над разумом, хотя интуиция подсказывала, что ничего хорошего из этого не выйдет и поэтому лучше держаться от Итана подальше. И все же он ей нравился. Внутри у Иззи все свело от ярости.

— Зачем?

Тут к ним подошли Пег и Гарри.

Итан взял у женщины аптечку.

— Давайте я, — предложил он. — Ведь это я виноват.

— Ты уверен? — встревоженно переспросила Пег. — Ей не нужно наложить швы?

Итан усмехнулся.

— Нет, швы накладывать не нужно. Это всего лишь маленькая царапина:

— Ладно, как скажешь. Ты же будущий врач, в конце концов. Ты тогда позаботься об Иззи, а мы уберем посуду.

Иззи не успела возразить. Пег и Гарри пошли к деревьям, чтобы собрать стулья и сумки, и они с Итаном снова остались наедине. Он открыл дверь машины и велел Иззи сесть на пассажирское сиденье. Она послушалась и примостилась на теплом кожаном сиденье, свесив ноги наружу. Итан опустился на колени и положил аптечку на землю.

Затем он взял ее за руку и осторожно снял пропитанное кровью бумажное полотенце. Иззи скривилась и отвела глаза.

— Не будь такой нюней, — сказал он. — Представь, что ты порезалась листом бумаги. Кровь уже засохла.

— Ты же сказал, порез глубокий.

— Глубокий, но маленький. Все будет хорошо, я обещаю.

Теплые нежные пальцы скользили по ее руке. Он потянул девушку к себе, чтобы перевязать рану. Что бы он подумал о ней, если бы узнал, что она сама себя резала? «Наверное, решил бы, что я психованная, — подумала Иззи. — И, пожалуй, так оно и есть».

— Ах, ну да, — небрежно произнесла она, чтобы отвлечься от своих мыслей. — Ты же будущий врач.

— Родители мечтают, что я стану врачом, — объяснил Итан, перебирая лекарства в аптечке. — А я бы хотел работать на скорой помощи.

— Я бы не смогла, — заявила она и, чтобы не смотреть на свой палец, стала наблюдать через пыльное лобовое стекло за Пег и Гарри.

Они стояли в тени деревьев. Чмокнув Пег в губы, Гарри взял у нее сумку со льдом. Она с улыбкой взъерошила ему волосы. Иззи вспомнила, как ездила с родителями на пляж. Они со смехом гонялись друг за другом по песку, а потом отец обнял маму за талию, поцеловал и понес в воду. Иззи, улыбаясь, наблюдала за ними. Ей было уютно и тепло. Она верила, что в мире живут счастливые люди, которые любят друг друга. А как же иначе? Но тут на нее обрушилось другое воспоминание: отец лежит ничком на кровати на окровавленной простыне, а в голове у него зияет черная дыра. Мать сидит на корточках в углу комнаты, глядя перед собой, у испачканных в крови ног — охотничья винтовка. Иззи затошнило. Выходит, веселье на пляже, счастливые рождественские утра, поцелуи на прощание, смех и шутки за обеденным столом — все это лишь обман, иллюзия. Как знать, какие роковые секреты, способные разрушить их маленький идеальный мирок, скрывают друг от друга Пег и Гарри?

— Еще бы, — рассмеялся Итан. — Тебе бы пришлось нелегко, раз ты не переносишь вида крови.

— А... что? — спохватилась она, стряхнув мрачные мысли.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — встревоженно спросил он.

— Да, — ответила Иззи. — Прости, я задумалась.

Она осторожно скосила глаза, наблюдая за тем, как он смазывает йодом палец. Сейчас будет жечь... Но нет, она ничего так и не почувствовала.

— Мы говорили о том, что ты бы вряд ли смогла работать на скорой помощи.

— Точно, — согласилась Иззи. — В детстве я хотела быть ветеринаром. Не могу смотреть, как страдают животные. Но я бы ни за что не согласилась их оперировать, даже ради спасения жизни. — Ну вот зачем она разоткровенничалась? Иззи стало противно. Думать надо, прежде чем говорить. Наверное, она еще не пришла в себя после того, как порезалась.

— Я тоже. В прошлом году моя собака — у меня был лабрадор — попала под машину. Я несколько дней плакал, даже в школу не ходил. Кошмар.

— Как же ты будешь работать на скорой? Тебе придется смотреть на то, как люди страдают.

— Это совсем другое.

— Почему другое? — удивилась она.

Он пожал плечами.

— Не знаю, как объяснить. Животные ни в чем не виноваты. А люди... они не такие безобидные. Животные лучше людей.

Она посмотрела на его иссиня-черные волосы, широкие плечи, загорелую шею и совсем забыла о порезанном пальце. Он обернул вокруг него марлю и медленно, осторожно отлепил лейкопластырь. Неужели Итан не просто самоуверенный качок? Неужели у него есть сердце, мысли? Или он заманивает ее в ловушку? Иззи вспомнила, с какой фальшивой почтительностью он обратился к Пег — «миссис Бэрроус». От мальчишек, которые подлизываются к взрослым, хорошего не жди. И все же ей показалось, что она впервые увидела Итана таким, какой он есть на самом деле.

— Как звали твоего пса? — спросила она.

— Люси, — ответил он. — Это была девочка.

— Бедная Люси. Очень жаль.

— Спасибо. В прошлом году родители купили мне другую собаку, тоже лабрадора. Мы назвали ее Вторая Люси.

Он закрепил повязку лейкопластырем и, улыбаясь, поднял на нее глаза — голубые, как океан, и глубокие, как море. Иззи загляделась на

него. Опомнившись, она выскочила из машины, чуть не сбив его с ног. Он схватился за дверь, чтобы не упасть.

В эту минуту к машине с сумками и складными стульями в руках подошли Пег и Гарри.

— Вижу, ты на нее запал... то есть упал, — рассмеялся Гарри.

Итан закрыл аптечку и выпрямился.

— Я не удержался, — пояснил он с пылающими щеками.

— Ну еще бы, — кивнул Гарри, скаля в усмешке зубы. — Открой багажник, будь добр.

Итан помог сложить в машину стулья и сумки. Иззи взяла аптечку и пошла к складу. Она оглянулась через плечо и увидела, что Итан, подняв несколько стульев, смотрит ей вслед.

Они вернулись на склад. Пег открыла следующий чемодан, принадлежавший человеку по имени Лоуренс Лоуренс. Она стала перечислять скудное содержимое ветхой кожаной сумки — «пара черных мужских туфель, эластичные резиновые подтяжки с белыми пуговицами, сине-белая кружка и помазок для бритья с пожелтевшей щетиной», — а Иззи радовалась, что может уткнуться носом в блокнот. Она записывала предметы аккуратным почерком, стараясь не думать об Итане. Когда Питер стал фотографировать, Итан взял резиновую перчатку и раскрыл ее, чтобы помочь ей надеть на порезанный палец.

Ее бросило в жар. Она взяла перчатку и сказала:

— Спасибо, я справлюсь.

Иззи вместе с Пег разложила вещи, потом сняла перчатки и положила на стол. Итан взял их и убрал в карман. Когда они снова ей понадобились, она попросила их отдать. Потом он снова забрал перчатки. Увидев это, она пошла за другой парой.

За три часа они разобрали десять чемоданов. В одном из них лежали вырезки из филиппинской газеты, групповая фотография из военного училища Брайант, блокнот с надписью «Воспоминания об американской школе», принадлежавший Роберто Торресу, и старая морская форма, в том числе шерстяная вязаная шапка. Иззи перелистала блокнот. В начале было написано: «В школе Уоллбэш я изучал следующие предметы: английский язык, грамматику, арифметику, географию, гигиену, музыку, правописание и плотницкое дело. Также я читал произведения Генри У. Лонгфелло. Кроме меня здесь учатся пять студентов из восточных стран». На последней

странице записи внезапно обрывались: «Никто не говорит конкретно, когда я выйду на свободу. Я бы хотел написать...»

— Может, это его отец? — предположила Пег, разглядывая газетную вырезку с фотографией сурового мужчины азиатской наружности. — Должно быть, он был банкиром или политиком. Что-то в этом роде.

Иззи посмотрела на один из снимков, лежавших в чемодане. На нем был изображен молодой мужчина с восточной внешностью. Красивое лицо казалось спокойным и серьезным. На обороте было написано карандашом: «Роберто Торрес». Что же произошло, какой длинный извилистый путь прошел Роберто Торрес, который, уехав с Филиппин, оказался в психиатрической лечебнице штата Нью-Йорк?

В другом чемодане нашлась Библия, открытки с обетами, сборники гимнов, молитвенник и письмо монахини к епископу. В докторском саквояже из кожи под крокодила лежал диплом медсестры и бережно упакованные чайные чашки с блюдцами. В большом сундуке нашлись кастрюли, сковородки, лампа, банки из зеленого уранового стекла и пара коньков.

Последним в тот день они решили разобрать огромный дорожный чемодан. На нем остались выцветшие туристические наклейки: черный океанский лайнер с красной надписью «Кунард — из Бостона в Европу», Эйфелева башня со словом «Франция», написанным жирными буквами, а также памятные знаки из Цюриха, Италии, штата Мэн, Каира, Лондона и Бремерхафена. Пег, Иззи, Итан и Питер сгрудились вокруг него. Каждый задумался о чем-то своем, разглядывая детали из тика, медные заклепки и поблекшие багажные печати. Это был самый большой из всех чемоданов, настоящая глыба в море обычных сумок и сундуков.

Интересно, кто был его владельцем? Иззи представила пожилого мужчину — писателя или преподавателя, — который путешествует по миру, чтобы своими глазами увидеть экзотические племена и старинные обычаи. Может, он был ученым, археологом, исследовавшим египетские могилы и древние руины? А на старости лет обезумел или заболел болезнью Альцгеймера, его отправили в Уиллард, и никто из родственников не захотел его забрать.

Питер сфотографировал сундук со всех сторон, и Итан поставил его на попа. Иззи удивилась, когда Пег зачитала имя на жетоне —

Клара Элизабет Картрайт. Она записала его, а Пег щелкнула медным замком и открыла чемодан. Увидев, что лежит внутри, они с Иззи ахнули. Питер защелкал фотоаппаратом. Из обитых тканью с узором пейсли ящичков с кожаными ручками выглядывали перья и шелковые ленты, жемчуга и сорочки пастельных тонов, ноты и фестончатые края старых фотографий. На рейках висели пышные блузы, плиссированные юбки, расшитые стеклярусом платья-чарльстон, шелковые чулки, кардиган с шелковыми бантиками и вечернее платье без рукавов из золотистой металлизированной ткани. По углам чемодана лежали две выцветшие шляпки-клош, бисерная сумочка, несколько книг и туфли на высоких каблуках. Посередине расплзалась бесформенная куча заклеенных конвертов.

— Нам нужно больше места, чтобы все это разложить, — сказала Пег зазвеневшим от волнения голосом. — Итан, попроси, пожалуйста, Гарри, чтобы он принес еще один стол.

Итан бросился выполнять ее просьбу. Спустя несколько минут они с Гарри поставили рядом с чемоданом большой стол.

— Схожу к машине за черной тканью, — бросил Итан, устремившись на улицу.

— Возьми заодно еще один рулон пленки, — крикнул ему вслед Питер.

Пока Итан ходил за тканью и пленкой, Питер направился в уборную, а Пегги стала открывать ящички. Иззи прилежно записывала: «Книга „Великий Гэтсби“ Ф. Скотта Фицджеральда, состояние: отличное. Книга „Любовник леди Чаттерлей“ Д. — Г. Лоуренса, состояние: отличное. Папка с нотами. Открытки из Германии, Испании и Франции, состояние: отличное. Розовое боа из перьев. Три нитки жемчужных бус. Четыре браслета из серебра и полудрагоценных камней. Черно-белая фотография молодой девушки в платье-чарльстон, сидящей за круглым столиком; за ней четыре улыбающиеся девушки, на оборотной стороне написано; „18 лет, день рождения в „Коттон-клуб““. Фотография той же девушки и молодого человека в смокинге с высоким воротником, на оборотной стороне написано: „Мы с Бруно в июле 1929-го“. Фотография ее же с пожилым мужчиной в фетровой шляпе и шерстяном пальто и пожилой женщиной в меховом палантине и шляпе с перьями, на оборотной

стороне написано: „Мама и папа, Рождество 1928“. Зеленый блокнот в кожаном переплете, состояние: хорошее».

Эта молодая девушка, Клара, лучезарно улыбалась на каждой фотографии. Ее коротко стриженные волосы были уложены волнами или аккуратно спрятаны под шляпку. Она была хорошенькой, как кинозвезда: огромные глаза, длинные ресницы, высокие скулы, яркие полные губы. Ее отец на фотографии кривил рот под густыми висячими усами. Мать Клары, тщедушная женщина со сморщенным личиком, скосила глаза вправо, словно готовясь сбежать, как только фотограф закончит. Вид у обоих был довольно кислый.

Пока Пег раскладывала вещи из чемодана, Иззи взяла фотографию Клары и Бруно и невольно залюбовалась ими. У Бруно были темные волосы и волевой подбородок, а безупречная кожа светилась здоровьем. Обнимая Клару, он развернулся к ней, словно собираясь поцеловать ее в щеку. Клара с нежной улыбкой смотрела в камеру. Иззи не могла оторвать от них взгляда. Было ли у кого-нибудь из них предчувствие, что их жизнь сложится не так, как они надеялись? Если бы она нашла эту фотографию не на чердаке старой психбольницы, она бы решила, что влюбленные сыграли роскошную свадьбу и уехали вдаль на черном лимузине, а потом жили в большом доме с шумной ватагой прехорошеньких детишек. — Любой бы подумал, что они вместе состарились и умерли с улыбкой на устах, радуясь тому, что у них была спокойная счастливая жизнь.

Иззи с тяжелым сердцем разглядывала веселое лицо Клары. Могла ли эта девушка представить, что сойдет с ума? А Бруно? По рукам Иззи побежали мурашки. Что он почувствовал, когда узнал, что его любимая сошла с ума? Остается только надеяться, что это не сделало его несчастным на всю жизнь.

Пока Пег, опустив голову, перебирала письма, Иззи чувствовала, как у нее внутри шевелится что-то гадкое и уродливое. Когда она согласилась помочь с чемоданами, она такого не ожидала. А сейчас, куда ни брось взгляд, все напоминает о том, какой невыносимый поворот произошел в ее собственной жизни. Стопки непрочитанных писем принудили Иззи вспомнить о большом конверте, набитом письмами и поздравительными открытками, спрятанном в ее комод. Она так и не смогла заставить себя прочитать то, что посылала ей мать.

Социальным работникам она говорила, что не читает письма, потому что ненавидит ее. Но это неправда. Как бы она ни злилась на мать, как бы ни боялась закончить так же, как она, Иззи не чувствовала к ней ненависти. Если честно, она скучала по матери даже больше, чем по отцу. Она вспоминала, как мама пекла печенье в залитой светом кухне, сажала фиалки у дома, вплетала ей в косы розовые ленты. Та женщина, которую она любила, по которой скучала, не могла убить ее отца. Просто у нее в мозгу что-то щелкнуло, и она превратилась в другого человека. Это единственное объяснение. Иззи ужасала мысль о том, что мама сошла с ума, но за что же ее ненавидеть? Ей стало грустно и страшно. Она верила, что у матери не было выбора. А как иначе?

Если бы Иззи сказала правду, то психолог бы решила, что девушка сама рехнулась. Дело в том, что она боялась читать письма матери, потому что считала их «заразными». Что она найдет в этих письмах? Бессвязный бред сумасшедшей? А если слова матери каким-то образом повлияют на нее, подтолкнут к скользкой дорожке, ведущей к сумасшествию? Чтобы выжить, чтобы продолжать переставлять ноги и идти вперед, нужно притвориться, что этих писем не существует. Так проще. Она перевозила большой конверт из одного дома в другой и добавляла в него новые письма, когда они приходили. Они вызывали у нее те же чувства, что и фотография отца, которую она держала во внешнем кармане чемодана на молнии. Письма и фотография — это просто ее вещи, жалкая собственность, не стоящая упоминания, вроде нижнего белья или джинсов.

Но между письмами в чемодане Клары и теми, что хранились в шкафу Иззи, было одно различие. На конвертах Клары не было марок и почтового штемпеля, потому что она их так и не отправила.

— Они все адресованы одному человеку, — заметила Пег, взглянув на последний конверт.

— Кому, Бруно? — догадалась Иззи.

— Да! Бруно Моретти! — ответила Пег, вскинув брови. — Как ты узнала?

Иззи показала снимок Клары и Бруно. Пег, прищурившись, долго смотрела на него.

— Какая красивая пара! — восхитилась она.

— Что же с ними стало... — сказала Иззи, разглядывая фото. — Она выглядит совершенно нормальной. И такой счастливой.

— Надеюсь, нам удастся это узнать, — ответила Пег, пожав плечами.

— Может, здесь что-нибудь написано? — предположила Иззи, потянувшись за блокнотом.

У него была зеленая кожаная обложка с тиснением гербовой лилией и корешок из блестящей черной искусственной кожи. Она открыла его и вслух прочитала:

— «Январь 1925 года. Дорогой дневник! Сейчас я нахожусь в Швейцарии. Мама купила мне этот блокнот в чудесном магазине подарков в Энгельберге. Я бы хотела здесь жить! Мы с Уильямом исследуем окрестности и прекрасно проводим время. Мне нравятся горы и швейцарские шале. Мама и папа тоже, кажется, довольны. Но завтра мы возвращаемся домой».

Иззи замолчала и перелистала страницы до конца. Она пробежала глазами длинные абзацы и прочитала последнюю запись:

— «Отец договорился, чтобы меня перевели в Уиллард. Мне страшно».

Иззи посмотрела на Пег, пытаясь проглотить комок в горле. Что за катастрофа произошла с молодой девушкой? Почему она оказалась в таком месте, как Уиллард? Если это не трагическая случайность, то по какой необъяснимой причине она сошла с ума? Почему родной отец отправил ее в сумасшедший дом? Неужели она обезумела внезапно, ни с того ни с сего? Как сложилась ее жизнь, что стало с Бруно? Может, она пристрелила своего жениха в припадке бешенства или ревности?

Вернулись Питер и Итан, который принес черную ткань и новый рулон пленки. Иззи положила дневник и стала перебирать письма и открытки, чтобы скрыть набежавшие слезы. Беззвучно выругавшись, она вытерла покрасневший нос. Хоть бы никто не заметил. Но когда она подняла глаза, то увидела, что Итан встревоженно смотрит на нее.

ГЛАВА 6

КЛАРА

Клара сидела на заднем сиденье, прислонившись к двери грохочущей машины, и смотрела в окно. На коленях у нее лежало одеяло, которое принесла медсестра Йотт. Закатное солнце освещало редкие облака, и от этого казалось, что по небу летают розовые и сиреневые перья. Здания и деревья вдали становились все темнее, превращаясь в силуэты на фоне пастельного неба. «В это время дня, — думала Клара, — можно увидеть, как на земле противоборствуют рай и ад, свет и тьма, добро и зло». Все вокруг вдруг стало черным, словно в мире воцарилось злое начало. Казалось, весь мир вот-вот накроет крошечная тьма, и Клара вообразила, что мистер Глен будет вести машину без остановки, пока они не растворятся в ночи. Но скоро в ночном небе зажгутся луна и звезды, напоминая людям о том, что во Вселенной есть и свет, и добро, и надежда, и благодать. Клара подняла глаза к небу, надеясь увидеть первую звезду, и вздохнула с облегчением, когда заметила над голыми ветвями черного дерева крошечную мерцающую точку.

Они почти шесть часов ехали в машине, и за это время никто с ней не заговорил. Наконец мистер Глен объявил, что они приближаются к Уилларду. Медсестра Мэй, прямая, как палка, сидела рядом с Кларой, сложив руки на коленях и поджав губы. Она смотрела прямо перед собой. Три часа назад, после того как они уехали из лечебницы Лонг-Айленд, Клара попросила мистера Глена остановиться у бензоколонки или у кафетерия, чтобы она могла сходить в туалет. Девушка надеялась, что ей удастся сбежать — например, через заднюю дверь или окно в дамской комнате. Но медсестра не спускала с нее глаз, даже зашла с ней в туалет на заправке и молча ждала, пока Клара справит нужду.

Когда Клара мыла руки в умывальнике, она судорожно оглядывалась по сторонам: может, в уборной найдется что-нибудь, чем можно ударить Мэй по голове? Но на глаза ей попала только плетеная корзина. Конечно, она была слишком легкой, чтобы причинить медсестре хоть малейший вред. К тому же Клара

сомневалась, что сможет ударить человека, даже ради собственного спасения.

Она взглянула на себя в зеркало. Оттуда на нее смотрела незнакомка: уставшее лицо, всклокоченные волосы. Клара до сих пор не верила, что все это происходит с ней на самом деле. Ведь она, в конце концов, Клара Элизабет Картрайт — дочь единственной наследницы универсального магазина «Бридж Бразэрс» и владельца банка «Свифт»! Она любила жевательную резинку, далматинцев, вишневую помаду, модный чарльстон. С ней не могло случиться ничего плохого.

Но когда Клара увидела свои впавшие глаза и бледную кожу, она поняла, что это правда: ее везут в психбольницу. Вот как повернулась ее жизнь! Ей уже не верилось, что Бруно целовал ее губы и нежно гладил по щекам. Что думают о ней врачи и медсестры?

После остановки на заправке они снова ехали молча, только мистер Глен порой насвистывал мелодию из бродвейского мюзикла и какую-то джазовую композицию. Дождь барабанил по металлической крыше, а ветер, словно голодный дух опустевших полей, со свистом врывался во все щели.

Дождь прекратился. Было еще не так темно, и Клара разглядела вдаль какие-то сараи, фруктовые сады и нивы. Урожай уже сняли, и она видела, как коричневые кукурузные ряды вместе с желтыми пшеничными образуют на земле своеобразный узор. Рядом с амбарами в загонах стояли свиньи и коровы. На небольшом огороженном пастбище паслись кони. Вдоль дороги виднелись курятники, кузница и несколько промышленных зданий. Клара вздрогнула, когда мистер Глен вдруг заговорил.

— Уиллард открыли в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. С тех пор лечебница разрослась и превратилась в настоящую деревню, — сказал он. — Пациенты работают на ферме и железной дороге, а местная пекарня и кухня обеспечивают продовольствием больных и служащих. У нас есть фруктовые сады, мы собираем урожай, а в мастерских делают одежду, обувь и даже сосновые гробы, в которых людей хоронят на кладбище Уилларда.

Волосы у нее на голове встали дыбом. Как это — люди умирают в Уилларде? Она думала, их лечат, а потом отправляют домой. Зачем психлечебнице кладбище?

— От чего же умирают пациенты? — робко спросила она.

— По разным причинам, — ответил мистер Глен. — От туберкулеза, тифа, холеры. От старости, в конце концов.

— От старости? — поразилась Клара.

— Ну конечно, — подтвердил мистер Глен. — Некоторые проводят в Уилларде десятки лет.

— Это не тема для обсуждения, мистер Глен, — холодно оборвала его медсестра.

Клара проглотила комок в горле и закуталась в одеяло.

Они миновали освещенную пиронафтовыми фонарями железнодорожную платформу, где десяток мужчин толкали к электростанции груженные углем тачки, и вскоре она увидела вдали темные силуэты зданий, которые напоминали фабричные и соединялись с расположенным в центре гигантским четырехэтажным особняком. Они подъехали ближе, и она заметила, что за высокими окнами без занавесок горит свет, а внутри двигаются и стоят неподвижно люди. Окна были зарешечены. У Клары засосало под ложечкой.

В этот момент мистер Глен стал насвистывать песню Эллы Фицджералд о заботливом пастушке. Сердце девушки сжалось в груди, а горло сдавило от подступивших рыданий. Медсестра начала ему подпевать, и Клара чуть не закричала. «Они что, специально поют эту песню? Они хотят, чтобы я и действительно сошла с ума, они этого добиваются?» Она впилась ногтями в ладони. Это всего лишь сон, и от боли она обязательно проснется. Но нет, это не ночной кошмар. Это настоящая жизнь, ее жизнь. Вскоре она окажется за этими стеклами, станет так же смотреть из окна, и некому будет позаботиться о ней. На Клару накатила такая тоска, что она чуть не завывала от отчаяния и боли.

За окном машины проплывали трехэтажные здания. Огромные корпуса шли друг за другом, образуя что-то вроде лестницы, ведущей к центральному дому. Сколько несчастных людей томится за кирпичными стенами Уилларда? Если судить по количеству зданий и окон — огромное множество. Паника, из-за которой у нее сдавило горло, превратилась в ворочающееся в желудке горькое варево.

Машина, подпрыгивая на ухабах, двигалась по разбитой дороге. Потом они повернули налево, туда, где находилось огромное здание. Из окна автомобиля она увидела, что справа земля идет под уклон.

Впрочем, в темноте было сложно что-то разглядеть. Вдали, в низине, находилось нечто, похожее на скопление облаков, за ним поднимался пологий холм. Она увидела в долине отражение автомобильных фар и поняла, что смотрит на воду.

Мистер Глен направил машину к викторианскому особняку. Это было главное здание с десятком пристроек. Ко входу вела роскошная лестница, в окнах горел электрический свет. Одна из внушительных дверей открылась, и на крытую каменную галерею вышел человек в темном костюме. Водитель заглушил двигатель и вышел из машины.

— Подожди здесь, я за тобой приду, — бросила медсестра Кларе.

Клара судорожно сглотнула. Во рту от страха появился кислый привкус. Ее руки и ноги дрожали, на верхней губе выступили бисеринки пота. Несмотря на то что ее бросило в жар, она застегнула все до единой пуговицы пальто, словно оно могло ее от чего-то защитить. Мистер Глен вытащил из багажника чемодан, затем обошел машину и открыл заднюю пассажирскую дверь. Медсестра вернулась, и Клара вылезла из машины, не отрывая глаз от нависающей над ней громадины. Над галереей она заметила мраморную доску, на которой было вырезано: «Чапин-Холл». У Клары пересохло во рту, когда она окинула взглядом арочные, как в католическом соборе, окна, чердачные отверстия, массивные трубы и купол размером с трехэтажный дом. Перед ней стоял замок, крепость, тюрьма, из которой невозможно сбежать. И сейчас ее поведут внутрь.

Мужчина, стоявший на галерее, спустился по ступенькам вдоль резной балюстрады и направился по дорожке в их сторону. Подойдя к ним, он обратился к мистеру Глену:

— Ну как добрались?

Затем кивнул медсестре Мэй и, сцепив руки за спиной, внимательным взглядом смерил Клару. Это был невысокий поджарый человечек с аккуратно подстриженной козлиной бородкой и глубоко посаженными глазами. Темные волосы были зализаны назад, подчеркивая резкие черты смуглого лица. Темно-синий костюм сидел идеально, белый воротничок светился, будто маленькое привидение, а в начищенных кожаных туфлях отражался свет газовых фонарей, горевших на крыльце.

— Сначала дороги были не приведи господь, — пожаловался мистер Глен, — но потом погода переменилась.

— Хорошо, хорошо, — закивал мужчина. — А это, должно быть, Клара?

— Клара Элизабет Картрайт, доктор Роуч, — подтвердила медсестра Мэй. — Восемнадцать лет, физически здорова.

— Изолировать не нужно?

— Доктор Торн заверил нас, что она ничем не болела, — сказала медсестра Мэй. Она не спускала с доктора глаз, словно ожидая какого-то знака.

— Она не капризничала, спокойно себя вела? — поинтересовался доктор Роуч у мистера Глена, не обращая внимания на уставившуюся на него медсестру.

— Нет, сэр, — замотал головой мистер Глен. — Сидела тихо, как мышка.

— Ну и прекрасно, — сказал мистер Роуч. — Тогда проводите девушку внутрь, и мы ее заселим.

Клара сжала губы. В голове пульсировала боль. Они говорили о ней в третьем лице, словно ее там не было, словно она недочеловек, не способный слышать, чувствовать, говорить. Она протянула руку, надеясь, что врач поймет: ей здесь не место.

— Рада познакомиться, доктор Роуч, — с вымученной улыбкой произнесла она.

Доктор Роуч замер и посмотрел на протянутую ладонь, продолжая прятать руки за спиной. Медсестра Мэй, скривив рот, отпихнула ее руку.

— Не трогай его, — бросила она.

Доктор Роуч развернулся и пошел внутрь. Мистер Глен махнул женщинам, чтобы они следовали за ним. Клара словно приросла к тротуару. Может, попытаться бежать? Медсестре Мэй ее не догнать, но Глен ее быстро поймает. Медсестра ткнула Клару в спину, чтобы она поторапливалась. Девушка в бешенстве взглянула на нее, но пошла по дорожке к Чапин-Холлу.

Доктор Роуч открыл одну створку двойных дверей и подождал, пока они войдут. Он с подозрением смотрел на Клару, словно опасаясь, что она попытается снова до него дотронуться. Оказавшись внутри, медсестра Мэй и мистер Глен сняли верхнюю одежду и повесили на железную вешалку. Клара стояла не шелохнувшись.

— Пусть оставит пальто здесь, — сказал доктор Роуч, ни к кому конкретно не обращаясь, и его голос эхом отразился от стен просторного каменного фойе. — В женской палате «В» есть одно свободное место. Мистер Глен, принесите ее багаж, пожалуйста.

Врач стал расхаживать по фойе, сцепив руки за спиной и клацая каблуками по мраморному полу. Медсестра, сидящая за стойкой, на секунду подняла глаза. Ее бледное лицо осветила настольная лампа. Треугольный луч в темном помещении напоминал миниатюрный маяк. Фойе было не меньше двадцати футов в высоту. Витражный купол в центре окружали погасшие газовые люстры с медными листьями и матовыми стеклянными шарами. По всему периметру помещения тянулся мраморный бордюр; на оливково-зеленых стенах висели пасторальные виды ферм и заснеженных Альп. Сбоку от входной двери, рядом с окнами во всю стену, стояли диван и несколько массивных кресел, а в глубине виднелась лестница из красного дерева, ведущая на второй этаж. Обстановка напомнила Кларе об отцовском доме, только здесь, конечно, все было намного больше. Ее била дрожь, колени вибрировали, а ноги подкашивались.

Доктор Роуч провел их по фойе в короткий коридор с несколькими дверями и остановился у первой двери справа.

— Медсестра Мэй, — приказал он, не спуская глаз с девушки, — пожалуйста, помогите Кларе. Пусть она возьмет в своем чемодане подходящую обувь, исподнее и три повседневных платья. Чулки не нужны. Ночную сорочку ей выдадут больничную. Остальные вещи будут храниться на складе. Не забудьте оставить пальто и зимнюю обувь для прогулок.

— Да, доктор Роуч, — коротко ответила медсестра.

Она открыла дверь и провела Клару в раздевалку, что-то еле слышно пробормотав. Мистер Глен вошел за ними и, громко ухнув, взгромоздил тяжелый чемодан на длинный стол, а потом удалился, оставив женщин одних.

— Слышала, что доктор сказал? — бросила медсестра Мэй. Она села на стул у стены, скрестив руки на груди. — Так что давай быстрее.

Клара набрала в грудь воздуха и щелкнула замком чемодана. Она испугалась, что оттуда посыпятся письма, которые она писала Бруно! Девушка прижалась к столу, загораживая чемодан, и осторожно

подняла его крышку. Что делать: спрятать несколько писем в карман или подождать, пока ей разрешат снова открыть чемодан? Может, она уговорит кого-нибудь отправить эти письма? Настроение медсестры, с тех пор как они приехали, почему-то явно ухудшилось. Наверное, лучше не злить ее еще больше. Клара решила не рисковать. Пусть письма пока останутся в чемодане.

Конверт с адресом Бруно лежал на шелковой сорочке. Она прикрыла его рукой, сложила сорочку и затолкала ее подальше под одежду. Затем вытащила из специального отделения коричневые удобные туфли и осторожно, чтобы не разворошить содержимое чемодана, стала искать нижнее белье и три платья. Когда она увидела персиковое с бахромой, которое надела в ту ночь, когда познакомилась с Бруно, у нее сжалось сердце. Будут ли они еще когда-нибудь танцевать?

Наконец она достала синее платье из хлопка, с круглым кружевным воротничком, прямую коричневую юбку и розовую блузку с бантом на груди, а также желтое домашнее платье. Медсестра Мэй тут же встала. Девушка захлопнула чемодан, защелкнула замок и повернулась к ней, повесив платья на руку.

— Это подойдет? — спросила она.

Медсестра Мэй взглянула на одежду и взяла ее у Клары.

— Подойдет, — сложив рот в куриную гузку, процедила она.

Мэй бросила платья на стол, открыла дверь и повела Клару обратно в коридор, где их поджидали мистер Глен и доктор Роуч, облачившийся в белый медицинский халат. Рядом с ними стояла другая медсестра — высокая, крупная, широкоплечая женщина с кудрявыми рыжими волосами. У нее была мощная шея и круглые, как воздушные шары, щеки. Узкие глазки утопали в заплывших жиром складках, а губная помада выделялась на бледном лице, как кровавое пятно на снегу. Лицо у нее было, как у толстухи, но она не выглядела жирной — ее руки и ноги были крепкими и мускулистыми. Великанша держала под мышкой сложенную белую ткань.

— Мистер Глен, — сказал доктор Роуч, держа руки в карманах халата, — пожалуйста, перенесите чемодан Клары в фойе. Утром мы ею займемся.

— Да, сэр, — кивнул водитель, зашел в раздевалку за чемоданом и потащил его в фойе.

— Медсестра Мэй, — обратился к ней врач, — вы можете вернуться к себе. — Он впервые с тех пор, как они приехали, посмотрел ей в глаза. Она угодливо улыбнулась ему, но он, играя желваками, отвел взгляд. — Медсестра Тренч позаботится о пациентке.

— Мне идти в свою комнату, доктор Роуч? — заискивающе спросила медсестра с горящими от предвкушения глазами.

— Как вам угодно, — заявил доктор Роуч. Наконец он ей улыбнулся, но это была самодовольная, лицемерная гримаса, прячущаяся под личиной вежливости.

Медсестра Мэй, зардевшись, кивнула. Она долго смотрела на него, словно задавая безмолвный вопрос. Великанша кашлянула. Медсестра Мэй опустила глаза и пошла по коридору вслед за мистером Гленом.

— Уже поздно, Кларе пора ложиться спать, — обратился доктор Роуч к медсестре Тренч. — Заполним документы завтра. Скоро выключат свет. Не будем нарушать расписание.

— Слушаюсь, доктор, — ответила медсестра Тренч.

Доктор Роуч махнул Кларе, чтобы она шла за ним по коридору.

— Идите сюда, — велел он.

Клара закусив щеки, пошла за ним. Каждый нерв в теле девушки вибрировал, а руки и ноги дрожали, словно ее ударило током. Куда же ее ведут? Ей придется делить палату с другой пациенткой, или она останется одна? Ее привезли сюда, ни слова не сказав о том, что ее ждет и как долго она здесь пробудет. А что, если ее поместят в палату с буйной или беспокойной пациенткой! Эта мысль наводила на нее ужас.

Сжимая кулаки в карманах пальто, она пошла быстрее, стараясь поспеть за доктором Роучем и медсестрой Тренч. В конце коридора они повернули налево и остановились у железной двери с зарешеченным окошком посередине. Доктор Роуч отступил в сторону, а медсестра открыла замок и отворила заскрипевшую дверь. Доктор Роуч показал Кларе, чтобы она вошла внутрь, и сам последовал за ней. В коридоре стоял ледяной холод, как в могиле.

В ноздри ударила резкая вонь — смесь запахов мочи и хлорки. Клара закашлялась, зажав нос и рот рукой. Она плелась вслед за врачом и медсестрой, жалея о том, что не попыталась сбежать, когда была такая возможность. Вряд ли бы ей удалось ускользнуть от

мистера Глена, но попробовать стоило. Это лучше, чем покорно плестись за ними в это кошмарное место.

Длинный коридор был таким широким, что в нем, казалось, могли бы спокойно разойтись два поезда. Вдоль высоких стен виднелись многочисленные двери. Все здания в Уилларде выглядели так, словно их строили для гигантов. Клара не понимала почему. Вдруг дверь в середине коридора распахнулась, и два санитары вытащили в коридор женщину. Растрепанные волосы падали на ее перекошенное лицо, мокрый подол сорочки прилипал к голым ногам. Следом из комнаты вылетела медсестра. Она побежала за санитарями, которые то тащили, то несли сопротивляющуюся женщину. Несчастливая вопила, дрыгая ногами в воздухе. Клара замерла на месте. Сердце громыхало в груди. Доктор Роуч приостановился и посмотрел на нее. Медсестра Тренч тут же обернулась, схватила ее здоровенной рукой за плечо и дернула.

— Пошли, — твердо приказала она.

Клара попыталась вырваться, но тщетно. Медсестра потопала дальше, словно не замечая сопротивления Клары. На ее лице были написаны спокойствие и уверенность, словно она вышла на прогулку с пуделем. Дверь слева была открыта, и Клара увидела нечто вроде огромных детских кроваток с крышками, которые запирались на висячий замок. Ей стало дурно.

В конце коридора они повернули налево, прошли через другую железную дверь и оказались в точно таком же коридоре. У четвертой двери справа они остановились. Медсестра Тренч отпустила ее руку.

— Давай пальто, — велела она.

Клара дрожащими пальцами расстегнула и сняла пальто. Как хорошо, что, уезжая из клиники Лонг-Айленд, она на всякий случай надела свитер! Она даже не подозревала, что в Уилларде может быть так холодно.

— И ботинки тоже, — добавила медсестра.

Клара повиновалась: сняла ботинки и встала на холодный пол. Несмотря на то что она была в чулках, ей казалось, что стоит она на льду.

— Завтра утром приведете ее в мой кабинет на осмотр, — сказал доктор Роуч.

— Хорошо, доктор, — кивнула медсестра Тренч, — приведу...

— Прекрасно, — ответил врач и посмотрел на Клару. — Помните: мы здесь для того, чтобы вам помочь. Вам нечего бояться, — с этими словами он коротко кивнул Кларе и быстро зашагал по коридору.

Медсестра Тренч, цокнув языком, проводила его взглядом. Она поджала губы и покачала головой. На ее пухлом лице отразилось страдание. Затем она открыла дверь и вошла в комнату. У Клары засосало под ложечкой. Медсестра придержала для нее дверь. Клара нерешительно двинулась внутрь, прижимая руки к бешено скачущему сердцу.

Вонь от мочи и фекалий была густой и плотной, как бледно-зеленая краска на стенах. Клара потянула рукав свитера вниз и прижала руку ко рту. В выстуженной комнате стояло пятьдесят металлических коек, прикрученных к стенам. На них лежали грязно-серые подушки, простыни и матрасы, набитые конской щетиной. Пациентки сидели на койках и ходили по палате. На женщинах не было нижнего белья — только ночные сорочки, которые не скрывали обвисших мешочков голых грудей. Некоторые надели свитера или носки, но большинство были босыми. Несколько женщин были одеты в смирительные рубашки. Одна сидела в углу с потрепанной куклой; она качала ее и пела колыбельную. Две пациентки стояли у высоких окон; одна что-то выглядывала в ночи, а другая билась головой о решетку, защищающую стекло. По краям окна виднелась тонкая корочка льда.

— Отбой! — крикнула медсестра Тренч, и женщины поплелись к своим кроватям.

Бедняга, покачивавшая куклу, сунув игрушку за пазуху изношенного свитера, кривыми тонкими ножками зашаркала по направлению к ближайшей койке. Медсестра ждала молча. Когда все женщины улеглись или сели на кровати, одна осталась пустой — рядом с той женщиной, которая нянчила куклу. Постель выглядела так, словно на ней уже кто-то спал: разноцветные простыни и подушка скомкались и измялись. Медсестра Тренч протянула Кларе сложенный кусок ткани, который она держала под мышкой. Оказалось, это ночная сорочка.

— Надевай, — велела она.

Клара чуть не задохнулась.

— Прямо здесь?

— Первое правило Уилларда: делай, что тебе сказали, — ответила медсестра Тренч. — Будешь меня слушаться — и мы отлично поладим.

— Разве здесь нет туалета, где я могла бы переодеться? — жалобно спросила Клара.

Медсестра ухмыльнулась, приподняв уголки ярко накрашенных губ.

— Второе правило Уилларда: не задавай вопросов.

Клара опустила глаза и отвернулась от других пациенток. Ее руки и ноги дрожали. Она сняла чулки и свитер, затем стянула платье через голову, уронив его на пол. Наконец она повернулась, чтобы взять у медсестры сорочку.

— Все снимай, — велела она. — Быстрее, мне некогда. Не испытывай мое терпение, девочка.

Клара сняла трусики и лифчик, прикрывая рукой голую грудь, и снова потянулась за сорочкой. Медсестра отдала ее Кларе. Она скользнула в хлипкую ткань и переступила через сброшенное нижнее белье. Клара нагнулась, чтобы поднять свитер, но замерла и, дрожа всем телом, посмотрела на медсестру Тренч:

— Можно?

— Что у меня, сердца нет? — ответила та.

Клара схватила свитер и просунула руки в рукава, радуясь, что шерсть сохранила тепло.

— Помнишь, что сказал доктор Роуч? — спросила медсестра. — Мы здесь для того, чтобы вам помочь. — Она показала на пустую койку. — Поэтому вы должны слушаться.

Клара пошла к кровати. Ее подташнивало. Она несколько раз сглотнула слюну, сдерживая рвоту. Женщина в кровати напротив раскачивалась взад-вперед, тихо напевая тонким голоском: «А-о-а-о-а-о...» Другая дергала себя за длинные грязные патлы, вырывая волосы. Клара села на свою кровать, прикрывая нос воротом свитера.

— Отбой! — снова крикнула медсестра Тренч.

Женщины улеглись на кровати и накрылись одеялами. Клара последовала их примеру, хотя ее передернуло от мысли о том, что придется спать в этой вонючей постели. Она лежала на спине, чтобы не касаться щекой грязной подушки.

— И не смей разгуливать по палате, Шарлотта! — напоследок пригрозила медсестра.

В палате стало темно.

Медсестра Тренч открыла дверь и вышла. Силуэт ее мощной фигуры на секунду мелькнул в прямоугольнике бледного света. Она громко хлопнула дверью, и комната окончательно погрузилась в полную темноту. В дверном засове повернулся ключ, и женщины в палате тут же зашумели — они тихонько скулили, кашляли, что-то напевали, мычали, бормотали, всхлипывали. Клара услышала, как скрипнули пружины соседней кровати. Кто-то коснулся ее руки. Другая женщина, тяжело дыша, встала у ее ног. Клара, обливаясь слезами, натянула грязное одеяло на голову и сжалась в комочек. Она закрыла мокрое лицо дрожащими руками и зарыдала, взмолившись о том, чтобы быстрее наступило утро.

ГЛАВА 7

ИЗЗИ

Вечером того дня, когда они открывали чемоданы из Уилларда, Иззи растянулась на кровати в трусах и футболке. Она думала, что сможет отвлечься, бездумно пялясь в телевизор, но куда там — бесполезно! Все молодые целующиеся парочки в клипах напоминали ей о Кларе и Бруно. И об Итане. А еще о родителях. Палец саднило под повязкой, а перед глазами стоял Итан, опустившийся перед ней на колени. Она вспоминала его нежные прикосновения и темные волосы. Как сияла его улыбка, когда он поднимал на нее глаза! «У него есть девушка, — строго сказала она себе. — А если бы и не было, этот самодовольный жлоб тебе не пара. Ты забыла, что он вместе со своей подружкой глумится над одноклассниками? Не надо о нем думать».

В полночь она выключила телевизор и перевернулась на живот. Иззи надеялась, что вот-вот погрузится в блаженное беспмятство. Но хотя она ужасно устала, перед глазами все равно проплывало лицо Итана, его смоляные черные волосы и серебристо-серые глаза. Вдруг оно исказилось и стало похожим на лицо отца. Мертвые зрачки смотрели прямо на нее, из головы текла кровь. Иззи вылезла из постели и открыла окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. «Неужели началось? — испугалась она. — Наверное, человек сходит с ума постепенно. Он видит одни и те же образы, без остановки пережевывает одни и те же мысли и не может от них избавиться. Что же со мной такое?»

Она пошла в ванную, во второй раз почистила зубы, выпила стакан воды и посмотрела в зеркало. Глаза опухли и покраснели. Еще бы, ведь она столько плакала! Уиллард, чемоданы, Клара... Все это задело ее за живое. Если бы она знала, что из-за этой возни с чемоданами на нее нахлынут ужасные воспоминания, она бы постаралась отделаться от этой работы. С другой стороны, она не хотела разочаровывать Пег и Гарри. Ничего, потерпит.

Даже странно, что воспоминания о родителях и зловещие образы с места преступления до сих пор так на нее действуют. Ей ведь скоро исполнится восемнадцать. Пора бы оставить их позади, похоронить

вместе с другими событиями из прошлого и двигаться дальше. И все же каждый раз, когда она думала о матери и отце, она снова чувствовала себя семилетней девочкой — испуганной, растерянной, никому не нужной. К тому же она боялась, что закончит свои дни так же, как мать, — одна, взаперти, в психбольнице или тюрьме. Если честно, именно поэтому она, наверное, плакала.

Как можно мечтать о нормальной жизни, когда в твоей ДНК засели вредоносные гены, которые того и гляди дадут о себе знать? Разве она может влюбиться или выйти замуж, зная, что может навредить другому человеку? Как она решится стать матерью, ведь ее ребенок в любой момент может остаться сиротой?

Иzzi провела рукой по шрамам на руке, стараясь не поддаваться желанию вонзить в кожу ногти. «Нет, — подумала она, зажмурившись, чтобы прогнать из глаз слезы, — я так старалась. И я не сдамся. — Она с силой схватилась за раковину, так что костяшки пальцев побелели. — Не сдамся. Прошлое осталось позади. Я не допущу, чтобы оно повлияло на мое будущее. Я не такая, как моя мать».

Иzzi сделала глубокий вдох, умылась и снова легла в кровать. Прохладный ветерок ласково трогал ее голые ноги и свешивающиеся с подушки длинные волосы. Она выключила свет, закрыла глаза и начала считать овец. Глупо, конечно, но как еще остановить нескончаемый поток мыслей и образов?

Вдруг что-то стукнуло в окно, словно кто-то побарабанил по стеклу и поскреб по москитной сетке. Она открыла глаза. Еще раз! Она села. Что-то прокатилось по сайдингу. Она спустила ноги и, затаив дыхание, прислушалась. По стеклу снова ударили — тук-тук! Иззи включила свет.

— Иззи! — просипел снаружи мужской голос.

Она снова выключила свет и встала с кровати. Затем завернулась в одеяло и приблизилась к окну как раз в тот момент, когда в него опять стукнуло. Она вздрогнула от неожиданности.

— Иззи! — более громко и настойчиво повторил голос.

Она выглянула за оконный козырек, пытаясь разобраться, кто стоит в темноте на газоне. В свете полной луны на траве отчетливо выделялись длинные тени. Рядом с бельевой веревкой выстроились в ряд пять человеческих фигур. Рубашки и брюки трепетали на ветру, а длинные всклокоченные волосы развевались, будто черные флажки на

бечевке. Сердце сжалось от страха. Кто это? Пираты-зомби, выступающие из тумана, как в фильме ужасов? Вдруг она поняла, что это темные силуэты ветвей и листьев, дрожащих на дереве за окном. Иззи с облегчением вздохнула и плотнее запахнула одеяло.

— Посмотри вниз! — крикнул кто-то.

Иззи подошла к окну и окинула взглядом усыпанную гравием подъездную дорожку. У гаража стоял Итан. В темноте его лицо было похоже на белую маску. Он высыпал камешки на землю и поставил фонарик под подбородком.

— Сюрприз! — сказал он театральным шепотом и широко улыбнулся, оскалив зубы. В свете фонарика его лицо выглядело странно: глаза как будто запали, под ними пролегли тени, и он стал похож на вампира.

Иззи высунулась из окна.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она. Сердце билось часто-часто, но она старалась не обращать на это внимания.

— Я принес тебе подарок, — заявил Итан и поднял какой-то плоский квадратный предмет, похожий на книгу.

— Посреди ночи? — шепотом сказала Иззи. — Ты с ума сошел? «Или нет, — подумала она, — может, это я сошла с ума?»

— Спускайся! — предложил Итан.

— Нет! — наотрез отказалась Иззи. — Еще чего!

Тут из-за угла выехала машина. Свет фар озарил газон и дорожку. Итан спрятался за гараж. Когда машина скрылась из виду, он снова появился.

— Давай же, — настаивал он, — всего на минутку. Честное слово.

Иззи закусила губу. Зачем он сюда приперся? Что он мог ей принести, да еще в субботу вечером? Почему он не с Шэннон? Сердце забило быстрее. Что он задумал? Может, решил ее разыграть? Наверное, Шэннон тоже стоит внизу, чтобы сделать какую-нибудь гадость.

— Даже не собираюсь, — заявила она. — Уходи, пожалуйста.

— Ты что, серьезно? — разочарованно, словно не веря своим ушам, спросил он. — Я принес тебе ночью сюрприз, а ты хочешь, чтобы я ушел? А я думал, мы с тобой теперь друзья.

Иззи так и подмывало предложить ему отдать свой сюрприз в школе, но он продолжил:

— Если ты не спустишься, я позвоню в дверь и попрошу тебя позвать.

Иззи вздохнула.

— Ладно, подожди минуту.

Она закрыла занавески, бросила одеяло на кровать и натянула шорты. Иззи направилась к двери, но вдруг метнулась к зеркалу в ванной. Волосы были всклокочены, тушь размазалась. Она лизнула палец и попыталась убрать следы макияжа, потом провела щеткой по волосам и собрала их в конский хвост. Наконец она сдернула футболку и достала из шкафа кофту.

Иззи взяла на кухне сандалии, проскользнула через раздвижную дверь, ведущую во двор, и на цыпочках прокралась по заднему крыльцу. Ступив на траву, она надела сандалии и, пригибаясь к земле, потрусилась к гаражу. К счастью, спальня Пег и Гарри выходила окнами на другую сторону. Иззи надеялась, что они ничего не слышали. Итан поджидал ее с другой стороны гаража, прижимаясь к деревянной обшивке. Он направлял фонарик на открытую книгу, которую держал в руке. Увидев Иззи, он захлопнул ее и выпрямился.

— Ты зачем пришел? — спросила она.

— Я тоже рад тебя видеть, — с улыбкой ответил он.

— Чего тебе надо?

— Как твой палец, зажил?

Она показала палец. Белая повязка светилась в темноте, как крошечное привидение.

— Зажил, — ответила она и скрестила руки на груди. — Ну ладно. Я спустилась, как ты просил. И где же мой сюрприз?

Он показал книжечку, посветив фонарем на обложку. Свет отразился от зеленой кожи с королевскими лилиями и заиграл на лаковом черном корешке. Это же дневник Клары!

Иззи выхватила его у Итана.

— Откуда он у тебя? — воскликнула она. — Зачем ты его взял?

— Успокойся, — ответил он. — Подумаешь, позаимствовал на пару дней.

— Какое ты имел право? — зашипела она.

Итан насупился.

— Я заметил, что ты читала этот дневник. К тому же, эта сумасшедшая давно умерла...

— Не важно! Зря ты это сделал!

— Ты так на него смотрела... Я видел, как ты на него смотришь, и подумал, что ты хочешь его прочитать.

— Ты представляешь, что начнется, если кто-нибудь узнает, что ты взял дневник? Это же государственная собственность! — Иззи сама не понимала, что ее так разозлило.

— Господи! — с недоуменным видом ответил он. — Да что с тобой? Я верну его на место, когда ты прочитаешь. Когда мы снова пойдем на склад в субботу, я положу его в чемодан. Подумаешь! Это фигня. Никто не узнает, что я его брал.

Иззи протянула ему дневник.

— Забирай.

— Ладно, — согласился он, пожав плечами. — Заберу. Ну извини, что побеспокоил. — Он взял дневник и пошел прочь. — До встречи!

Она заскрежетала зубами. Он прав. Ей страшно хотелось прочитать дневник Клары. Но так нельзя. Если кто-то узнает, что дневник у нее, ей грозят большие неприятности. С другой стороны, второго шанса не будет.

— Подожди, — окликнула она Итана.

Он с улыбкой обернулся.

— Передумала?

— Возможно.

Он прислонился к гаражу и протянул ей дневник.

— Знаешь, говорят, там есть привидения, — сказал он.

Она удивленно вскинула брови.

— Где?

— В Уилларде.

Иззи бросила взгляд на дневник.

— А, понятно, — коротко ответила она, надеясь, что Итан не заметит, как ее передернуло от ужаса.

— Пару недель назад мои друзья решили там погулять и чуть в штаны не наложили от страха. Когда они вошли в женское отделение, кто-то царапнул одного по шее. Оба слышали в больнице какие-то стоны.

Иззи содрогнулась.

— Кошмар, — сказала она.

— А я думаю, это круто, — со смехом отреагировал Итан.

— Ты просто больной.

— Я пришел не только из-за дневника, — вдруг серьезно сказал он. — Я хотел извиниться за то, что помогал Шэннон приклеить... Ну эту штуку к твоему шкафчику. Ты правильно сказала — это подло и мерзко. Когда ты читала дневник на складе, я заметил, что ты плачешь и...

Иззи напряглась всем телом.

— Слушай, — сказала она, — сейчас у меня все нормально, и я не хочу ничего портить. Если Пег или Гарри узнают, что дневник у меня, они скорее всего меня выгонят.

— Прочитаешь на выходных, а в понедельник принесешь в школу. Я положу его обратно. Никто и не узнает, что он у тебя. Я обещаю.

Иззи вздохнула и погладила зеленую обложку. Все эти годы она мечтала узнать, что творилось в голове у матери, почему совершенно нормальный человек вдруг сошел с ума. Она не могла спросить у врачей, ведь они утверждали, что ее мать совершенно здорова. Но Иззи знала, что это не так. И вот сейчас, в эту самую минуту, она, возможно, держит в руках ответ на свой вопрос. Она хотела было спросить Итана, можно ли отдать ему дневник в классе, как вдруг ей в голову пришла новая мысль.

— А как же Шэннон? — поинтересовалась она. — Вряд ли она обрадуется, если узнает, что ты сюда приходил.

К ее удивлению, Итан ответил не сразу. Он положил руку на шею и долго молчал, опустив глаза. Наконец он мрачно посмотрел на Иззи.

— Не такая уж она плохая, — сказал он.

— Нет, такая, — возразила Иззи. — Сначала она сделала вид, будто хочет со мной дружить, а потом стала издеваться. Гадина!

— С другими людьми — может быть, но когда мы с ней наедине...

— А! — Иззи скрестила руки на груди. — Значит, тебе все равно, как она относится к другим людям. Главное, чтобы с тобой она была лапочкой.

— Нет, — ответил Итан, — не в этом дело. Мы начали встречаться в восьмом классе, и только в прошлом году она стала вести себя... как бы это сказать... по-другому. Знаешь, жизнь ее не баловала.

Иззи закатила глаза.

— Это не оправдание. Не знаю, что там у нее случилось, но она должна была стать лучше, а не хуже. Ненавижу, когда люди обвиняют в своих проблемах всех, кроме себя.

— Ее мать алкоголичка, а отец ушел из семьи.

— И что, значит, можно быть такой стервой? — не успела Иззи это сказать, как сразу пожалела об этом.

Итан вздохнул и ссутулился.

— Отец бил ее мать. Шэннон тоже доставалось. Когда ей было двенадцать, она вмешалась в драку. Ее увезли в больницу с сотрясением мозга. Еще он сломал ей руку. Но мать не сказала врачам правду. Она соврала: Шэннон, мол, спрыгнула с крыши, потому что полетать захотела.

Иззи сглотнула. Как это — отец избивает ребенка, а мать не может его защитить? Это не укладывалось у нее в голове. Да, конечно, ее собственная мать пристрелила отца, но она же сумасшедшая. Иззи предпочитала думать, что она не могла предугадать последствия своего поступка. Она не сомневалась, что мама сделала это в припадке безумия. Если бы она была здорова, то сразу бы поняла, что смерть отца станет для Иззи страшным ударом, а когда полицейские узнают о преступлении, она останется круглой сиротой. Только психически больной человек не придавал бы этому значения. Какая ирония судьбы! До той кошмарной ночи мать Иззи была, пожалуй, даже чересчур заботливой: не разрешала дочери ходить в школу с друзьями, хотя она находилась в одном квартале от дома, и заставляла надевать спасательный жилет на пляже, пока другие дети плескались в воде и резвились на песке без толстого оранжевого кокона. Отец Иззи был без ума от маленькой дочки: он покупал ей хорошенькие платьица, водил на уроки танцев и обещал купить пони, когда ей исполнится десять. И даже сейчас, после всего, что произошло, Иззи никогда бы не поверила, что родители могли умышленно причинить ей вред.

— А потом, — продолжил Итан, — отец Шэннон забрал все деньги с банковского счета и уехал. Им он ничего не оставил. С тех пор о нем не было слышно. — Итан посмотрел на землю, потом поднял на Иззи умоляющий взгляд. — Пожалуйста, никому не говори, что я тебе рассказал. Все сплетничают про родителей Шэннон, но она меня убьет, если узнает, что это я проболтался. Я просто хотел объяснить, почему она такая.

Иззи вздохнула.

— Слушай, — сказала она, — я ей сочувствую. Правда. Но, если честно... После того, что ты рассказал, это кажется еще более странным. Не понимаю, почему она хочет, чтобы люди страдали? Ведь она на собственной шкуре почувствовала, каково это.

— Я думаю, она боится, что ей снова сделают больно, и потому ведет себя так, чтобы никто не рискнул с ней связываться. По-моему, она думает, что жизнь — это пищевая цепочка, и она хочет залезть наверх, чтобы чувствовать себя в безопасности.

— Ты сам-то в это веришь?

— Да, — ответил Итан. — Я пытался с ней поговорить, объяснить, что она не должна быть такой... — Он отвел глаза. Его лицо исказилось, как от боли. — Похоже, кроме меня, у нее никого не осталось. Только я понимаю, почему она такой стала. Матери на нее плевать, а остальные поддакивают Шэннон, потому что боятся ей возражать.

«Ого, — подумала Иззи, — а ведь он правда ее любит!» Она подумала об отце: он женился на маме, понятия не имея о том, что однажды она сойдет с ума. «Осторожнее, Итан!» Но она ничего не сказала, лишь глубоко вздохнула и решила поменять тему:

— Как мне отдать тебе дневник, чтобы Шэннон не узнала? По-моему, ей не очень-то понравилось, что ты за меня вступился.

— Да уж, — протянул Итан, — она очень ревнивая, так что лучше ее не злить.

Иззи чуть было не сказала, что Шэннон та еще штучка, но передумала.

— Знаешь, оставь дневник у себя в шкафчике, — предложил Итан, — а я заберу его на перемене.

— Ладно. Мой номер шкафчика... а, постой! — с улыбкой сказала она. — Ты и так знаешь.

Итан поднял руки вверх.

— Виноват, признаю!

ГЛАВА 8

КЛАРА

Уиллард.

На следующий день после поступления

Солнечный свет, в котором плясали клубы пыли, проникал в помещение через высокие — от пола до потолка — зарешеченные окна. Он рассеивал полумрак, но был не в силах согреть комнату. Вдоль стены стояли шесть ванн на ножках, прикрытые брезентом, который крепился к металлическим трубам. В полу были устроены сливы, треснувший кафель потемнел от плесени. Медсестры громко выкрикивали указания, а пациенты, не желая лезть в ванны с ледяной водой, спорили, визжали и сопротивлялись.

Совершенно голая Клара переминалась с ноги на ногу рядом с ванной. Одной рукой она прикрывала грудь, а второй волосы внизу живота. Черно-белая плитка на полу была холодной, как лед. Дрожа всем телом, она наблюдала за тем, как медсестра высыпала в ванну кубики льда. Медсестра Тренч и здоровенная пациентка с вытекшим глазом ждали рядом с кранами. Из дыры в брезенте на соседней ванне торчала голова женщины с бледным лицом и посиневшими губами. В конце комнаты два санитары достали из ванны потерявшую сознание пациентку и потащили ее к смотровому столу у стены.

— Залезай, — обратилась к Кларе медсестра Тренч.

— Но... — попыталась она робко возразить.

— Помнишь, что я говорила? Делай, как тебе сказали, — заявила медсестра. — Это для твоего же блага.

— Но я... — не сдавалась Клара.

Медсестра шагнула вперед и схватила ее гигантской пятерней за плечо.

— Мы здесь, чтобы тебе помочь, — твердо сказала она. — Это даст тебе возможность успокоиться, избавиться от навязчивых мыслей.

Не успела Клара опомниться, как медсестра Тренч подхватила ее и сунула в ледяную воду. Девушка судорожно вдохнула и поперхнулась водой. Она чуть не задохнулась и почувствовала, как стало больно в груди. Клара схватилась за край ванны и вынырнула на поверхность,

цепляясь за мокрый фаянс. Судорожно кашляя, чтобы отдышаться, она изо всех сил старалась не уйти под воду снова. На секунду в глазах потемнело, и она испугалась, что потеряет сознание. Одноглазая пациентка схватила ее за плечо и стала растирать лицо и шею грубой выцветшей тряпкой. Наконец Клара вдохнула полной грудью. Пациентка принялась мыть ее под мышками и между ног и, чтобы было удобнее это делать, с силой дергала Клара за руки и ноги.

Вода была такой холодной, что Кларе казалось, будто в кожу вонзились сотни кинжалов. Ей страшно хотелось вылезти из ванны, но она покорно ждала, пока пациентка скребла ее ветошью, в надежде, что чем быстрее она закончит, тем быстрее ей разрешат выйти из мучительно холодной воды. Медсестра Тренч стояла в ногах ванны и наблюдала за ней, скрестив мясистые руки на пышной груди и криво ухмыляясь покрашенными губами.

— Прошу вас, — взмолилась Клара, подняв на нее глаза. — Я...

— А ну-ка тихо! — велела медсестра, покачав толстым пальцем. — Ты просто слишком разнежилась в этой шикарной клинике Лонг-Айленд, вот и все.

Клара зажмурилась, ожидая, пока пациентка закончит натирать ее волосы щелоком. Потом ей на голову вылили несколько ведер студеной воды. Она прижала колени к груди и обхватила ноги, задыхаясь и дрожа всем телом. Сердце билось так часто, словно готовясь вот-вот разорваться. Наконец пытка закончилась, и запыхавшаяся одноглазая пациентка отошла в сторону.

— Вылезай, — приказала медсестра Тренч.

Кашляя и отплевываясь, Клара выбралась из ванны. Пациентка наскоро обтерла ее колючим полотенцем и накинула его на нее.

— Обычно процедура длится дольше, — заметила медсестра Тренч, — но сегодня тебя ждет доктор Роуч. В общем, слушайся меня — и все будет хорошо.

Одноглазая пациентка подала Кларе ее желтое платье и нижнее белье. У Клара зуб на зуб не попадал, а ноги ослабли так, что она едва могла стоять. Ей кое-как удалось одеться и завязать шнурки на ботинках. Медсестра Тренч, велев Кларе следовать за ней, промаршировала к двери. Клара покорно посеменила за ней. Мокрые волосы прилипали к ее лицу и шее. Она вытерла лоб свитером и догнала медсестру. Они вышли в коридор. Клара прижала руку к

животу. Бедный ребеночек, не повредит ли ему такое лечение? Она едва сдерживала слезы. Сердце застыло, словно на него навалился тяжелый черный камень. Если с ребенком Бруно что-то случится, ей будет незачем больше жить.

Клара прошла за медсестрой Тренч через широкий вестибюль Чапин-Холла, затем они вышли через двустворчатые двери в закругленный коридор и по нему проследовали в другое крыло здания. Они миновали почтовое отделение и аптеку и попали в короткий коридор с дверью в конце. У кабинета доктора Роуча стояли три стула, и на одном из них сидела бледная худенькая женщина. Она опустила голову и сложила руки на кожаной сумочке, лежавшей у нее на коленях. Когда они подошли ближе, женщина подняла голову и улыбнулась.

— Доброе утро, медсестра Тренч, — сказала она.

Женщина казалась совсем молоденькой, ровесницей Клары. У нее были высокие скулы, платиновые волосы и фарфоровая кожа. Когда она улыбалась, в ее глазах загорался свет, но все же она казалась немного грустной. Клара обратила внимание на ее большой живот. Что здесь делает беременная женщина? Зачем ей понадобился доктор Роуч?

— Доброе утро, миссис Роуч, — приветствовала ее медсестра. — Давно ждете?

Клара опустила глаза, чтобы скрыть удивление. Почему эта красивая молодая женщина вышла замуж за мужчину на двадцать лет старше? Да еще за врача, который работает в клинике для душевнобольных?

— Трудно сказать, — ответила миссис Роуч. — Кажется, не очень долго.

— Он знает, что вы пришли? — спросила медсестра Тренч, положив огромную руку на дверь кабинета.

Миссис Роуч кивнула.

— Я позвонила заранее, как обычно, — ответила она. — Он сказал, что выйдет ко мне, если будет время.

— Ну посидите пока, — с усмешкой сказала медсестра, — а я пойду погляжу, чем он занимается.

Она толкнула дверь и повела Клару внутрь. В центре помещения стоял стол с искусной резьбой, а на стене позади него висел портрет в

золотой раме. На нем был изображен пожилой лысый мужчина с моноклем. Вокруг были развешаны медицинские дипломы и черно-белые фотографии с изображением мужчин в высоких шляпах и женщин в пышных платьях, позирующих перед Чапин-Холлом. На других стенах висели снимки железной дороги, фабрик, фруктовых садов и аптеки, заставленной стеклянными пузырьками.

Доктор Роуч сидел за столом и курил трубку, улыбаясь медсестре Мэй, которая восседала на стульчике, скрестив ноги в белых чулках. Подол ее юбки задрался до середины ляжки. Когда дверь открылась, она подпрыгнула и залилась краской. Доктор Роуч вздрогнул и поднял глаза. Медсестра Тренч подвела Клару к столу.

— Сколько раз я говорил, чтобы вы стучали, прежде чем входите в кабинет! — недовольно заявил врач.

— Ах, простите, доктор, — сверкая глазами, ответила медсестра. — Я еще не привыкла к вашим правилам. Мне было бы легче, если бы они не менялись каждую неделю.

— Оставьте пациентку и уходите, — напряженным голосом ответил доктор Роуч. — Медсестра Мэй отведет ее в столовую, когда мы закончим.

— Вас жена в коридоре ждет, — доложила она, презрительно зыркнув на медсестру Мэй. — Позвать ее?

Доктор Роуч встал.

— Нет, — ответил он. — Я сам к ней выйду. Потом.

— Хорошо, — сказала медсестра Тренч.

Засопев, она гордо прошествовала к двери и громко хлопнула дверью. Медсестра Мэй, нервно улыбаясь, взглянула на доктора Роуча. Он нахмурился и махнул на стеклянную дверь справа от стола.

— Отведите пациентку в смотровую, — велел он. — Я сейчас приду.

Медсестра взяла со стола медицинскую карту и открыла стеклянную дверь.

— Сюда, Клара, — неестественно громким голосом сказала она.

Клара последовала за ней в смотровую. Дрожь никак не унималась. Под восьмиугольным окном стояла шипящая и лязгающая чугунная батарея, наполнявшая комнату влажным теплым воздухом. Кларе хотелось опуститься рядом с ней на колени.

— Встань на весы, Клара, — сказала медсестра Мэй. Она говорила громко, словно Клара была глухой или не понимала по-английски.

Медсестра записала в карту ее рост и вес, затем измерила температуру и кровяное давление. Наконец в смотровую вошел доктор Роуч и закрыл за собой дверь. Медсестра поднесла к смотровому столу стул-стремянку.

— Сними платье и ложись на стол, Клара, — приказала она.

— Я знаю, что вы обращаетесь ко мне, — сказала Клара, — и знаю, как меня зовут.

— Что? — вытаращилась на нее медсестра.

— Не нужно кричать и постоянно повторять мое имя, — объяснила девушка, расстегивая платье.

Она сняла свитер и стянула платье через голову, затем положила одежду на руку.

— Я умею говорить по-английски и прекрасно слышу. И я не идиотка, — с этими словами Клара вскарабкалась на застеленный бумагой смотровой стол.

Медсестра Мэй с уязвленным видом выхватила у нее одежду и бросила на стул. Она выразительно посмотрела на врача, словно ожидая, что он бросится ее защищать. Не обращая внимания на их перепалку, доктор Роуч подошел к раковине, чтобы помыть руки, надел резиновые перчатки, затем снял со стены стетоскоп и вставил в ухо. Он приложил холодную головку стетоскопа к левой груди Клары и, сдвинув брови, прислушался. Когда ей в ноздри ударил запах резины и бриолина, ее замутило. Она немного согрелась, но от голода ей снова стало дурно.

— Мне кажется, это ни к чему, доктор, — обратилась к нему Клара. — Уверяю вас, я совершенно здорова.

— Больных всегда осматривают после поступления, — снисходительно улыбнулся доктор Роуч. — Не беспокойтесь.

— Но я не больна! — запротестовала Клара. — Со мной все в порядке.

— Угу, — хмыкнул он, взял у медсестры карту и что-то в нее записал.

Медсестра Мэй смотрела на него, словно преданный пес в ожидании подачки.

— Что она сказала? — спросила она.

Доктор Роуч скривился.

— Мы потом это обсудим, — процедил он, сурово взглянув на нее.

— Прошу вас, — сказала Клара, — выслушайте меня. Я попала сюда по ошибке. Мой отец...

— Я провожу медицинский осмотр, — перебил ее врач. — В дальнейшем мы вернемся к вопросу о том, почему вы здесь оказались. А пока просто делайте то, что вам велено, хорошо?

— Когда же мы об этом поговорим? — жалобно спросила Клара.

— Медсестра приведет вас ко мне в положенный срок, — ответил доктор Роуч.

Клара вздохнула и огорченно поджала губы. Врач отдал медицинскую карту медсестре, та взяла ее обеими руками, и ее пальцы на несколько секунд задержались на его запястье. Наконец он улыбнулся ей с заговорщическим видом. Медсестра Мэй заметно успокоилась. Доктор Роуч постучал по Кларе резиновым молоточком, проверяя рефлексы, затем заглянул через лупу ей в уши. Он попросил ее слезть со стола и нагнуться, чтобы убедиться, что у нее нет искривления позвоночника. Она сделала, как он просил, и он пробежал пальцами вдоль хребта, а затем завел ее руки назад и потянул за запястья.

— Чувствуете боль в спине или плечах? — спросил он, прижимаясь к ней сзади.

— Нет, — поморщившись, ответила Клара.

Доктор Роуч отпустил ее, и она выпрямилась, потирая руки. Стоя позади нее, он положил ей руки на плечи и потянул к себе. Он прощупал шейные позвонки и ключицы, затем вытянул руки девушки вперед и велел держать так, пока он проверит лимфоузлы под мышками.

— Медсестра Мэй, — вдруг сказал он, — сегодня вы ночуете в лечебнице?

— Да, доктор Роуч, — слащавым голосом ответила она.

— Вы довольны своей комнатой? Как вы знаете, мы прилагаем массу усилий, чтобы сотрудники Уилларда жили в комфортной обстановке.

— Комната в Уилларде — самая лучшая из всех, в которых мне приходилось жить, — заявила медсестра Мэй.

Вдруг доктор Роуч положил руки на грудь Клары. Девушка не успела ничего сказать. Он сжал грудь пару раз, затем ущипнул за соски и отпустил. Все произошло так быстро, что она даже не поняла, что это было: неужели так должен проходить осмотр? Она опустила руки, прикрыла грудь и с горящими щеками обернулась на него. Доктор Роуч, не обращая на Клару внимания, снял перчатки. Он подошел к раковине и снова стал мыть руки. Вода была такой горячей, что от нее шел пар. Он вытер руки чистым полотенцем, положил перчатки на место и взял из стеклянной банки в шкафчике деревянный шпатель для языка.

— Сядьте на стол, Клара, — сказал он. Она вновь вскарабкалась на смотровой стол, закрывая грудь руками. — Так вам нравится у нас в Уилларде, медсестра Мэй?

— О да, — ответила она, придвигаясь ближе, словно тоже хотела заглянуть в горло Кларе. — Мне здесь очень нравится.

Доктор Роуч самодовольно ухмыльнулся и поднял шпатель.

— Откройте рот, — велел он Кларе. — Скажите «А-а-а!»

Клара повиновалась, и доктор Роуч прижал ей язык деревянным шпателем. Он сделал это слишком сильно. Клара поперхнулась, и у нее из горла хлынула рвота, забрызгавшая его ладонь и медицинский халат. Он отпрыгнул от нее, вытянул руки и, скривившись от отвращения, стал рассматривать свою одежду. Медсестра Мэй ахнула и уронила карту Клары прямо на лужицу рвоты. Секунду они стояли неподвижно, широко раскрыв глаза от изумления.

Наконец медсестра Мэй пришла в себя. Она открыла нижнюю дверцу шкафчика и достала стопку полотенец. Переступив через лужу, она стала чистить грязный халат доктора Роуча. Он же стоял как столб, сжав губы в тонкую жесткую линию. Медсестра расстегнула его халат и осторожно, чтобы не запачкать одежду, стала вытирать ему руки. Затем она сняла с него перчатки, выбросила их в мусорную корзину и быстро сполоснула ладони. Доктор Роуч сделал шаг назад, осторожно переступив через рвоту, затем подошел к раковине и начал мыть руки с щеткой. Он оттирал их с таким ожесточением, что они покраснели. Медсестра Мэй схватила Клару за плечо, впившись в кожу ногтями.

— Что ты наделала! — прошипела она. — В изолятор захотела? Да?

— Ничего страшного, — сказал доктор Роуч, вытирая руки полотенцем. — Она же не специально, верно? Надо убрать в кабинете, и забудем об этом.

Медсестра Мэй с недовольным видом достала из-под шкафчика еще несколько полотенец.

— Позвать медсестру Тренч, чтобы убрала? — предложила она.

— Нет, — ответил доктор Роуч, — дайте Кларе полотенце, пусть сама за собой уберет.

— Простите, — сказала Клара, вытирая брызги с рук и ног. — Я не хотела. Просто...

— Вы хорошо себя чувствуете? — поинтересовался доктор Роуч. — Ничем не болеете?

— Нет, — ответила Клара.

Она втянула в себя воздух и долго не выдыхала, не решаясь сказать ему правду. Может, к ней станут мягче относиться, если узнают, что она ждет ребенка? Или вообще отпустят? Психбольница — не подходящее место для малыша. Врач и сам это прекрасно понимает. Она закусила щеку, чтобы ее не вырвало еще раз.

— Я не больна. Я беременна.

Доктор Роуч нахмурился, сдвинув брови.

— А может, вы перенервничали или съели что-то не то? — предположил он.

Клара покачала головой.

— Нет, — ответила она. — У меня есть жених. Ребенок от него.

Доктор Роуч поднял подбородок и едва заметно кивнул, словно его подозрения подтвердились.

— Хорошо, потом расскажете, — сказал он. — Я здесь, чтобы вам помочь, помните? А сейчас идите в столовую завтракать.

— Но вы же врач! — взмолилась Клара. — Вы можете определить, беременна я или нет. Разве беременная женщина может оставаться в психбольнице?

— Гинекологический осмотр проводит женщина-врач, — сказал доктор Роуч, — но она сегодня не работает.

Клара хотела спросить, почему же он трогал ее грудь, если у них есть женщина-врач, но сама поняла, что это бесполезно. Главное,

чтобы он понял: она ждет ребенка. Клара положила руку на живот.

— Посмотрите, — попросила она, — он уже большой.

Доктор Роуч махнул на стул, где лежала ее одежда.

— Одевайтесь, — приказал он. — Если вы правда беременны, вскоре мы будем знать это наверняка, согласны? Медсестра Мэй, отведите, пожалуйста, Клару в столовую.

Медсестра стояла на четвереньках, раздраженно вытирая лужу на полу. Она встала и подошла к двери, ожидая, пока Клара оденется.

— Позвать медсестру Тренч, чтобы она закончила убирать? — предложила медсестра Мэй.

Доктор Роуч покачал головой.

— Нет, она сегодня присматривает за пациентками. Позовите санитаря, чтобы он вам помог.

Медсестра Мэй покраснела и заскрежетала зубами. Клара застегнула кофту. Она решила, что будет послушно выполнять все приказы. Доктор Роуч пообещал, что они поговорят позже. Она поможет ему разобраться в том, что происходит. Он должен понять, что ее незачем держать взаперти. Клара вслед за медсестрой Мэй вышла из кабинета. Они пошагали через лобби Чапин-Холла до конца первого крыла здания. Санитар открыл им две железные двери и повел по коридору, в котором эхом отдавался скрип и лязг металла. Медсестра повела Клару по узкой лестнице вниз, в подвал, откуда они по короткому облицованному камнем коридору попали в столовую.

Цементные стены столовой были грязно-серыми и закоптелыми. Наверху и в углах помещения виднелись ошметки белой краски. Потертый синий пол был покрыт царапинами и круглыми выбоинами, словно кто-то колотил по нему молотком. В столовой воняло прокисшим молоком, капустой и жиром. Десятки женщин сидели и стояли у длинных столов, а сотрудники психбольницы прохаживались по периметру, наблюдая за тем, как они едят. Медсестра Тренч и две ее коллеги дежурили у дальней стены, следя за тем, чтобы пациентки не уходили из очереди. Все держали в руках подносы, на которые им с другой стороны длинного прилавка ставили еду. Клара увидела женщину с куклой и пациентку, которая все время раскачивалась на кровати. Куда бы она ни посмотрела, она видела лишь бессмысленные взгляды, опухшие веки и скошенные рты.

— Пора в солярий! — заорал санитар, обращаясь к сидящим за столом пациенткам. — Убираем за собой!

Пациентки стали собирать тарелки, но некоторые продолжали сидеть в оцепенении, пережевывая завтрак. Санитары стаскивали непонятливых со стульев и выдирали у них из рук столовые приборы. Одна попыталась взобраться на стол, наступив голый ступней на тарелку. Санитар прыгнул за ней и, проклиная все на свете, схватил ее за руку и потянул вниз. Наконец им удалось добиться того, чтобы все собрали посуду и вышли из помещения. Работницы столовой подняли забытые приборы и тарелки, а женщины из палаты Клары, шаркая ногами, побрели к столам с подносами в руках. Медсестра Мэй повела ее через комнату к медсестре Тренч.

— Она устроила беспорядок в кабинете доктора Роуча. — заявила она медсестре Тренч. — Он велел, чтобы ты прислала санитаря.

— У меня нет на это времени, — с досадой ответила великанша. — Ты же старшая медсестра, вот сама этим и займись. Это твоя работа.

— Я выполняю указания врача, — заявила медсестра Мэй, гордо вскинув подбородок.

Она повернулась на каблуках, готовая уйти, но вдруг передумала.

— Ах да, еще кое-что, — медсестра показала на Клару пальцем. — Она сказала, что беременна, — громко объявила Мэй.

Глаза великанши округлились. Она убрала руки от груди и шагнула к Кларе, но было слишком поздно. С полдюжины пациенток побросали подносы и кинулись к Кларе: одна схватила ее за живот, вторая стала тянуть за волосы, третья завyla и вцепилась ей в лицо. Клара пригнулась и закрыла голову руками, чтобы защититься. Грязные пальцы лезли ей в рот и царапали щеки. Медсестра Тренч и санитары стали оттаскивать от нее пациенток, прикрикивая на них, чтобы они оставили ее в покое. Медсестра Мэй с довольной ухмылкой отошла назад, наблюдая за происходящим.

— А ну-ка успокойтесь! — заревела медсестра Тренч. — Возьмите подносы и садитесь за стол. Сейчас же, а не то отправлю вас в изолятор!

Большинство женщин повиновались. Одна с криком упала на пол, хватаясь за голову. Две санитарки подняли ее на ноги и потащили вон из столовой. Медсестра Тренч в бешенстве взглянула на Мэй.

— Я позабочусь о том, чтобы начальство узнало о твоей выходке, — пригрозила она ей.

Медсестра Мэй пожала плечами.

— Интересно, — протянула она, — а доктор Роуч в курсе, что пациентки совсем тебя не слушаются?

— Я проработала с ними пятнадцать лет, — процедила медсестра Тренч сквозь сжатые зубы. — И буду работать, когда тебя здесь уже не будет.

Мэй закатила глаза и с победоносным видом удалилась из столовой. Медсестра Тренч взяла Клару за руку и подвела к прилавку, чтобы она получила завтрак.

— Правда это или нет, — тихо сказала она ей, — такие вещи лучше держать в секрете. Не надо никому говорить, смысла в этом никакого. Врачам плевать, а другие больные разорвут тебя на кусочки.

Она оставила Клару в конце очереди и отошла. В дверь в дальнем конце помещения стали заходить новые пациентки. Клара взяла поднос, пытаясь отдышаться. Сердце громко стучало в груди. На подносе стояла тяжелая кружка с жидким чаем, рядом лежали четыре черносливины и засохший кусочек хлеба. Она отнесла поднос к столу и села на свободное место. Ее соседка вдруг схватила хлеб. Клара, сгорбившись, склонилась над едой и дрожащей рукой взяла кружку с чаем. У нее не было ни малейшего аппетита, но она должна есть ради ребенка. Она глотнула чай — едва теплый, отдающий мочой. И все же она его выпила. Чернослив был сухим и жестким. Клара чуть не поперхнулась, когда попыталась его проглотить.

Санитарки ходили вдоль столов, поторапливая пациенток, чтобы они уступили место новой группе. Вдруг в конце стола женщина с куклой вскочила со стула, закричала и набросилась на соседку, выдирая ей волосы. Соседка начала сопротивляться, бить ее по рукам, стараясь высвободиться. Санитарки кинулись к дерущимся, чтобы их разнять.

— Моя девочка умирает от голода! — визжала женщина с куклой, пытаясь схватить кусок хлеба с подноса соседки. — Ты что, не слышишь, как она плачет? Она хочет кушать!

Санитарки схватили кричащую женщину под мышки и потащили от стола. Другая санитарка ударила ее по лицу, выхватила куклу и швырнула ее через комнату. Женщина, взыв, кинулась за ней с

искаженным от ужаса лицом. Упав на колени, она подняла куклу и, обливаясь слезами, стала качать ее на руках. Санитары с равнодушным видом заставили ее подняться и повели обратно к столу. Женщина села, завесившись волосами, и начала петь колыбельную, лаская куклу. Все продолжили есть.

Клара посмотрела на последнюю сморщенную сливу. Тошнота только усилилась. Может, отдать ее женщине с куклой? Но она все же сунула сливу в рот, тщательно прожевала и проглотила, с трудом сдерживая рвоту.

ГЛАВА 9

ИЗЗИ

В понедельник дневник Клары лежал на верхней полке шкафчика, на стопке учебников по математике и английскому. К сожалению, прочитав его, Иззи не нашла ответа на свои вопросы. Напротив, все стало еще запутаннее. Было интересно заглянуть в двадцатые годы. Поразительно, но в дневнике Клары не было ничего, кроме обычных рассуждений молодой девушки, которая волнуется перед вступлением во взрослую жизнь и боится разочарований. Читая ее записи, никто бы не догадался, что она сойдет с ума. Правда, родители были с ней слишком строги, и она сильно переживала из-за гибели брата. В остальном ее будущее казалось лучезарным, пока она не познакомилась с Бруно. Тогда все изменилось.

Неужели Клара так боялась разлуки с любимым мужчиной, что повредилась в уме? Может, строгое воспитание сделало ее нервной, одержимой, чрезмерно впечатлительной? Нет, вряд ли. Судя по дневнику, Клара крепко стояла на ногах и прекрасно отдавала себе отчет в том, что происходит вокруг. Иззи знала, что в те времена врачи не умели лечить депрессию и истерики, но не мог же отец Клары отправить ее в психушку из-за того, что она влюбилась в бедного парня? А мать? Неужели она согласилась с его решением? Невероятно! История Клары не давала Иззи покоя. Ей безумно захотелось узнать, как сложилась ее жизнь после того, как ее привезли в Уиллард.

Иззи подошла к шкафчику на перемене и, закусив губу, встала как вкопанная: дневник все еще лежал там. Почему Итан его не забрал? Он же был в школе. Она видела его с Шэннон в коридоре. Иззи прошла рядом, но он проигнорировал ее. Итан болтал и смеялся с друзьями, словно она невидимка. Как же ей хотелось подойти и сказать ему, что она вовсе не идиотка! Она прекрасно поняла, что он ее продинамил. Иззи вытащила из сумки со спортивной формой учебник по психологии и ожесточенно хлопнула дверью шкафчика. «Что он задумал, черт побери? У него было полно времени, чтобы забрать дневник!»

Зазвенел звонок, и она побежала по коридору. Что ж, наверное, придется самой вернуть дневник в музей. Как бы поступила Пег, если бы нашла у нее дневник? На полпути к классу Иззи вспомнила, что забыла в шкафчике тетрадь с сочинением «Мыслить, как преступник». Она развернулась и опрометью помчалась по пустым коридорам, чтобы не опоздать. Добежав до места, она заметила у шкафчика Итана. Он подпрыгнул от неожиданности.

— Ну наконец-то! — воскликнула она. — А я-то уж думала, что ты решил меня подставить.

— Прости! — тихо сказал он и покраснел. — Шэннон сегодня сама не своя. Мне приходится провожать ее на урок, даже если я сам опаздываю.

— Сейчас у нас вроде психология?

— Ага, — ответил он, взглянув в коридор. — Я попросил ее придержать для меня место, а сам якобы пошел в туалет.

— Ты ведешь себя, как параноик.

— Я думаю, она что-то подозревает.

— Ты о чем?

— Она знает, что мы вместе работаем в музее, — объяснил Итан. — И ей это не нравится.

Иззи поморщилась.

— И что? В чем она тебя подозревает?

— Ты просто не знаешь Шэннон.

— Уже знаю, — фыркнула она. — А кто ей сказал, что мы вместе работаем в музее?

Итан не ответил и, переменявшись в лице, посмотрел куда-то поверх ее плеча. Иззи обернулась. В конце коридора, скрестив руки на груди, стояла Шэннон. Она наблюдала за ними.

— Черт, — прошептал Итан. Он сунул дневник Иззи в руки и поспешил к подруге.

— Привет, красавица, — небрежно бросил он. — У Иззи замок заклинило. Я помог ей шкаф открыть.

Пока Итан шел к ней, Шэннон не спускала с него глаз. Потом она злобно посмотрела на Иззи. Та положила дневник на место, закрыла шкафчик и направилась в их сторону, прижимая учебник к груди, словно пуленепробиваемый щит. Шэннон угрюмо следила за ней, пока Итан не взял ее за руку и не повел на урок. Иззи поплелась за ними.

Хоть бы ей не пришлось сидеть с ними рядом! Шэннон то и дело оглядывалась на нее, шептала что-то на ухо Итану и громко смеялась неприятным каркающим смехом, словно речь шла о чем-то не совсем приличном. Когда они дошли до класса психологии, Шэннон обвила Итана руками за шею и поцеловала в засос. Итан поцеловал ее в ответ и отстранился.

— Пошли, — поторопил он, — мы уже опоздали.

Шэннон взглянула на Иззи, брезгливо скривив рот.

— Ну и ладно, — ответила она. — Скажем, что это Иззи Поп виновата.

Итан открыл дверь и потащил Шэннон внутрь. Иззи пошла за ними. Ей ужасно хотелось рассказать Шэннон, почему на самом деле Итан стоял у ее шкафчика. Учитель, мистер Дэфо, что-то писал мелом на доске. От пота на его голубой рубашке под мышками образовались мокрые полумесяцы. Потертые джинсы он заправил в свои фирменные походные ботинки. Ходили слухи, что он живет в квартире над железнодорожной станцией и отдает все деньги на благотворительность. Мистер Дэфо посмотрел на них поверх очков с толстыми стеклами.

— Я рад, что вы решили к нам присоединиться, — заметил он. — Быстрее, занимайте свои места.

Иззи с облегчением увидела на заднем ряду одно свободное место и направилась к нему. Итан и Шэннон уселись впереди.

Закончив писать на доске, мистер Дэфо сел за стол и попросил учеников передать свои сочинения. Он собрал тетради и встал, чтобы продолжить урок.

— Сегодня мы поговорим о том, почему нормальный, казалось бы, человек вдруг совершает чудовищное преступление, — объявил он. — Например, убивает жену или мужа или приносит в школу оружие, чтобы застрелить одноклассников.

Он стал ходить по классу, шаркая ботинками по полу.

— В новостях время от времени появляется сенсационная новость о том, как обычные, ничем не примечательные люди ни с того ни с сего делают что-то ужасное. Их злодеяния шокируют всех, особенно их близких. Все в растерянности, все недоумевают, как такое могло произойти. Когда люди узнают о преступлении, большинство сначала думает, что их знакомый никак не мог быть в нем замешан.

Иззи опустила плечи. Ей хотелось заткнуть уши, чтобы ничего не слышать. Она взяла ручку и нарисовала на тетради квадрат. Потом много-много раз обвела его по краям, усиливая нажим, пока стержень не процарапал обложку.

— Итак, вопрос в том, — продолжал мистер Дэфо, — совершает ли человек преступление в состоянии аффекта или болезнь всегда подспудно таилась в его душе? Как вы думаете, мисс Стоун?

Иззи подняла глаза. Несколько учеников повернулись к ней, с интересом ожидая, что она скажет.

— М-м, — промычала она, — простите, не могли бы вы повторить вопрос?

Все засмеялись.

— Было бы чудесно, если бы вы перестали рисовать закорючки и уделили мне внимание, мисс Стоун, — сказал учитель.

Шэннон подняла руку.

— Да, мисс Маккензи? — спросил учитель, указывая на нее.

— У меня есть идея, — произнесла она. — Может, мы пригласим маму Иззи, чтобы она подробно объяснила, что творится в голове у преступника?

Кровь бросилась в лицо Иззи. Еще никому не удавалось так быстро разведать, что произошло с ее матерью. Она свирепо посмотрела на Шэннон.

— Что ты имеешь в виду? — с притворным беспокойством спросила Николь, ухмыляясь жирными от блеска губами. — При чем тут ее мать?

— Ах, простите, — ответила Шэннон, изображая удивление. — Я думала, все уже знают. — Она, нахмурившись, перевела взгляд на Иззи. — Мать Иззи пристрелила отца, когда он спал. Теперь она сидит в тюрьме Бедфорд.

Все так и ахнули и тут же повернули головы к Иззи. Она видела перед собой море широко распахнутых, удивленных глаз. Девочки зажимали рты рукой. Мальчишки со смехом давали друг другу пять. В классе стало шумно.

— Ее казнят? — спросил один из парней.

— Можешь привести ее сюда? Пусть расскажет! — хрюкнув от смеха, предложил Люк.

— А ей нравится оранжевый цвет? — не унималась Николь.

Мистер Дэфо шагнул вперед.

— Хватит, успокойтесь! — приказал он, поднимая руки. — Тихо, я вам говорю!

Никто его не слушал. Девушка, сидевшая рядом с Иззи, встала и пересела на другое место. Люк вскочил на стул и вытянул руки, изобразив с помощью указательных пальцев дуло пистолета.

— Бах! Бах! — проорал он, осыпая Иззи невидимыми пулями. Потом он направил «дуло» на своих друзей. Несколько парней со стонами рухнули вниз и стали кататься по полу, изображая умирающих.

Иззи, дрожа всем телом, встала, собрала книги и направилась к двери. Ноги ее не слушались. Итан вскочил и положил ей руку на плечо, чтобы остановить.

— Постой, — сказал он ей. А потом закричал: — Да заткнитесь вы! Пора бы уже повзрослеть, придурки!

Все замолчали и потрясенно уставились на него.

— Что за фигня, Итан, — удивился Люк. — Ты что, запал на Иззи Попа?

— Во-во, Итан, — подхватил рыжий веснушчатый верзила. — А твоя девушка знает, что ты влюбился в новенькую? — У этого здоровяка был до странности высокий, почти женский голос. Впрочем, он был не толстым, но мощным и мускулистым, как буйвол или грузовик. Звали его, кажется, Джош.

Шэннон вскочила и сбросила руку Итана с плеча Иззи.

— Ты че творишь? — зашипела она с подурневшим от злости лицом.

Все притихли, ожидая, что она еще сделает.

— А ну-ка сядьте! — наконец вмешался мистер Дэфо. — Еще одно слово, и вы останетесь после уроков!

Шэннон оттащила Итана от Иззи и, надувшись, села за парту. Иззи бросила на нее ненавидящий взгляд. В глазах зашипало, и она пошла к выходу.

— Мисс Стоун, вернитесь на свое место, пожалуйста, — окликнул ее мистер Дэфо. — Вы же не допустите, чтобы кучка избалованных пакостников взяла над вами верх?

Иззи остановилась на полдороге. Она смотрела на дверь. Сердце громко стучало у нее в груди. Она заморгала, чтобы прогнать

набежавшие слезы. Что делать? Уйти или остаться? Какое наказание ее ждет, если она все-таки уйдет?

Учитель продолжил:

— Мисс Маккензи, вы на неделю останетесь в школе после уроков.

— Почему? — заныла Шэннон. — Что я такого сделала?

— Что я такого сделала? — раздался с последнего ряда писклявый насмешливый голос. — Я просто хотела над кем-нибудь поиздеваться, как обычно. Ведь это так весело!

Иззи обернулась посмотреть, кто это говорит. Алекс. Она стояла, прислонившись к подоконнику и, волком глядя на Шэннон, с сарказмом продолжила:

— Все знают, что моя мамочка пьянчужка, а папочка нас бросил. Поэтому мне все с рук сойдет, ведь я несчастная запутавшаяся девочка.

— Закрой рот! — заорала Шэннон.

Она вскочила со стула и бросилась к Алекс. Итан оттащил ее назад.

— Мисс Маккензи! — прогремел мистер Дэфо. — Вы хотите, чтобы вас отстранили от занятий?

— Она врёт! — закричала Шэннон, выкручиваясь, чтобы освободиться от хватки Итана.

Ученики переглядывались, качая головами и корча гримасы. Другие смущенно опускали глаза, словно не желая видеть, как Шэннон расклеилась.

— Успокойся, — попросил ее Итан.

— Шлюха! — завопила Шэннон. — И мать твоя шлюха!

— Ну хватит! — заявил мистер Дэфо. — Шэннон и Итан, марш к директору. Сейчас же. Вон отсюда!

Итан схватил Шэннон за руку и потащил из класса. Она продолжала осыпать Алекс ругательствами. Все возбужденно затараторили. Иззи стояла посреди комнаты, прижимая учебники к груди. В горле застрял горячий шар. Как быть? Вернуться на свое место или попроситься выйти в туалет, чтобы привести себя в порядок? Мистер Дэфо безуспешно призывал к порядку. Никто не обращал на него внимания. Иззи вытерла глаза и пошла к парте. Наконец все успокоились, и учитель продолжил урок. Иззи не запомнила ни слова, как будто ничего не слышала.

После урока она поспешила к шкафчику, сунула в рюкзак домашнюю работу и дневник Клары, потом решила зайти в туалет. «Господи, да когда же этот день закончится!» Дома, вечером, она признается Пег, что дневник у нее. Остается только надеяться, что она ее простит и не выгонит из дома. Иззи открыла дверь, завернула за угол, к кабинкам, но остановилась как вкопанная. У батареи, с покрасневшим лицом и опухшими глазами, стояла Шэннон. Рядом с ней суетились Кристал и Николь — они гладили ее по плечам и услужливо протягивали салфетки.

— А ну проваливай отсюда на хрен! — заорала Шэннон.

Иззи повернулась, чтобы уйти, но передумала. Она обернулась и посмотрела Шэннон в глаза.

— Послушай, — сказала она, стоя у двери. — За что ты так меня возненавидела? Я понимаю, как тебе нелегко. Мне ли не знать, каково это, когда предки косячат.

Шэннон фыркнула и выпрямилась.

— Слушай, дурочка, — издевательски протянула она, бросив в нее скомканной салфеткой, — ты ничего обо мне не знаешь. И не узнаешь.

Иззи кусала губы. Ей хотелось крикнуть Шэннон, что ей давно пора повзрослеть и перестать вымещать гнев и злобу на других людях. Но она боялась, что если начнет кричать, то не сможет остановиться. Да и какой в этом смысл? Потом она подумала: а вдруг удастся заключить с Шэннон перемирие? Во всяком случае, договориться соблюдать нейтралитет, пока они не закончат школу. Попытка не пытка. Как говорила бабушка, мухи больше любят мед, чем уксус.

— Ладно, — сказала она. — Может, как-нибудь пообщаемся? Когда я сюда пришла, ты вроде была не против подружиться. Давай начнем все сначала. Идет?

— Лучше ищи новую работу. Я не хочу, чтобы ты терлась рядом с моим парнем.

Иззи пожалала плечами и покачала головой.

— Извини, но это исключено.

Шэннон стала надвигаться на нее. Кристал и Николь последовали за ней, угрожающе сложив руки на груди.

— А ты уж постарайся, тебе же лучше будет, — пригрозила Шэннон.

Иззи не успела ответить. Девчонки схватили ее и прижали к стене. Она отчаянно боролась и выкручивалась, чтобы освободиться. Шэннон подошла к ним сзади, заблокировав путь к спасению. Они держали ее за руки, а Шэннон задумчиво прижала палец к губам Иззи.

— Хм-м, — протянула она, — как же мне тебя наказать?

Тут кто-то с силой ударил ногой по двери кабинки, и громкий металлический лязг эхом разошелся в высоком помещении.

— Отпустите ее! — раздался женский голос.

Девчонки разжали руки, и Иззи, споткнувшись, пролетела вперед. Рядом с раковинами стояла раскрасневшаяся Алекс. Она тяжело дышала.

— Ты чего? — заорала она на Шэннон. — Решила наехать на новенькую? Что за детский сад?

— Ты совсем зарвалась, — сказала Шэннон и толкнула Алекс.

Она чуть не сбила ее с ног, но Алекс удалось удержать равновесие, схватившись за край раковины. Шэннон стала надвигаться на нее, но между ними встала Иззи.

— Не трогай ее, — сказала она.

Шэннон уставилась на нее.

— А что ты мне сделаешь? — прорычала она. — Возьмешь у мамочки пистолет и пристрелишь?

— Нет, — ответила Иззи. — Уведу твоего парня. Он был явно не прочь, когда приходил ко мне ночью.

Шэннон выпучила глаза и побагровела, а потом завизжала и бросилась на Иззи, пытаясь вонзить холеные ногти ей в шею, но Алекс увлекла ее за собой. Они выбежали из туалета и помчались по коридорам на улицу, к автобусной остановке.

— Спасибо, — задыхаясь, поблагодарила Иззи.

— Всегда пожалуйста, — ответила Алекс. — Я же тебе говорила, с ней лучше не связываться. — Она оглянулась. — Вот черт!

Иззи посмотрела через плечо: Шэннон, Кристал и Николь гнались за ними по тротуару.

— Быстрее! — бросила Алекс, схватила ее за руку и потянула к парковке.

Они миновали три ряда машин, уворачиваясь от открывающихся дверей и обгоняя других учеников. Вот и машина Алекс. Она открыла

дверь, и они запрыгнули внутрь. Алекс сунула ключ в замок зажигания и завела мотор.

— Пристегнись!

— Я поеду на автобусе, — сказала Иззи. — Помнишь, я говорила, что Пег и Гарри не разрешают мне садиться в машину к тем, кого они не знают?

— Ну давай, — предложила Алекс, сжимая рычаг переключения передач, и дернула подбородком в сторону выстроившихся в очередь автобусов. — Посмотрим, кто быстрее: ты или они.

Иззи посмотрела через лобовое стекло. Автобусы стояли в дальнем конце парковки. От них ее отделял тротуар и широкий газон. Шэннон с подружками протискивались между машинами. До них оставалось всего три парковочных места.

— Пообещай, что зайдешь ко мне в гости познакомиться с опекунами, — попросила она.

— Заметано, — кивнула Алекс, нажимая на газ.

Она выехала с парковки, повернула налево и рванула вперед так, что шины взвизгнули, а пестрые перья на зеркале заднего вида подпрыгнули и стали раскачиваться взад-вперед. Иззи обернулась и увидела на тротуаре красных и растрепанных Шэннон, Николь и Кристал. Шэннон вонзила в воздух средний палец.

Алекс взглянула на них в зеркало заднего вида.

— М-да уж, — заметила она, — теперь мы навечно в ее черном списке.

— А ты-то как там оказалась? — спросила Иззи.

Алекс полезла в сумочку, достала пачку сигарет и предложила Иззи. Та покачала головой.

Алекс вытащила зубами сигарету и стала рыться в сумке в поисках зажигалки.

— Когда-то мы дружили, — проговорила она, держа сигарету в зубах.

Алекс зажгла ее, бросила зажигалку обратно в сумку и с наслаждением затянулась, затем опустила окно и выдохнула дым на улицу.

— Но потом моя мать сказала матери Шэннон про ее отца.

— Я думала, она и так знала, что он ее бьет.

Алекс озадаченно взглянула на Иззи.

— Кто тебе сказал?

— Итан.

— Он правда приходил к тебе домой?

— Да.

Алекс присвистнула.

— Я думала, ты так сказала, чтобы ее позлить. Как это случилось? В смысле, зачем он приходил?

— Мы работаем вместе в музее, — объяснила Иззи. — Он пришел извиниться за то, что хотел с Шэннон унижить меня. Предлагал дружить.

— Ого! — воскликнула Алекс. — Значит, теперь ты на первом месте в ее черном списке.

Она рассмеялась и сунула в рот сигарету.

— Ну что же, мне повезло.

— Почему она тебя ненавидит?

Алекс остановилась у светофора и испытующе взглянула на Иззи, словно по цвету глаз можно судить, стоит ли доверять человеку.

— Хорошо, я тебе скажу, — пообещала она, — но только ты никому не говори. Никогда.

— Ладно, — согласилась Иззи. — Обещаю.

Загорелся зеленый свет, и Алекс проехала через перекресток, затягиваясь сигаретой. Иззи ждала, затаив дыхание.

— Дело в том, что отец не только бил Шэннон, — без выражения произнесла Алекс, — но и кое-что похуже.

Иззи съежилась. Она не сразу придумала вопрос и сглотнула слюну, прежде чем решила его озвучить:

— Что же?

Алекс вмяла сигарету в пепельницу и закрыла окно.

— Как я уже говорила, — продолжила она, — мы с Шэннон дружили. На выходных она часто оставалась у меня ночевать, но к себе никогда не приглашала. Я думала: ну и ладно. Я была даже рада, потому что ее отец был какой-то мутный. Вечно он на меня пялился. Однажды, когда нам было лет двенадцать, я пришла к ней и увидела, что она плачет в домике на дереве. Она призналась, что отец заходил к ней ночью и... Ну ты понимаешь.

Иззи казалось, что у нее в животе извивается ядовитая змея. Сжатые от злости челюсти разжались, и во рту стало пусто и холодно.

— Господи, — прошептала она. Гнев и ярость, разбухавшие в голове, словно воздушный шар, мигом исчезли.

— Шэннон заставила меня поклясться, что я никому не скажу, — продолжила Алекс. — Никогда. Несколько дней я бродила в растерянности. Я не приходила к ней домой, не разговаривала в школе. Вообще. Я словно ошалела от того, что услышала. В конце концов я поняла, что это нельзя так оставлять. Я хотела помочь Шэннон, ведь она была моей лучшей подругой. В общем, я сказала своей маме, а она сказала ее. Но ее мать и так знала.

Иzzi вздрогнула от отвращения. На нее накатил приступ тошноты.

— Ее мать знала и ничего не сделала? Как так можно?

— Ну почти. После разговора с моей матерью она наконец сказала что-то мужу. Слово за слово, и они подрались, как обычно. Началась такая заваруха... Но в тот раз Шэннон вмешалась, когда он стал избивать мать, и очутилась в больнице. Когда я пришла ее навестить, она в бешенстве набросилась на меня. Шэннон сказала, что подралась с отцом, потому что мать впервые за нее заступилась. По ее словам, она всегда знала, что происходит, и если бы я не трепалась, все было бы нормально, как раньше. Еще она сказала, что больше не хочет меня видеть. Я прибежала домой заплаканная, а мама позвонила в полицию.

— Его арестовали?

— Не-а. Органы опеки так до него и не добрались. В тот же вечер он уехал и больше не вернулся. Только Шэннон, я, ее и моя мать знают о том, что он делал.

— Охренеть! — не сдержалась Иззи. — Так это сошло ему с рук?

— Похоже на то.

— Но я не понимаю, почему вы с Шэннон поссорились?

— Потому что я не сдержала обещание. Я же рассказала все маме.

— Но ведь ты пыталась ей помочь.

Алекс взглянула на Иззи. В ее глазах стояли слезы.

— А ты бы хотела, чтобы кто-то узнал, что отец тебя трахает?

— Я бы не далась.

— Откуда ты знаешь? Он начал, когда она была совсем маленькой. Она не понимала, что происходит.

Иzzi посмотрела на свои кеды. Ее сейчас стошнит.

— Понятно. Какой ужас.

— Это точно.

— Но прошло столько лет... Неужели Шэннон так и не поняла, что ты сказала маме, потому что хотела ей помочь?

— Я думаю, она была рада, что он уехал и правда не выплыла наружу. По-моему, больше всего она боится, что все узнают. Но никто не узнал. Мы с мамой никому не сказали. Хотя, наверное, стоило бы. Может, Шэннон было бы лучше, если бы ее забрали у матери. Ты говоришь, она должна все забыть и простить. Но она думает, что я предала ее, так же как родители. Мне кажется, она не верит, что кто-то может любить ее, заботиться о ней. И сама она никогда не научится любить. Она понятия не имеет, как родители заботятся о детях, трясутся над ними. От ее-то родителей этого не дождешься. Естественно, ей и в голову не пришло, что я рассказала своей матери, потому что любила ее.

— А как же Итан?

— Итан для нее всего лишь трофей. Ведь о нем мечтают все девчонки. Шэннон его безумно ревнует, хотя по большому счету ей на него наплевать. Она переспала с половиной футбольной команды. Бедняга Итан даже не в курсе. Она совсем запудрила ему мозги.

— Он знает про ее отца?

— Вряд ли она бы стала о таком трепаться.

Иzzi схватилась за край кожаного сиденья и стала смотреть вперед, сквозь лобовое стекло. С одной стороны, ей было жаль Шэннон. С другой, она по-прежнему не понимала, почему она измывается над одноклассниками. Ей что, лучше от этого? Иззи прекрасно знала, как это бывает, когда бесит все вокруг так, что хочется накинуться на кого-нибудь с кулаками. Но она причиняла боль только самой себе. Отец Шэннон — чудовище, но это не значит, что она должна стать такой же.

Она подумала о Кларе. Ее отец тоже был монстром, хоть и в другом смысле. И мать не сумела ее защитить. Родители предали Шэннон, предали Клару. Как же так? Неужели так бывает? Иззи не могла в это поверить. Она вспомнила своего отца. Он был хорошим человеком и заботливым отцом. Хоть в этом ей повезло. Но он мертв. Мама его убила. Зачем люди заводят детей? Чтобы сломать им жизнь?

— Теперь ты все знаешь, — прервала ее мысли Алекс. — У нас с тобой есть что-то общее. Мой отец тоже умер.

— Мне жаль, — откликнулась Иззи. — Что же случилось?

— Он погиб в автокатастрофе, когда мне было девять, — ответила Алекс.

— Значит, ты живешь с мамой?

Алекс пожала плечами.

— Ага. Она классная, только вечно пропадает на работе. А после работы ходит к разным медиумам на сеансы. Я тоже люблю всякую такую фигню, но она совсем помешалась. Только и разговоров о том, как ей хочется пообщаться с отцом.

— Ну зато ты точно знаешь, что она его любила, — заметила Иззи.

— Пожалуй, — кивнула Алекс. — Слушай, можно тебя кое о чем спросить?

— Конечно, — ответила Иззи.

— Если ты не хочешь об этом говорить, так и скажи.

— О чем?

— Почему твоя мать застрелила отца?

Иззи долго молчала.

— Не знаю, — ответила она. Жгучие слезы обжигали глаза.

— Плохи дела, — посочувствовала Алекс.

— Это точно, — прошептала Иззи.

Новая подруга высадила ее у дома. Иззи сделала уроки, приняла душ, положила дневник Клары на кухонный стол и стала с замиранием сердца ждать, когда Пег и Гарри вернутся с работы домой.

ГЛАВА 10

КЛАРА

Первая зима, которую Клара провела в Уилларде, показалась ей бесконечной, самой длинной за всю ее жизнь. Почти каждую неделю бури яростно швыряли в окна тяжелые хлопья снега, и на стеклах образовывалась ледяная корка. Между белых наростов можно было разглядеть только пепельно-серые тучи, висевшие в низком небе. Кларе казалось, будто она застряла в гигантской снежной крепости. Она представляла, что все пациенты вместе с ней превратились в лед и каждую секунду могут разбиться. Этот лед состоял из слез, смешанных с грязью и кровью. Она чувствовала ее соленый вкус на потрескавшихся губах.

Как и другие новички Уилларда, она была вынуждена по восемь часов в день семь дней в неделю сидеть в так называемом солярии. Их выводили оттуда только в столовую и в туалет, по расписанию. В остальное время до ужина они терпеливо ждали на жестких скамьях, стоявших вдоль стен, а санитары строго следили за тем, чтобы они не шумели и не вставали. Клара тихонько ерзала на сиденье, чтобы ягодицы не затекали, но в конце первой недели ее зад болел так, словно был покрыт ссадинами и истекал кровью.

В субботу утром она впервые осмелилась встать без разрешения. Со слезами на глазах она спросила, можно ли ей сходить в туалет. В тот день дежурили санитары Дэн и Ричард. Они сидели на складных стульях у стола в центре комнаты и играли в покер. Другие пациентки оставались на своих местах. Кто-то, опустив голову и прислонившись к стене, спал, кто-то плакал, пускал слюни, пел или разглядывал комнату с таким видом, будто их окружали невидимки.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — сказала Клара, прижимая руку к животу.

Ричард положил карты на стол и встал. Он сурово посмотрел на нее.

— Сядь, — приказал он, показав небритым подбородком на скамью. — Перерыв будет через час.

— Но мне надо сейчас! — запротестовала она. — Пожалуйста!

Ричард стал надвигаться на нее, подняв подбородок и выпятив грудь. Он остановился всего в паре футов от Клары.

— Я сказал тебе сесть!

— Разве можно поступать так с людьми? — спросила она, качая головой. — Это неправильно!

Ричард закатил глаза и высунул язык, передразнивая девушку. Санитар был похож на мальчишку, затеявшего ссору на школьном дворе. Он сделал к ней еще один шаг.

— Мне велено следить, чтобы ты сидела на месте, — сказал он, дергая верхней губой.

Клара попыталась его обойти, зажимая рот рукой, но он схватил ее за плечо, впившись в него острыми, как когти, ногтями. Она ударила его по руке, а он толкнул ее в центр комнаты. Она стала выворачивать запястье, чтобы высвободиться, но безуспешно — он был слишком силен.

— Отпусти меня! — закричала она. — Вы должны помогать людям, а не мучить их!

Клара больше не могла сдерживать рвоту. Она согнулась пополам, и ее стошнило прямо на пол, рядом с ботинками Ричарда.

Второй санитар поднялся со стула. Одна пациентка закричала и заплакала, другая побежала к двери. Третья встала и стала раскачиваться взад-вперед, а четвертая принялась расхаживать по комнате, трясая головой и заламывая руки. Медсестра Тренч вбежала в комнату и велела женщинам сесть на свои места.

— Отведите ее в палату «С»! — крикнула она.

Ричард вытолкнул Клару из комнаты и потащил по коридору. Он с легкостью тянул ее за собой, как ребенка. Наконец он открыл дверь и, сердито закричав, толкнул ее внутрь. Девушка оказалась в помещении без окон, в которой стояла одна койка. Санитар шагнул за ней, с грохотом захлопнув дверь. Клара оступилась и чуть не упала, но удержалась на ногах. Ричард приблизился к ней. Она попятилась, дрожа всем телом, и прижалась спиной к стене. Клара даже не увидела, как санитар занес руку, только почувствовала, как он дал ей пощечину с такой силой, что черная молния боли пронизала все ее тело. Голова девушки откинулась в сторону, волосы упали на глаза. Она прижала руку к горячей пульсирующей щеке и сквозь слезы в ужасе посмотрела на парня.

Он схватил ее за плечи и, не обращая внимания на сопротивление, потащил к кровати в центре комнаты, приподнял и бросил на вонючий матрас. В комнату вбежал второй санитар и прижал ее, схватив за плечи горячими руками. Она извивалась, боролась изо всех сил. Но все было бесполезно. Пока второй санитар держал Клару, Ричард застегнул на ее запястьях и лодыжках кожаные ремни и привязал девушку к кровати.

— Зачем вы это делаете? — закричала она. — Я всего лишь попросилась в туалет!

Дверь снова открылась, и в комнату торопливо вошла другая медсестра. В руках у нее сверкнул шприц. Она проскользнула рядом с Ричардом к краю кровати, ущипнула кожу на плече Клары и вогнала в нее иглу.

— Нет! Не надо! — заорала Клара. — Отпустите меня!

— Это пойдет тебе на пользу, — сказала медсестра.

Ричард и второй санитар, тяжело дыша, отступили назад и посмотрели на девушку. Их вспотевшие лбы блестели.

— Они по-хорошему не понимают, — сказал Ричард, вытирая рукой лоб.

— Пожалуйста, — попросила Клара, — развяжите меня.

Медсестра и санитары, не обращая на нее внимания, захлопнули железную дверь. В замке звякнули ключи. Спустя несколько минут раздался скрипучий лязг металла. Она вздрогнула и поежилась. Кто-то открыл квадратное зарешеченное окошечко в верхней части двери. Девушка подняла голову, чтобы туда заглянуть, но увидела только чей-то лоб и моргнувшие глаза. Затем окошечко закрылось, и в коридоре послышались приглушенные голоса. Клара вновь положила голову на матрас. Потолок заколыхался и потемнел. Она взглянула на стены. Углы комнаты стали закручиваться внутрь, а плинтус пульсировать в такт ее бешено бьющемуся сердцу. Вдруг ее снова затошнило. Она едва успела повернуть голову набок, и рвота полилась изо рта. Клара кашляла, задыхаясь в собственной рвоте. Веки отяжелели. Она два раза моргнула, и все померкло.

Когда девушка пришла в себя, то сразу почувствовала боль в животе. Кожа на запястьях и лодыжках горела, руки и ноги ломило так, словно она с кем-то подралась. Она попыталась повернуться на бок, но

не смогла, потому что была привязана к кровати. Простыня была мокрой и холодной, в комнате воняло рвотой и мочой. Она сразу все вспомнила: ее поместили в палату-одиночку.

Клара подняла отяжелевшую голову и огляделась. Куполообразный потолочный светильник наполнял комнату призрачным желтым сиянием. Стены вращались у нее перед глазами. Она опустила голову, чтобы прийти в себя. Набравшись храбрости, она посмотрела на дверь. Клара хотела позвать на помощь, но увидела в углу медсестру Тренч. Та читала книгу.

— Развяжите меня, пожалуйста, — едва слышно попросила Клара охрипшим голосом.

Медсестра Тренч тихо ахнула, вскинув голову. Клара удивилась, увидев, что ее глаза покраснели, как будто она плакала. Женщина вытерла щеки и встала, положив книгу на стул, потом подошла к кровати, на которой лежала Клара, и, нахмурившись, встревоженно посмотрела на нее.

— Даже не знаю, — протянула она. — Ты будешь хорошо себя вести?

— Пожалуйста, — повторила Клара. — Мне ужасно холодно. И я умираю с голоду.

— А не надо было хулиганить в солярии.

— Они не пускали меня в туалет, и я...

Медсестра Тренч покачала головой.

— Правила придумывают не просто так, — проговорила она. — Как мы тебе поможем, если ты не будешь их выполнять?

— Но меня тошнило...

— Санитар сказал, ты встала без разрешения.

— Да, но...

— Разве тебе не говорили, что нельзя вставать без разрешения?

Клара кивнула.

— Вот именно, — буркнула медсестра Тренч. — Я тебя развяжу, конечно, но сначала пообещай, что ты это запомнишь.

— Запомню, — произнесла Клара.

— Ты будешь делать все, что тебе скажут?

— Да.

— Повтори, пожалуйста.

— Я буду делать все, что мне скажут.

— Очень хорошо! — улыбнулась медсестра Тренч. — Тогда сегодня ты можешь спать в палате, только не вздумай бузить. Иначе сразу окажешься здесь. Ты поняла?

Клара кивнула.

— Поняла, — подтвердила она.

Медсестра Тренч опустила перила кровати, развязала кожаные ремни и отступила назад. Клара села, потирая запястья. Голова ужасно болела. Она свесила ноги с матраса и откинула от лица пропитанные рвотой спутанные волосы. Комната качнулась у нее перед глазами. Она зажмурилась и сделала глубокий вдох, чтобы не упасть. Наконец комната перестала вращаться, и девушка соскользнула с матраса. Влажная сорочка прилипала к ногам. Она обхватила себя руками, стараясь унять дрожь.

— Можно мне помыться и надеть новую сорочку? — спросила она, стуча зубами.

— Уже слишком поздно, — заявила медсестра Тренч, направляясь к двери. — Скоро выключат свет. Подождешь до завтра.

— Но я с утра ничего не ела, — пожаловалась Клара.

— Со вчерашнего утра, — поправила медсестра Тренч, взяла книгу со стула и повернулась к Кларе, прижимая недочитанный роман к пухлой груди. — Ты спала целых два дня.

Клара схватилась за живот.

— Неужели мне придется ждать до утра, чтобы поесть?

Она хотела напомнить ей, что беременна, но передумала. Медсестра Тренч велела ей никогда не упоминать о ребенке.

— Очень жаль, — ответила она, взявшись за ручку двери. — Нарушителей всегда наказывают.

Клара закусила губу. Нет, ей необходимо как-то объяснить медсестре Тренч, что она не такая, как остальные пациентки. Есть же у нее сердце, пусть оно и спрятано где-то в глубине ее грузного мужеподобного тела. Она успела заметить, что за роман она читала. На обложке была изображена женщина, которая, уронив голову на плечо и закрыв глаза, сидела у дерева. Это же «Фиеста» Эрнеста Хемингуэя! Клара вспомнила тот день, когда они застали врасплох доктора Роуча и медсестру Мэй. Медсестра Тренч разозлилась из-за того, что он заставляет жену ждать в коридоре, а сам флиртует с любовницей. Но в

ее глазах было и что-то другое: похоже, она страдала от неразделенной любви.

Клара сглотнула, стараясь не обращать внимания на урчание в животе и головную боль.

— Мне было так жаль главного героя, — решила она, кивая на книгу. — А вам?

Медсестра Тренч нахмурилась, сдвинув брови. Казалось, она вот-вот что-то скажет, выразит свое мнение о книге. Но она сдержалась. Медсестра Тренч взяла себя в руки, рывком открыла дверь и дернула подбородком в сторону коридора.

— Пошли, — велела она.

Клара побрела за ней. Ноги ее подкашивались.

— Я так страдаю оттого, что меня разлучили с любимым человеком, — доверительно сообщила она. — Его зовут Бруно.

Медсестра Тренч сделала вид, что не слышит. Она топала по коридору, зажав в огромной руке книгу. Клара семенила следом.

— Представляю, как это больно — безответно любить другого человека.

— Хватит болтать, — перебила ее медсестра.

— Тем более, если он влюблен в другую, — не унималась Клара, — если знаешь, что он никогда не будет твоим. Боже, какая мука!

Медсестра Тренч остановилась, посмотрела на Клару и махнула в сторону камеры-одиночки.

— Я могу снова тебя туда посадить, если хочешь, — побагровев, пригрозила она.

Клара покачала головой и опустила глаза. Медсестра Тренч с ворчанием пошла вперед, сгорбив плечи и недовольно скривив губы.

С того дня Клара безмолвно сидела на скамье в солярии, представляя темные волосы и сверкающие глаза Бруно или тихо напевая себе под нос любимые песенки, лишь бы отвлечься от ноющего зада и затекших ног. Она вытирала слезы, чтобы они не лились по щекам и не привлекали к ней внимания. К счастью, в конце второй недели сотрудники решили, что ей можно доверять и привлекать ее к работе. В тот день, когда ее отправили чистить картошку на кухню, она была так рада, что возблагодарила за это

Господа и с грустью подумала о тех несчастных женщинах, кому никогда не выпадет такая удача.

Главная кухня располагалась позади Чапин-Холла, ближе к центру гигантской структуры в виде буквы U, образованной сообщавшимися между собой зданиями. Похожие на фабричные строения включали в себя главную кухню, пекарню, прачечную, котельную и угольный склад. Еда, приготовленная на кухне, доставлялась в палаты по подземным туннелям и подъемникам.

Каждый день этой долгой зимы Клара чистила картофель на раскаленной кухне. Стул, на котором она сидела, был жестким и растрескавшимся. Он качался из стороны в сторону, потому что одна ножка была слишком короткой. Но она по крайней мере могла с него встать, если хотелось размяться. Страшно представить, что чувствуют пациентки, которым не разрешают работать и которые вынуждены целыми днями сидеть на скамейках в солярии. Если они были здоровы, когда их доставили в Уиллард, то теперь точно сошли с ума. Она ломала голову над тем, как врачам пришло в голову, что такая пытка может пойти кому-то на пользу.

В любую погоду Клара с радостью вскакивала с места, когда ее посылали выбрасывать картофельные очистки. Она выходила через заднюю дверь на огороженный сеткой двор и выкидывала их в компостную кучу. Потом отходы забирали, чтобы кормить ими уиллардовских кур и поросят. Даже зимой, когда лицо немело от обжигающего холода, а колючий ветер выбивал слезы из глаз, она старалась задержаться на улице подольше, зная, что в ближайшие несколько дней ей вряд ли представится такая возможность. В тихие безветренные утра она слышала пыхтение и лязг прибывающих поездов, а еще — похожий на чавканье воды в гигантском сливе глухой шум ломавшегося на озере льда. Отсюда, из Чапин-Холла, озера не было видно, но она чувствовала с ним странное родство: ей казалось, они оба застыли во времени и чего-то ждут.

В конце февраля, глядя на свои костлявые руки и ноги, она поняла, что сильно исхудала. Если бы не выступающий немного вперед живот, никто бы не догадался, что она беременна. Клара постоянно чувствовала слабость и головокружение, словно ребенок, растущий в ее теле, высасывал из нее все силы. Она старалась съесть все, что ей давали, даже если это была миска жидкого бульона или

яйцо всмятку, от которого у нее начинались рвотные спазмы. Когда она работала на кухне, то прятала в очистках картофелину и откусывала от нее, пока никто не видел. Сырой картофель отдавал землей и крахмалом, но она заставляла себя его грызть.

Однажды холодным дождливым мартовским днем Клара увидела, как мокрая жирная крыса сбежала вниз с кучи компоста и юркнула в дыру под высоким деревянным забором. Девушка подошла к этому месту, поставила ведро с очистками и встала коленями прямо на землю. Дыра была размером с бейсбольный мяч. Дерево вокруг нее отсырело и потрескалось. Она встала и ударила по забору ногой, чтобы отломать еще кусок, затем села, взялась за край и стала его трясти. Щепки царапали ей руки, но она не сдавалась и наконец отодрала кусок размером с тарелку. Заглянув в дыру, девушка увидела землю, а в нескольких футах — фундамент другого здания. Клара бросила деревяшки в дыру и замаскировала ее картофельными и овощными очистками. На следующий день она отломала еще несколько досок. В конце недели ее пальцы и ладони были покрыты ссадинами, но ей удалось проделать дыру, в которую она вполне могла протиснуться.

Утром Клара подошла к куче компоста, вывалила очистки и продолжила расшатывать дерево. Потом легла спиной на склизкую землю рядом с забором и поползла вперед, просунув в дыру голову и плечи. Она упиралась пятками, чтобы пролезть на другую сторону, но живот был слишком большим, а она боялась навредить ребенку. Клара хотела вылезти обратно и попытаться расширить отверстие, но кто-то, схватив ее за ноги, выдернул из дыры и протащил по грязи.

— Ты чего? — тяжело пыхтя и отдуваясь, спросил ее незнакомый мужчина. Он был одет в клетчатый шерстяной пиджак и грязный комбинезон. На ботинки налип растаявший снег. — Упала, что ли?

Клара села.

— Я... — вымолвила она. Сердце гремело в груди, как прибывающий поезд.

Мужчина наклонился, чтобы помочь ей подняться, и махнул на забор.

— Зачем лезть через забор? — спросил он. — Там же котельная. Ее не обойдешь.

— А как ты сюда попал? — спросила она, вытирая руки о платье. Мокрые слипшиеся волосы холодили шею, а руки и ноги были покрыты грязью.

Мужчина плюнул на землю. Из угла рта потянулась струйка слюны. Он показал на забор у задней стены кухни.

— Вот там дверь, — пояснил он. — Нам привезли беда сколько свиней! Босс послал меня за обедками. Я увидел тебя на земле и...

Клара, прищурившись, всматривалась в деревянный забор в поисках калитки. Ее было почти невозможно заметить, но в этом месте доски прилегали друг к другу не так плотно, как другие. За забором, у кучи компоста, стояли лопата и тачка. Она пошла ко входу и попыталась раздвинуть доски, вцепившись в них ногтями. Но трещина была слишком узкой, чтобы просунуть в нее пальцы и крепче ухватиться за деревяшки.

— Как же открыть дверь? — удивилась она.

Он потопал к ней и остановился у двери.

— Босс дал мне ключ, — сказал он. — Он показал, как войти. Тут есть одна хитрость.

Он стукнул кулаком по двери, и она приоткрылась. Затем, схватил ее за край и распахнул до конца.

— Видишь?

— Можно мне попробовать? — спросила она.

Он пожал плечами и отступил назад. Клара ударила в том же месте. Дверь подпрыгнула и задрожала, но не открылась.

— Говорю же, тут хитрость нужна, — широко улыбаясь, заявил мужчина.

Клара набрала в грудь воздуха и со всей силы треснула кулаком по дереву. На этот раз край двери отскочил от забора. Она схватилась за него и распахнула дверцу. За ней она увидела покрытую рытвинами дорожку, которая шла вдоль каменного здания и исчезала за углом. Клара пулей вылетела за ограду. Она бежала так быстро, что кровь шумела у нее в ушах, но не добежала до угла несколько ярдов — мужчина схватил ее сзади и поднял над землей. Он сцепил руки у нее на животе и крепко сжал. Она чуть не задохнулась. Он отнес ее обратно за забор, поставил на землю и, тяжело дыша, захлопнул дверь.

— Шутки шутить вздумала? — он побагровел и надулся. — Босс сказал, никому не открывать эту дверь. Никогда.

— Прости, — сказала Клара, пытаясь отдышаться. — Просто... Понимаешь, я попала сюда по ошибке.

— Отсюда нельзя уходить, — заявил мужчина, трясая головой. — Это против правил. Ты можешь попасть в беду.

— Знаю, знаю, — подтвердила она. — Но... — она задумалась, выбирая подходящие слова. — Кстати, как тебя зовут?

— Стэнли, — сказал он. — Мое имя Стэнфорд, но маме больше нравилось звать меня Стэнли.

— Ты здесь лечишься, Стэнли? — спросила она, надеясь внушить ему мысль, что они товарищи по несчастью.

— Уже двадцать лет, — кивнул Стэнли. — С тех пор как мне исполнилось семнадцать.

У Клары ухнуло сердце.

— Как ты здесь оказался?

— Родители умерли, — пояснил он. — А я был такой неугомонный! Но слишком взрослый для приюта.

— Не волнуйся, Стэнли, я больше не буду нарушать правила, — пообещала Клара и закусила губу. Надо придумать что-то другое. — В детстве я жила на ферме. Я люблю животных. Покажешь мне новых свиней?

— Не-а, — отказался он. — Босс не разрешает. Он говорит, чтобы я никого не пускал в свинарник.

— А можно мне выйти в эту дверь? — не сдавалась она. — Никто же не узнает.

Стэнли покачал головой и, не отрывая ступней от земли, стал переминаясь с ноги на ногу, словно маршировал на месте. Тут за забором послышался рев подъезжающей машины.

— Мне работать надо, — заявил Стэнли, моргая здоровым глазом. — Босс приехал. — Он подбежал к тачке, подкатил ее к куче компоста и стал бросать в нее отходы.

Клара подошла к нему.

— Когда ты обычно сюда приходишь? — поинтересовалась она.

Стэнли вогнал вилы в кухонные отходы и швырнул в тачку.

— Пока солнце не встало, — ответил он, не поднимая головы. — Когда все спят и никто мне не мешает.

Рычащая машина остановилась у забора. Тяжелая дверь с лязгом открылась и закрылась. Затем калитка распахнулась, и к ним подошел

мужчина в заляпанном грязью комбинезоне.

— Ты чего так долго, Стэнли, черт тебя дери? — прогремел он. — Я же сказал ждать меня у дороги!

Стэнли, сгорбившись, продолжал работать.

— Извини, босс, — ответил он. — Она застряла под забором, и я помог ей вылезти.

Мужчина посмотрел на дыру в заборе, затем с подозрением уставился на Клару.

— Что здесь происходит? — грозно спросил он.

— Ничего. — Клара взяла корзину и направилась к кухне. — Мы просто разговаривали.

Мужчина пошел за ней на кухню.

— Ты Стэнли не трогай, — пригрозил он. — Слышишь меня? Он хороший работник, послушный. Поняла? Ему неприятности не нужны.

Клара продолжила идти вперед, и мужчина отстал от нее. Она оглянулась и увидела, что он пробирается через строй раковин и кухонных столов. Затем он повернул налево и исчез из виду. Клара вернулась на свое место и приступила к работе. Ей с трудом удалось справиться с паникой, которая мешала ей дышать. Он на нее пожалуется, можно не сомневаться. Другие женщины удивленно смотрели на нее, не понимая, почему ее руки и ноги вымазаны в грязи.

Спустя несколько минут к ней подошли босс Стэнли и толстуха, которая командовала на кухне. Женщине на вид было лет шестьдесят, но под бледной кожей на толстых руках перекачивались мускулы.

— Ты застряла под забором? Что это значит? — набросилась она на нее.

— Я упала в грязь, — объяснила Клара. — У меня нога в дырку попала. Случайно.

Надсмотрщица схватила ее за руку и потащила на улицу. Стэнли ждал их у забора, до краев нагрузив тачку. Он опустил глаза и стал теревить край пиджака.

— Ты сделала эту дыру? — спросила надсмотрщица.

— Нет, — соврала Клара. — Говорю вам, я упала и...

— Надо сейчас же заколотить ее досками, — обратилась женщина к боссу Стэнли. Затем она потащила Клару на кухню и оттуда повела в кабинет доктора Роуча.

— Клара, ну куда бы вы направились, если бы вам удалось сбежать? — поинтересовался доктор Роуч. — Уиллард занимает участок в несколько сотен акров. Он окружен густыми лесами. Ближайший город находится в десятках миль отсюда.

— Не важно, — ответила она, сжимая кулаки на коленях. — Главное, выбраться!

— А если бы с вами что-то случилось? Как бы я объяснил это вашему отцу?

— Меня это не волнует! — воскликнула она. — Как-нибудь бы объяснили. Вы с ним оба прекрасно знаете, что я совершенно здорова и мне не место в психиатрической больнице.

Доктор Роуч нахмурился. Она явно застала его врасплох.

— Ничего подобного, — заявил он. — Вы оказались здесь не просто так, Клара. И я хочу помочь вам выздороветь.

— Я уже говорила, — не сдавалась она, — я оказалась здесь потому, что поссорилась с отцом. Не надо мне помогать!

— Как же вы не понимаете, — продолжил доктор Роуч, — что ваша попытка сбежать только укрепила меня во мнении о том, что вы не в себе. Такая хрупкая и рафинированная женщина, как вы, не должна разгуливать по сельским дорогам. Это же опасно!

— Я не так беспомощна, как вы думаете.

— Вы знаете, кого лечат в Уилларде, верно?

— Конечно, знаю, — ответила она. — Это больница для душевнобольных. Но я не слышу голосов. У меня не бывает галлюцинаций. Я знаю, отец сказал, будто я сумасшедшая, но это ложь!

— Ложь? — доктор Роуч грустно улыбнулся. — Моя милая Клара, зачем же ему лгать?

— Чтобы упрятать меня сюда.

— Вы правда в это верите?

— Да, верю! Сначала я думала, он хочет преподать мне урок и в конце концов мне будет позволено вернуться домой. Теперь я думаю, он был рад от меня избавиться.

Доктор Роуч, наморщив лоб, покачал головой.

— Клара, вы меня огорчаете, — сказал он. — Вы продолжаете утверждать, что ваш отец преследует вас, а мы удерживаем вас насильно?

— Пожалуйста! — взмолилась она. — Отпустите меня. Можете соврать отцу, что я еще здесь. Скажите, что я окончательно сошла с ума и вы запрете меня в больнице до конца жизни. Мне все равно. Только выпустите меня! Он никогда не узнает.

— Клара, это неразумно, — перебил он. — Я врач. Я дал клятву, что буду помогать людям. Вот и не мешайте мне это делать.

— Я в жизни не говорила ничего более разумного, — сказала Клара. — Меня посадили в психбольницу, как в тюрьму. Мой разум — все, что у меня осталось, и, уверяю вас, я совершенно здорова. Я не такая, как другие пациентки, которые слепо верят во все, что вы говорите, и не возражают против того, что их держат в клетках, как животных. Разве врач имеет право так делать? Это же преступно!

Доктор Роуч нахмурился, его глаза сузились.

— Пожалуй, вам нужен отдых, — сказал он. — Время, чтобы подумать. Это пойдет вам на пользу. Попытка бегства — серьезное нарушение, которое обычно сурово наказывается. Но я готов проявить снисходительность, ведь вы достаточно умны, чтобы учиться на своих ошибках.

Она потянулась через стол и схватила его за руки, замазав налипшей грязью белоснежные страницы блокнота. Он вздрогнул, удивленно вскрикнул, попытался убрать руки, но она крепко его держала.

— А если никогда вас не отпущу? Что бы вы почувствовали? — спросила она. — Я знаю, вам не нравится, когда люди к вам прикасаются. Вас это почему-то пугает. И, между прочим, порядочные мужчины не изменяют женам. Может, это вам нужна помощь, доктор? Может, это вас надо запереть в палате? Что скажете?

Он вскочил и выдернул свои руки из ее ладоней. Его лицо заливала краска, ноздри раздувались от гнева.

— Что за глупые шутки! — прошипел он. — Я этого не потерплю! — Он захлопнул ее историю болезни. — Поговорим на следующей встрече. Помните, Клара, я вам не враг. Надеюсь, в другой раз вы будете более благодушно настроены.

Шесть дней Клара просидела в воняющей нечистотами комнате с голыми стенами. Из мебели там был только туалет — дыра в полу — и железная койка, прибитая к полу. Дважды в день ей под дверь просовывали скудный обед: засохший хлеб и миску баланды. День не

отличался от ночи; она следила за сменой суток, наблюдая за голой лампочкой на потолке, которая потухала, когда приходила пора лечь спать. По коридору разносилось эхо лязгающих цепей и грохот металлических дверей, а иногда крики или стоны. На шестой день медсестра Тренч открыла дверь и выпустила Клару, неодобрительно цокая языком. Клара была так обессилена, что не могла говорить. Она молча последовала за медсестрой в палату.

К середине апреля, по подсчетам Клары за два месяца до родов, ее живот так вырос, что она с трудом втискивалась в свои платья. Но у других пациенток тоже были огромные животы. Возможно, они были толстыми до поступления в Уиллард, где их практически морили голодом, или жир скапливался именно в этом месте. Как бы то ни было, в больнице большой живот на худом теле не казался чем-то необычным. Никто не обращал внимания на то, что Клара с каждым днем увеличивалась в размерах. Никто не верил, что она вскоре родит, никто и не удосужился проверить, говорит ли она правду. Никому не было до этого дела.

В последний день мая, на второй встрече с доктором Роучем, Клара сидела на жестком стуле напротив его стола. Ей было очень больно: кости ныли так, словно ей не девятнадцать лет, а девяносто. Она сама не знала, почему у нее ломит все тело: может, из-за беременности? Или из-за плохого питания? А возможно, из-за комковатого матраса?

Она металась во сне, потому что ее мучили кошмары. Ей снилось, будто у нее начинаются роды и никто не приходит ей на помощь, кроме других пациенток в палате. Она будто бы лежит на грязной кровати, а женщины стоят вокруг нее, раскачиваясь взад и вперед, что-то бормоча и завывая. Клара приподнимается, хватаясь за края матраса, и с искаженным от напряжения лицом смотрит вниз. Женщина с рваной куклой хватается новорожденного ребенка, показавшегося между ног Клары, и убегает из палаты, таща за собой кровавую пуповину...

Клара, как обычно, прижимала руку к животу, ожидая, когда ребенок пошевелится. Больше всего она боялась, что он умрет, а она об этом даже не узнает до самых родов. Она опять ничего не чувствовала. Ребенок давал о себе знать только ночью. Но, возможно, ей это только казалось, потому что движение под рукой было таким слабым, таким

легким... В миллионный раз, наверное, она подумала, что ребенок, должно быть, слишком маленький. Или с ним что-то не так? От этой мысли у нее сжалось сердце.

Доктор Роуч внимательно рассматривал ее, сидя напротив, с другой стороны стола. Он занес ручку над медицинской картой. Она обратила внимание на то, какая у него дорогая, украшенная резьбой ручка. Какой же она была душой! Воображала, будто ей дадут бумагу и чернила, чтобы она могла написать Бруно, а потом ей удастся упросить кого-нибудь отправить ее письма. Никого здесь не волновало, почему она оказалась в этом месте, и, конечно, не волновало, как она жила раньше. Она вспомнила про медсестру Йотт. Молоденькая девушка сразу поняла, что Клара совершенно здорова. Почему же никто в Уилларде этого не видит? Интересно, что случилось с Йотт? Неужели она передумала отправлять ее письмо? Или ей кто-то помешал? Ведь Бруно не бросил бы ее в беде. В груди застыла гнетущая пустота.

— О чем же вы думаете, Клара? — вальяжно, с расстановкой спросил доктор Роуч.

— Интересно, как вы можете помочь пациентам, если почти никогда их не видите, — ответила она.

Он насупился.

— Не понимаю, о чем вы.

— Я пробыла здесь пять месяцев, а виделись мы всего дважды. Последний раз это было, когда меня отправили в камеру-одиночку.

Он откинулся на спинку кресла, поглаживая аккуратно подстриженную бородку.

— В Уилларде больше трех тысяч пациентов, — сказал он. — Мужчин и женщин. Вы понимаете, что не можете рассчитывать на особое отношение? Вы же не в клинике Лонг-Айленд.

— А я и не прошу об особом отношении, — возразила она. — Но вы говорите, что хотите мне помочь. Как это возможно, если вы меня даже не видите? Похоже, Уиллард нужен только для того, чтобы держать здесь людей, как в тюрьме.

— Наша больница была основана для помощи пациентам, мы считаем, что безумие можно исцелить, но для этого нужна твердость и забота. Мы создали тихую гавань, где больные люди отдыхают от жизненных невзгод и выполняют посильные обязанности. Именно этим вы здесь и занимаетесь, не так ли, Клара?

Она поменяла положение на стуле, потому что спина нестерпимо ныла.

— Во-первых, я не сумасшедшая. Во-вторых, никакая это не тихая гавань. Меня здесь держат против моей воли. Как это поможет мне стать счастливой и беззаботной?

— Что же я могу сделать, чтобы облегчить вам жизнь?

— Выпустите меня. Я уже достаточно долго нахожусь здесь. Уверена, даже мой отец не станет возражать.

Доктор Роуч покачал головой.

— Боюсь, вы ошибаетесь, — ответил он. — Ваш отец надеется, что я смогу вас вылечить. К сожалению, все ваши слова и поступки указывают на то, что мы не добились никакого прогресса.

— Что же я должна сказать? Скажите, и я повторю.

— Вы по-прежнему считаете, что отец отправил вас сюда, чтобы от вас избавиться?

Она понуро опустила плечи.

— Вы меня уже десятый раз спрашиваете.

— Моя работа заключается в том, чтобы задавать вопросы.

— Но вы искажаете мои слова, чтобы они соответствовали мнению, которое вы заранее обо мне составили! Вы считаете, раз я здесь, значит, со мной точно что-то не так!

— Пожалуйста, просто ответьте на вопрос.

Она набрала в грудь воздуха и шумно выдохнула.

— Я знаю только, что отец отправил меня сюда. Если вы разрешите мне вернуться домой, я сделаю все, что он захочет.

— То есть вы наконец поняли, что отец желает вам только добра?

Она закусила губу и кивнула. Клара была готова согласиться с чем угодно, лишь бы ей вернули свободу. Что бы ни произошло после возвращения домой, это лучше, чем сидеть в этой тюрьме.

Доктор Роуч, сосредоточенно наморщив лоб, что-то нацарапал в ее медицинской карте. Затем он поднял на нее глаза.

— Клара, вы когда-нибудь задумывались о самоубийстве?

Она покачала головой.

— Почему вы спрашиваете? Я вроде бы не давала повода...

— Возможно, вы не задумывались об этом, но самоубийства — бич некоторых семей. Я просто хотел убедиться...

— Нет, — твердо ответила она. — Как я уже говорила, я просто хочу жить нормально, как все люди, и вернуться к любимому мужчине, чтобы вместе воспитывать нашего ребенка. Но это невозможно, пока вы держите меня здесь.

— Полагаю, вы говорите о Бруно?

На секунду ей стало трудно дышать.

— Откуда вы знаете, как его зовут? Отец вам сказал?

Доктор Роуч хмуро посмотрел на ее медицинскую карту, перекатывая между пальцами ручку. Затем он поднял глаза и внимательно взглянул на нее.

— Боюсь, настало время сказать вам правду, Клара.

Она подалась вперед. Сердце громко билось в груди.

— Какую правду? — прошептала она.

— Вы правильно догадались, — продолжил он, — это ваш отец рассказал мне о Бруно Моретти.

— Да? — едва дыша, переспросила она. — И что же он вам рассказал?

Доктор Роуч положил ручку и сцепил ладони.

— Клара, — произнес он, с жалостью глядя на нее, — Бруно Моретти не существует.

Первого июня наконец-то перестали лить весенние дожди. Земля вокруг больницы немного подсохла, и пациентам разрешили выходить на прогулку под строгим надзором санитаров. Они должны были держаться вместе. Больных из одной палаты расставляли в шеренги по четыре человека, и они шагали вразнобой, словно растерянные музыканты уличного оркестра. Некоторые пациенты поворачивали налево, когда все шли направо, другие падали, не поспевая за остальными. Женщин уводили гулять в одну сторону, мужчин — в другую. Клара, щурясь от яркого солнца и разглядывая мерцающие вдали воды озера Сенека, двигалась за пациенткой из ее палаты.

Высокая, стройная женщина, которая шла рядом, что-то тихо напевала. Она закатала рукава и подставила лицо солнцу. Эстер пробыла в Уилларде шесть недель. Ее привез сюда муж — после того как застал целующейся с другим мужчиной. Даже без макияжа, в простом синем платье, она была похожа на кинозвезду: у нее были густые светлые волосы и нежная, как персик, кожа. Когда Клара

увидела ее впервые в столовой — Эстер пугливо оглядывалась по сторонам и на других пациенток, — она сразу поняла, что эта женщина, как и она сама, не сумасшедшая. Потом, в палате, она рассказала ей о солярии и объяснила, что единственный способ выбраться оттуда — делать все, что тебе скажут. Они сразу подружились. Клара была безумно рада, что теперь ей есть с кем поговорить.

Сбоку от Эстер шагала Мадлен — миниатюрная хрупкая девушка лет двадцати с небольшим. Ее привезли в Уиллард больше года назад, после того как она потеряла двух детей и ушла от мужа-тирана, который ее избивал. Клара познакомилась с ней на кухне, где Мадлен мыла посуду.

— Солнце светит так ярко... Совсем как в тот день, когда я поступила в Уиллард, — проговорила Мадлен, запрокидывая голову. — Здания и озеро показались мне такими красивыми... Я еще, помню, обрадовалась, что хоть кому-то есть до меня дело.

— Никому мы не нужны, — перебила ее Эстер. — Когда я отсюда выберусь, сразу начну искать богатого любовника. Пусть он обо мне позаботится.

— Точно, надо было и мне так сделать, — широко улыбнулась Мадлен. — Он бы заплатил за квартиру этой глупой старухе.

— Она бы все равно на тебя копов натравила, — предположила Эстер. — Пожаловалась бы, что ты проститутка или что-нибудь в этом духе.

— Ты говорила, что лежала в постели, когда пришли полицейские? — уточнила Клара. — Конечно, раз ты болела, ты не могла работать и платить за квартиру.

— Нет, я не болела, — сказала Мадлен. — Я ходила к этому негодяю, моему мужу. Сдуру решила попросить у него денег на еду. Он избил меня так, что места живого не осталось. Я неделю провалялась в кровати, вставала только в туалет. Полицейские меня забрали, и доктор после осмотра сказал, что у меня физическое истощение и меня надо везти в больницу. Но старая ведьма заявила, будто я бранилась и разговаривала сама с собой, вот они и упекли меня в психушку.

Клара покачала головой. Она посмотрела на женщин, стоящих перед ней в шеренге, — сгорбленных, загребавших ногами. Они так

же, как она сама, как Эстер и Мадлен, верили когда-то, что проживут долгую счастливую жизнь. Конечно, некоторые из них были действительно больны и не могли нормально жить и работать. Но многие из пациенток стали жертвами обстоятельств: женщины, оставшиеся без денег, потому что мужа бросили их или умерли; женщины, потерявшие детей и не способные справиться с невыносимым горем; женщины, от которых отреклись родители, не одобрявшие их поведения. Кто-то оказался в Уилларде из-за того, что всего раз позволил себе вспышку гнева. Кого-то привезли сюда жестокие дети, которым надоели одряхлевшие родители. Кто-то рано осиротел и вырос в приюте. Как знать, кто из них был вполне нормален при поступлении, но потерял разум спустя несколько месяцев из-за побоев или «лечения» в виде ледяных ванн и успокоительных. Пути назад у них не было.

Мадлен как-то рассказала ей историю Руби — иммигрантки из Италии, которая приехала с мужем в Америку двенадцать лет назад. Спустя два года муж Руби погиб в результате несчастного случая на стройке. Руби было негде жить и нечего есть. Она стала заниматься проституцией на улицах Нью-Йорка, потому что знала всего несколько слов по-английски. В конце концов ее арестовали и отправили в Уиллард. Это случилось десять лет назад. Сейчас она каждый день, опустив голову, томится в солярии и молча щиплет кожу на руках.

Сидеть взаперти — ужасно, но еще хуже — не иметь возможности общаться, не уметь объяснить, как сюда попала, чтобы убедить окружающих, что ты совершенно нормальна. Почему же врачи не нашли кого-нибудь, кто умеет говорить по-итальянски? А ее семья в Италии? Ведь они же ищут ее, переживают и не знают, что с ней случилось! Может, они бы вытащили несчастную из этого ада, если бы хоть кто-то удосужился написать всего одно письмо? Когда Клара думала о том, как несправедливо обошлась с ней жизнь, у нее в груди становилось холодно и пусто.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — спросила Эстер. — Скоро уж твоя доченька появится на свет.

Клара положила руку на живот, словно защищая его. Сердце переполняли смешанные чувства — любовь и страх. Она откровенно рассказала подругам о своей жизни: о Бруно, об отце, о своей вере в то, что у нее родится девочка.

— Прекрасно, — ответила она. — Чувствую небольшую слабость, но в остальном...

— Как ты думаешь, что будет после родов? — спросила Эстер, обращаясь к Мадлен. — По-твоему, они отпустят Клару?

Мадлен пожала плечами.

— Не знаю, — ответила она. — Никогда не слышала, чтобы здесь кто-то рожал. — Она повернулась к озеру, избегая смотреть на Клару.

Клара глубоко дышала, стараясь не думать о том, что Мадлен, похоже, лукавит. Она не могла ее за это винить. Если Мадлен что-то знает, но не говорит, то только потому, что не хочет ее пугать. Она понимала: если она начнет думать о том, что случится на следующий день после рождения ребенка, ей не хватит сил, чтобы переставлять ноги. Лучше верить, что ее жизнь изменится к лучшему. А что еще остается делать?

— Надеюсь, они меня отпустят, — сказала она. — Уиллард — неподходящее место для ребенка.

— Я тоже так думаю, — с улыбкой согласилась Эстер. — Конечно, они тебя отпустят.

Женщины направлялись по главной дороге к густой сосновой роще на берегу длинной и широкой реки Мирс, которая впадала в озеро Сенека. Несколько недель шел проливной дождь и дул сильный ветер, и некогда тихая река, плавно несущая свои воды среди поросших травой берегов, превратилась в неукротимый бурный поток. Ветки и листья вертелись и неслись в быстрой серой воде. Когда женщины шли по деревянному мосту, шум реки заглушал их голоса. Кларе вдруг захотелось прыгнуть через перила, чтобы сильное течение унесло ее в озеро. Она бы доплыла до другого берега или, может, ее подобрал бы рыбак на лодке. Но река была слишком глубока и беспокойна; сильное течение ломало о камни и скалы даже толстые ветки. Кроме того, она и плавать-то толком не умела, если не считать барахтанья в воде на пляже в Кони-Айленд. Даже если бы она не была беременна, она бы сильно рисковала утонуть. Какая ей радость от того, что она обретет свободу, если свобода эта означает смерть?

Женщины перешли через мост и повернули направо, на тропинку, которая вела к озеру. Справа, между дорогой и сосновой рощей, находилось широкое поле, уставленное длинными рядами железных табличек в два фута высотой и фут шириной. Позади них мужчина в

резиновых сапогах и комбинезоне копал яму. Увидев женщин, он прервал работу, воткнул лопату в гору свежей земли и помахал им шляпой.

— А вот и наш могильщик — Лоуренс, — сказала Мадлен. — Он в Уилларде уже тридцать лет, так что никто за ним особо не следит. Я слышала, летом он обычно спит в том сарае, рядом с сосновой рощей.

Она показала на крохотный одноэтажный домик, примостившийся рядом с лесом. Его крыша была усыпана шишками и иголками. Сложно сказать, как долго он пустовал, но Кларе этот домишко показался ужасно ветхим. Казалось, что он вот-вот осядет пыльной кучей и высохшее дерево вместе с затхлым чердачным воздухом превратятся в густое облако опилок и щепок. Что же там внутри?

— Лоуренс попросил разрешения жить там, а не в мужской палате, — продолжила Мадлен. — Он сказал, что врачам не о чем волноваться. Он никуда отсюда не уйдет, потому что ему некуда идти.

— Он ни разу не пытался сбежать? — удивленно раскрыв глаза, спросила Эстер.

— Он говорит, что ему здесь нравится.

— Он что, с ума сошел? — удивилась Эстер. — Кому здесь может понравиться?

Слева от дороги стояло четырехэтажное здание с зеленой черепичной крышей. Она просела в середине, словно на ней лежало невидимое бремя. Похоже, раньше это кирпичное здание было выкрашено в белый цвет. Обнажившаяся кладка была розоватого цвета; под карнизами и вокруг оконных рам остались пепельные пятна облупившейся краски. Покрытые сажой окна были закрыты железной решеткой, похожей на черную нитку в заштопанных носках. Рядом со зданием стояло высокое темное дерево, которое тянулось к небу кривыми ветвями.

По двору, вдоль неровного края полузадушенной сорняками травы, брели две группы пациентов. Некоторые были в наручниках, другие в смиренных рубашках или кожаных перчатках с цепями. Все они были связаны крепившейся к поясу веревкой. Одна группа состояла из мужчин, вторая — из женщин. Они были одеты в рваные больничные робы в застарелых пятнах грязи. На руках, ногах и в волосах пациентов засохли экскременты, рвота и моча. Одна женщина

все время падала, и пациенты тащили ее за собой по земле, пока санитары не велели им остановиться, чтобы она могла встать. Стоило им сделать десять шагов, она снова падала. Некоторые пациенты еле-еле ковыляли или хромали, кто-то звал на помощь. Одна женщина бросалась на других пациенток с кулаками, а кто-то пытался повернуться и пойти в противоположную сторону. Мужчина в смиренной рубашке, делая шаг, выбрасывал вперед то левое, то правое плечо, словно футболист на тренировке. У одного из пациентов на лице была маска, напоминавшая собачий намордник. Несколько человек во всю глотку выкрикивали ругательства.

Клара не могла отвести от них взгляд.

— Кто это? — спросила она у Эстер.

— Это буйные, их нельзя держать вместе с другими пациентами, — объяснила та. — Врачи запирают их в изоляторе. Говорят, там нет отопления, а пациентов цепями приковывают к кроватям.

Клара поежилась, хотя на улице было тепло, и посмотрела на озеро. Яхта, сделанная из тика, оставляла за собой на волнах белую линию, разноцветные флажки на мачтах весело развевались на ветру. Она прищурилась, пытаясь разглядеть людей, которые сидели за кабиной на палубе. Интересно, о чем они думают, глядя на Уиллард? Знают ли они, что это за место? Понимают ли, что пациенты — такие же люди, как они, или считают их нелюдями, которым не место на земле? Может, они радуются, что душевнобольных держат взаперти, чтобы они не беспокоили их своими проблемами и не мешали наслаждаться жизнью? Приходило ли им когда-нибудь в голову, что большинство пациентов тоже о чем-то мечтали, на что-то надеялись? Подозревают ли они о том, что здесь есть здоровые люди, которых держат в больнице насильно?

Вдруг она услышала чей-то крик, прервавший течение ее мыслей. Из изолятора выбежал голый мужчина с всклокоченной бородой и диким взглядом. Он изо всех сил, быстро перебирая худыми ногами, бросился к озеру. За ним бежали два санитары. Мужчина запнулся о пенек и упал, но тут же поднялся. Санитары догнали его и повалили на землю, а затем рывком подхватили и потащили обратно к кирпичному зданию. Клара отвела глаза, радуясь, что санитары ведут их в другую сторону, к лодочной станции и причалу, подальше от изолятора.

Позже, на кухне, она все время думала о том мужчине. Почему он бежал, что его так напугало? Как на земле может существовать такое место, как Уиллард, где к пациентам относятся хуже, чем к скоту? Люди за пределами больницы даже не подозревают об этом. Знал ли ее отец, на что похоже лечение в Уилларде, или ему все равно? Она сидела на стуле и чистила картошку, поглядывая на Мадлен, которая мыла посуду в раковине. Пот стекал у нее со лба. Надсмотрщица не разрешала работникам разговаривать, но Клара была рада, что подруга рядом, что они могут улыбнуться или помахать друг другу. Это напоминало ей о том, что они и многие другие люди в Уилларде еще здоровы. Женщина, которая сидела на стуле слева от Клары, никогда не произносила ни слова. Она сидела, опустив голову, и чистила картофель, что-то бормоча себе под нос.

Мадлен, словно подслушав мысли Клары, обернулась, подняла руку в мыльной пене и улыбнулась, хотя вид у нее был уставший. Тут на кухне появилась надсмотрщица. Она с недовольной миной прошла между Мадлен и Кларой. Мадлен посмотрела ей вслед, прижала к носу пятерню и высунула язык, передразнивая надсмотрщицу. Мокрая тарелка выскользнула у девушки из рук и разлетелась на кафельном полу на сотню осколков.

Надсмотрщица резко остановилась и оглянулась, чтобы посмотреть, что произошло. Она мигом бросилась к Мадлен. Та попятилась и оказалась запертой, как в ловушке, между стеной и раковиной. Толстуха впилась в нее когтями, потащила вперед и толкнула к кухонному столу. Мадлен ударилась головой о шкаф с такой силой, что зазвенели все кастрюли.

— Ты знаешь, сколько стоит посуда? — закричала надсмотрщица и занесла руку, чтобы ударить Мадлен.

Клара бросила картофелечистку и подбежала к ним.

— Не трогайте ее! — крикнула она и схватила надсмотрщицу за руку, чтобы оттащить от подруги.

Женщина, побагровев и тяжело дыша, обернулась и двумя руками оттолкнула от себя Клару. Дальше все происходило как в замедленной съемке: Клара, вращая руками, широко раскрыв глаза, полетела назад. Пытаясь удержаться на ногах, она поскользнулась на мокром полу и упала, с тошнотворным треском ударившись головой. Череп до основания пронзил сполох боли. Она заморгала и подняла глаза, чтобы

не поддаться надвигающейся черной завесе беспамьятства. Вдруг она почувствовала, как по ногам потекло что-то теплое, и потеряла сознание.

Клара с трудом открыла глаза, пытаясь разглядеть светящиеся круги над головой. Ее везли куда-то ногами вперед, и зловонный воздух скользил по ее лицу и рукам. Она не понимала, где находится. Вдруг она догадалась, что таинственные белые круги — это потолочные лампы. Повернув голову, она увидела в полумраке комнаты больничные койки, а также склонившихся над пациентами медсестер, делающих им уколы, проверяющих пульс, пишущих что-то в медицинских картах. Она лежала на каталке, пока ее куда-то везли по коридорам больницы. Вдруг живот скрутило, и она почувствовала такую боль, будто кто-то ударил ее ножом. Она попыталась сесть, подобрать колени и свернуться в комочек, но чья-то сильная рука толкнула ее обратно. Клара подняла глаза, чтобы узнать, кто ее везет, и увидела незнакомую медсестру.

Она направила каталку за угол, в смотровую, где ждал врач. Из-за обвисших брыл и двойного подбородка он был похож на толстую разбухшую жабу.

— Что случилось? — спросил он медсестру.

— Она упала и ударилась головой, — ответила та, прошла вперед и остановилась сбоку от каталки. — Только что очнулась.

— Как долго она была без сознания? — поинтересовался человек-жаба, затем наклонился и поднял ей веки, чтобы посветить в зрачки точечным ярким светом.

— Минут пятнадцать, наверное, — предположила медсестра.

— Как ты себя чувствуешь? — громко спросил он Клару. — Голова кружится?

Клара покачала головой. Началась новая схватка, и она поджала колени, чтобы облегчить жгучую боль внизу живота, которая разрывала ее пополам. Она закусила губу и тихо застонала.

— Голова болит? — спросил врач.

— Нет, — ответила Клара. — У меня начались схватки.

Брови мужчины поползли вверх, и он вопросительно посмотрел на медсестру. Та пожала плечами.

— Сможешь перелечь на смотровой стол? — спросил он Клару.

Она приподнялась на трясущихся руках. Сердце бешено колотилось в такт пульсирующей в голове боли. Она спустила ноги с матраса и, прижимая ладонь к животу, сползла с каталки. Теплая жидкость потекла по ногам, запачкав кожаные туфли. Врач подошел к раковине, чтобы помыть руки.

— Пусть снимет трусики, — велел он медсестре.

Клара, не развязывая шнурки, сбросила ботинки. Из-за боли в животе она не могла стоять прямо. Медсестра помогла ей стянуть платье и потянулась к трусикам. Клара отвела ее руку и сама сняла нижнее белье, стараясь не упасть. Потом, медленно и глубоко дыша, она вскарабкалась на смотровой стол.

Откинув подколенники, врач показал Кларе, чтобы она леглась на спину. Она послушно улеглась, примостив голову на маленькую комковатую подушку. Врач поместил ее ноги на подколенники, и она закрыла глаза, представляя лицо Бруно, его темные волосы и белозубую улыбку. Когда мужчина дотронулся до нее, она дернулась и повернула голову, уставившись на свое отражение в медицинском шкафчике, в котором хранились шпатели, ватные тампоны и блестящие острые инструменты. Закончив осмотр, врач потрепал ее по колену и велел сесть.

— Бедняжка скоро родит, — сказал он медсестре. — Надо перевезти ее в палату.

Медсестра, сжав губы, с тревогой взглянула на Клару, потом взяла папку и протянула ее мужчине.

— Кто ее лечащий врач? — спросил он, нацарапав что-то в медицинской карте.

— Доктор Роуч, — ответила она. — Привезти кресло-каталку?

— Да, и побыстрее.

Медсестра вышла из комнаты, и врач обратился к Кларе:

— Ты знаешь, кто отец ребенка?

Клара кивнула, не в силах выдать ни слова. Схватки становились все чаще.

— Мой жених Бруно, — хватая ртом воздух, все же ответила она.

— Где он сейчас?

— Не знаю, — выдохнула Клара.

— Это один из пациентов? — спросил врач.

Клара покачала головой. У нее на лбу и верхней губе выступили капельки пота. В комнату с креслом-каталкой вернулась медсестра. Она достала из шкафа больничную сорочку. Клара с трудом спустилась со стола и села в кресло, согнувшись вдвое от боли. Ей казалось, внутренности скоро полезут из нее и кровавой кучей извергнутся прямо на колени. Вдруг ее охватило непреодолимое желание встать с кресла, и она попыталась подняться.

— А ну-ка сядь! — крикнула медсестра и, не дав Кларе слова сказать, толкнула ее обратно в кресло.

— Я сейчас рожу! — закричала Клара.

Врач распахнул дверь, и медсестра повезла ее по коридору. Она повернула направо и припустила бегом, криком предупреждая других медсестер и пациентов, чтобы они уходили с дороги. Впереди санитар толкал инвалидное кресло, одной рукой поддерживая потерявшего сознание человека, чтобы он не заваливался набок. Санитар не успел быстро повернуть, и они едва не столкнулись. Наконец они очутились в коротком коридоре, и медсестра вкатила кресло в палату с единственной койкой.

— Встань, — велела она.

Вторая медсестра помогла Кларе подняться и начала снимать с нее одежду.

— Давай я помогу тебе надеть сорочку, — предложила она, сдергивая с нее лифчик. — У тебя скоро родится ребенок. Ты понимаешь?

— Да, — задыхаясь, ответила Клара. — Я говорила доктору Роучу, что беременна, но он меня не слушал.

Она просунула руки в сорочку, залезла на матрас и легла на спину. Ее пронзил новый приступ боли, и она вновь почувствовала непреодолимое желание тужиться.

Первая медсестра прикрыла ее тонкой простыней, а вторая держала лодыжки, уговаривая не тужиться, пока не придет врач. Клара металась на кровати, с трудом удерживая потуги. Ей казалось, что ее разрывают пополам, жилы и мускулы растягивались в разные стороны, вены напряглись так, словно вот-вот лопнут. Наконец в палату вбежал врач. Он велел медсестрам принести одеяла, полотенца и таз с горячей водой.

— Нам нужен морфин и скополамин, — отрывисто бросил он.

Медсестры выбежали из палаты, а врач снова стал осматривать Клару. Она приподнялась на локтях и уставилась на его лицо, сию секунду угадать по нему, в каком состоянии ее ребенок. В горле отдавался оглушительный стук сердца.

Если она правильно подсчитала, роды начались на две недели раньше срока. Схватки наступили внезапно, и она испугалась, что дочь родится недоношенной и погибнет. Вдруг схватка закончилась так же внезапно, как началась. Клара, тяжело дыша, упала на подушку.

— Что-то пошло не так? — спросила она.

— Лежи спокойно, пожалуйста, — попросил ее врач. — Я тебе помогу.

Медсестры вбежали в комнату с полотенцами, тазом, докторским саквояжем и кувшином с горячей водой. У Клары скрутило живот. Снова началась схватка, будто кто-то зажал ее в гигантские тиски. Она сделала глубокий вдох, схватилась за колени и стала тужиться. Она чувствовала, как широкая влажная головка ребенка продвигается вперед — он готовился покинуть ее тело и появиться на свет.

Клара учащенно дышала, хватая ртом воздух. По ногам текла жидкость. Она вздрогнула, когда ее уколола игла. Повернув голову, она увидела, что медсестра, сурово поджав губы, вогнала ей в плечо шприц. Клара попыталась сесть, но силы оставили ее. Она взглянула на врача. Лицо у него было серьезное, решительное. Это было последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание.

ГЛАВА 11

ИЗЗИ

Иззи грызла ногти на заднем сиденье «мицубиси», разглядывая пробежавшие за стеклом здания Уилларда. В синем осеннем небе светило солнце, но похожие на наковальни грозовые тучи предвещали бурю. Слева мерцало озеро Сенека; его невысокие покатые волны плескались у далекого берега. Легкий ветерок качал верхушки деревьев. На прохудившуюся крышу лодочной станции, покрытую дранкой, слетались чайки.

А вот здания Уилларда и вся его территория выглядели абсолютно безжизненными. Казалось, здесь не шелохнется ни одна травинка, не дрогнет ни один листочек ядовитого плюща. И птицы сюда не залетали, не кружились над крышами и не садились на трубы. Лишь окна чернели на фоне красных кирпичных стен, как будто тут все выгорело дотла и солнцу было не под силу осветить застывшую внутри темноту.

Даже не верится, что она снова здесь, что ей предстоит войти в заброшенную больницу и прочитать старые истории болезней. Иззи глубоко дышала, чтобы прогнать страх. Лучше думать о том, что скоро она узнает, как сложилась жизнь Клары.

Три дня назад, после ужина, сделав уроки, Иззи призналась Пег, что взяла дневник Клары. Пег расстроилась, но не рассердилась. Она поняла, что Иззи была тронута судьбой незнакомки и обязательно вернула бы дневник на место. Пег похвалила ее за то, что она сказала правду, и прочитала короткую лекцию о том, как важно быть честной. Похоже, она сама была в восторге от того, что удалось разузнать Иззи.

— Я так рада, что ты не злишься, — сказала Иззи.

— Только давай договоримся: в следующий раз ты спросишь разрешения, — попросила Пег.

Иззи кивнула.

— Конечно, — ответила она.

— Ну и поскольку тебя так заинтересовал наш проект, — продолжила Пег, — поедешь с нами в Уиллард в субботу? Власти разрешили нам покопаться в историях болезни, представляешь?

— А в документы Клары можно будет заглянуть? — оживилась Иззи.

— Нет, к сожалению, — покачала головой Пег. — Благодаря вещам, которые нашлись в чемодане, мы легко представили, какой была ее жизнь. Мы хотим больше узнать о других пациентах. Кроме того, ты сама сказала, что ее дневник многое прояснил. Но если ты поедешь с нами, ты сможешь поискать ее историю болезни. Нам разрешили поработать в больнице всего несколько часов, так что придется торопиться.

Чем ближе они подъезжали к заброшенному зданию, тем быстрее стучало у Иззи сердце. Гарри свернул на узкую дорогу и притормозил рядом с четырехэтажным кирпичным зданием. Он заглушил двигатель и вышел из машины. Выбираясь с заднего сиденья, Иззи увидела, что еще два автомобиля, следовавшие за ними, припарковались поблизости. Пег и Гарри обошли «мицубиси» и открыли багажник. Из первой машины вылезли два сотрудника музея. Водитель второй остановился с другой стороны дороги. Иззи не видела, кто сидит на переднем сиденье, но она явно принадлежала отцу Итана, потому что Пег сказала, что фотограф тоже приедет. Дверь открылась, и оттуда грузно вывалился Питер. Из-за его размеров казалось, что крыша машины вспучилась, а ее остов заскрипел под тяжестью гигантского тела. Иззи сидела как на иголках: приехал ли Итан? Питер обошел автомобиль и открыл багажник. Больше из машины никто не вышел.

Сказать по правде, Иззи была даже рада. Хорошо, что ей не придется прятаться от Итана и она сможет сосредоточиться на поисках истории болезни Клары. Уже четыре дня прошло после скандала на уроке психологии, а он не сказал ей ни слова. Когда она проходила по коридору мимо него и Шэннон, они ее игнорировали. Другие ребята тоже не заговаривали о матери Иззи и не высмеивали ее. Она словно превратилась в невидимку. С ней общалась только Алекс. Сложно сказать, почему, но безразличие Шэннон казалось ей затишьем перед бурей. Алекс тоже считала, что она ведет себя подозрительно.

Иззи подошла к багажнику и с удивлением увидела, что Пег и Гарри поверх одежды надевают медицинскую форму. Гарри протянул ей фонарик и комплект зеленой униформы.

— А это зачем? — спросила Иззи.

— В больнице придется дышать испарениями асбеста и свинцовой краски, — объяснил Гарри. — Так что лучше надеть защитный костюм.

Иззи оглянулась на другие машины. Все сотрудники музея облачились в медицинскую униформу. Питер, переваливаясь с боку на бок, с широкой улыбкой направился к их «мицубиси». На одном плече у него висел фотоаппарат, на втором — гигантский фонарь на широкой лямке. — Пег и Гарри нацепили на шеи хирургические маски и пошли к зданию. Гарри нес фонарь и спортивную сумку, а Пег повесила на плечо холщовый мешок. Иззи и все остальные последовали за ними. Когда они подошли к дверям, на которых висел замок на цепи, Пег раздала всем бахилы. Двери были заколочены снаружи.

— А ты ничего не взял, чтобы накинуть поверх одежды? — спросил Гарри Питера.

— Все нормально, — ответил тот, небрежно махнув рукой.

— Ну возьми хоть это, — предложила Пег, протягивая ему маску и бахилы. Питер надел маску, потом наклонился, чтобы нацепить бахилы на свои великанские туфли, но они оказались малы. Тогда он, к всеобщему веселью, напялил их на уши.

— Итан не приедет? — спросила Пег.

Он покачал головой.

— У него тренировка, — сказал он и с улыбкой повернулся к Иззи. — Он просил передать тебе привет. Еще сказал, что будет скучать по нашим исследованиям.

Кровь бросилась ей в лицо. Она наклонилась, чтобы надеть бахилы. Итан передал ей привет! С чего бы это? Какой смысл, раз у него кишка тонка поздороваться с ней в школе? Может, он стыдится признать, что они подружились? Или боится своей подружки? Иззи сжала зубы и разогнулась. Хоть бы никто не заметил, как она покраснела.

Гарри достал ключи, открыл замок и снял цепь с латунных дверных ручек.

— Это новая больница, — стала рассказывать Пег. — Сначала терапевтическое отделение, операционные и морг находились в Чапин-Холле. Потом пациентов с заразными болезнями перевели в здание старой фермы, а здесь построили главное здание.

Гарри вскрыл дверь, и внезапный порыв затхлого воздуха подхватил скрученный лист бумаги и перенес его через растрескавшийся порог. За черной дверью нарисовался косой прямоугольник солнечного света, озаривший стародавнюю грязь и плесень. Все дружно надели маски и прошли внутрь. Тусклый свет прокрался через открытые двери вестибюля, крест-накрест рассекая темноту в длинном коридоре. Гарри включил фонарик и оглянулся по сторонам. На плиточном полу валялись пожелтевшие газеты, отвалившаяся штукатурка, ободранная краска и пластиковые бутылки. У облупившейся стены стояла инвалидная коляска, а посреди вестибюля — сломанная и опрокинутая металлическая тележка. В воздухе, словно миллионы крошечных головастика в речной воде, носились пылинки.

— Как ты думаешь, света фонариков хватит? — спросила Пег. Ее голос заглушала медицинская маска. — Мы хоть что-нибудь увидим?

— Хватит, — успокоил ее Гарри. — Питер принес строительный фонарь, да и через окна свет проникает. Все будет нормально. Архив — в комнате слева по коридору.

Иzzi пошла за взрослыми, направляя фонарик в открытые двери. Штукатурка и высохшая краска хрустели у нее под ногами. В помещении справа у заплесневевшей стены стоял ряд фаянсовых раковин, набитых кусками штукатурки и грязью. От покрытых солью кранов бежали ржавые струйки. К длинной трубе под потолком были прикручены душевые лейки с позеленевшими грязными кронштейнами. В следующей комнате громоздились инвалидные кресла, но вместо матерчатых или пластиковых сидений у них были стульчаки, как у унитаза, только без крышки. Другая комната была пустой, если не считать прогнившего матраса и свисавшей с потолка длинной ленты отсыревшей штукатурки. В коридоре был слышен звук капающей воды.

Наконец они подошли к запертой двери с табличкой «Архив». Гарри перепробовал три ключа, пока не нашел подходящий. Он открыл дверь, и все последовали за ним внутрь. В помещении имелось два высоких окна, но все равно внутри было так темно, что они почти ничего не видели. Воздух казался душным, застоявшимся. В лучах бледного света носились пылинки.

Пег, прижимая руку к груди, ошалело огляделась по сторонам. Комната была заставлена столами, шкафами, тумбами и полками. На них громоздились папки, бумаги и коробки. Потрепанные документы лежали и на полу. Они были сложены в высокие стопки и перевязаны вытертой аптечной резинкой. Под ногами валялись рентгеновские снимки и какие-то папки, словно кто-то швырнул их в комнату и захлопнул дверь.

— Господи, — ахнула Пег, — как мы тут что-то найдем?

— Не знаю, — ответил Гарри, — но придется поторопиться.

Питер поставил строительный фонарь в угол, осветив центр комнаты. Он снял несколько коробок с маленького столика, поставил его посередине и начал устанавливать фотооборудование. Пег направилась в дальний угол и достала толстую папку. Секунду она смотрела на нее, потом поставила на место и взяла следующую. Просмотрев полдюжины папок, она громко сказала:

— Похоже, они расставлены в алфавитном порядке.

— Давайте каждый выберет себе пациента и будет искать его папку? — предложил Гарри.

— Отличная идея, — поддержала Пег.

Она вынула из сумки список и раздала всем, кроме Иззи и Питера, имена и планшеты с зажимом для бумаги.

— Под именем пациента записывайте любые сведения, которые покажутся вам интересными. Попросите Питера сфотографировать важные документы. Второго шанса не будет, так что работать надо быстро. Иззи, ты будешь мне помогать.

Все разошлись в разные стороны и приступили к работе. Иззи пошла за Пег в дальний угол комнаты.

— Что мне делать? — спросила она.

— Фамилия пациента, которого я буду искать, начинается с буквы «К», как фамилия Клары. Так что, возможно, ее история болезни где-то здесь.

Пег вытащила толстенную папку, и они вместе уставились на первую страницу. К папке были приклеены две черно-белые фотографии. На одной была изображена женщина средних лет в блузке с кружевным воротничком. У нее была короткая стрижка и добрые глаза. Женщина застенчиво улыбалась. На стене над ее головой висела белая лента с пятью цифрами. На второй фотографии тоже была она,

только ее кожа сморщилась и посерела, а под глазами появились темные круги. Она уныло куксилась, а ее нижняя губа просела внутрь из-за того, что выпали зубы. Иззи никогда не видела такого несчастного лица.

— Эстер Болдуин, — произнесла Пег, закрыла папку и поставила ее обратно на полку. — Значит, здесь стоят карты пациентов с фамилиями на «Б».

Она прошла вдоль стены, сняла с верхней полки еще одну папку и открыла ее. Иззи упорно смотрела на Пег. Она боялась опустить глаза и увидеть еще одного человека, изуродованного за годы пребывания в психбольнице.

— Дмитрий Кейбелл, — сказала Пег. — Ага, теперь пошли фамилии на «К».

Она вернула карту на место и тихо добавила:

— Ну давай, попробуй найти медицинскую карту Клары.

Иззи прошла вдоль стены и взяла с полки чью-то карту. Она принадлежала пациенту по фамилии Кэхилл. Девушка поставила ее на место и взяла другую. Это была карта женщины по фамилии Каллахэн. Иззи вытащила еще одну папку, потом еще. Она стиснула зубы, чтобы не расплакаться при виде грустного лица и запавшего рта очередного пациента. Поразительно, сколько людей томилось здесь в заключении долгие годы, и многие из них — до самой смерти. Кто из них, так же как Клара, сошел с ума внезапно, хотя ничто этого не предвещало? Лучше бы пациентов спрашивали, что с ними приключилось, чем пытались добиться ответа на вопрос, что с ними не так. В комнате было полно увесистых папок — значит, эти люди находились в больнице много, много лет. В животе ворочалось что-то холодное и тяжелое, будто туда положили увесистый ком земли.

Зачем она это делает? Зачем пытается разузнать, что случилось с давно умершей, всеми позабытой женщиной? Ей так и не удалось пожить нормально, словно она этого не заслуживала. А ведь у нее, Иззи, своих проблем хватает. Почему же она решила разгрести чужие?

Один из коллег ее опекунов понес медицинскую карту в центр комнаты, где Питер фотографировал истории болезней, рентгеновские снимки и другие документы. Иззи посмотрела на них, а затем вытащила из-под тонкой папки толстую медицинскую карту. Она

открыла ее и чуть не выронила из рук. Клара смотрела на нее испуганными глазами, сжав рот в тонкую жесткую линию, словно едва сдерживала слезы. Под ее именем жирным курсивом было написано: «Параноидальный бред и галлюцинации».

Иззи сглотнула набежавшую слюну. Ей хотелось плакать. Она присела на стремянку рядом со шкафами и достала фонарик, надеясь, что все увлечены поисками и не обратят на нее внимания. Иззи положила толстую папку на колени, открыла первую страницу и начала читать.

1 января 1930 года. Пациентка физически здорова и чистоплотна. Переезд перенесла спокойно. Она кажется немного отстраненной и якобы не понимает, почему оказалась в психиатрической больнице. Как и предупреждал доктор Торн, она не верит, что больна. Страдает от галлюцинаций и бредовых фантазий. Ведет себя смирно, хорошо спит и с аппетитом ест.

2 января 1930 года. Осмотр не выявил оснований для беспокойства о здоровье пациентки. Температура и пульс в норме. В груди нет посторонних шумов, строение скелета обычное, легкие и кости без аномалий. Пациентка бредит, утверждая, что беременна, но никаких признаков беременности не обнаруживается. Вес пациентки немного ниже нормы. Бред частично объясняется галлюцинациями, сопровождающими болезнь.

Иззи ахнула. Клара думала, что беременна? Почему она не написала об этом в дневнике? Неужели она так отчаянно хотела выбраться из больницы, что внушила себе эту мысль? Может, расставание с Бруно так на нее подействовало? Иззи перевернула несколько страниц. Ей не терпелось узнать, что было дальше.

5 марта 1930 года. Пациентка предприняла попытку сбежать из больницы. Ее одолевают параноидальные мысли, она продолжает

утверждать, что ее якобы поместили в больницу по ошибке. Во время беседы держалась враждебно. Чтобы ослабить проявления паранойи, предписано шестидневное пребывание в одиночной палате.

31 мая 1930 года. Пациентка по-прежнему страдает от галлюцинаций и бреда. Как и предупреждал в письме ее отец, Генри Картрайт, она утверждает, что влюблена в мужчину по имени Бруно. Отец уверил меня, что такого человека не существует. Все попытки заставить пациентку признать реальное положение дел оказались безуспешными.

1 июня 1930 года. Работая на кухне, пациентка вела себя беспокойно. Она потеряла сознание и, очнувшись, пожаловалась на сильную боль в животе. Полученная травма головы не представляет угрозы для жизни. Спустя несколько часов пациентка родила здорового младенца (но с весом ниже нормы), девочку. Отец неизвестен.

Сердце глухо, как булыжник, упало в груди. Она не верила своим глазам. Так у Клары и Бруно родилась дочь! А отец Клары сказал врачу, что Бруно — бред сумасшедшей! Как мог родной отец отправить дочь в психушку за то, что она влюбилась в того, кто пришелся ему не по нраву? Мысли стали разбегаться. Что же случилось с новорожденной девочкой? Была ли она здорова, выжила ли она? Разве в Уилларде были дети? Она представила две таблички на кладбище: мать и дочь, которым было не суждено испытать счастья на земле, навсегда остались рядом в вечности. Глаза наполнились слезами. Что еще могло с ними случиться? Она пыталась придумать, но ничего не приходило в голову.

Иzzi торопливо перелистывала страницы. Вдруг в медицинской карте найдется что-нибудь, проливающее свет на случившееся? Но там говорилось только о бреде, паранойе и галлюцинациях. Постепенно записи становились все более сухими и отстраненными, в них говорилось о физическом состоянии Клары, о том, как она общается с другими пациентами. Разные люди разными почерками делали записи

с рецептами, медицинскими терминами, начальными буквами, обозначавшими дозировку. Иззи пролистала до последней страницы, ожидая увидеть посмертный эпикриз или свидетельство о смерти. Но она его так и не нашла.

Знал ли Бруно, где находилась Клара все эти годы и что она родила дочь? Может, он забыл о ней и жил себе припеваючи? Иззи вспомнила конверты в чемодане Клары, десятки писем, которые она так и не отправила Бруно. Она закрыла папку и достала фотографию Клары.

«Я обязательно узнаю, что случилось с твоей дочерью, — подумала Иззи. — И если она каким-то чудом осталась жива, я отдам ей твой дневник и фотографии. Я расскажу ей, как сильно ты ее любила. Ей нечего бояться. Она узнает о тебе правду».

ГЛАВА 12

КЛАРА

Больница в Чапин-Холле, сентябрь 1930 года

Листья на деревьях за окном больницы уже пожелтели. Солнечные лучи отражались от поверхности озера Сенека, словно тысячи разбитых зеркал. Клара подсчитала, что пролежала в больничной палате почти четыре месяца, наблюдая за тем, как серые майские дожди сменились летними днями, пропитанными солнечным зноем. Из-за небывало жаркого августа широкие газоны Уилларда побурели. Ей трижды в день приносили еду и дважды в день выносили горшок. Раз в неделю она ходила с санитаркой в ванную, чтобы помыться. В остальном она жила, как в тюрьме. Правда, здесь было лучше, чем в палате.

Клара сидела на металлическом стуле с мягким сиденьем, который стоял в прямоугольнике солнечного света, пробивавшегося через грязное окно, и думала о том, как долго ее здесь держат. По ее расчетам, уже прошла первая неделя сентября и наступила вторая. Батарея — холодная металлическая колода под кирпичным подоконником — как обычно, не издавала ни звука. Медсестры говорили, что включать отопление еще рано, сезон не начался, однако комната с высоким потолком промерзала за ночь и не прогревалась днем. Клара ложилась спать в носках и свитере.

Казалось, сегодня у озера теплее, чем внутри, в помещении. Ей ужасно хотелось распахнуть окна и впустить внутрь свежий воздух. Как хорошо там, на свободе! Осенний ветер пахнет хвоей, а чистый воздух пропитан запахом влажной земли и сухих листьев, которым суждено стать почвой для новых всходов. Она бы все отдала за то, чтобы ей позволили выйти на улицу и вдохнуть этот аромат. В больнице же воняло заплесневевшим цементом, облупившейся краской, мочой и дезинфицирующим раствором. Порой Кларе казалось, что она различает теплый медный привкус крови и острый душок смерти. Она представляла, как пыль и черная плесень набиваются в ноздри и легкие, не давая молодой здоровой нежной плоти свободно дышать, загрязняя воздушные пути заразой и недугом.

Со слезами на глазах она посмотрела на свою дочь, которая посапывала у нее на руках. Беатрис Элизабет Моретти. Сердце щемило от любви и нежности. Выпустят ли их когда-нибудь из Уилларда? Выйдут ли они на свободу, на солнце и свежий воздух? Разве в этих вонючих казематах можно растить ребенка? Затхлый больничный воздух, в котором витают вредные бактерии, лекарства, пары недуга, проникающие в розовые легкие ее маленькой девочки... Страх холодной рукой вцепился в ее сердце, и она чуть не зарыдала в голос.

— Как жаль, что ты здесь со мной, — прошептала она. — Это я во всем виновата. Надо было выйти замуж за Джеймса. Я бы сказала, что ты его дочь, и у тебя было бы все, что нужно. Но я же не знала. Я понятия не имела, что отец способен на такое. Я не думала, что он просто выкинет меня из головы.

Доктор Роуч сказал Кларе, что сообщил ее родителям о рождении девочки, но они ничего не ответили. Наверное, думала Клара, новость о том, что она родила внебрачного ребенка, еще сильнее взбесила отца. У нее было чувство, что с этого дня им с Беатрис больше не на кого надеяться. Им придется самим заботиться о себе. Если они выживут.

Когда ее водили мыться, Клара, прижимая к себе запеленатую в одеяло Беатрис, слышала, как врачи и медсестры обсуждали пациентов, больных туберкулезом, брюшным тифом, холерой, дифтерией. Насколько она поняла, заразных пациентов держали на другом этаже, вдали от остальных. Но и здесь люди умирали каждый день, и врачи с трудом сдерживали распространение инфекционных болезней. Что будет с ней и Беатрис, если они заболеют? Медсестры предлагали ей искупать или подержать Беатрис, но она отказывалась. Она никому ее не давала, потому что боялась, что сотрудники больницы могут быть переносчиками болезней. Если с ее крошкой что-то случится, она больше не будет мечтать об освобождении из Уилларда, потому что тогда точно сойдет с ума.

Клара старалась прогнать страх. Паника и истерики не помогут. Если она хочет выжить, надо держать себя в руках. Вместо страха у нее внутри зарождалась ледяная злость, которая с каждым вздохом становилась больше и сильнее. Как родители могли так с ней поступить? Как они могли отдать ее на растерзание равнодушным врачам и медсестрам? Неужели они собираются навсегда запереть ее с дочерью в этой комнате, чтобы они сошли с ума, заболели, сгнили

заживо? Она подумала о матери: значит, в мире есть женщины, которым неведом материнский инстинкт? Похоже, ее не волнует, что она больше никогда не увидит свою дочь, не поговорит с ней. Разве так бывает?

Она вспомнила тот день, когда родила Беатрис. Очнувшись, она заморгала от яркого света; фигуры двух человек, стоявших-над ней, расплывались перед глазами. Когда зрение прояснилось, она увидела доктора Роуча и медсестру.

— Где мой ребенок? — воскликнула она.

Ее мгновенно охватила паника, лишив возможности нормально дышать. Воздуха не хватало. Она попыталась сесть, но низ живота пронзила дикая боль. Клара почти не обратила на это внимания. Главное, скорее увидеть дочь!

— Лежите спокойно, — посоветовал доктор Роуч.

— Вот твоя девочка, — ответила медсестра, положив ладонь на деревянную кровать. — Малышка совершенно здорова.

Паника тут же схлынула. Клара выдохнула, сердце стало биться не так часто. Она с трудом приподнялась и посмотрела на новорожденную дочь, завернутую в одеяло. Малышка крепко спала. Клара откинулась на подушки, и ее лицо исказилось от боли: чувство было такое, будто кто-то ударил ее ножом в живот.

— Лучше лежите, — сказал доктор Роуч. — Вы ударились головой. Ничего страшного, но несколько дней вам придется провести в постели.

— Что со мной? — спросила она, прижимая руку к животу.

— Доктор Слейд сделал вам небольшую операцию, — бесстрастно сообщил доктор Роуч. — Ни о чем не беспокойтесь. Вы скоро поправитесь.

— Какую операцию?! — воскликнула она. — Что он сделал?!

Доктор Роуч прошел к изножью ее кровати и взял медицинскую карту.

— Обязанность врача, — заявил он, вытаскивая из кармана медицинского халата ручку, — состоит в том, чтобы заботиться о здоровье общества. Ради процветания человечества мы должны сделать так, чтобы здоровые люди размножались, а больные не имели потомства. Стерилизация — обычная процедура в государственных

психбольницах. Наш долг — предотвратить распространение болезнетворных генов безумства.

В горло словно затолкали горящую головешку. Она вспомнила, как радостно искрились глаза у Бруно, когда они говорили о том, что поженятся и заведут детей. Он хотел, чтобы у них было два мальчика и две девочки.

— Да как вы посмели! — закричала она.

Доктор Роуч написал что-то в карте и повесил ее на край кровати.

— Мы поговорим позже, — добавил он, — когда вы поправитесь.

— Вы не имели права принимать за меня такое решение! — не унималась Клара. Если бы ей хватило сил, она бы вскочила с кровати и придушила его. — Вы же прекрасно знаете, что я здорова!

Он повернулся и пошел к двери, клацая лакированными ботинками по плиточному полу.

— Это ребенок Бруно, — срывающимся голосом крикнула ему вслед Клара. — Он существует, что бы ни говорил мой отец!

Дойдя до двери, Доктор Роуч оглянулся.

— Я же сказал, мы обсудим это через несколько дней, — пообещал он. — Во всяком случае, у вас будет меньше проблем. А пока отдыхайте.

В эту минуту малышка проснулась, заворочалась и захныкала, готовясь закричать во все горло. Доктор Роуч вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Ну тихо, тихо, — сказала медсестра Кларе и взяла девочку из кровати.

Малышка покраснела и закричала, широко раскрыв маленький ротик.

— Подумай лучше о ребенке.

Медсестра укрыла Клару одеялом, подала ей ребенка и грубо сдвинула ворот сорочки, обнажив набухшую грудь девушки.

Клара, пылая от гнева и унижения, закрыла ее рукой. Впервые после пробуждения она почувствовала, что у нее болят соски. Кто-то прикладывал ребенка к груди, пока она была без сознания.

— Малышка любит покушать, — сказала медсестра.

Клара моргнула и посмотрела на крошечную девочку, которая лежала у нее на руках. Слезы мешали ей рассмотреть ее личико, но она тут же забыла, что рядом стоит медсестра. Щеки у малышки были

мягкими, розовыми, словно брюшко ягненка, ресницы длинными и черными. Она взмахивала ими так же, как Бруно. Клара коснулась маленькой тонкой ручки, и дочь взяла ее за палец. Ребенок жалобно всхлипывал и дрожал, а розовый нежный ротик искал материнский сосок. Добравшись до него, малышка приникла к Кларе и успокоилась, опустив припухшие веки. Боль в животе, подобно приливу и отливу, то нарастала мощной волной, то спадала в едином ритме с движениями младенца, сосавшего и глотавшего молоко. Она поцеловала девочку в лоб и опустила голову, зарыдав от всепоглощающей любви и горя, разрывающего ей сердце.

Сейчас, сидя в теплых лучах солнца, пробивающихся в палату больницы, Клара трогала тонкий жесткий шрам внизу живота, с болью думая о том, что произошло. Швы сняли месяц назад, но шрам еще не до конца зажил, и ее переполняла жгучая бессильная ненависть к врачам, которые сделали операцию без ее согласия. Она погладила нежную щечку Беатрис, стараясь не обращать внимания на тень от решетки на бледной кожице. Клара подумала о том, что ее мать, Рут, тоже держала ее на руках, когда она была младенцем. Чувствовала ли она такую же сильную любовь к своей крошечной беззащитной дочери? Или можно родить ребенка, а потом, когда он вырастет, ни капли не переживать о нем, не тяготиться разлукой и не думать о том, что они никогда больше не увидятся? Неужели матери все равно, что ее дочь держат взаперти, избивают, накачивают лекарствами, стерилизуют? Неужели ее не волнует, что она страдает от холода, голодает, мучается от страха?

С каждым днем ее любовь к Беатрис становилась все сильнее. Сердце разрывалось от нежности и боли. Но разве может быть по-другому? Длинными темными вечерами она рассказывала дочери о воробьях и малиновках, прыгающих на ветках, а девочка с любопытством смотрела на нее, лежа рядом на кровати. Беатрис слушала очень внимательно. Она то молчала, то гулила, а Клара придумывала сказки о замках и принцессах, описывала озеро, траву и деревья. Когда Клара вспоминала о том, как познакомилась с Бруно, или мечтала вслух, каким замечательным отцом он станет, если их когда-нибудь выпустят на свободу, шоколадно-карие глаза Беатрис радостно вспыхивали, словно она понимала каждое слово.

К удивлению Клары, доктор Роуч стал к ней внимательнее, чем раньше. Она не понимала, чем вызвана эта забота. Он приходил к ней раз в неделю, расспрашивал о Беатрис, интересовался здоровьем и развитием малышки. Однажды, когда доктор Роуч подошел к кровати и потянул одеяло, словно для того, чтобы лучше рассмотреть девочку; Клара насторожилась. Она тут же подхватила дочь и отошла к окну.

— Пожалуйста, не подходите к ней, — попросила она. — Я не хочу, чтобы ее кто-то трогал.

— Но я же врач, — запротестовал доктор Роуч. — Вам не о чем беспокоиться. Я волнуюсь о здоровье ребенка.

— Ей не нужен врач! — воскликнула Клара. — И если вы волнуетесь о ее здоровье, дайте нам отсюда уйти!

— Я не могу вас отпустить, это неправильно, — заявил он. — Клара, вы не здоровы. И пока я не приду к обратному заключению...

— Что же вы сделаете? — перебила его Клара. — Навсегда запрете нас в этой палате?

— Нет, — ответил он. — Я жду ответа от вашего отца, и тогда...

Клара чуть не задохнулась.

— От моего отца? Я думала, вы написали ему о том, что у меня родился ребенок. Вы сказали ему, что мне не нужны его деньги? Все, о чем я прошу, — это освободить меня!

Доктор Роуч, поджав губы, покачал головой.

— Нет, нет, — ответил он, взмахнув рукой, — он ничего не ответил.

— Вы от меня что-то скрываете, — сказала она. — Но что?

— Вашему отцу требуется время, чтобы переварить тот факт, что у него родилась внучка, — сказал он. — Уверен, он был потрясен, узнав эту новость, тем более что мы не знаем, кто ее отец.

— Ее отец — Бруно, — заявила она, сверкая глазами. — И моему отцу это прекрасно известно.

— Я уже написал ему, — ответил доктор Роуч, направляясь к двери, — и его ответ поможет мне определиться с тем, как поступить дальше. Если он вообще ответит.

С тех пор Клара каждую ночь молилась о том, чтобы отец признал правду. Ну какая ему радость от того, что она останется в Уилларде? И так понятно, что о свадьбе с Джеймсом Гэллагером и речи быть не

может. Ему нужно только сказать доктору Роучу, что Бруно — реальный человек, и ее отпустят. Неужели она многого просит?

Клара уткнулась носом в густые волосы девочки — каштановые и волнистые, как у Бруно, — и вдохнула чудесный детский запах. Им нужно набраться сил. Последние несколько дней Беатрис вела себя беспокойно. Может, настала пора давать ей твердую пищу? Клара мало что знала об уходе за детьми, а Рут, разумеется, и не собиралась делиться с ней материнской мудростью. Но Клара понимала, что в какой-то момент молока станет недостаточно. Она пыталась посоветоваться с медсестрами, но они только пожимали плечами или обещали принести что-нибудь подходящее.

Клара удивлялась тому, что в больнице ее кормили не хуже, чем в лечебнице Лонг-Айленд: на завтрак она получала тост и яйца, на обед — сэндвич с сыром и ветчиной и какой-нибудь фрукт, а на ужин — курицу или свинину с гарниром из бобов, кукурузы или горошка и булочку. Когда она упомянула об этом в разговоре с медсестрой, то узнала еще более странную новость: оказывается, доктор Роуч велел готовить для нее отдельно, чтобы было молоко для ребенка. Но, несмотря на сбалансированную диету, молока становилось все меньше. Подросшей малышке не хватало его, чтобы насытиться.

Вскоре после родов медсестры принесли ей пеленки и три распашонки. Они были зашиты и протерты на локтях. Что ж, это лучше, чем больничные халаты, в которые Клара кутала Беатрис. Она надеялась, что медсестры принесут девочке еду, они ведь помогли ей лишь однажды. А ребенку были необходимы рисовые хлопья, протертые фрукты или, на худой конец, коровье молоко.

Раздумья Клары прервал звук поворачивающегося в замке ключа. Она встала, прижимая к себе Беатрис. Кто мог прийти к ней в такое время? Для обеда еще слишком рано, а доктор Роуч должен навестить ее только в конце недели. Неужели отец наконец ответил на письма? Клара затаила дыхание, глядя на открывающуюся дверь.

В комнату вошла медсестра. Она шагнула в сторону, придерживая край двери. Это была та самая женщина, которая подарила пеленки и одежду для малышки. Она всегда улыбалась и ворковала с Беатрис, восхищаясь тем, какая она хорошенькая. Теперь медсестра смотрела в пол, пряча от Клары глаза. За ней в комнату вошли доктор Слейд и женщина в обычной одежде, без медицинского халата. На их лицах

была написала решительность. Женщина была одета в длинное шерстяное пальто, на голове у нее была зеленая шляпа, из-под низких полей которой выбивались пряди рыжеватых волос. На руке у дамы висело розовое одеяло. Она окинула взглядом комнату, сморщив при этом губы, — на них тут же появились продольные полосы, как на линейке. Вслед за доктором Слейдом и незнакомкой в палату вошли два санитары. Они закрыли за собой дверь. Клара не понимала, зачем она понадобилась доктору Слейду. Последний раз он приходил к ней несколько недель назад.

— В чем дело? — испуганно спросила она.

— Это мисс Мейсон, — холодно сказал доктор Слейд и вместе с женщиной направился к Кларе. — Она из Общества усыновления.

Мисс Мейсон коротко кивнула Кларе и перевела взгляд на Беатрис. Санитары остались сторожить у двери, наблюдая за происходящим. Медсестра, опустив голову и положив руку на живот, продолжала рассматривать пол. Как это понимать? Клара попяtilась, прижимая к груди Беатрис. Сердце бешено стучало в груди.

— Что вам надо? — спросила она.

— Это не место для ребенка, — твердо заявила мисс Мейсон. — Я найду для нее хорошую семью.

От ужаса Клара перестала дышать, казалось, гигантская рука вырвала у нее из груди сердце. Она глотала ртом воздух, как будто ее кто-то душил, а живот скрутило так, что от боли она чуть не согнулась вдвое.

— Нет! — завопила она. — Это мой ребенок! Не забирайте ее!

Она начала отступать назад, пока не наткнулась на стену рядом с окном. Ноги ее не слушались, руки стали ледяными. Клара задыхалась, с трудом сдерживая приступ рвоты.

Доктор Слейд и мисс Мейсон обошли кровать и стали надвигаться на девушку. Врач попытался схватить ее за руку, а женщина повесила одеяло на кровать и потянулась к ребенку.

— Нет! — крикнула Клара.

Она метнулась в сторону, вырвав у нее Беатрис, и побежала в дальний конец комнаты. Посуровевшие санитары оторвались от двери и двинулись в сторону Клары. Доктор Слейд и мисс Мейсон загнали ее в угол, вытягивая руки, словно пытались поймать дикое животное.

— Отдай нам ребенка, — сказала мисс Мейсон. — Смотри не урони ее!

— Отстаньте от нас! — крикнула Клара. — Я вам ее не отдам!

Доктор Слейд бросился к ней и, крякнув от натуги, обеими руками схватил за плечо. Мисс Мейсон потянулась к Беатрис, стараясь вырвать малышку из объятий матери. Клара оттолкнула мисс Мейсон, и та, судорожно махая руками и округлив глаза, полетела назад. Беатрис проснулась и закричала, наморщив красное личико. Мисс Мейсон, все-таки удержавшись на ногах, подняла руки и снова стала надвигаться на Клару, которая крутилась и извивалась, стараясь вырваться из цепких пальцев доктора Слейда. Она пнула его по голени. Он выругался и сильнее сжал ее плечо, вцепившись в кожу толстыми пальцами. Подоспевшие санитары мигом скрутили Клару: один схватил ее сзади за плечи, а второй встал перед ней, чтобы она не уронила ребенка. Мисс Мейсон потянулась за Беатрис.

Клара изловчилась и с ожесточением ударила ее по подбородку. Женщина прижала руку к нижней губе, а затем очумело уставилась на окровавленные пальцы. Санитары заломили Кларе руку за спину. Мисс Мейсон, разъяренно глядя на нее, вытерла кровь, размазав ее по подбородку. Клара одной рукой прижимала к себе Беатрис. Она сопротивлялась изо всех сил, но все было напрасно — девушка не могла справиться с двумя санитарями.

— Нет! — кричала она, срывая голос. — Пожалуйста! Не забирайте мою девочку!

— Заберем обязательно, — прошипела мисс Мейсон и, самодовольно ослабившись, с помощью доктора Слейда вырвала Беатрис у Клары.

Собрав последние силы, Клара бросилась вперед, ускользнув от санитаров. Она вонзила ногти в щеки мисс Мейсон и выхватила у нее дочь. Женщина завизжала и закрыла лицо руками. Клара прижала к себе малышку и попыталась бежать, но санитары успели ее задержать. Доктор Слейд выхватил у нее Беатрис. На его лице застыло неумолимое выражение.

— Нет, — всхлипывая, взмолилась Клара, — не забирайте ее. Прошу вас!

— Мне жаль, — сказал доктор Слейд, — но когда-нибудь ты поймешь, что так для ребенка лучше.

Медсестра, в глазах которой стояли слезы, попыталась промокнуть полотенцем кровь на лице мисс Мейсон. Но та, выхватив полотенце, вытерлась сама. Затем она расстелила на кровати одеяло. Доктор Слейд, одной рукой поддерживая темноволосую головку ребенка, передал ей Беатрис. Мисс Мейсон положила дрыгающую ножками девочку на кровать, завернула в одеяло и взяла на руки, покачивая, чтобы успокоить плачущее дитя.

— Вы приняли правильное решение, — обратилась она к доктору Слейду. — Разве эта женщина способна воспитывать ребенка?

Тот кивнул, пытаясь отдышаться.

— Не-е-е-ет! — кричала Клара, пока из ее горла не хлынула кровь.

Она вырывалась, лягалась, боролась из последних сил. Мисс Мейсон направилась к двери, и Клара упала на пол. Каждый ее мускул, каждая косточка изнывали от боли и отчаяния. Санитары придавили девушку сверху, и она с душераздирающим стуком ударилась головой о плиточный пол. Руку словно ужалила змея. Клара повернула голову к выходу и успела увидеть, как мисс Мейсон выходила в дверь с ее дочерью на руках. Сбоку свисало розовое одеяльце. Беатрис истошно кричала.

Клара лежала на жесткой подушке. Серый предрассветный свет пробивался через зарешеченное окошко. Сквозь него она увидела кедровые деревья и мужчину в резиновых сапогах, который шел по дорожке, закинув на плечо лопату. Вдруг раздался чей-то вопль. Она резко села и огляделась по сторонам. На ржавых металлических кроватях сидело несколько женщин. Их ноги были цепями прикованы к спинкам кроватей. Клара опустила глаза: вокруг ее лодыжки тоже была цепь. Значит, ее перевели в изолятор.

ГЛАВА 13

ИЗЗИ

Полная луна висела в кобальтовом небе, похожем на сферу, которую кто-то миллион раз проколол булавкой, чтобы оттуда проникал свет. Иззи — в джинсах, кедах и кофте с капюшоном — сидела в машине Алекс, стараясь не думать о том, что вновь соврала Пег и Гарри. Сначала она скрыла, что дневник взял Итан, а теперь еще... Конечно, это маленькая, невинная ложь: она сказала, будто останется ночевать у Алекс, а на самом деле поехала на озеро веселиться со старшеклассниками из школ Лейкшор и Ромулус. Пусть это ерунда, но она чувствовала себя ужасно: ведь Пег и Гарри к ней так хорошо относятся!

Алекс барабанила пальцами по рулю, во все горло подпевая Аланис Морисетт, которая пела по включенному на полную громкость радио. Когда машина свернула с шоссе на узкую проселочную дорогу, у Иззи сжалось сердце. Может, не стоило этого делать? По усеянной рытвинами дороге Алекс поехала медленнее. Когда они оказались в темном густолистом туннеле из приземистых деревьев, Алекс выключила радио. Ветка царапнула по крыше, и Иззи инстинктивно пригнулась. Фары освещали изрытую колесами землю и отражались в глазах мелких зверьков, прятавшихся под кустами.

— Мы правильно едем? — забеспокоилась Иззи.

— Правильно, — заверила ее Алекс. — Мы в этом месте часто вечеринки устраиваем. Нас там никто не найдет. Эта земля принадлежит штату. Раньше там находилась психбольница Уиллард.

Иззи сглотнула набежавшую слюну. Наверное, это какая-то ошибка.

— Зря я согласилась, — произнесла она, взглядываясь в лес. — После разборок с Шэннон и все такое. У меня и так проблем хватает.

— Там будет столько людей, что ты ее и не заметишь. Не обращай на нее внимания.

— А если она обратит на меня внимание?

— Там буду я и мои друзья из другой школы. Они ей не дадут руки распускать. Все будет хорошо.

— Даже не знаю...

— Слушай, расслабься! Это наш последний год в школе! Самое время сходить с ума.

«Нет уж, спасибо, — подумала Иззи. — Только не это».

Проселочная дорога заканчивалась у большой поляны, на которой стояли машины, пикапы и мотоциклы. Иззи закусил губу. Сквозь деревья она видела ребят, которые пили, курили и танцевали вокруг большого костра на берегу. Красные искры взвивались в небо, будто беззаботные светлячки. Озеро Сенека за их спинами темнело, словно гигантская черная чаша, и полная луна отражалась в воде, оставляя широкую мерцающую дорожку. Иззи когда-то читала, что слово «лунатик» произошло от веры древних людей в то, что лунный свет смущает человеческий разум. Она надеялась, что сегодня ночью ей это не грозит.

Алекс припарковалась, они вылезли из машины и достали с заднего сиденья сумки, одеяла и палатку. Басы гремели так, что Иззи казалось, будто у нее в груди бьется два сердца. Холодный ветер разносил по округе запах костра, горящего дерева, подгнивающей рыбы, мокрых водорослей и холодной воды в железных кружках.

Иззи надела куртку, закинула сумку на плечо и последовала за Алекс. Девушки прошли по деревянному настилу над болотом, потом по извилистой тропинке через чахлые кусты и песчаные проплешины и наконец добрались до берега. На пляже было полно людей. Они стояли и сидели на складных стульях вокруг костра, устанавливали палатки, валялись на одеялах, ели пиццу и чипсы, курили траву и пили пиво. Несколько подростков сгрудились вокруг кальяна. Другие играли в волейбол или передавали друг другу бутылку виски. Кто-то выехал на шикарном «пontiаке» на песок и открыл багажник: динамики гремели так, что машина дрожала. Вечеринка началась в три часа, но Иззи с Алекс опоздали, потому что им нужно было работать.

— Пошли туда, — Алекс показала на свободное место у склона поросшей травой дюны.

Иззи последовала за ней через толпу, вглядываясь в знакомые лица, опасаясь, что кто-нибудь спросит, какого черта она тут делает. Один парень стоял на руках, а Люк и Джош поддерживали его за ноги и лили пиво в воронку, через которую оно по трубке бежало парню в

рот. Вокруг собралась толпа. Все скандировали: «Давай, давай, давай!» — а юноша глотал пиво, стараясь его не пролить.

Иззи заметила у костра несколько парочек. Они держались за руки и обнимались. Там, завернувшись в одеяла, сидели и Итан с Шэннон; они смеялись и болтали с Кристал и ее бойфрендом. Иззи тут же отвела глаза.

— Похоже, сплетням нельзя верить, — заметила Алекс, бросив сумку на песок. — Во всяком случае, пока все по-прежнему.

— Каким сплетням?

Алекс кивнула на Итана и Шэннон.

— Все говорят, что Итан скоро бросит Шэннон и пригласит тебя на свидание, — ответила она.

Кровь бросилась Иззи в лицо.

— Что за бред!

— Что именно? Ты не веришь, что он ее бросит или что пригласит тебя на свидание?

— И то и другое.

— Хочешь сказать, он тебе не нравится? — улыбнулась Алекс, опускаясь на колени, чтобы разложить палатку.

— Нет. Мне совсем не хочется, чтобы эта зараза устроила мне веселую жизнь.

— Значит, если бы не Шэннон, ты бы согласилась с ним встречаться?

— Я этого не говорила.

— А, поняла. У тебя остался парень в старой школе?

Иззи покачала головой.

— Я просто хочу, чтобы этот год быстрее закончился. Я пока не знаю, что буду делать, когда мне исполнится восемнадцать. Не хватало еще переживать из-за парней.

— Ясно, — кивнула Алекс.

Тут к ним подошли несколько человек — парни и девушки. Они несли одеяла, палатку, спортивные сумки и кулер. Парни поставили сумки и стали устанавливать палатку, а девушки бросились обнимать Алекс. Она представила их Иззи:

— Это Ким и Джеки из Лейкшора. — Потом показала на мальчишек. — Крис тоже из Лейкшора, а Фин и Черепашка из Ромулуса.

— Привет, — с улыбкой поздоровалась Иззи.

Джеки достала из кулера коктейли из вина с соком. Она была высокой и стройной, с гладкой загорелой кожей и рыжеватыми волосами, заплетенными в косы. Точь-в-точь девчушка из рекламы солнцезащитного крема. Ким, наоборот, была низкого роста и пухленькой, с золотисто-каштановой шевелюрой. Она носила очки.

Парни решили сделать перерыв. Они взяли пиво и подошли к девушкам.

— Алекс объяснила тебе, почему Черепашку так зовут? — спросил Фин у Иззи.

Иззи покачала головой. Черепашка стукнул приятеля по плечу.

— Лучше заткнись!

Фин ткнул себя в пах.

— Потому что он похож на голову черепашонка.

Все рассмеялись, а Черепашка прыгнул Фину на спину, пытаясь повалить его на песок.

— Не обращай на этих дебилов внимания, — посоветовала ей Джеки.

— Ой, — подала голос Алекс.

Она смотрела за спину Иззи, туда, где горел костер. Джеки и Ким тоже повернулись в ту сторону и удивленно вскинули брови. Иззи проследила за их взглядом, и ее сердце забилось в два раза чаще — к ним направлялись Итан, Шэннон, Джош, Кристал и Дэйв. Иззи растерянно взглянула на Алекс: что делать? Алекс пожала плечами. Когда Итан и все остальные приблизились, парни стали шутливо мутузить друг друга и дружелюбно подняли стаканы с пивом. Иззи стояла, опустив глаза.

Шэннон и Кристал поздоровались, изображая святую невинность. Алекс скривилась. Ребята предложили подошедшим присоединиться к ним и стали угощать их пивом и вином. Парни заговорили о футболе и машинах, а девчонки — о том, сколько подушек они с собой взяли и как круто будет валяться завтра на солнышке. Иззи все время смотрела только на Алекс, Ким и Джеки. Вдруг кто-то коснулся ее руки, и она чуть не подпрыгнула от неожиданности: это была Шэннон.

— Можно с тобой поговорить? — приторным голосом пролепетала она. — Наедине?

Иззи глотнула вина и метнула взгляд на Алекс. Та с подозрением наблюдала за ними. Шэннон робко смотрела на Иззи, надув губки, словно маленькая девочка.

— О чем ты собираешься с ней говорить? — громко поинтересовалась Алекс.

Итан, который что-то оживленно обсуждал с Фином и Дэйвом, замолчал и растерянно посмотрел на них, а потом с обеспокоенным видом подошел ближе.

— Все нормально? — спросил он.

Шэннон взяла его за руку. Кристал потянула Дэйва за рукав, словно велев ему замолчать. Разговор утих. У Иззи было такое чувство, что они собираются устроить некий ритуал, а ее выбрали на роль жертвы.

— Ну ладно, хорошо, — недовольно бросила Шэннон. — Я скажу. Пусть все слышат.

— Ну-ка, ну-ка. Должно быть интересно, — пробормотала Алекс.

— Прости, что я была такой стервой, — заявила Шэннон. — Я серьезно. Правда. Нам осталось учиться всего один год, и я хочу оставить о себе хорошую память. Для начала я решила извиниться перед Иззи. Я знаю, что перед тобой, Алекс, я тоже виновата.

Алекс рассмеялась.

— Думаешь, все так просто? — сказала она. — Стерва — это мягко сказано. Ты столько гадостей сделала мне и другим людям!

— Ты можешь ее хотя бы выслушать? — прорычала Кристал.

— Да я вроде слушаю, — огрызнулась Алекс.

— Все нормально, Кристал, — обратилась к ней Шэннон.

Затем, словно ей вдруг стало холодно, она потеряла плечи и шагнула к Итану. Он снял куртку и надел на нее. Она с улыбкой поцеловала его в щеку и взглянула на Алекс и Иззи. У Шэннон дрожал подбородок. Настоящий спектакль! Но для кого она его устроила?

— Неприятно это признавать, — продолжила Шэннон, — но Алекс права. Я вела себя ужасно. Я поступала подло, эгоистично, некрасиво. Я вытирала о людей ноги, гнобила одноклассников. Я жалею об этом, хотя у меня нет оправданий.

— Понятно, — с ноткой сомнения произнесла Алекс, — значит, ты столько лет портила нам кровь, а теперь вдруг осознала, что так нельзя?

Шэннон, порозовев, посмотрела на нее.

— Я знаю, что виновата, — сказала она. — Но все эти годы мне приходилось слушать, что люди говорят о моих родителях... — Она опустила глаза. — Думаешь, у меня нет сердца? Нет, есть! Я очень переживала от того, что болтали про мою семью. Наверное, я... даже не знаю, как сказать. Мне хотелось наброситься на сплетников и расквасить им рожи, чтобы они тоже страдали. Конечно, это неправильно.

— Людям рты не заткнешь, — неожиданно для самой себя выпалила Иззи. — Ничего с этим не поделаешь. Лучше не обращать внимания.

Шэннон, наклонив голову, мило улыбнулась, будто малышка, увидевшая щенка в витрине.

— Вот, — сказала она, — я не сомневалась, что Иззи меня поймет. Прости, что я сказала на уроке, что твоя мать сидит в тюрьме.

Иззи, вздрогнув, покосилась на друзей Алекс. Что они о ней подумают?

— Господи, ты опять за свое! — воскликнула Алекс. — Думай, что говоришь! Иззи только что познакомилась с моими друзьями, а ты выкладываешь всю подноготную!

— Ой, — ахнула Шэннон, закрыв рот рукой. — Я не специально! Правда, сейчас не специально!

Алекс покачала головой.

— Не верю, — сказала она. — По-моему, ты хотела унижить ее перед всеми.

— Нет, — ответила Шэннон, — я не хотела! Правда! Ну пожалуйста, поверьте мне, я исправлюсь! Но мне нужно время. Иззи, прости меня, пожалуйста.

Шэннон, чуть не плача, жалобно смотрела на Иззи. Итан стоял рядом с ней и, пряча от Иззи глаза, разглядывал свое пиво, песок, Фина и Черепашку. Слова Шэннон, ее голос, поза, дрожащие губы — все казалось искренним и настоящим. И все же Иззи была готова поклясться, что в ее глазах мелькнул зловецкий огонек. Но она решила ей подыграть. Хотя бы сегодня.

— Не знаю, как остальные, — сказала она, — но я готова дать тебе шанс.

Говоря по правде, Иззи чувствовала облегчение. Пусть в понедельник, в школе, Шэннон опять возьмется за старое, зато сейчас можно расслабиться, отдохнуть, найти новых друзей.

— Ты что, серьезно? — поразились Алекс. — Ты ее простишь, словно ничего не было?

— Я понимаю, Алекс, — перебила ее Шэннон. — К тебе я относилась даже хуже, чем к остальным. Конечно, тебе противно со мной разговаривать. И правильно. Если ты не хочешь меня прощать, то и не надо. Но давай будем вести себя цивилизованно, как взрослые люди.

Все уставились на Алекс, ожидая ее реакции. Иззи пожала плечами. Она надеялась, что Алекс не обидится на нее за то, что она так быстро уступила.

Наконец Алекс нехотя согласилась.

— Ладно, проехали, — заявила она. — Давай начнем все заново. Я тоже устала от ругани и подстав. Только не надо делать из меня дуру. Второй раз такое не прокатит.

— Не буду! — пообещала Шэннон, и, раскинув руки, двинулась к Алекс, собираясь ее обнять, но та, подняв ладонь, отступила назад. Шэннон тут же остановилась.

— Ладно, я поняла, — с улыбкой сказала она. — Для обнимашек рановато. — Она вытянула руку, в которой держала стаканчик с вином. — Может, хотя бы выпьем в честь примирения?

— Запросто, — ответила Алекс и едва заметно приподняла пластиковый стакан.

Когда все выпили, Шэннон сказала:

— Мы поставили палатку у березовой рощи. Придете к нам, когда разложитесь?

— Посмотрим, — буркнула Алекс.

Шэннон перевела взгляд на Иззи.

— Приходи, поболтаем! — предложила она.

— Почему бы и нет, — нерешительно ответила Иззи.

— Отлично! — просияв, воскликнула Шэннон. — Джош взял фейерверки. Без вас мы не будем их запускать.

Она поцеловала Итана и потащила его назад, к костру, вздымая шлепанцами песчаные облачка. На полпути она обернулась, подняла стакан и прокричала:

— Будет круто!

Парни во главе с Финном продолжили устанавливать палатку, а Ким и Джеки стали раскладывать стулья и одеяла. Иззи опустилась на песок, чтобы помочь Алекс разобраться с палаткой.

— Как же это все понимать? — вполголоса спросила она, чтобы остальные не слышали.

— Понятия не имею, — покачала головой Алекс. — Слышала поговорку: держи друзей близко, а врагов еще ближе?

— Ты думаешь, она поэтому к нам подошла? — спросила Иззи.

— Скорее всего, — ответила Алекс. — Я бы на твоём месте была настороже.

— На моем месте? — удивилась Иззи. — Почему?

— Потому что, мое милое дитя, она впервые перед кем-то извинилась. Впервые. Ты заметила, как она корчилась? Похоже, она тебя побаивается.

У Иззи упало сердце. Она надеялась, что Шэннон говорила искренне, что она правда хочет начать все с чистого листа. Зря надеялась. Если бы все было так просто!

К полуночи половина собравшихся вырубилась на песке или забралась в свои палатки. Остальные собрались в кружок и громко, заплетающимися языками, рассуждали о религии и политике. Алекс, Иззи, Джеки и еще человек десять, в том числе Итан и Шэннон, уселись вокруг угасающего костра на выброшенные волнами куски дерева. Иззи шевелила палкой пульсирующие оранжевые угли, сбивая с полена почерневшие кусочки, а Алекс и Фин горячо спорили о глобальном потеплении. Все шло даже лучше, чем она надеялась. Ей правда удалось отдохнуть и повеселиться; она бросала в костер хлопушки и наблюдала за тем, как парни и девушки возились в озере. Иззи хотела сказать Алекс, что возвращается в палатку, но Джош вдруг встал и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, направился к ней. Этот громила был одним из лучших игроков спортивной команды, но у него был до нелепости тонкий голос. Иззи хихикала про себя, представляя, как он верещит на поле: «Вперед, ребята!»

— Не помешаю? — спросил он, глядя на нее сверху. Джош снял обувь и рубашку. Его широкая грудь поросла рыжими волосами.

«Вот черт! Еще этого не хватало!»

— Я уже собираюсь ложиться спать, — ответила она.

Парень сделал вид, что не расслышал и уселся на бревно рядом с ней, подогнув под себя ноги, как гигантская лягушка. Он коснулся ее бедром, и она немного отодвинулась.

— Ну как, нравится тебе жить здесь, на прекрасном озере Сенека? — спросил он, положив на колени мясистые веснушчатые руки. В одной из них он сжимал банку пива.

Иззи не сводила глаз с тлеющих углей.

— Пожалуй.

— Теперь, когда вы с Шэннон помирились, жизнь наладится.

Она взглянула на него. Его глаза остекленели, а кожа, обожженная солнцем, побагровела от перепоя. Но на пьяного он был не похож. Да он, наверное, ящик пива может выпить — и хоть бы хны.

— Надеюсь, — согласилась она. — А вы с ней давно дружите?

Джош сдвинул брови, словно не зная, что сказать. Но его растерянность быстро рассеялась, и он улыбнулся.

— О, давно, — пустился в воспоминания Джош, — мы с ней подружились еще в детском саду. Целовались за пианино.

— А Итан знает, что ты подкатывал к его девушке? — спросила Иззи. Шутка, конечно, не особо смешная, но ничего лучше не пришло в голову. Вдруг он расскажет что-нибудь интересное об Итане и Шэннон?

Джош небрежно махнул рукой, словно отметая глупый вопрос.

— Итан клевый парень. Он знает, что мы с ней были лучшими друзьями.

— Были?

Джош скривил толстые губы, словно жалея о сказанном.

— Она же встречается с Итаном. Теперь он ее лучший друг. Но мы все равно дружим.

— Ясно, — кивнула Иззи и вдруг почувствовала у себя на плечо его тяжелую руку. От него несло горьким пивом и потом.

— Может, и мы с тобой подружимся? — спросил он.

Иззи хмыкнула, сбросила его руку и встала.

— Ну все, я пошла спать, — сказала она.

Джош схватил ее за руку. Его огромная потная ладонь была похожа на теплую муфту.

— Сядь, посиди, — сказал он. — Давай пообщаемся, узнаем друг друга получше.

Она отстранилась от него.

— Извини, но я устала и хочу лечь спать.

В эту секунду Дэйв поднялся, подошел к машине и выключил музыку.

— Эй, ребята! — крикнул он, подходя к затухающему костру. — Наступила полночь! Все знают, что будет дальше?

Джош вскочил, вскинув в воздух кулак.

— Да! — закричал он. — Мы это сделаем!

Человек двадцать поднялись со своих мест, возбужденно переговариваясь, собирая фонарики и пиво. Итан, сидевший напротив Иззи с другой стороны костра, встал и щелкнул фонариком. Шэннон и Кристал надели кофты и с улыбкой стали ждать, дрыгая ногами от нетерпения.

— Что сделаем? — спросила Иззи.

— Мы собираемся в Уиллард! — возбужденно рявкнул Джош, допил пиво и швырнул банку в тлеющие угли. — Пошли! Я захватил несколько фонариков.

У Иззи ухнуло сердце. Фин и Алекс тоже встали и начали складывать одеяло, которым они накрывались.

— Алекс, ты же туда не пойдешь? — забеспокоилась она.

— Пойду, само собой! — с горящими глазам кликнула Алекс. — Я обожаю привидений, медиумов и все в таком духе. Будет круто! Раньше мы пробились в Уиллард по берегу и заходили на лодочную станцию. Было не по себе, конечно, но ничего особенного мы не видели. А сегодня мы побываем во всех зданиях!

— Ну ладно, удачи, — сказала Иззи, — а я останусь здесь и лягу спать.

— Ну вот! — разочарованно протянула Алекс. — Не будь такой занудой! Туда идти-то мили полторы, не больше.

— Дело не в том, сколько туда идти.

Алекс наклонила голову.

— Пойдем. Если будет очень страшно, мы сразу вернемся. Обещаю.

— Если она не хочет идти, — встрял Джош, — то и не надо. Я останусь с ней за компанию. — Он снова обнял Иззи и притянул к себе, прижимая к потному рыхлому телу.

Иззи отодрала от плеча его пальцы.

— Я тут подумала, — сказала она Алекс, — прогуляться мне не помешает.

Все надели ботинки и куртки и пошли вдоль берега в лучах фонариков, отскакивающих от камней, неба, песка и леса. Полная луна отражалась в озере, окрашивая его в голубоватый неземной свет. Люк и Джош вели ребят за собой, выбирая дорогу между перевернутых деревьев и валунов размером с машину. Они переносили девочек через заболоченные места, чтобы они не промочили ноги. Когда вдаль показались лодочная станция и пристань Уилларда, Люк остановился и развернулся к остальным.

— Разделимся на группы, — предложил он. — Так мы больше успеем осмотреть. Если кто-то заметит что-то интересное, мы снова соберемся вместе и будем искать. Мои дружки спускались в морг в туннеле под Чапин-Холлом. В подземелье, где хранили трупы, они видели какую-то женщину.

Кристал завизжала и бросилась обниматься с подружкой. Обе захихикали. Люк поднял руку, чтобы они замолчали.

— Ее лицо распухло и почернело, — продолжил он, — как у утопленницы. Она открыла рот, как будто хотела закричать, и исчезла.

— О боже! — воскликнула какая-то девушка.

— Тихо! — одернули ее из толпы.

— В подвале Чапин-Холла лечили электрошоком, — рассказывал Люк. — Во время наводнения в сороковых годах там утонули пациенты. Человек пятьдесят, кажется. Наверное, эта женщина была одной из них.

— Брехня! — заорал кто-то из парней.

— Ладно, потом расскажешь, как все прошло, — сказала Джеки, обращаясь к Алекс. — А я пошла.

— Да ладно тебе! — ответила Алекс. — Будет круто!

Джеки покачала головой.

— Знаешь, для меня это слишком.

— Я пойду с тобой, — сказала Иззи.

— Вы что, бросите меня одну? — воскликнула Алекс. — Иззи, прошу тебя, не надо! Останься!

Иззи застонала про себя.

— Хорошо, — наконец согласилась она. А вдруг ей удастся разведать что-нибудь о судьбе Клары и ее дочери?

— Если кто-то хочет вернуться, — заявил Джош, — сейчас самое время. А мы пойдем внутрь. Ну что, ребята, погнались? Я, Брайан, Пол и Итан поведем вас вперед. Мы разобьемся на группы. Первая пойдет в больницу, вторая в морг под Чапин-Холлом, третья в Хейдли-Холл, а четвертая в изолятор. Люк, Дэйв! Поглядим, что там в морге?

— По рукам, — ответил Дэйв и обнял Кристал за плечи. Она с энтузиазмом улыбнулась и кивнула.

— Я с вами, — заявил Люк.

— Зашибись! — обрадовался Джош и перевел взгляд на Иззи и Алекс. — А вы, девчонки?

Алекс взглянула на Иззи.

— А что, было бы круто побывать в морге, — сказала она.

Иззи пожала плечами.

— Мне все равно, в какой я группе.

— Мы согласны, — сказала Джошу Алекс.

— Группа готова! — объявил Джош.

Иззи сжала зубы. Ей было не по себе, когда она приходила в Уиллард днем. Что же будет с ней ночью, в морге, да еще с дружками Шэннон? Как глупо! С другой стороны, что ей остается? Если она захочет вернуться, Джош вполне может увязаться за ней. К тому же ей не хотелось признавать, что она испугалась. Вместе хоть не так страшно. Лучше быстрее с этим покончить.

— Слушайте все! Выключите фонарики, пока мы не войдем в здание, — скомандовал Джош.

Они поднялись по травянистому склону к полуразрушенным зданиям больницы Уиллард. На земле чередовались полосы лунного света и теней. Когда они дошли до Чапин-Холла, все остановились и стали его разглядывать, направив свет фонариков в пустые темные окна и слуховые отверстия. Ночью исполинский викторианский особняк казался еще более жутким. Сердце Иззи тревожно стучало в груди. За каким чертом она пришла сюда в третий раз? Да еще чтобы залезть в морг посреди ночи!

— Господи, — ахнула притихшая Кристал, — какое стремное место...

— Спорим, что в морге еще хуже? — насмешливо спросила Алекс.

Кристал обеими руками схватилась за Дэйва.

— Ой, — сказала она, переминаясь с ноги на ногу, — я сейчас описуюсь от страха!

На обветшавшей, покрытой рытвинами дороге перед Чапин-Холлом они разделились: команда Итана направилась к больнице, Брайан повел ребят к изолятору, Пол — к Хейдли-Холлу, а Джош и все остальные пошагали к моргу.

Они проследовали вокруг больницы к задней стороне Чапин-Холла. Это кирпичное двухэтажное здание казалось бесконечным. Из-за множества флигелей, пристроек и надстроек оно напоминало беспорядочное нагромождение небольших домиков. Внизу, на углах здания, скапливались похожие на оползни кучи мертвых листьев, а на карнизных свесах остались разоренные птичьи гнезда.

Когда они обошли Чапин-Холл, Джош остановился у ржавой пожарной лестницы. Вход на второй этаж и ступеньки, как и у пожарных лестниц в больнице, были огорожены проволочной сеткой. Только сейчас Иззи заметила, что внизу лестницы стояла клетка, в которую поместилась бы дюжина человек, а то и больше. Снаружи висел замок. Если бы начался пожар, люди могли бы выбраться из здания и спуститься по лестнице, но им бы пришлось ждать в клетке, пока кто-нибудь выпустит их оттуда. Иззи содрогнулась, догадавшись, что клетку поставили, чтобы пациенты не разбежались.

Джош протянул ей фонарик и велел осветить на пожарную лестницу. У края стального каркаса зиял вертикальный разрез.

— Здесь мои друзья пролезли, — пояснил он.

Джош просунул толстые пальцы в ромбовидные отверстия в сетке, раздвинул ее и залез внутрь. Все, кроме Иззи, последовали за ним. Люк, Дэйв и Кристал, гремя ногами о металл, быстро взобрались по лестнице на площадку второго этажа. Алекс остановилась подождать Иззи. Джош присел на корточки и протянул руку, чтобы помочь ей забраться внутрь, но она, не обращая на него внимания, сама протиснулась в дыру.

Дэйв направил фонарик на пожарную лестницу. К верхней части двери был приколочен кусок фанеры.

— И как же мы туда попадем? — спросил он.

— Спокуха! — сказал Джош. — Сейчас все устроим.

Алекс и Иззи ждали внизу лестницы. Джош торопливо поднялся вверх, схватился за фанеру и со скрипом отдрал ее вместе с гвоздями

от двери. За ней обнаружился пустой оконный проем.

— Твой жирный зад все равно туда не пролезет, — заржал Дэйв.

— На что спорим? — крикнул Джош.

Он боком нырнул в окошечко — только ноги повисли в воздухе. Дэйв засмеялся, решив, что он застрял. Но в следующую секунду ляжки Джоша исчезли из виду. Послышался громкий топот. Затем стало тихо.

Дэйв приблизился к двери, посветив в окно фонариком.

— Эй, ты как там, слоняра? — захихикав, спросил он.

Внезапно в проеме появился Джош: скорчив страшную гримасу, он подпрыгнул в темном коридоре, хватая скрюченными пальцами воздух.

— Вы-ы-пустите меня! — завопил он, и все испуганно отпрянули от окна.

Покрасневший Дэйв, раздувая ноздри, протиснулся к проему и ринулся внутрь.

— Ну все, тебе конец! — пообещал он.

Они по очереди забрались через оконный проем. Когда все оказались внутри, Дэйв и Джош медленно повели их по коридору, освещая фонариками стены и пол. Под ногами у них хрустела облупившаяся краска и штукатурка. Потолки были такими высокими, что казалось, будто над головами ничего нет, будто крыша исчезла и осталась лишь пустота, темная дыра. Со стен свисали неряшливые хлопья серо-зеленой краски, похожие на моллюсков, цепляющихся за остов потерпевшего кораблекрушение судна. Пол был усеян заплесневевшими бумагами, пластиковыми кружками и кусками картона. По коридору разносилось эхо капающей где-то воды.

Иzzi разглядывала закрытые двери, надеясь обнаружить архив или кабинет с бумагами. Она старалась прогнать ощущение, что двери сами собой медленно приоткрываются, когда она проходит мимо. Алекс шла рядом с ней, мертвой хваткой вцепившись в ее локоть. Впереди, в конце коридора, под аркой виднелась высокая дверь, ведущая в темную бездну.

— Господи! — завизжала Кристал. — А это еще что такое?

Все остановились.

— Что? — спросил Джош, крутя по сторонам головой.

— Там, впереди! — сказала Кристал, показывая в конец коридора.

Джош осветил туда фонариком. В проходе, скособочившись, словно уродливый горбатый карлик, стояло нечто, напоминающее сиденье и часть колеса.

— Да это же инвалидное кресло! — воскликнула Алекс.

— Черт... — выдохнул Дэйв. — Больше так не делай!

— Простите, — пролепетала Кристал.

Они снова пошли вперед. Вдруг Джош и Дэйв остановились.

— Что такое? — забеспокоился Люк. — Вы чего встали?

— Я что-то слышал, — заявил Дэйв.

— И я, — подтвердил Джош.

— Что вы слышали? — спросила Кристал.

— Не знаю, — ответил Дэйв. — Мне показалось, в той комнате кто-то есть. Я слышал какое-то шуршание.

— Там нет двери, — заметил Дэйв.

— И что? — спросила Алекс.

— Иди ты первая, — велел ей Джош, показывая фонариком на пустой проем слева.

Алекс взяла у него фонарик, набрала воздуха и подошла к входу, направив луч в темноту.

— Фу, черт, — фыркнула она и прошла внутрь. Все последовали за ней.

Лунный свет проникал через зарешеченные грязные оконца, отбрасывая на кафельном полу длинные полосатые тени. С потолка свисали гигантские куски штукатурки, обнажая старое дерево и жирные пятна плесени. В выбоинах под окнами виднелись кирпичи. Внизу лежали пыль и мусор. В центре комнаты из пола торчал толстый металлический столб. От него, в виде вытянутой буквы S, отходил круглый стержень. На его конце, словно на карусели, висело синее пластиковое сиденье с ремнем. Иззи стало не по себе, когда она подумала о тысячах несчастных, которые сидели в этом кресле, пока с ними делали бог знает что. Слева, у покрытой эмалью стены, лежала ржавая труба. К ней крепились полдюжины ванн с металлическими рамами, на которые был натянут грязный и рваный брезент. С одного конца брезента, словно разинутая пасть, зияло отверстие для головы пациента. Иззи трясло, как в лихорадке. Зря она сюда пришла. Надо было что-нибудь придумать, чтобы от нее отстали.

— А это еще что за фиговина? — спросил Люк, усаживаясь на пластиковое сиденье, прикрепленное к шесту.

Он оттолкнулся ногой от пола, и сиденье закрутилось.

— Понятия не имею, — ответила Алекс. — Вроде бы в эти ванны наливали ледяную воду, и пациенты сидели в них до потери пульса.

— Ладно, пошли! — бросил Джош. — Мы же вроде морг искали.

— Ага, — поддержал Дэйв. — Пошли уже.

Иззи поплелась за ними, радуясь тому, что уходит из этой зловещей комнаты. В конце коридора они повернули налево, пробираясь между инвалидными креслами, тележками, деревянными ящиками с больничными клеймами, матрасами в пятнах и ржавыми каталками. Наконец они добрались до лестницы. Иззи натянула на кисть рукав кофты, схватилась за перила и пошла за Алекс вниз по ступенькам. Ей не хотелось ни к чему прикасаться, но ничего не поделаешь — это лучше, чем свалиться с лестницы и упасть лицом вниз. Еще неизвестно, на что она приземлится.

Коридоры на первом этаже были заставлены сломанными инвалидными креслами, столиками и пластиковыми стульями с ремнями и колесиками. На дверях висели таблички: «Хронические больные», «Заразные больные», «Эпилептики» и «Лежачие больные». Чем дальше они пробирались по лабиринту коридоров, тем чаще им попадались выломанные двери в палаты. Иззи освещала фонариком темные проемы, выхватывая лучом металлические койки, заплесневелые коробки, пластиковые контейнеры с надписью «Грязное белье», тележки, на которых громоздились электрокардиографы, смотровые столы с петлями для рук и ног. Иззи скользила взглядом по заваленным бархлам помещениям, надеясь увидеть шкаф с документами, но там ничего не было. Неужели Клара родила дочь в одной из этих комнат? Какой ужас она испытывала, зная, что ни в чем не повинный ребенок появится на свет в таком страшном месте!

Наконец они нашли табличку, на которой было написано «Подвал» и нарисована узкая стрелочка, указывающая направо. Они прошли по короткому коридору к служебному лифту и двустворчатым дверям с зеленой вывеской «Морг». Когда Джош раскрыл двери, оттуда повеяло холодом. Он стал спускаться по лестнице. Иззи, Люк и Алекс пошли за ними. Дэйв и Кристал замыкали цепочку. У подножия лестницы они остановились. Иззи от волнения сглотнула.

Широкие бетонные туннели расходились в трех направлениях: налево, направо и прямо. По потолку бежали покрытые ржавчиной, словно струпьями, грязные трубы, из которых что-то капало, и металлический желоб, в котором, видимо, лежали электропровода. Через каждые десять футов коридоры прорезали каменные арки, как в средневековом клуатре. Иззи почудилось, будто она стоит между двумя зеркалами и тысячекратно умноженные отражения арочного прохода расходятся во всех направлениях. А если бы она заблудилась и не нашла выход? В коридоре перед ней висела табличка «Электросудорожная терапия», в коридоре слева было написано «Морг». Справа от лестницы находился большой служебный лифт, наполовину прикрытый латунной решеткой. У стены лифта стояла больничная койка со сломанным колесом и застиранной рваной простыней.

— Наверное, они спускали сюда трупы, — предположила Алекс.

— Ы-ы-ы... — протянула Кристал.

Джош пошел по коридору к моргу. Его мощная фигура загораживала проход, и света фонарика, который отражался от пола, почти не было видно.

— Идите сюда! — позвала Алекс. — Давайте осмотрим комнату, где лечили электрошоком!

Джош развернулся к ней.

— Там ничего нет, — заявил он.

— Пошли! — воскликнул Дэйв. — Мы же в морг собирались, — раздраженно добавил он.

«Что это он так заторопился? — подумала Иззи. — Может быть, за его недовольством скрывался страх?»

— Я хочу посмотреть, — сказала Алекс.

Джош закричал от досады и потопал обратно.

— Ладно, только по-быстрому, — скомандовал он.

Они миновали четвертую арку и увидели слева палату электросудорожной терапии. Помещение с низким потолком было уставлено кушетками, ржавыми тележками и металлическими коробками с черными циферблатами и проводами, похожими на гигантские батарейки. У дальней стены стояли ободранные аптечные шкафчики. Из полуоткрытых ящиков высывались мотки проволоки, резиновые капы для рта и нечто вроде джойстиков, как для видеоигр.

Иззи прошла вдоль стен, надеясь обнаружить картотеку или какой-нибудь шкаф для бумаг. Но там ничего не было.

— Они, наверное, лечили пациентов скопом, как скот клеймят, — предположил Дэйв.

— Похоже на то, — согласилась Алекс. — Так ты говоришь, здесь было наводнение и погибли люди?

— Ага, — подтвердил Джош, роясь в ящике.

Повернувшись, чтобы на нее посмотреть, он направил ей луч фонарика в лицо.

Алекс прикрыла глаза рукой.

— Эй, ты меня ослепил!

Джош опустил фонарик.

— Пардон, — сказал он.

— Интересно, а лоботомию здесь делали? — задумчиво спросила Алекс.

— Слушайте, мы же собирались исследовать морг, а не торчать здесь, — возмутился Дэйв. — Хватит время терять.

— Вот именно, — подхватила Иззи. Она чувствовала, что ее вот-вот стошнит. — Пойдемте уже отсюда.

По пути к моргу воздух становился все более сырым и холодным. Иззи сунула руки в карманы и набросила капюшон. Испуганная Кристал махала руками над головой, чтобы паутина не прилипла к волосам и не коснулась лица. Джош внезапно остановился и направил фонарик в открытую дверь слева. Дэйв прошел вперед, встал и обернулся к остальным.

— Быстрее, — поторопил он, — мы почти на месте.

Джош осторожно приблизился к открытой двери.

— Это еще что? — брезгливо спросил он.

Дэйв встал рядом.

— Твою мать, — выругался он. Оба скрылись в комнате. Остальные последовали за ними.

У стен стояли клетки из толстых, два дюйма в ширину, металлических прутьев, приваренных крест-накрест, как прутья в ивовой корзине. Койки внутри клеток были прикручены болтами к полу. Со стены свисали цепи и наручники.

— Что это все значит? — испуганно спросила Кристал.

— В этих клетках сидели люди! — с нервным смешком сказал Джош.

— Может, это для буйных пациентов? — предположила Алекс.

— Или для тех, кто болел туберкулезом или тифом, — догадалась Иззи.

— Господи, какой кошмар! — воскликнула Алекс. — Неудивительно, что здесь привидения бродят.

— Может, хватит? Пойдемте уже в морг, — предложила Иззи, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Во-во, — поддержал Джош. — Пошли. Вернемся сюда в другой раз.

Они высыпали из кабинета и повернули налево. Наконец они добрались до дверей с потускневшей металлической табличкой, на которой зелеными буквами было написано «Морг». В конце туннеля виднелась двустворчатая дверь с разбитыми оконцами в верхней части. Неяркий лунный свет просачивался через закопченное стекло, и казалось, будто в темноте светятся два блестящих голубых глаза. У стены — один на другом, будто стопка огромных книг, — громоздились самодельные гробы.

— Фу, — воскликнула Кристал, — ну и мерзость!

Они медленно, словно опасаясь, что с другой стороны их поджидает нечто ужасное, прошли через двери в морг. Дэйв и Джош резко дергали фонариками, освещая углы помещения. У дальней стены находилась глубокая раковина с тремя чашами. На фаянсовой столешнице валялись желтые пластмассовые кружки и бутылки из матового стекла. На полу лежали мусорные контейнеры и заплесневелые коробки. Там же стояли разъеденная ржавчиной тележка с инструментами для вскрытия и несколько сломанных складных стульев. С потолка свисала промышленная лампа. Под ней находился стол из нержавеющей стали для аутопсии. С обеих сторон стола, ближе к середине, имелись квадратные сливные отверстия, а с одной стороны — небольшая ванночка с черной трубкой. Рядом со столом стояла большая бочка на колесах с резиновым шлангом. На металлическом боку было написано: «Бальзамирующий состав».

В дальней части, занимавшей четверть помещения, располагался деревянный отсек, где хранили трупы. Петли и ручки у шести дверок заржавели и потемнели. Рядом с отсеком стоял черный прогнивший

мотор, который поддерживал нужную температуру в холодильной камере. Верхние дверцы хранилища выглядели довольно новыми: лучи фонариков отражались от их гладкой поверхности. Четыре дверцы внизу были покрыты пятнами и смоляными подтеками, как будто то, что лежало в верхних ящиках, прогнило, расплавилось и просочилось наружу. В воздухе висел слабый запах формальдегида, плесени и еще чего-то, вроде сырного печенья.

Иzzi зажала рот рукой. Ей безумно хотелось выбежать отсюда наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Вдруг она увидела в углу канцелярский шкаф с двумя ящиками. Она бросилась к нему, открыла верхний ящик и посветила фонариком. Несколько папок, серых от толстого слоя пыли и паутины, уехало в конец ящика. Алекс подошла посмотреть, что она делает.

— Что это? — заинтересовалась она. — Что ты здесь нашла?

Иzzi передала ей фонарик.

— Подержи, пожалуйста, — попросила она.

Алекс направила свет фонарика на ящик, а Иззи, затаив дыхание, стала перебирать папки. Все они оказались пустыми. Она открыла нижний ящик и увидела там сваленные в кучу пожелтевшие бумаги. Она взяла лист, который лежал вверху, и забрала у Алекс фонарик. Оказалось, это незаполненное свидетельство о смерти по форме штата Нью-Йорк.

— Что ты ищешь? — спросила Алекс.

— В музее начался проект, посвященный Уилларду, — сказала Иззи. — Я подумала, вдруг мне удастся найти что-то интересное?

— А как ты объяснишь это Пег? — спросила Алекс.

— Я подумаю об этом потом, — хмыкнула Иззи.

Тут к ним подошла Кристал.

— Пошли, — сказала она и потянула Алекс к столу для аутопсии. — Мы хотим вызвать духа той женщины. Встаньте в круг. Надо спросить, здесь ли она.

Иzzi быстро перелистала бумаги. В ящике лежали только свидетельства о смерти.

— Давай быстрее, — поторопила ее Алекс.

Иzzi засопела и с недовольным видом закрыла ящик.

— Идите сюда! — позвала Кристал. — Устроим спиритический сеанс!

— Круто! — воскликнул Дэйв, подбегая к Кристал. — Отличная идея!

Люк сбросил со стола для аутопсии влажную картонную коробку и махнул Джошу:

— Эй, ложись сюда! Мы тебе такой массаж сделаем, что закачаешься!

Джош громко заржал, потом подошел к хранилищу, открыл один из ящичков и осветил туда фонариком. Внутренняя поверхность заплесневела и была вся в пятнах.

— Обязательно, — ответил он, — только ты сначала ляг сюда, — и он с лязгом выкатил оттуда заржавленный стол.

— Сколько ты мне за это заплатишь? — спросил Люк.

— Пять баксов.

— Я тебе десять дам, если согласишься, чтобы мы сунули тебя туда и закрыли дверцу, — предложил Дэйв.

— Слушайте, ребята, хватит валять дурака! — сказала Кристал. — Мы же хотели узнать, есть ли здесь привидения.

Джош подошел к столу, не закрыв до конца дверцу хранилища.

— Ладно, ладно! — примирительно сказал он. — Не психуй.

— Лучше заткнись, — бросила Кристал. — Это тебе не шуточки!

Она достала из кармана куртки короткую толстую свечу, взяла у Дэйва зажигалку и подожгла фитиль. Затем, стараясь не касаться покрытого пятнами стола, поставила в его центр горящую свечку. Она двигалась медленно и осторожно, чтобы пламя не погасло.

— Ну что, погнали, — тихо сказала она. — Встаньте вокруг стола и выключите фонарики.

Все послушно выключили фонарики и подошли ближе к столу. Иззи стояла между Дэйвом и Джошем, спиной к хранилищу. Фонарик она зажала под мышкой и спрятала кулаки в карманы. Кристал дотронулась до Дэйва и протянула руку Алекс. От мерцающего света свечи под ее глазами пролегли темные тени.

— Только тихо, — предупредила Кристал. — Нужно взяться за руки.

Алекс, закусив губу, сжала руки Кристал и Люка. Дэйв и Джош одновременно протянули ладони Иззи. Она не сразу вытащила кулаки из карманов, но потом решила им подыграть. Чем быстрее закончится «сеанс», тем быстрее они отсюда выберутся. Рука Джоша была похожа

на намокшую бейсбольную перчатку. «Фу, гадость!» Вдруг Люк и Джош обнаружили, что им предстоит взяться за руки.

— Не, я его за руку брать не собираюсь, — заявил Люк.

— Еще чего! — нахохлился Джош.

— А ну-ка живо! — скомандовала Кристал, сверкнув глазами. — Если вы будете смеяться, ничего не получится!

— Правильно, — поддержала ее Алекс, — мы должны держаться вместе.

— Зачем? — удивилась Иззи. — Что это значит?

— Если нас услышат злые духи, — принялась объяснять Алекс, — они не смогут прилепиться к одному из нас, пока мы держимся друг за друга.

— Ясно? — с улыбкой спросила Кристал. — Я же вам говорила. Ну что, приступим?

Джош закатил глаза и протянул руку Люку, который неохотно дотронулся до кончиков его пальцев.

— Только никому не слова! Если я узнаю, что кто-то проболтался об этом, я... — пригрозил Люк.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил Дэйв, посылая ему воздушный поцелуй.

Кристал наступила ему на ногу.

— Ты что, забыл, зачем мы сюда пришли? — прошипела она.

— Господи! — его лицо исказилось от боли. — Ну ладно, ладно! Успокойся!

— Все готовы? — спросила Кристал, пристально глядя на Джоша и Люка.

Те утвердительно закивали, криво ухмыляясь. Кристал подождала пару секунд и прикрыла глаза.

— Здесь есть кто-нибудь? — тихо, почтительно спросила она.

Один из парней тихо хрюкнул, словно едва сдерживая смех.

— Мы не сделаем ничего дурного, — продолжила Кристал.

— Если здесь кто-то есть, — подхватила Алекс, — дайте нам знак!

Иззи, удивленная тем, что Алекс заговорила, открыла глаза, чтобы посмотреть на нее. Подруга стояла с закрытыми глазами, опустив голову. Люк, стоя рядом с ней, скукожился так, словно ждал, что до него вот-вот кто-то дотронется или ударит. Иззи закрыла глаза. А если

бы они стали звать Клару? Что бы произошло? Она даже хотела это предложить, но потом передумала. Все, конечно, захотят узнать, откуда она узнала, как зовут пациентку. Ей же хотелось, чтобы эта история быстрее закончилась.

— Пожалуйста, приди к нам! — завывала Кристал. — Можешь коснуться волос, постучать по стене. Так мы пойдем, что ты рядом.

— Если меня что-то коснется, я сваливаю, — ввернул Люк.

— Тс-с-с! — зашипела Кристал.

Она сделала долгий глубокий вдох, а потом медленно выпустила воздух, чего-то ожидая. Наконец она сказала:

— Пожалуйста, дай знак, что ты с нами. Мы хотим знать, почему ты осталась здесь, в лечебнице! Ты что, в ловушке?

— Мы хотим помочь тебе обрести покой, — продолжила Алекс. — Ты должна уйти отсюда и присоединиться к своим родным и близким в потустороннем мире.

Вдруг за спиной у Иззи раздалось едва слышное, приглушенное постукивание. Алекс тихо пискнула, словно пытаясь подавить вопль.

— Ш-ш-ш... — прошептала Кристал. — Все нормально. Успокойтесь. Если это ты, можешь снова так сделать?

Тук-тук...

Джош крепче сжал потной ладонью руку Иззи. Она стала выкручивать ее, чтобы ослабить хватку, но куда там!

— Мы тебя слышим, — сказала Кристал.

— Тебя здесь лечили? — спросила Алекс. — Ты застряла в этом ужасном месте?

Тук-тук... Тук-тук...

Сердце Иззи забилося часто-часто. Неужели это правда? Она пришла сюда, чтобы поддержать Алекс, не ожидая, что перепугается до смерти. Кто же знал, что ее ждет встреча с призраком пациентки старой психушки!

— Ты одна? — спросила Алекс. — Или с тобой кто-то есть?

— Можешь сделать еще что-нибудь, чтобы мы поняли, что это правда ты? — произнесла Кристал.

Иззи услышала, как за ее спиной кто-то стукнул три раза, словно побарабанил костяшками пальцев по дереву внутри хранилища. Волосы у нее встали дыбом. Воздух сразу стал жарким и вязким, словно кто-то включил печку. Забыв о своих подозрениях, она

съежилась, словно желая уменьшиться в размерах, и крепче сжала ладони Дэйва и Джоша.

— Постучи еще раз, пожалуйста, — попросила Алекс.

Тук-тук-тук-тук...

— Мы тебе поможем! — крикнула Кристал. — Как тебя зовут?

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук...

Алекс закричала. Иззи распахнула глаза и, разжав пальцы, отпустила руки Джоша и Дэйва. Ее фонарик упал на пол. В эту секунду свеча погасла, и в морге стало совершенно темно.

— Отпустите! — завопила Алекс. — Отпустите меня! Что вы делаете? — Ее крики стали сдавленными, словно кто-то зажал ей рот рукой.

Иззи побежала к двери и лицом к лицу столкнулась с Джошем. Вдруг он схватил ее и развернул. Сначала она решила, что все перепутала и он пытается ей помочь, направить к выходу. Может, нужная дверь справа, а не слева? В комнате слышался шум, шарканье, возня. Джош потянул ее вверх, жарко дыша в ухо перегаром. Она решила, будто он собрался вынести ее из комнаты, в безопасное место, но тут кто-то взял ее за ноги и отодрал их от пола.

— Вы с ума сошли? — закричала Иззи, лягаясь.

Она ударила кого-то ногой по голове. Он ругнулся и отпустил ее ногу. Судя по голосу, это был Дэйв. Она извивалась и выворачивалась, стараясь, чтобы Джош от нее отстал. Бесполезно. Дэйв снова обхватил ее лодыжки, и Иззи куда-то понесли.

— Перестаньте!

Послышался лязг и скрежет металла: кто-то выкатил из хранилища стол, на котором лежали трупы. Затем ее, стукнув головой, положили на холодную плиту. Сильные руки безжалостно прижимали ее к плите, не давали сдвинуться с места. Металл снова заскрежетал, и она поехала вперед, словно по детской горке, только горка эта двигалась вместе с ней. Ее засунули в хранилище. Стол с грохотом ударился о заднюю стенку. Она подняла руки, чтобы помешать им закрыть дверь, но только расцарапала локти и запястья о шершавую поверхность камеры. Дверь с силой захлопнули, придавив ей запястья и разодрав кожу. Она закричала. Кто-то грубо отодрал ее руки и запихнул внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась, и стало совершенно темно.

ГЛАВА 14

КЛАРА

Изолятор

Листья на дубовых деревьях за окном изолятора начали сохнуть и один за другим падать на землю. Клара сидела на вонючей кровати и наблюдала за тем, как Лоуренс толкает тачку между рядами железных табличек на кладбище через дорогу. Он приходил сюда по меньшей мере три раза в неделю и всегда делал одно и то же: останавливался в выбранном месте, расстегивал рубашку, снимал кепку, как у мальчишки-газетчика, и приглаживал рукой седые волосы, сначала с одной стороны, потом с другой, наконец — четыре раза — посередине. Потом он крестился и целую минуту стоял, наклонив голову и прижимая кепку к груди. После этого Лоуренс поднимал глаза к небу, надевал кепку, доставал из тачки лопату и начинал копать, останавливаясь только для того, чтобы выкинуть камень из ямы или сменить лопату на кирку. Он работал, пока в земле не появлялась зияющая яма. Рядом с ней возвышалась куча грязи, из которой он выбирал корни и камни. Закончив, он снимал кепку, приглаживал волосы, вытирал лоб и снова надевал кепку. Даже в те дни, когда он сгребал граблями листья или косил траву, он копал без остановки, пока не доводил дело до конца.

Проходили недели. Клара слабела с каждым днем. У нее не было сил бороться, и ее поражало упорство могильщика. Даже когда тяжелый снег осел на ветках кедровых деревьев и забился в решетки на окнах, Лоуренс продолжал расчищать дорожки на кладбище, чтобы выкопать последнее пристанище для очередного пациента. Ближе к концу декабря он оставил попытки разбить замерзшую землю, но ненадолго. Спустя несколько недель, когда в январе началась не по сезону длинная оттепель и ледяная вода переполнила русло реки Мирс, угрожая выплеснуться на заснеженные берега, он вновь приступил к работе.

Каждый день Клара молилась о том, чтобы он быстрее выкопал могилу и для нее. Их выводили в столовую и два раза в день в туалет. В остальное время она день и ночь сидела прикованной к кровати,

спала или рассматривала грязную простыню. Так же как у большинства женщин в изоляторе, ее месячный цикл не совпадал с расписанием посещения ванной, поэтому на ее сорочке оставались засохшие пятна мочи, крови, фекалий. Зловонные простыни тоже были грязными. Когда у нее начинались месячные, ей давали ветошь, чтобы подложить в трусики. Тряпки можно было постирать, когда пациентов водили в туалет. Если повезет, после еженедельной ледяной ванны она получала чистую сорочку, но их обычно не хватало.

Порой в здании раздавались крики и вопли, но в палате, куда определили Клару, было сравнительно тихо: в ней слышались только плач, кашель и приглушенное бормотание пациенток, которые разговаривали сами с собой. В изоляторе работали охранники, не имевшие специального образования; по вечерам пациентам давали дозу лауданума, из-за чего они впадали то в мутный сумеречный ступор, то в бессознательное состояние.

Клара даже полюбила горьковатый привкус лауданума. Он напоминал лакрицу, смешанную с сахаром и землей. Она ждала, когда вслед за онемением языка наступит бесчувствие и она перестанет задыхаться от горя, которое огромной тяжестью давило ей на грудь. Несмотря на лекарство, ей постоянно снился один и тот же кошмар: она видела худенькую плачущую Беатрис в запачканной рубашечке. Девочка лежала в центре огромного помещения на одной из сотен металлических кроваток, в каждой из которых кричал чахлый младенец.

Каждое утро, когда действие лекарства заканчивалось, Клара открывала заплаканные глаза. Когда она вспоминала, как забрали Беатрис, у нее внутри начинал ворочаться ужасный комок. Она лежала на кровати, мечтая о смерти, а невыносимое горе превращало ее кровь в свинец, сердце — в камень, а мускулы — в гранит. Она закрывала глаза, мечтая вернуться назад, но горе выдергивало ее на свет божий, словно для того, чтобы наказать. Она билась в агонии и сходила с ума.

Первые дни, после того как ее перевели в изолятор, она пыталась поговорить с санитарями, умоляла выпустить ее, чтобы идти искать дочь, пока ее не увезли слишком далеко, пока она не потеряла ее навсегда. Санитары были глухи к уговорам пациентов; они не обращали на нее внимания и равнодушно тащили по коридору, насильно укладывали в кровать, грубо застегивали кандалы вокруг

лодыжки. Однажды, когда ее повели в туалет, она толкнула сопровождающего с такой силой, что он упал. Клара побежала по коридору, но в его конце наткнулась на закрытую дверь и других санитаров, которые и отвели ее обратно в палату.

Прошла еще неделя. Она решила отказаться от еды. Но санитары это заметили и потребовали от нее доесть засохшую в тарелке жидкую кашу. Она покачала головой, и тогда один из них сдернул ее со стула и со всей силы дал пощечину. Санитар сказал, что если она не будет слушаться, ей несдобровать. Из рассеченной губы пошла кровь, и она, чуть не подавившись, проглотила ложку каши. Потом Клара ругала себя за то, что ей не хватило силы духа стоять на своем, пока они не избыют ее до смерти. Беатрис у нее забрали, и она навсегда останется в психбольнице. Зачем ей жить дальше?

Потом, в конце февраля, ей снова приснилась Беатрис. Она увидела ее взрослой женщиной: темные блестящие волосы ниспадали ей на плечи, она была одета в желтое платье. Беатрис вошла в комнату, похожую на больничную палату, опустилась на колени и улыбнулась, хотя в ее глазах блестели слезы. Утром Клара почувствовала, что груз на душе как будто стал легче. Конечно, он продолжал давить на нее и приносить боль, но сердце больше не казалось разбитым на кусочки. Сон был таким ясным, словно все происходило на самом деле: Клара вдыхала аромат духов Беатрис, касалась ее нежной кожи. Она верила, что это был не просто сон. Но она никогда не узнает, что стало с ее дочерью, если до конца жизни будет сидеть в изоляторе.

В тот вечер Клара не стала глотать лауданум, а спрятала его за щекой. Медсестра пошла к следующему пациенту, а она поднесла одеяло ко рту и сплюнула таблетку. Несколько недель она подражала накачанным наркотиками пациенткам, чтобы не привлекать к себе внимания. Первого марта, когда доктор Роуч, совершая обход, пришел в изолятор, она, глядя ему в глаза, признала, что для Беатрис будет лучше, если ее воспитает другая женщина.

ГЛАВА 15

ИЗЗИ

Иззи, задыхаясь, попыталась повернуться на металлическом столе в камере морга. Ничего не вышло. В узкой ячейке было слишком мало места, чтобы согнуть колени и приподняться. Она пнула ногой по низкому потолку и заколотила руками по стенкам.

— Эй, выпустите меня! — закричала Иззи.

За деревянной изолированной стенкой послышался топот и сдавленный смех. Раздался стук открывающейся двери и скрип ее петель. А потом стало тихо.

— Помогите! — снова крикнула она.

Иззи задрала руку и стала стучать по дверце, царапая кожу. Прошло несколько секунд. Бесполезно. Никакого ответа. Она перестала стучать и, сделав над собой усилие, затаилась, прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Иззи закрыла глаза и досчитала до десяти, чтобы не впасть в панику. «Они вернутся, — подумала она, — они выбежали в коридор, чтобы отсмеяться. Они сейчас вернутся». Вдруг она почувствовала невыносимо приторную вонь гнили и формальдегида. Девушка стиснула зубы, стараясь не дышать. Из-за нехватки кислорода кружилась голова.

— Ну ладно, пошутили и хватит! — заорала она. — Вытащите меня! Алекс! Джош!

Опять тишина. А если это не шутка? Вдруг она вспомнила, как Алекс кричала, чтобы ее отпустили, а потом кто-то словно заткнул ей рот. Может, они и ее в камеру положили?

— Алекс! — позвала Иззи. — Ты здесь?

Тишина. «Да что происходит, черт возьми?!» Иззи подумала о том, что Алекс ее предупредила: раз Шэннон извинилась, ей нужно быть настороже. Вдруг ее затошнило, во рту появился привкус желчи. Неужели это Шэннон подговорила Джоша, Кристал и Дэйва? Потом она догадалась: они потащили Алекс по подвалу и лестнице к выходу, а значит, она не поймет, что Иззи с ними нет, пока они ее не отпустят! Страх ледяными пальцами сжал ей горло. Алекс и не подозревает, что Иззи лежит в камере морга!

Стараясь глубоко дышать, она стала припоминать, как они разбились на группы. Кто решил, что ее группа отправится исследовать морг? Неужели она настолько боялась снова идти в Уиллард, что ничего не заметила и даже не заподозрила, что против нее что-то замышляют?

Иззи сжала кулаки. Вдруг ее затрясло, крупная дрожь охватила все тело, и она забилась, хватая ртом воздух. Ее накрыло такой волной ужаса, что она чуть не потеряла сознание. Из глаз брызнули слезы страха и бешенства.

— Сейчас же выпустите меня! — изо всех сил заорала она.

И вдруг снизу, из другой камеры раздалось: тук-тук-тук-тук...

Она зажала уши руками. Сердце лихорадочно забилось в груди. «Это еще что такое?!»

Тук-тук-тук-тук...

— Если вы не выпустите меня, вам конец! — крикнула она, прекрасно сознавая, что угрожать бессмысленно. А что она — сделает? Пожалуется директору школы?

Она изо всех сил колотила по стенкам, ободрав лодыжки и отбив пальцы на ногах.

— Дэйв, Джош! Я знаю, это вы сделали!

Она собиралась сказать тому, кто стучал по дереву, чтобы он перестал, но передумала: он же это специально, чтобы ее сильнее напугать. Конечно, специально. Иззи решила не обращать на эти звуки внимания. А если это не человек вовсе? Ей вдруг привиделось, что в нижней камере лежит полусгнивший скелет: безгубый рот открывается и закрывается, голые костяшки пальцев стучат по сырому дереву. С рук свисает истлевший больничный халат, к ребрам прилипла ветхая ткань и разлагающаяся плоть. Иззи обхватила себя руками, прогоняя кошмарное видение. Она зажмурилась, стараясь не думать о загадочном стуке и о том, что она лежит в камере морга. «А если никто не придет? Они же не могут бросить меня здесь? Вдруг я умру и никто не догадается, что со мной случилось? Ведь никто не знает, где я. Нет! Алекс мне поможет. Как только Люк и Кристал ее отпустят, она увидит, что меня нет, и спросит, где они меня оставили. Она вернется за мной».

Ей в голову вдруг пришло смутное детское воспоминание. Или то был ночной кошмар? Сложно сказать. Она лежала в кровати. В углу

комнаты мягко светился ночник — розовый пони. Дверь щелкнула, и она очнулась от уютной теплой дремоты, словно с нее сдернули одеяло. Иззи заморгала и села в кровати. Какой-то человек — мужчина — лег рядом с ней. Запах виски и пота расплывался в воздухе, как туман. Она не могла разглядеть его черты, но когда он улыбнулся, лицо человека превратилось в маску ухмыляющегося демона. Налившиеся кровью глаза разбухали, пока не разрослись на целый лоб, изо рта вылезли острые черные зубы. Она хотела закричать, но не могла. Демон не давал ей вырваться.

Иззи закусила губу, сжимая и разжимая кулаки, раздувая ноздри, чтобы отдышаться. В горле пересохло, словно его обжигал горячий воздух. Детский кошмар вернулся. Все из-за того, что ее заперли в камере. Она помнила, что не могла пошевелиться от ужаса, не могла позвать мать, и только спустя несколько часов вышла из ступора. Родители разрешали ей забираться к ним в постель до утра. Мама все время повторяла, что бояться нечего, монстров не существует, и к тому же она всегда ее защитит. Внезапно кошмары прекратились. Мама еще, помнится, извинялась перед ней. Но за что?

Иззи с трудом удалось прогнать пугающий образ. Но чувство, что она в ловушке, что ей не хватает воздуха, как грохочущий поезд, накатывало на нее, пригвозждая к земле. Она расстегнула молнию на кофте и потянула вниз ворот футболки. На лбу и верхней губе выступил пот. Иззи закатала рукава и вонзилась ногтями в нежную кожу. Шэннон хочет, чтобы она сошла с ума? Все к тому идет. «Нет, — встрепенулась она, — не бывать этому!» Она пыталась успокоиться, воображала, как расслабляются мускулы пальцев, ступней и ног. На несколько секунд ей стало легче, но потом Иззи вновь охватила паника. Она сделала глубокий вдох и начала сначала.

Наконец ей удалось немного успокоиться. Стук внизу прекратился. «Заснул он, что ли, урод?» Кем бы он ни был, он очень старается угодить Шэннон. Подумав о ней, она заскрежетала зубами. А если бы от страха у нее случился сердечный приступ или нервный срыв? А если в камере кончится кислород, прежде чем кто-нибудь за ней вернется? Выходит, Шэннон так ее ненавидит, что ей плевать? А Итан? Неужели он знал об этом мерзком розыгрыше?

Нет, не может быть! По доброте душевной он находит объяснения ее школьным выходкам, но на такое он никогда не пойдет. Это все

Шэннон, Джош, Кристал и Дэйв придумали.

Постепенно выступивший от ужаса пот испарился, запястья и лодыжки похолодели, словно вокруг них сомкнулись ледяные пальцы привидения. Она застегнула кофту, накинула капюшон и обхватила себя руками, чтобы не замерзнуть. Зубы стучали от озноба. Иззи представила, что лежит в камере, а на смену осени приходит зима, и она слабеет, тает на глазах, умирая от голода. Она вытерла лицо руками. Кожа была, словно восковая, холодная, мертвая, но внутри она дрожала и горела. Иззи вспомнила истории о том, как людей хоронили заживо и они царапались и скреблись о деревянные крышки гробов в отчаянной попытке выбраться. Она представила окровавленные пальцы и содранные до мяса и костей ногти.

«Нет, — твердо сказала она себе, — ты не в гробу. Ты в камере, и у нее есть дверца. Выход рядом. Надо только дождаться, когда кто-то придет и выпустит тебя». Чтобы не думать об этом, она решила сконцентрироваться на чем-то другом. Она так скрежетала зубами, что у нее заныла челюсть. Голова болела, словно кто-то острым клинком колот ее в виски.

И вдруг она услышала в коридоре тихие сдавленные голоса и шумный топот. Наконец-то! Двери с грохотом распахнулись.

— Иззи! — закричал кто-то. — Ты где?

Это была Алекс.

— Я здесь! — заорала Иззи в ответ и забарабанила по стенке камеры.

— Охренеть, — произнес мужской голос.

— Сейчас мы тебя вытащим! — пообещала Алекс. — Подожди чуть-чуть!

Голоса звучали тихо и неразборчиво, словно она подслушивала их у двери.

— В какой она камере? — спросил мужской голос.

Ее сердце забилося чаще: похоже, это Итан!

— Не знаю, — ответила Алекс. — Открывай все подряд.

Иззи постучала по деревянной обшивке над головой.

— Да здесь я!

Они открыли камеру слева от нее, потом ту, что находилась под ней.

— Что за черт? — спросил Итан. — Ты-то что здесь делаешь?

Послышался скрежет металла и несколько громких ударов, словно кто-то падал или боролся. По полу потащили что-то тяжелое, а потом с глухим стуком швырнули к дверце. Стенки камеры задрожали.

— Где Иззи? — прорычал Итан.

Голос звучал совсем близко. Иззи представила, как он в бешенстве толкает кого-то на камеру морга.

— Это не я придумал! — плаксиво завыл мужской голос. — Мне заплатили!

— Кто заплатил? — крикнул Итан, снова толкая его к стенке камеры.

— Да брось ты его! — воскликнула Алекс. — Надо найти Иззи!

— Ладно, потом разберемся! — пригрозил кому-то Итан.

Иззи догадалась, что Итан рывком оттащил человека в сторону. Раздался громкий лязг, словно кто-то упал на канистру из-под формальдегида. Дверные петли жалобно скрипнули.

Наконец дверца ее камеры резко открылась, и темноту прорезали слабые лучи света. Она жадно глотнула воздух и стала извиваться, пытаясь выбраться наружу. Стол выдвинули, и она заморгала, прикрывая глаза дрожащей рукой, чтобы не ослепнуть от яркого света фонариков. Луч упал вниз, и она увидела бледную как смерть Алекс, которая с ужасом всматривалась в ее лицо.

— Господи! — воскликнула она. — Как ты?

— Вроде нормально, — ответила Иззи, приподнимаясь на локтях.

Она свесила ноги со стола, но сделала это слишком быстро, и у нее закружилась голова. Пришлось глубоко вдохнуть и прикрыть глаза, чтобы прийти в себя. Кто-то осторожно дотронулся теплой рукой до ее спины. Она обернулась и увидела Итана. Он встревоженно смотрел на нее, сжав рот в тонкую линию, а потом обошел вокруг стола, чтобы помочь ей спуститься. Иззи, содрогаясь как в конвульсиях, схватилась за его плечо, чтобы не упасть, и передвинулась к толстому концу металлического стола. Итан обнял ее за талию, снял оттуда и осторожно поставил на пол. Все потемнело и закружилось у нее перед глазами. Иззи качнулась и чуть не рухнула вниз. Итан вовремя ее поддержал.

— Ты правда в порядке? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

Иззи кивнула. Она была безумно счастлива, что вылезла из камеры, но не переставала задавать себе вопрос: что он здесь делает?

Где сейчас Шэннон? Знал ли он о том, что она замышляет? Но сначала надо отсюда выйти. И как можно быстрее.

— Прости! — сказала Алекс. — Я понятия не имела, что происходит. Когда они потащили меня на улицу, я подумала, они и тебя схватили. Я ничего не видела, пыталась вырваться, но...

Она зарыдала и, всхлипывая, с трудом проговорила:

— Я увидела, что тебя нет, только когда мы оказались на улице!

— Не переживай, — успокоила ее Иззи. — Ты ни в чем не виновата. Только выведи меня отсюда, пожалуйста.

— Они убежали и забрали с собой фонарики, а меня оставили у входа в здание, — объясняла Алекс. — Я долго искала кого-нибудь, кто мне поможет.

— Пойдем, — предложил Итан, обнимая Иззи за талию. — Держись за меня.

Ноги ее не слушались. Она с трудом доплелась до выхода, цепляясь за Итана, чтобы не упасть. Иззи дрожала и клацала зубами от холода, усталости, облегчения и от гнева.

— Это все Шэннон подстроила! — в бешенстве воскликнула Алекс. — Она их подговорила!

— Да, — согласилась Иззи, — я тоже так думаю.

Итан остановился в коридоре, расстегнул кофту и протянул ее Иззи. Она просунула руки в рукава и завернулась в нее — кофта оказалась слишком большой. Но ей сразу стало тепло и уютно. Ткань пропиталась слабым запахом знакомого одеколona. Иззи хотела прикрыть тканью лицо, чтобы не дышать мерзкой сыростью подземелья, но не решилась. Она снова пошла вперед — ей не терпелось выйти из коридора на свежий воздух.

— Ты знаешь, кто засунул тебя в камеру? — спросил Итан.

— Джош и Дэйв, — ответила Иззи. — Это точно.

— Кошмар, — посочувствовал он. — Даже не верится, что она могла так с тобой обойтись. Да хоть с кем.

— Твоя подружка — чокнутая стерва, — заявила Алекс. — Она тоже прибежала, стала расспрашивать, что случилось с Иззи, типа очень разволновалась. Иззи заявит на нее в полицию!

Они дошли до конца коридора. Иззи схватилась за перила и стала с трудом подниматься по лестнице.

— Если она узнает, что ты пошел меня искать, ей это вряд ли понравится, — обратилась она к Итану.

Он пожал плечами.

— Где она, кстати?

— Все собрались у лодочной станции, — ответила Алекс.

— Пошли туда.

Желтые лучи фонариков качались и перекрещивались на черном газоне, всполохами освещая ветхие останки лодочной станции. Подростки бесцельно слонялись взад-вперед, подпрыгивая, чтобы не замерзнуть. Всем не терпелось узнать, что случилось. Увидев, что Иззи спускается по холму, Кристал побежала к ней по траве. Лицо и грудь Иззи запылали огнем.

— Ты как, нормально? — с притворной жалостью спросила Кристал и приблизилась к ней, как будто хотела обнять.

Иззи, словно не заметив ее, шагала вперед, выглядывая в толпе Шэннон. Наконец она ее увидела. Та болтала и пересмеивалась с Джошем и Люком. В одной руке — пиво, в другой — сигарета. Иззи решительно направилась к ней, не обращая внимания на изумленные взгляды. Чем ближе она подходила к Шэннон, тем сильнее росла в ней ярость — словно воздушный шар, который наполняют горячим воздухом. Обычно она старалась подавить гнев, но в этот раз злость была слишком большой, слишком сильной — всепоглощающей. Нет, она не собиралась ее бить, но на этот раз ей это с рук не сойдет. Иззи, сжав кулаки и напрягшись всем телом, размашистыми шагами шла к Шэннон.

Шэннон медленно повернула к ней голову. Ее глаза из-за выпитого алкоголя и недосыпа остекленели. Когда она увидела Иззи, улыбка слетела с ее лица. Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но Джош встал перед ней, загородив от Иззи.

— Слушай, что там произошло? Ты в порядке? — спросил он Иззи.

— Ты отлично знаешь, что там произошло, — ответила Иззи.

Она обогнула его и стала надвигаться на Шэннон. Та настороженно смотрела на нее. Ее губы дрогнули, словно она не знала, улыбнуться ей или скорчить гримасу. Она пыталась угадать, поняла ли Иззи, что это она все затеяла. Но Шэннон уже тысячу раз бывала в

подобном положении и инстинктивно поняла, как нужно поступить. Расплывшись в улыбке, она сделала вид, что у нее отлегло от сердца.

— Господи! — ахнула она. — Как ты?

Иzzi чуть было не остановилась и не повернула обратно. Да пошла она, эта Шэннон! Но овладевшая ею темная сила не отпускала. Иззи двумя руками схватила Шэннон за воротник и притянула к себе:

— Будешь еще со мной шутки шутить — пожалеешь! — капелька брызнувшей слюны упала на загорелую щечку Шэннон.

Та побледнела, попятилась и стала отдирать пальцы Иззи, чтобы освободиться.

— Руки убери! — заверещала она.

— Сначала извинись! — прорычала Иззи.

— Я ничего не делала! — завывала Шэннон.

— Извинись, а не то на тебе места живого не останется! — закричала Иззи.

Но Джош быстро растащил их, схватив Иззи за кофту, а Шэннон — за плечо.

— Оставь ее в покое! — сказал он, загоразивая Шэннон. — Я не знаю, что случилось, но она ни при чем.

Иzzi вырвалась из его хватки.

— Чушь собачья! — крикнула она, ткнув пальцем ему в лицо. — Ты отлично знаешь, что случилось. Ты запихнул меня в камеру морга. Это она тебя подговорила!

— Я?! — Джош вскинул брови. — Ты что, обкурилась? Я тебя не трогал! Алекс закричала, и мы все рванули оттуда. Я думал, ты с нами.

— Неправда! — ответила Иззи.

— Тебя с нами не было, — вмешалась Алекс. — Ты вышел оттуда спустя пару минут, когда Кристал и Дэйв меня отпустили.

Шэннон, скрестив руки на груди, встала рядом с Джошем.

— Даже не верится, — протянула она. — Я извинилась, предложила дружить, а ты так себя ведешь? Не знаю, может, ты хочешь мне отомстить, но, между прочим, это довольно серьезное обвинение. Как ты можешь говорить, будто я подговорила Джоша запихнуть тебя в камеру морга? Я бы никогда так не поступила. Это ужасно.

Иzzi вновь повернулась к Шэннон, но Джош встал между ними и оттолкнул ее в сторону. Тут вмешался Итан. Он загородил Иззи, занес

кулак и с силой ударил Джоша по лицу. Джош пошатнулся, сделал шаг назад и рухнул на землю, подняв руку к носу, из которого хлестала кровь.

— Не трогай ее! — крикнул Итан.

Дэйв, моргая, смотрел то на него, то на Джоша.

— Итан, ты что, взбесился?

Итан снова занес кулак, чтобы ударить еще раз, — теперь уже Дэйва, — но Иззи ему помешала.

— Не надо, — сказала она, — вот еще, руки об них марать.

Итан вытер губы рукой. Тяжело дыша, он посмотрел на нее.

— Все хорошо? — спросил он.

Иззи кивнула. Дэйв помог Джошу подняться. Оба недоуменно рассматривали Итана.

— Ты что, спятил? — спросил Дэйв.

— А может, это вы спятили? — возмутился Итан. — Совсем тупые, что ли? А если бы с Иззи что-то случилось? Если бы мы ее не нашли?

— В чем дело, Итан? — не выдержала Шэннон. — Что ты за нее заступаешься? Это же я твоя девушка, ты не забыл?

Итан посмотрел на землю, затем поднял глаза на Шэннон.

— Больше нет, — заявил он, поморщившись, будто проглотил какую-то гадость.

— Что? — взвизгнула Шэннон. — Что ты сказал?

Итан набрал воздуха, продолжая смотреть ей в глаза.

— Ты меня достала. Я не буду встречаться с тварью, которой нравится мучить людей. Не знаю, почему ты такой стала, но на этот раз ты зашла слишком далеко.

— Я зашла? — дрожащим голосом переспросила Шэннон. — Ты что, ей поверил?

— Твой дружок Брайан лежал в другой камере, — объяснил Итан. — Он сказал, ты ему заплатила.

— Это неправда, — прогундосил Джош, зажимая нос испачканной в темной крови ручищей. — Она тут ни при чем.

— Хватит выплясывать перед ней на задних лапках, Джош, — фыркнул Итан. — Теперь она твоя. Забирай.

Итан взял Иззи за руку и повел ее к берегу. Алекс пошла за ними.

— Может, поедем в травмпункт? — предложил Итан.

— Нет, я в порядке, — заверила она.

— Ладно, — обратился он к Алекс, — давай отвезем ее домой.

ГЛАВА 16

КЛАРА

Март 1931 года

Через неделю после того как ее выпустили из изолятора, Клара вернулась к «нормальной» жизни. Ее перевели в другую палату и нашли работу в прачечной: там она сортировала, крахмалила и гладила белье. В прачечной было жарко, она сильно уставала, но радовалась тому, что больше не сидит в изоляторе, что имеет возможность вставать, работать, напрягать мускулы, что у нее есть куда приложить силы. Главное, что ее больше не приковывали к кровати.

Женщины, работавшие вместе с ней, не отличались дружелюбностью, не считая Матильды. Эта пожилая пациентка любила поболтать. У нее был сильный европейский акцент. Свои длинные седые волосы она заплетала в косы. Матильда была на голову выше остальных женщин, у нее были крепкие мускулистые руки и поразительно толстые пальцы. Она носила свежевystиранные простыни и наволочки к ваннам с крахмальным раствором, взваливала на плечи неподъемные тазы с мокрым бельем и медленно шла с ними через всю комнату. В другое время Матильда толкала по коридору в портняжную мастерскую тележку с разорванной и прохудившейся одеждой. Остановливаясь, она обнимала всех женщин и всегда говорила одно и то же: «Я не слышу голосов. У меня не бывает видений. Я не сумасшедшая. Я не страдаю от нервов».

Как правило, пациентам не разрешали дотрагиваться друг до друга, но никто не мешал Матильде, когда она одаривала всех своими объятиями. Клара с нетерпением ждала встречи с ней, чтобы ощутить прикосновение сильных горячих рук. Ее уже тысячу лет никто не обнимал, и она старалась задержаться в объятиях Матильды подольше. Клара говорила ей спасибо, а Матильда широко улыбалась и отвечала: «Ты милая девочка». Крохотный знак доброты в этом холодном бездушном месте становился для Клары главным событием дня.

Спустя две недели ей разрешили часовое посещение комнаты отдыха. Это было длинное узкое помещение с полосатыми обоями, парчовыми порттьерами и люстрами в викторианском стиле. Пациентки

сидели в мягких креслах или на плетеных стульях, болтали, бездумно глядели перед собой, играли на дубовых столах в карты или в настольные игры. Сидевшая в углу женщина снова и снова вращала ручку граммофона, из которого доносились скрипучие звуки песни «Прекрасная Америка». Чтобы пациенты могли здесь отдохнуть и успокоиться, комнате специально придали сходство с гостиной в обычном доме. Но на Клару она производила обратный эффект. Ей она казалась подделкой, призванной убедить больных людей в том, будто они живут полноценной жизнью, пока они месяцами, годами сидят взаперти и теряют драгоценное время, безвольно наблюдая за тем, как оно уходит, и никто даже не пытается помочь им вернуться в нормальную жизнь. Окна за дорогими занавесками и удобной мебелью были зарешечены, двери закрыты, и за пациентками зорко следили санитары.

Клара пробиралась между стульями и столами, выбирая укромное место, где ее никто не побеспокоит. Вдруг сердце радостно подпрыгнуло у нее в груди — у книжного шкафа сидели Эстер и Мадлен. Наклонившись вперед, Мадлен читала вслух книгу, а Эстер, прикрыв глаза и откинувшись на спинку мягкого кресла, слушала. Они не виделись с Мадлен с того самого дня, когда Клара ударилась головой на кухне. С Эстер она последний раз разговаривала на прогулке, когда они проходили мимо изолятора. Клара бросилась к ним и опустилась на колени рядом с их креслами.

— Как я рада вас видеть! — прошептала она.

Мадден уронила книгу и изумленно уставилась на нее.

— Клара! — воскликнула она. — Где же ты пропадала?

Клара перевела глаза на Эстер, чтобы увидеть ее реакцию, но та спала. Она заметила, что Эстер побледнела с тех пор, как они расстались. Под глазами появились морщинки и темные круги, казалось, она постарела лет на десять. Раньше Эстер была похожа на кинозвезду, но усталость и напряжение осквернили ее красоту. Не слишком ли суровое наказание за то, что она поцеловала какого-то мужчину? Клара сглотнула и продолжила:

— В тот день на кухне у меня начались схватки, — сказала она. — Несколько месяцев они держали меня с ребенком в больнице. А потом... — из-за обжигающе-горячего комка, появившегося в горле, у нее срывался голос.

— Где же твой ребенок? — испуганно спросила Мадлен.

Ее глаза вдруг словно остекленели, и она с такой силой вцепилась в книгу, что костяшки побелели.

— Они ее забрали, — наконец ответила Клара. — Пришла какая-то женщина и забрала ее у меня, — она впервые решилась произнести это вслух.

Вдруг ей стало дурно. Клара встала и пододвинула к себе стул, вытирая со щек слезы.

— Нет! — выдохнула Мадлен. — Я так надеялась, что тебя отпустят! Или родители за тобой приедут. Я так верила. Мне было страшно подумать, что тебя накажут из-за того, что ты за меня вступилась. Они отняли у тебя ребенка...

Она наклонила голову и всхлипнула. Крупные слезы быстро бежали по ее лицу.

Клара пожала ей руку.

— Ничего, — вымолвила она. — Когда-нибудь я обязательно найду свою дочь. Не знаю, когда и как, но я ее найду. Я буду в это верить и делать то, что мне велят. Мне нужно как-то убедить доктора Роуча, что я выздоровела.

Мадлен вскинула голову, закусил губу и стала ковырять заусенец на большом пальце.

— Что такое? — спросила Клара. — В чем дело?

Мадлен взглянула на Эстер.

— Только осторожно, — сказала она. — Это из-за него она такая.

Клара перевела глаза на Эстер.

— Какая? — удивилась она. — Разве с ней что-то не так? Она же спит?

— Да, спит, — кивнула Мадлен. — Она теперь только и делает, что спит. Ее муж обвинял ее в том, что она ведет себя как шлюха, а доктор Роуч обещал, что сможет ее вылечить, только если она расскажет ему все как есть. Он все просил ее рассказать, как она изменила мужу. Доктор хотел знать все подробности. Сначала Эстер отказывалась, но он заявил, что никогда не выпишет ее из больницы. Наконец она согласилась и все ему рассказала, а он предложил сделать то, чем она занималась со своим любовником. В общем, он захотел с ней переспать.

Клара заскрежетала зубами. Сердце бешено стучало в груди.

— Он ее изнасиловал?

Мадлен покачала головой.

— Он пытался взобраться на нее, но она ударила его ногой в низ живота — ну ты понимаешь, куда. Спустя неделю ее куда-то увели. Когда она вернулась в палату, медсестра Тренч сказала, что Эстер была в инсулиновой коме. Она чувствовала себя нормально, только ужасно устала. Ей разрешили лежать в кровати. А потом произошло что-то странное. Она сказала, будто в палату входил мужчина. Я думаю, он ее напугал.

Клара удивленно нахмурилась.

— В женскую палату приходил мужчина? Как такое может быть?

— Наверное, это был один из плотников. Они то ли чинили крышу, то ли ставили новую дверь. Точно не знаю.

— Он ее не тронул?

— Нет, — ответила Мадлен, — вряд ли. Но после этого Эстер стала все время спрашивать о тебе. Как заладит: «Где Клара? Где Клара? Где Клара?» И повторяет опять и опять.

Клара вздрогнула и подалась вперед.

— Где я? — поразила ее она. — Почему она спрашивала обо мне?

Мадлен покачала головой.

— Не знаю. Мы обе ломали голову над тем, что с тобой случилось, но она вела себя как-то странно. Она не могла успокоиться, словно это самое важное в ее жизни. После этого доктор Роуч стал давать ей лекарство, из-за которого она постоянно хочет спать и спит мертвым сном. А когда просыпается, все равно ничего не рассказывает. Она боится, что все забудет. Это началось пару месяцев тому назад.

Клара посмотрела на Эстер.

— Если ты ее разбудишь, она сможет говорить?

— Наверное, — ответила Мадлен. — Иногда она разговаривает, иногда молчит. Зависит от времени суток.

Клара дотронулась до плеча Эстер и легонько потрясла ее.

— Эстер! — позвала она. — Эстер, ты меня слышишь?

Девушка еле заметно качнула головой. Мадлен, окинула взглядом комнату, чтобы убедиться, что за ними никто не следит. Санитар, который присматривал за больными в комнате отдыха, сидел за столом, уткнувшись в газету. Затем Мадлен наклонилась, взяла Эстер за руки и осторожно потянула на себя.

— Эстер, — сказала она, — проснись! Клара пришла. Она хочет с тобой поговорить.

Эстер подалась было вперед, но ее голова запрокинулась назад, а глаза остались закрытыми. Мадлен отпустила ее, и Эстер вновь упала на спинку кресла.

— Эстер, ты меня слышишь? Клара здесь. Она сидит рядом с тобой.

— Эстер, — повторила Клара, едва сдерживаясь, чтобы не закричать.

Она наклонилась к уху Эстер, положив руку на подлокотник кресла.

— Это я, Клара. Мадлен сказала, ты хочешь мне что-то сказать. Что же? Что ты хочешь мне сказать?

Ресницы Эстер затрепетали, и она оторвала голову от спинки кресла.

— Ну вот, — обрадовалась Мадлен. — Просыпайся, Эстер. Клара снова с нами. Ты ее помнишь?

Наконец Эстер заморгала и открыла глаза. Она посмотрела на Мадлен, прищурилась, потом закрыла лицо руками и сделала глубокий вдох.

— Эстер, — сказала Клара, — почему ты спрашивала обо мне доктора Роуча? Ты хотела мне что-то передать?

Эстер уронила руки на колени и медленно повернулась к Кларе. Из рта тянулась тонкая струйка слюны, глаза снова были закрыты.

— Где Клара? — пробормотала она, едва ворочая языком.

— Я здесь! — ответила Клара. — Открой глаза и посмотри на меня. Я рядом.

Эстер с трудом разлепила веки и уставилась ей в лицо. Ее глаза налились кровью, а зрачки потускнели, как у незрячей.

— Клара, — промолвила она, — в палату приходил мужчина.

— Да, — кивнула Клара, — Мадлен мне рассказала.

— Я спала, а он меня разбудил.

— Что же случилось? — насторожилась Клара. — Он тебя не обидел?

Эстер покачала головой.

— Я испугалась, когда он стал трясти меня за плечо. А потом он спросил, знаю ли я тебя.

Сердце стучало в груди Клары, словно колокол. Она вонзила ногти в ладони.

— Как он выглядел? — спросила она. — Он назвал свое имя?

— Темные волосы. Карие глаза. — Эстер на секунду опустила веки, и Клара испугалась, что она снова заснет. Вдруг на губах Эстер заиграла слабая улыбка. — Такой красавчик...

Клара едва дышала.

— Эстер, — произнесла она, — что он тебе сказал?

Эстер сглотнула слюну и моргнула.

— Передай Кларе, что я устроился работать плотником. Скажи, что я пришел за ней.

— Но кто? — воскликнула Клара. Волосы у нее на руках встали дыбом. — Кто пришел за мной? Как его зовут, Эстер?

— Бруно, — ответила она. — Бруно пришел за тобой.

ГЛАВА 17

ИЗЗИ

На следующее утро Иззи выкарабкалась из спального мешка и похромала в ванную. Все тело затекло и болело, словно она вчера подралась. Она умылась и, прищурившись, уставилась на себя в зеркало. Глаза опухли, волосы растрепались. Она села на унитаз и впервые заметила ушибы и царапины на коленях. Руки были покрыты синяками, кожа на костяшках пальцев ободрана до крови. Она так сильно колотила ногами по стенкам камеры, что пальцы на ногах посинели от ушибов. Ей вдруг показалось, что она снова в ловушке. Поборов страх, Иззи встала и прошла к окну. Небо было серым и мрачным — совсем как ее настроение.

Хорошо, что они решили вернуться домой к Алекс, а не остались ночевать на озере. Они бы наверняка промокли под дождем. А уж какой скандал закатила бы Шэннон, когда б до них добралась! После того как Иззи вытащили из камеры, она тряслась в ознобе. Спальный мешок она взяла слишком тонкий, в нем бы она не согрелась. По пути в город она до предела выкручивала ручку кондиционера, чтобы в машине стало теплее, пока Алекс с Итаном не запротестовали.

Они наспех позавтракали рисовыми хлопьями с апельсиновым соком, а потом Алекс высадила ее у дома, пообещав, что вскоре заглянет к ней в гости и они вместе посмотрят какой-нибудь фильм. Настроение у Иззи было ни к черту, но она испытывала благодарность к Алекс за то, что та старалась отвлечь ее от мыслей о случившемся в Уилларде. Иззи спрятала голову в плечи, пытаясь укрыться от дождя, и побежала по мощеной дорожке, лавируя между лужами. Она вспомнила, как Итан стоял на обочине, когда они вчера вечером высадили его из машины. Он наклонился к ней через открытое окно, и она отпрянула, вообразив, будто он хочет ее поцеловать. Но он всего лишь попрощался, и она залилась краской от смущения. Он в сотый раз спросил, как она себя чувствует, и предложил оставить свою кофту до понедельника. Но она отказалась. События развивались слишком быстро. Иззи не хотела, чтобы он подумал, будто она с радостью согласится с ним встречаться лишь потому, что он бросил Шэннон.

Она сомневалась, что когда-нибудь этого захочет. Разве ему можно доверять? Ведь он знал о подлых выходках Шэннон и не помешал ей. И все же она оставила себе значок рок-группы, который нашла в кармане его кофты, и сейчас поглаживала его пальцем, собираясь с духом, чтобы открыть дверь на кухню.

По воскресеньям Гарри готовил на завтрак оладьи, и они втроем сидели за столом до полудня в пижамах, читая комиксы и разгадывая кроссворды. Это был ее любимый день недели. Они болтали и смеялись, а потом Пег и Гарри помогали ей делать уроки. В такие минуты ей и вправду казалось, что это ее родной дом.

Она подумала о поджаристом беконе и пышных оладьях из пахты, политых густым кленовым сиропом, и в животе заурчало от голода. Но когда она вошла на кухню, Пег и Гарри были уже одеты и сидели за столом с кружками кофе. Между полотняными салфетками лежала аккуратно сложенная газета. Пег, вздрогнув, подняла на нее глаза и сурово поджала губы. Гарри повернулся на стуле и серьезно посмотрел на Иззи. У нее упало сердце. Похоже, они как-то узнали о вечеринке на пляже. Она соврала им, что будет ночевать у Алекс. Сейчас они скажут, что решили с ней попрощаться. Ну что ж, этого стоило ожидать. Иззи сняла с плеча сумку и села. Она ждала приговора, боясь вздохнуть и разглядывая фотографию президента Клинтона и Моника Левински на первой полосе газеты.

— Ну как, хорошо провела время? — выдавив улыбку, спросила Пег.

— Нормально, — ответила Иззи. Может, они ее проверяют? Она решила рассказать все начистоту. — Но я...

— Мы должны тебе кое-что сказать, — перебил ее Гарри.

Он поправил очки и вытер ладони о брюки. Пег заерзала на стуле и крепко сжала кружку с кофе.

— Начнем с хорошей новости, — произнесла она дрожащим голосом и кашлянула.

Иззи недоуменно смотрела на нее: что можно сказать, чтобы смягчить удар? В горле разрастался горячий ком — еще чуть-чуть, и она не сможет дышать.

— Мне удалось отыскать медсестру, которая работала в Уилларде. Возможно, она помнит Клару. Если хочешь, мы можем к ней съездить.

Иззи кивнула. Сердце забило чаще.

— Ты думаешь, она знает, что случилось с Кларой? — с трудом выдавила она. — Или с ее дочерью?

— Не уверена, — покачала головой Пег. — Надо ее спросить. Если она не в курсе, мы постараемся вместе это выяснить. Обещаю.

Вместе! Иззи чуть не расплакалась. Пег сказала, что они постараются вместе это выяснить. Значит, они ее не выгонят. Она набрала в грудь воздуха и с облегчением выдохнула. Но потом Гарри неуверенно взглянул на Пег.

— Это еще не все, — сказал он, сдвинув брови. — Твоя мать...

Иззи замерла. Гарри и Пег избегали разговоров о ее матери. Что собирается сказать Гарри? Явно ничего хорошего. Скорее, что-то очень плохое — по лицу видно.

— Что с ней? — спросила Иззи. Желудок словно завязывался в узлы.

Пег ласково дотронулась до нее. Иззи показалось, что в голове что-то заворочалось, словно мозг сжался, готовясь услышать шокирующую новость.

— Вчера ночью у нее случился удар, — сказал Гарри. — Она была в своей палате, и до утра никто не знал, что случилось.

Иззи проглотила слюну.

— Мне жаль, — со слезами на глазах сказала Пег. — Она в коме. Врачи сомневаются, что она выкарабкается.

Иззи потрясенно смотрела на Пег, не зная, что сказать. Язык налился свинцом, бесполезные тяжелые губы не слушались. Пег погладила ее по руке, нежно коснувшись разодранных костяшек. Она опустила глаза и ахнула.

— Что случилось? — воскликнула она.

Иззи отдернула руку и спрятала ее на коленях, сжав кулак.

— Ничего, — ответила она, — упала, когда каталась на роликах. — Удивительно, как легко она соврала. Что изменилось со вчерашнего дня?

Она взяла сумку, встала и придвинула стул к столу.

— Как ты? — обеспокоенно спросил Гарри. — Хочешь знать, что говорят врачи?

Иззи затрясла головой. Она словно онемела.

— Нет... не сейчас, — выдавила она.

— Мы можем отвезти тебя к ней завтра после школы, — предложила Пег. — Если хочешь...

Иzzi вцепилась в спинку стула. «Какой в этом смысл?» — подумала она.

— Я правда устала, — сказала она. — Если вы не против, я пойду в душ, а потом немного вздремну.

— Может, сначала поешь? — предложила Пег.

— Я испеку оладьи, если ты голодна, — подхватил Гарри.

Иzzi покачала головой и вышла из кухни. Ноги подгибались, будто резиновые. Дойдя до середины лестницы, она остановилась и схватилась за перила. Сердце громко ухнуло в груди. Она побрела вверх. На последней ступеньке коридор качнулся у нее перед глазами. Она вцепилась в стойку, чтобы не упасть. Постояв минуту, Иззи поковыляла в свою комнату, уронила сумку на пол и бросилась в уборную.

Она едва успела поднять крышку унитаза — ее вырвало хлопьями, которые она съела на завтрак. Рвотные позывы были такими мучительными, что ей казалось, будто пищевод вот-вот выскочит из нее и кровавым червяком скользнет на дно унитаза. Наконец она перевела дух. Иззи долго отплевывалась, потом вытерла рот и выпрямилась. На раковине стояла открытая банка с колой. Она выпила выдохшуюся газировку, надеясь, что карамельный вкус поможет избавиться от кислого запаха рвоты.

Головокружение так и не прошло. Она поплелась в свою комнату и рухнула на кровать. Лежа на боку, Иззи прижала к себе подушку. Она крепко зажмурилась, чтобы остановить слезы, но без толку. За десять лет она ни разу не навестила мать в тюрьме. Она боялась. Боялась того, что мать скажет или сделает что-то не так, как все сумасшедшие, или не узнает ее, Иззи. Теперь она горько сожалела об этом. В глубине души она всегда надеялась, что в один прекрасный день ее мать вылечат или признают невиновной. А может, произойдет чудо и вдруг выяснится, что убийство отца — это какое-то недоразумение. Например, что его застрелил грабитель, а мать Иззи, став свидетельницей трагической гибели мужа, временно потеряла рассудок. Когда правда выйдет наружу, ее выпустят из тюрьмы, и они снова будут жить вместе. За эти годы она представляла подобное тысячи раз, но всегда прогоняла эти мысли, понимая, что это всего

лишь фантазии несчастной маленькой девочки. Ну а теперь все. Ничего этого точно не будет. Вскоре она осиротеет. Шансы на то, что они воссоединятся с матерью, были ничтожно малы. А теперь их и вовсе не осталось.

Иzzi, содрогаясь от рыданий, закусила подушку. Она не ожидала, что так расклеится. Она привыкла быть гордой и невозмутимой и сама поверила в свою неуязвимость. Но защитные стены рухнули. Конечно, она знала, что когда-нибудь это произойдет. Но не так быстро, не сейчас, не так! Она моргнула, прогоняя слезы, подняла глаза и посмотрела на шкаф. Там, в плотном конверте, за ее носками и нижним бельем, лежали мамины открытки и письма.

Иzzi села и вытерла глаза. Сердце громко стучало в груди. Если она прочитает ее письма, ей станет лучше. Или хуже. Конверты в чемодане Клары... Если бы их отправили, если бы Бруно их прочитал, ее жизнь сложилась бы иначе. Может, ему удалось бы забрать ее из лечебницы Лонг-Айленд, прежде чем ее отвезли в Уиллард. Может, они бы поженились, родили детей и жили счастливо до самой смерти.

А если бы она прочитала раньше, что писала ей мать? Вдруг ее жизнь сложилась бы по-другому? Она так долго искала ответы на свои вопросы. А если они всегда были здесь, рядом? Ее снова затошнило. Не важно, что написано в письмах. Все равно уже слишком поздно, ничего не изменишь. Но она должна знать правду. Может быть, эти письма написала женщина, которой была когда-то ее мать, — любящая и ласковая. Или же, прочитав их, Иззи поверит раз и навсегда, что она безумна.

Девушка встала, вытащила письма из верхнего ящика, села на кровать, скрестив ноги, и положила увесистую папку перед собой на одеяло. Она щелкнула металлической застежкой, открыла клапан и высыпала письма и открытки. Расползающаяся стопка разноцветных конвертов, больших и маленьких, напомнила ей о том, как она с одноклассниками писала записки на День святого Валентина. Ей всегда было интересно, сколько карточек получили другие дети: больше, чем она, или меньше? Она с любопытством смотрела на подпись: что там, просто имя или еще и большие буквы «ЛДН» — «Лучшие друзья навеки», а может, хотя бы «ЛД» — «Лучшие друзья»?

Иzzi переворачивала конверты и, глядя на штемпель, раскладывала их в хронологическом порядке. Она решила, что будет

читать письма по годам, начиная с тех, что были отправлены в первые месяцы после того, как маму посадили в тюрьму. Сначала она писала раз в месяц. Затем письма стали приходить три-четыре раза в год. Помимо обычных писем мама присылала ей поздравления на день рождения и Рождество. Обратный адрес всегда был один и тот же: тюрьма Бедфорд.

Иззи сделала глубокий вдох, взяла первое письмо, полученное в июле 1986 года, спустя месяц после отправки матери в тюрьму, и надорвала конверт. Сейчас или никогда! Она прижала пальцы к дрожащим губам и прочитала:

Привет, малышка!

Как ты? Надеюсь, у тебя все хорошо. Как я по тебе скучаю! Знаешь, мне очень жаль, что все так вышло с твоим отцом. Сейчас ты слишком маленькая, чтобы понять, что произошло, но когда-нибудь ты поймешь, обещаю. Прости, что я так долго болела и уделяла тебе мало внимания. Когда мне стало лучше, было уже поздно. Я знаю, тебе грустно, ты растеряна... моя милая девочка. Как нехорошо. Пожалуйста, приезжай меня навестить. Я ужасно по тебе скучаю, даже сердце болит. Прошу, слушайся бабушку. Скоро увидимся.

Целую тебя тысячу миллионов раз.

Мама

Слезы обжигали глаза. «Тысячу миллионов раз...» Она говорила так каждый вечер, когда укладывала ее спать, подтыкала одеяло, а потом тихо выходила в коридор. Надо же, а она совсем забыла. Иззи открыла следующий конверт. Это было поздравление с днем рождения.

На открытке было напечатано: «Милая девочка, поздравляю с восьмым днем рождения!» Внутри мама написала: «Скучаю по тебе и целую тысячу миллионов раз!» «Интересно, где заключенные покупают открытки?» — мимоходом подумала Иззи. Следующее письмо было похоже на предыдущее: мама обращалась к восьмилетней девочке, жизнь которой пошла наперекосяк. Она снова просила

прощения и уговаривала ее приехать в тюрьму. Наконец мама перестала умолять ее о свидании и просто писала все, что хотела сказать при встрече единственной дочери, давала важные советы. Иззи, затаив дыхание, искала то самое предложение, тот самый абзац, который станет доказательством душевной болезни матери. Но она ничего так и не нашла. Странно только, что мама никогда не упоминала об отце, словно его не существовало.

В груди рассыпались холодные осколки сожаления. Может, она зря так поступила? Напрасно боялась все эти годы? Судя по письмам, ее мать была совершенно нормальной. Когда Иззи их читала, ее терзало чувство, будто она снова прощается с матерью. В то же время она была так же далека от разгадки причины трагедии, как в детстве.

К трем часам дня Иззи прочитала примерно сорок писем. Пег несколько раз поднималась вверх, деликатно стучала в дверь и спрашивала, как она себя чувствует и не принести ли ей чего-нибудь поесть или попить. Иззи благодарила Пег, но отказывалась и добавляла, что хочет побыть одна. Если честно, она не могла бы проглотить ни кусочка, даже если бы захотела. Во рту стоял кислый вкус, словно она съела какую-то гадость.

Спустя еще час буквы начали расплываться перед глазами. Ее стало клонить в сон. Она нашла сложенное письмо в открытке, — которую получила, когда ей исполнилось тринадцать лет. Из-за заломов его было трудно читать. Она решила, что прочтает его напоследок, а потом примет душ и ляжет спать. Она скользнула по нему взглядом и вдруг, перестав дышать, одним махом села в кровати. Иззи перечитала написанное:

Я застрелила твоего отца, потому что застала его у тебя в комнате. Он делал то, что отец не должен делать со своей дочерью. Прости, что не сказала тебе раньше. Я хотела подождать, пока ты повзрослеешь и узнаешь, чем занимаются мужчины и женщины. Не волнуйся, милая. Я вовремя его остановила.

Иззи уронила письмо и зажала рот рукой, чтобы оттуда не хлынула кислая рвота. Нет, не может быть! Это был дурной сон! Как

можно сказать тринадцатилетней дочери в день рождения, что ее растлевал отец? Зачем она врет? Выходит, мама действительно сошла с ума? Ее отец никогда бы такого не сделал! Иззи свернулась калачиком. Ее трясло, как в лихорадке. Заливаясь слезами, она уставилась на обои: пульсирующие алые лепестки розы были похожи на ее несчастное, истекающее кровью сердце.

Вдруг ею снова овладело кошмарное видение. Демон положил потную ладонь ей между ножек, прижав ее тяжелой рукой. Он приподнялся и оскалил зубы. Его черты исказила странная гримаса отвращения и исступленно-острого удовольствия. Вдруг маска превратилась в человеческое лицо. Иззи узнала демона. Это был отец.

Она вскочила с кровати, побежала в туалет и встала на колени перед унитазом. Ее рвало так долго, что заболели грудь и живот. Наконец она отдышалась и, прислонившись к ванне, прижала к глазам ладони. Вдруг сердце пронзил электрический заряд, по коже побежали мурашки, и ее охватил приступ паники. Ноги и руки дрожали мелкой дрожью. Она старалась дышать медленно и глубоко. При мысли о том, что все, во что она верила, оказалось ложью, у нее закружилась голова. Но ведь она сама придумала эту ложь!

Ее мать отдала свою жизнь и свободу ради того, чтобы защитить ее. Все эти годы Иззи думала, что мать — психопатка, а любящий отец заплатил за ее болезнь непомерно высокую цену. Столько лет потеряно, и все потому, что ей не хватило духу выслушать, что расскажет о произошедшей трагедии ее мать!

Вдруг что-то щелкнуло у нее в голове, словно деталь гигантского пазла встала на свое место. Теперь все ясно! Мама всегда страшно за нее боялась. Если вдруг что-то шло не так, если ей вдруг казалось, что Иззи в опасности, у нее начиналась паника. Однажды в продуктовом магазине, пока мама выбирала дыни, Иззи отошла от тележки всего на несколько футов, повернув за угол торгового ряда, к игрушкам. Но мама этого не видела. Она стала так громко кричать, что управляющий магазина прибежал к ней сломя голову. Иззи поспешила обратно и коснулась маминого локтя, в ужасе глядя на нее: она испугалась, что мать сошла с ума. А та упала на колени и зарыдала, умоляя Иззи больше никогда, никогда от нее не отходить.

Когда она увидела, что муж домогается маленькой дочери, у нее помутился рассудок. Впрочем, какая мать смирилась бы с этим?

Конечно, другие позвонили бы в полицию, а не стреляли бы в голову из охотничьей винтовки. Ну что ж, теперь понятно, что произошло.

Мать Иззи писала, что, убив ее отца, она поступила неправильно, но в ту минуту она словно обезумела. Она понимала, за что ее наказывают, и считала наказание справедливым. Адвокат не мог просить суд проявить снисходительность, потому что у него не было доказательств вины отца Иззи. Мать возражала против медицинского осмотра дочери. Она предпочла пожертвовать своей свободой, потому что надеялась, что ее выпустят досрочно и они снова будут жить вместе.

Иззи кусала губы. Все эти годы она могла узнать правду, стоило лишь открыть конверт и прочитать письмо. Вот же, все написано черным по белому! А теперь ее мать в коме! Она никогда не сможет сказать ей, что все поняла. Никогда не сможет извиниться за то, что не пришла ее навестить!

Иззи подумала о Шэннон, чья мать притворялась, будто не замечает, что творит отец. Как она живет с ней, видит каждый день, зная о том, что та не захотела ее защитить? Что может быть хуже? Какой бы Шэннон ни была стервой, Иззи стало ее жаль. Если бы ее мать попыталась остановить отца, жизнь Шэннон сложилась бы по-другому. Как ее мать смотрит ей в глаза? Сможет ли Шэннон когда-нибудь простить свою мать?

Иззи закрыла лицо руками. А ее мать все эти годы мучилась в одиночестве, терзаясь мыслью о том, что дочь никогда ее не простит, что она ее больше не любит. Но она как-то читала, будто люди в коме слышат, что говорят им родные и близкие. Ее мать подключили к аппаратам жизнеобеспечения, она еще жива! Они все-таки смогут увидеться, смогут попрощаться! Надо попросить Пег, чтобы она завтра же отвезла ее в Бедфорд. Она будет молиться о том, чтобы мама услышала, как она просит у нее прощения.

Ноги дрожали, но Иззи, собравшись с силами, встала и стала медленно раздеваться. Колени, локти, ступни были покрыты синяками и ссадинами оттого, что она колотила по стенкам камеры морга. Еще и голова разболелась. Она забралась в пустую ванну. Твердый фаянс охлаждал кожу, как могильный камень. Она с трудом вставила пробку и включила горячую воду. Руки дрожали, как у древней старухи. Ванна стала наполняться, а она в ступоре уставилась в черную дыру слива, не

думая и не чувствуя ничего, кроме холода. Но по мере того как набиралась теплая вода, она начала ощущать крадущееся вверх по телу тепло. Иззи взглянула на тонкие шрамы на руках. Может, она резала себя, чтобы прогнать воспоминания о том, что сделал отец? Иззи завернула кран и легла в облачко пены. Она почти не двигалась, слушая мерный стук тяжелых капель. Он отдавался у нее в голове, словно подводные часы.

Прошло несколько минут. Она провела руками по телу, коснувшись груди и кудрявых волос на лобке. Сколько раз она думала о сексе, представляла, как мужчина будет целовать ее голую грудь и теплую кожу, коснется нежных потайных мест... Сколько раз она фантазировала, как они с Итаном занимаются любовью... О, много, много раз! Хорошо, что она не помнит, что именно делал с ней отец. Но ведь этого никто точно не знает! Ей снова стало мерзко и тошно. Она потерла мылом внизу живота, потом встала под душ, подставив шею и плечи под горячую воду. Наконец она выключила душ и выпустила воду из ванны. Иззи вытерлась полотенцем, надела чистую пижаму и, вернувшись в спальню, спряталась под одеяло.

«Что бы ни случилось в прошлом, я буду счастлива, — пообещала она себе. — Тогда я была совсем другой. Я не собираюсь до конца жизни расплачиваться за грехи отца. Не хочу и не буду».

ГЛАВА 18

КЛАРА

После разговора с Мадлен и Эстер Клара несколько недель ломала голову над тем, как найти Бруно. Ночью она ворочалась без сна, а днем не могла сосредоточиться. Работая в прачечной, она путала простыни с полотенцами, а больничные халаты с фартуками. Когда старшая медсестра это заметила, она отправила ее работать в другую комнату по коридору, где располагалась швейная мастерская. Там Клара занялась шитьем и починкой рубашек, штанов и ночных сорочек. Она сидела на стуле и делала крошечные точные стежки, размышляя о том, как ускорить встречу с Бруно. Но ничего не приходило в голову.

После того как Эстер рассказала ей о том, что случилось, Клара решила попросить доктора Роуча принять ее. Она попытается убедить его в том, что Бруно существует. Для этого она предложит ему по одному вызывать строителей в кабинет. Бруно тоже придет и сразу узнает Клару. Таким образом они докажут, что она всегда говорила правду. Но потом она вспомнила слова Мадлен о том, что доктор Роуч накачивал Эстер лекарствами, так как она упорно искала Клару, словно ее жизнь зависела от этого. Зачем он давал ей лекарства? Чтобы заткнуть ей рот? Может, он боялся, что Клара узнает о присутствии Бруно в Уилларде? Если так, то почему? Перед разговором с доктором Роучем она решила подробнее расспросить Эстер. В тот день она села рядом с ней в комнате отдыха и осторожно потрясла за плечо, чтобы она проснулась.

— Я хочу задать тебе вопрос, — тихо сказала Клара, наклонившись к подруге.

Эстер моргнула и подняла голову, через силу улыбнувшись.

— Ты нашла Бруно? — с трудом пробормотала она.

— Тс-с-с! — прошептала Клара. — Я не хочу, чтобы кто-то услышал.

Эстер вздохнула.

— Понятно, — прошептала она.

— Просто кивай или качай головой, хорошо?

Эстер кивнула и с полузакрытыми глазами разомкнула влажные губы.

— Ты говорила доктору Роучу, как зовут человека, который приходил в палату? — прошептала Клара.

Эстер кивнула.

— Ты сказала, что Бруно меня ищет?

Эстер снова кивнула.

Сердце Клары забилося быстрее.

— И что он сказал?

Эстер недовольно скривила рот.

— Он подумал, у меня галлюцинации.

— Вот как? Поэтому он давал тебе лекарства?

Эстер покачала головой.

— Я спросила его, где ты. Он ответил, что ты болеешь. Тогда я спросила, как твой ребенок, и сказала, что его отец Бруно.

— И? — Клара, затаив дыхание, ждала ответа.

— Он удивился, что я знаю о ребенке.

— Он сказал, что ее у меня забрали?

— Нет, — у Эстер задрожал подбородок. — Он велел не совать нос в чужие дела.

Лицо и грудь Клары словно обожгло огнем. Она не понимала, почему доктор Роуч не поверил Эстер. Зачем ей выдумывать, что Бруно — живой, настоящий человек? И почему он не стал ничего выяснять, чтобы убедиться в том, что Клара говорила ему правду? Может, дело в том, что он зашел слишком далеко — держал Клару взаперти, отнял у нее ребенка и теперь не хочет признавать ошибку? Или за всем этим стоит ее отец, который дергает доктора Роуча за ниточки, как кукловод?

Вдруг лицо Эстер исказилось, она готова была заплакать.

— Прости, — сказала она, и слезы брызнули у нее из глаз. — Зря я это сделала...

— Что? — сжавшись от страха, спросила Клара.

— Не надо было говорить доктору Роучу о Бруно, — срывающимся голосом произнесла она.

— Почему? — удивилась Клара. — Ты же хотела помочь.

— А если доктор Роуч его прогонит? — предположила Эстер.

Кровь отхлынула от лица Клары, и комната стала вращаться перед ее глазами. Она и не подумала о том, что доктор Роуч запросто может уволить Бруно и выгнать его из больницы. Что тогда делать?

Несколько дней спустя она взяла из швейной мастерской штаны и накрахмаленную рубашку, намочила волосы, зачесала их назад и пошла в прачечную, попытавшись затесаться между пациентами, которые вытаскивали из чанов чистое белье. Надсмотрщик это заметил и выставил ее из помещения. В наказание ей пришлось неделю просидеть в изоляторе, после чего ее вновь допустили к работе. Она спрашивала пациентов, не заметил ли кто-нибудь строителей, а если заметил, то где. Но все говорили, что ничего не видели, и с испуганным видом качали головами, желая лишь одного: чтобы их оставили в покое. Клара подумывала передать то, что рассказала ей Эстер, медсестре Тренч — вдруг она сжалится над ней? — но решила, что это слишком рискованно. Иногда ей казалось, что найти Бруно невозможно. Но она должна попытаться. Другого выхода не было.

Хуже всего ей приходилось в предрассветные часы, когда она лежала без сна, переживая о том, что Бруно уволили и он не сможет придумать способ вызволить ее из больницы. Клара боялась, что он опустит руки и перестанет ее искать. А может, у Эстер и впрямь начались галлюцинации? Ведь она рассказала ей и Мадлен всю свою жизнь: как они с Бруно влюбились друг в друга, но родители не одобрили ее выбор, и отец решил упрятать ее в больницу, когда она забеременела. Не исключено, что после заключения в Уилларде и инсулиновой комы бедняжка Эстер слетела с катушек. А если она все придумала? Когда Клара подумала об этом, грудь опять сдавила тяжесть, как будто на нее положили холодную гранитную плиту.

Несколько ночей подряд Клара ворочалась без сна, мучаясь от неизвестности и сомнений. Каждый раз, когда она, совершенно изможденная, закрывала глаза, ей вдруг представлялось, что Бруно нет в Уилларде. Ужас охватывал ее, и она резко садилась в кровати, потя, задыхаясь, сбивая ногами серые простыни. В конце концов она сворачивалась клубочком и плакала до изнеможения. Выйдет ли она когда-нибудь на свободу?

Однажды в швейной мастерской она сидела на жестком стуле спиной к окну. В ногах у нее стояла корзина с накрахмаленными рубашками. Клара наблюдала за тем, как начальница неуклюже

взбиралась по стремянке, чтобы поменять лампочку. Это была сухонькая пожилая женщина. Прихрамывая, она расхаживала по мастерской, а ее длинная пышная юбка с шуршанием волочилась по деревянному полу. Она называла работниц «милочками» и следила за тем, чтобы они прилежно шили, склонив головы. Иногда она брала тросточку и жаловалась, что от плохой погоды у нее ноют кости. Ей приходилось часто останавливаться, чтобы помассировать искаленную ногу. А в последнее время она все время ходила с палочкой — весна в этом году выдалась сырая и промозглая.

Клара поежилась, когда старушка оступилась на ступеньке и чуть не упала. Непонятно, что у нее с ногой, но зачем так рисковать и лезть на стремянку, чтобы поменять лампочку? В мастерской перегорели три лампочки, одна из них — прямо над головой Клары. Потолки в помещении были двенадцать футов высотой, и шнуры с лампочками болтались на высоте не менее десяти футов. Неужели в Уилларде нет мужчин, которых можно попросить заменить лампочку?

И тут ее словно пронзило молнией: а что, это идея!

Если она не может пойти к Бруно, надо сделать так, чтобы он пришел к ней! Эстер сказала, что он работает в бригаде плотников. По словам Мадлен, они то ли чинят прохудившуюся крышу, то ли устанавливают новую дверь. Клара огляделась по сторонам, раздумывая о том, что бы она могла сломать. У нее упало сердце: двери были слишком толстыми, а деревянная отделка слишком крепкой. Вдоль стен стояли шкафы с открытыми полками, на которых хранили сложенное белье и полотно; в комнате также имелось несколько десятков деревянных стульев, сортировочные столы и стулья с высокими спинками. Мебель была сделана из твердого дуба или клена. Опорные балки были толще ее головы. И вдруг она заметила, что, в отличие от зарешеченных окон в палатах, в мастерской они были почти беззащитны — закрывавшую их хлипкую решетку было легко сломать.

Сердце бешено колотилось у Клары в груди. Собравшись с мужеством, она встала со стула и подошла к лестнице, с которой слезала начальница. На последней ступеньке та потеряла равновесие и чуть не упала. Клара вовремя поддержала ее.

— Вам помочь? — спросила она.

Начальница с облегчением вздохнула и поправила юбку. Ее лицо покраснело, а узловатые руки дрожали.

— Ах, спасибо, милочка! — воскликнула она. — Ненавижу лазить по лестницам.

Они вместе перенесли стремянку на новое место, чтобы Клара поменяла другую перегоревшую лампочку. Она взобралась наверх и ловко вкрутила новую. Затем они потащили стремянку дальше, к окну, у которого сидела Клара. Она набрала в грудь воздуха и снова стала карабкаться наверх, стараясь унять дрожь в коленях. Другого способа нет. Она должна выйти на свободу. Она должна найти Бруно и Беатрис. Она должна сделать решительный шаг прямо сейчас, пока не растеряла все свое мужество.

Клара потянулась за лампочкой, специально наклонившись слишком далеко, чтобы стремянка накренилась к окну. Притворившись, будто потеряла равновесие, она направила верхнюю ступеньку прямо на стекло. По комнате разлетелось множество стеклянных осколков и щепок. В последнюю секунду Клара отпустила стремянку и полетела на пол, с ужасным стуком ударившись о дерево. Стремянка обрушилась на шкаф, он покосился, и оттуда посыпались стопки сложенных белых рубашек и коричневых штанов. Верхняя полка сломалась пополам, а стремянка с оглушительным грохотом рухнула на пол.

— Господь всемогущий! — закричала начальница. — Милочка, ты не ушиблась?

Два санитары вбежали в швейную мастерскую. Они помогли Кларе подняться. Несколько пациенток испуганно смотрели на нее, другие пожимали плечами и перешептывались. Большинство смотрели на нее без всякого выражения на пастозных лицах. Клара с трудом поднялась на ноги, отряхнула платье.

— Не ушиблась, — заверила она, потирая локоть.

Она сильно ударила бедро, а плечо болело так, словно она его вывихнула, но она побоялась жаловаться, чтобы ее не отправили в больницу.

Взволнованная, раскрасневшаяся начальница велела всем приниматься за работу. Женщины разошлись по своим местам и снова начали шить; кто-то плакал, кто-то бормотал что-то себе под нос, кто-то перешептывался. У многих дрожали руки. Начальница, опираясь на

тросточку и тяжело дыша, словно это она упала со стремянки, отыскала метлу и подала ее Кларе.

— Простите, — сказала Клара, взяв метлу. — Я просто хотела помочь.

— Не переживай, милочка, — успокоила ее начальница. — Только подмети тут, а потом возьми стул и возвращайся к работе.

Она схватилась за трость обеими руками и, цокая языком, оглядела мастерскую:

— Наверное, надо пригласить кого-нибудь, чтобы они тут все починили.

— Когда? — встрепенулась Клара.

Начальница нахмурилась.

— Как можно быстрее, — сухо ответила она. — Но тебе-то какая разница, милочка?

На следующее утро после завтрака Клара, трепеща от волнения, побежала в швейную мастерскую. Она устремила взгляд на разбитое окно и сломанный шкаф, рассчитывая увидеть рядом с ними работающих мужчин. Но окно заделали досками, а шкаф куда-то унесли. Она горестно ссутулилась. Если плотники сюда и приходили, она опоздала. Клара прошла через комнату и села на свободный стул рядом с другими женщинами. На полу стояли корзины с простынями и ночными сорочками. Заливаясь слезами, она с трудом смогла вставить нитку в игольное ушко.

«Какая же я глупая, какая же я дура! — ругала она себя, от злости кусая губы. — Даже если бы плотники пришли, когда я была здесь, как я могла надеяться, что Бруно тоже будет с ними? Эстер права: доктор Роуч вполне мог его уволить, к тому же в больнице наверняка работает не одна бригада». Засохший тост и чернослив, которые она ела на завтрак, заворочались у нее в желудке, и Клару чуть не вырвало. Пациентка с пронзительным голосом фальшиво запела джазовую песенку «До свиданья, черный дрозд». Другая стала ей подпевать, помахивая в воздухе длинными бледными пальцами, словно дирижируя невидимым оркестром. Клара с трудом сдерживалась, ей хотелось крикнуть, чтобы они заткнулись. Но тут в комнату вошла начальница, и женщины сразу замолчали, что очень обрадовало Клару.

Она достала из корзины рваную сорочку, опустила голову и принялась за шитье, но нечаянно уколола иголкой палец. Девушка не обратила на это внимания и продолжила заделывать прореху на рукаве. Начальница проковыляла рядом с ней, стуча палкой по полу. На сорочке с желтыми пятнами, которую держала Клара расплылась красная клякса. Облизав с ранки кровь, Клара слезла со стула и, еле слышно выругавшись, запихнула сорочку в самый низ корзины, под одежду. Соседка неодобрительно взглянула на нее.

Вдруг Клара услышала в коридоре мужской голос и резко обернулась на него. Ее сердце учащенно забилося. В швейную мастерскую задом наперед вошел мужчина. Он сгорбился, так как нес что-то тяжелое. Свет лампы отражался от его лысой головы. Торс мужчины был крепким и коротким, как у гнома, но его руки и ноги были длинными и худыми. Комбинезон был покрыт мельчайшими деревянными опилками, словно желтой пылью. Шаркая ногами и поддерживая конец оконной рамы, он осторожно прошел в мастерскую, стараясь не поцарапать широкий дверной проем. Клара, затаив дыхание, наблюдала за тем, как из-за двери медленно выплывает другой конец рамы. Она так волновалась, что чуть не потеряла сознание.

Но ее ожидало разочарование. Второй рабочий оказался бледным долговязым парнем с короткими светлыми волосами. Клара замерла на стуле и заморгала, чтобы прогнать слезы. Мужчины пронесли раму мимо нее и прислонили к стене, рядом с заделанным окном.

— Когда вы почините шкаф? — спросила начальница лысого плотника.

— Уже починили, — ответил он и повернулся к двери.

Клара сглотнула и посмотрела туда же, куда и он. В двери показался третий работник: он, пятясь, поддерживал угол шкафа. У него были широкие плечи и коренастая фигура, а черные волосы аккуратно зачесаны назад. Клара ахнула, уронила сорочку и вскочила со стула. Казалось, прошла вечность, прежде чем плотники занесли шкаф в комнату и поставили его на пол. Она взглянула на мужчину, который поддерживал другой конец шкафа — у него были седые волосы и очки. Клара быстро перевела взгляд на первого плотника, мужчину с темными волосами. Ей показалось, что он невыносимо медленно повернулся, снял перчатки и огляделся по сторонам, словно

кого-то искал. Его волосы отросли с тех пор, как она видела его в последний раз, а над глазом появился свежий шрам, но она, конечно, сразу поняла, кто перед ней.

Это был Бруно.

— Бруно! — радостно закричала она срывающимся голосом и бросилась к нему.

Он широко распахнул глаза, удивленно раскрыл рот и, уронив перчатки, побежал к ней навстречу.

— А ну-ка стоп! — крикнула начальница. — Санитары!

— Не сопротивляйся, — предупредил Бруно.

Санитары вбежали в комнату, и Клара тут же остановилась, хотя ей безумно хотелось обнять Бруно. Но он прав: неприятности им не нужны. Бруно отступил назад и поднял руки, словно сдаваясь. Начальница гневно воззрилась на Клару.

— Как это понимать? — скривившись, спросила она, затем, прихрамывая, пересекла комнату и грубо схватила Клару за подбородок. — Ты вела себя непотребно! Вот посмотришь, что будет, когда доктор Роуч об этом узнает. Для таких, как ты, милочка, есть особая палата!

— Она моя жена! — громко крикнул Бруно.

Начальница разъяренно взглянула на него. Она отпустила Клару и смерила его взглядом, брезгливо поджав губы. Наконец начальница подняла трость и ткнула ею в сторону лысого мужчины.

— Что здесь происходит? — спросила она.

Тот покачал головой.

Старуха дернула головой, показывая на дверь.

— Отведите их к доктору Роучу, — приказала она санитарам.

Клара и Бруно сидели в разных концах кабинета, а за спинами у них маячили санитары. Доктор Роуч вальяжно развалился за столом. Медсестра Тренч стояла у него за спиной и с тревогой смотрела то на Клару, то на Бруно. Она прижимала к пышной груди медицинскую карту. На руке у нее, словно салфетка у официанта, висела смиренная рубашка. Вошла медсестра Мэй и подала доктору Роучу папку, затем с кротким видом встала у стола. Врач раскрыл папку, положил на бювар и стал просматривать документы, дергая

подбородком. Клара едва дышала, ожидая, что он скажет. Наконец он поднял на нее глаза.

— Боюсь, я не понимаю, что происходит, — произнес он. — Может, вы меня просветите, Клара?

— Это же Бруно! — воскликнула Клара. — А вы говорили, его не существует! Вы думали, я сумасшедшая. Он...

Вдруг слова стали комом в горле, и она, чуть не плача, посмотрела на Бруно. Как еще ему сказать?

— Он отец моего ребенка. Той девочки, которую вы у меня забрали.

Бруно замер. Его лицо стало малиново-красным. Он закрыл глаза и опустил голову, вцепившись в подлокотники стула. Было видно, как кровь пульсирует в жилах на его висках.

— Может, вы потрудитесь объяснить, почему в документах указано, что его зовут Джозеф Руссо, а вовсе не Бруно Моретти? — поинтересовался доктор Роуч.

Бруно поднял глаза и кашлянул. Его глаза увлажнились от слез.

— Джозефом звали моего отца. А Руссо — девичья фамилия матери.

— Почему же вы не назвали свое настоящее имя, когда устраивались на работу? — продолжил допрос доктор Роуч.

— Потому что Клара предупредила меня в письме, что врачи в клинике Лонг-Айленд обо мне знают, — ответил Бруно. — Ее отец приказал им помешать нам встретиться. Они перехватывали ее письма, чтобы я не узнал, где она находится. Я решил взять себе новое имя, потому что думал, что вам дали те же указания.

— Значит, вы нашли работу в Уилларде, чтобы общаться со своей подругой? — спросил доктор Роуч.

— Да, — ответил Бруно. — Сомневаюсь, что вы бы стали меня слушать, если бы я вошел в ваш кабинет и потребовал ее отпустить. Генри Картрайт — влиятельный человек. Мне известно, что ее удерживают здесь по его приказу. И, между прочим, Клара не моя подруга. Она моя жена.

— Генри Картрайт беспокоится о благополучии своей дочери, — заявил доктор Роуч. — Он отправил ее в Уиллард, потому что она нездорова.

— Бред! — вскричал Бруно. Вены выступили у него на лбу. — Он упрятал ее сюда, чтобы я ее не нашел. Она совершенно здорова!

— Не думаю, что вы достаточно квалифицированы, чтобы судить о ее состоянии, — холодно протянул доктор Роуч. — А я, напротив, имею соответствующее образование и опыт работы.

Он посмотрел на Клару.

— Почему же вы ни разу не упомянули о том, что замужем?

Клара взглянула на Бруно, не зная, что сказать. Но он буравил взглядом доктора Роуча, явно с трудом удерживаясь от желания броситься через стол и задушить его. Заметив растерянность Клары, он хмуро посмотрел на нее, словно предупреждая, чтобы она ничему не удивлялась. Бруно полез в задний карман и достал оттуда сложенный лист бумаги.

— Вот свидетельство о браке, — пояснил он, передавая листок доктору Роучу.

Медсестра Мэй обошла стол, взяла документ и положила его на раскрытую папку.

Доктор Роуч пробежал по нему взглядом.

— Как вы встретились? — спросил он.

— В «Коттон-клуб», — бросилась объяснять Клара. — Отец понятия не имел, что я часто ходила туда с подругами. Однажды вечером Бруно...

Доктор Роуч замахал рукой.

— Нет, нет! — фыркнул он. — Не надо больше никаких историй. Я хочу знать, как вы встретились здесь, в Уилларде. Наши правила запрещают пациентам общаться с наемными сотрудниками. Похоже, они были нарушены.

— Это не какая-то история! — запротестовала Клара. — Мы не...

— Клара работала в швейной мастерской, — напряженным голосом перебил Бруно.

Он подвинулся к краю сиденья, словно готовясь с него вскочить. Санитар схватил его за плечо, чтобы удержать. Бруно возмущенно взглянул на него и продолжил:

— Я помог донести туда шкаф. Тогда я впервые ее увидел, хотя разыскивал уже несколько месяцев.

— Значит, ваши отношения с Кларой начались до того, как она поступила к нам? — уточнил доктор Роуч.

— Конечно, — глядя ему в глаза, подтвердил Бруно. — Как сказала Клара, мы познакомились два года назад в «Коттон-клуб».

— Почему вы нам не верите? — воскликнула Клара. — Я всегда говорила, что отец отправил меня сюда, чтобы разлучить с любимым мужчиной. И вот он здесь, перед вами, а вы все равно меня не слушаете!

— Когда вы поступили к нам, у вас были галлюцинации, — сказал доктор Роуч. — Этот человек хочет воспользоваться вашим болезненным состоянием и выдает себя за другого мужчину.

— Неправда! — Клара стукнула кулаком по колену. — Как тогда вы объясните, что в свидетельстве о браке указаны наши имена?

Доктор Роуч зажег трубку, не спеша затянулся и снова посмотрел на свидетельство, выпустив облачко дыма.

— Это ничего не доказывает, — отрезал он. — Документ можно подделать.

— А как же Беатрис? — воскликнула Клара. От страха у нее сжалось сердце. — Если Бруно не ее отец, тогда кто?

Доктор Роуч покачал головой.

— Ну это мне неизвестно, — сказал он. — Но ваш отец жаловался, что перед поступлением в клинику вы, как бы это выразиться, вели себя несколько развязно. По его словам, это было так необычно для вас, что он начал подозревать, что с вами что-то не так.

Доктор Роуч кивнул медсестре Мэй, и та вышла из кабинета через дверь смотровой комнаты.

— Это ложь! — воскликнула Клара. — Родители отправили меня сюда, потому что я встречалась с Бруно! Как вы не понимаете! Это же так просто!

— Где наша дочь? — яростно и чеканя каждое слово спросил Бруно. — Я требую, чтобы вы отдали ее нам. — Он набрал полную грудь воздуха и долго не выдыхал, явно сдерживаясь из последних сил.

— Простите, — сухо обратился к Бруно доктор Роуч, — я понимаю, вы считаете, что помогаете Кларе, но она не способна выполнять материнские обязанности. Смею вас уверить, вашу дочь отдали в любящую семью, где о ней заботятся надлежащим образом.

В этот момент в кабинет вновь вошла медсестра Мэй. В руках у нее был шприц. Сердце громко забилося в груди у Клары. Бруно

настороженно взглянул на поднос, затем вскочил со стула, сжимая кулаки. Санитары схватили его за плечи.

— Это незаконно! — вне себя от бешенства зарычал Бруно. — Вы не можете держать здесь здоровых людей и делать с их детьми все что в голову взбредет!

— Отец Клары просил меня позаботиться о ней, — сказал доктор Роуч. — Я забочусь о ее благе.

— Я пойду в полицию! — бушевал Бруно. — Я скажу, что вы украли нашего ребенка! Я вернусь сюда с полицейскими и потребую, чтобы вы вернули малышку и отпустили Клару!

Доктор Роуч долго смотрел на Бруно, словно пытаясь разгадать, не блефует ли он. Бруно, тяжело дыша, с ненавистью разглядывал его.

— Где моя дочь? — повторил Бруно. Его глаза горели от ярости. — Если вы мне не скажете, я найду того, кто расскажет. Я добьюсь, чтобы вас арестовали!

На лбу у доктора Роуча выступил пот. Он положил трубку в пепельницу, переменял позу и написал что-то в папке Бруно.

Клара вскочила со стула.

— Почему вы так разнервничались? — спросила она. — Может, отец платит вам за то, что вы держите меня здесь? Это он приказал отнять у меня ребенка?

Санитары толкнули ее на стул.

Доктор Роуч, не обращая на нее внимания, повернулся к медсестре Тренч и вытянул руку. Она, закусив нижнюю губу, подала ему тетрадь, которую держала в руках. Он раскрыл ее, пролистал до конца и написал что-то на последней странице. Затем закрыл и сделал едва заметный жест, словно прогоняя муху. Санитары грубо усадили Бруно на стул. Он не поддавался и попытался встать. Бесполезно.

— Какого черта? — закричал Бруно. — Не трогайте меня! Вы не имеете права! Я не ваш пациент!

Доктор Роуч встал, взял со спинки стула свое пальто и продел руки в рукава. Потом он посмотрел на медсестру Тренч.

— Кларе я назначаю инсулинотерапию, — произнес он, застегивая пиджак.

Медсестра Тренч кивнула. Ее глаза заволокли слезы. Затем доктор Роуч с непроницаемым лицом взглянул на Бруно.

— А вам я рекомендую пройти осмотр, Джозеф. Или Бруно, или как вас там.

Бруно попытался встать. Сжимая кулаки и с ненавистью выплевывая слова, он проговорил:

— Вот, значит, как? Вы сами будете решать, кто сошел с ума, кто лжет или еще что-нибудь на ваше усмотрение? Вы просто запрете нас здесь, как в тюрьме?

— Я выполняю свою работу, — ответил доктор Роуч. — Я хочу помочь Кларе. И я помогу вам.

— Ни черта подобного! — проревел Бруно. — Чего вы испугались? Что вы скрываете?

Клара обмякла в кресле. Она почувствовала, что ее сейчас вырвет. Санитар схватил девушку и дернул вверх, поднимая на ноги. Бруно удалось вырваться. Он бросился к Кларе, схватил ее и потащил к двери.

— Хватайте их! — завопил доктор Роуч.

Санитар обхватил Клару за талию и понес назад, оторвав от земли. Она вонзила ногти в его руку, царапая кожу, но он этого словно не заметил. Клара, повиснув в воздухе, наблюдала за тем, как санитары повалили Бруно на пол. Доктор Роуч поспешил к ним со смирительной рубашкой, и санитары рывком подняли Бруно с земли. Он брыкался и извивался, но санитары высоко заломили ему руки. От боли Бруно согнулся вдвое, и его глаза полезли из орбит. Он поднял взгляд на Клару.

— Ничего, — сказал он полузадушенным голосом, — мы выберемся отсюда. Я найду способ.

Доктор Роуч вонзил шприц в его плечо и отступил назад, глядя на то, как санитары, толкая и пихая Бруно, надевают на него смирительную рубашку. Клара зажмурилась. Она не могла на это смотреть.

ГЛАВА 19

ИЗЗИ

Тюрьма Бедфорд

Октябрьский ветер трепал ей волосы, пока она стояла у железных ворот высотой с двухэтажный дом, разглядывая здание тюрьмы Бедфорд-Хиллс. Ожидая, когда охранник впустит ее внутрь, Иззи повернулась к ледяному ветру спиной и, дрожа всем телом, запахнула плотнее воротник куртки. За воротами она видела нагромождение кирпичных зданий с зарешеченными окнами и многочисленные трубы. Чем-то похоже на Уиллард, если не считать сторожевых вышек и железной проволоки над заборами.

Она посмотрела на парковку, которая находилась через дорогу: Пег сидела в машине на водительском сиденье и следила за ней через лобовое стекло. Она позвонила заранее, чтобы получить разрешение на визит, и предложила пойти вместе, но Иззи сказала, что хочет попрощаться с матерью наедине. От волнения у нее сводило желудок. Может, еще не поздно передумать? Но как только она решила, что все-таки попросит Пег ее проводить, из-за ворот показался охранник. Шаркая ботинками по асфальту, он со скучающим видом огляделся по сторонам.

— Пропуск? — потребовал он, подойдя к девушке.

— У меня нет, — сказала Иззи. — Я... м-м... Я никогда здесь раньше не была. Моя мать сейчас в больнице. Опекунша позвонила коменданту, и он разрешил мне приехать, чтобы ее повидать.

— Как тебя зовут?

— Изабелла Стоун, — ответила она.

— Стой здесь, — велел он.

Охранник открыл черный ящик на столбе рядом с воротами, набрал номер и вкратце описал ситуацию.

— Ага, — подтвердил он. — Иза... как там тебя зовут?

— Изабелла Стоун, — сказала она.

— Изабелла Стоун, — повторил охранник. — Ну да. Ладно.

Он повесил трубку и посмотрел на нее.

— Документы есть?

Она полезла в сумку и достала свидетельство о рождении и ученический билет. Он посмотрел на них, еще раз взглянул на нее, сверяя с фотографией, и открыл ворота.

— Возьми пропуск в администрации, — велел он.

Иzzi сунула документы в сумочку, оглянувшись через плечо, махнула Пег и вошла внутрь.

Охранник показал на кирпичное здание справа.

— Видишь синюю вывеску? На ней написано «Для посетителей»?

Иzzi кивнула.

— Иди по дорожке ко входу, потом нажмешь на кнопку и повторишь то, что ты мне сказала.

— Поняла, — ответила она и, наклонив голову, пошла навстречу ветру, придерживая полы платья.

Зачем она вообще его нацепила? Когда она была маленькой, мама шила ей платьица, завивала волосы и вплетала в них розовые ленты. Но в шесть лет Иззи взбунтовалась против рюшек и воланчиков. Ей хотелось носить футболки и джинсы, как все ее друзья. Тогда это казалось таким важным! Мама уступила, но Иззи помнит, как она погрустнела, потому что поняла: ее малышка уже выросла. Сейчас она почти никогда не носила платья. И сегодня зря надела. Ветер хлестал по голым ногам, а Иззи думала о том, что мама все равно не увидит, в чем она пришла.

С комком в горле, с трудом сдерживая слезы, Иззи нажала на звонок, и ее впустили внутрь. Администратор в окошечке, не поднимая глаз, протянула ей какие-то анкеты и велела их заполнить. Иззи прошла к стулу и села, стараясь не слишком заметно рассматривать детей, которые играли и читали за детскими столиками в центре комнаты. Там были школьники, малыши и младенцы, мальчики и девочки от десяти до двенадцати лет. Все они смеялись и улыбались, как будто играть в тюрьме — это вполне нормально и естественно.

Сначала Иззи недоумевала, спрашивая себя о том, как они здесь оказались. Потом поняла: дети пришли навестить своих матерей, которые сидят в тюрьме. Она закусил губу. «Интересно, хоть один ребенок из тех, что постарше, отказывался от свиданий с матерью? — подумала она. — Или они всегда приезжали их навестить, несмотря ни на что?» Она начала заполнять анкеты, а внутри тяжело ворочалось чувство вины.

Наконец появилась надзирательница, которая повела ее в больницу. Следуя за ней, Иззи прошла за железную дверь. Они оказались в коротком коридоре. Внутри пахло сыростью, железом, мочой и чем-то похожим на карри. Вдоль одной стены тянулись длинные зарешеченные окна. Напротив она увидела три открытых двери. Охранница остановилась и показала Иззи, чтобы она вошла в первую дверь. Она повиновалась. В комнате рядом с белым столиком стояла другая женщина.

— Я должна обыскать твою сумку, — объяснила она.

Иззи сняла ее с плеча и подала охраннице.

— Подними руки. Ноги на ширине плеч.

Иззи проглотила комок в горле и подняла руки. Тюремщица обыскала ее с ног до головы, пощупала даже между ног и под грудью. Когда обыск закончился, первая охранница отвела ее обратно в коридор. Они подошли к двери из железных прутьев. Иззи стояла за надзирательницей, ожидая, когда она ее откроет. Колени подгибались. В ушах отдавался стук сердца. Побывать в тюрьме само по себе неприятно, но чем ближе она подходила к палате, где лежала ее мать, тем сложнее становилось передвигать ноги.

Иззи последовала за надзирательницей по бетонному коридору. Решетки вокруг лампочек были похожи на миниатюрные клетки. Женщина открыла другую металлическую дверь, и они оказались в маленьком помещении. Охранница велела Иззи сесть и ждать, пока за ней придут. Она послушно села, подсунув под себя руки, и старалась глубоко дышать, чтобы успокоиться. Женщина ушла через другую дверь.

За стеклянной перегородкой сидела медсестра. Открытая дверь за ее спиной вела в какую-то комнату. «А может, все не так уж плохо?» — с надеждой подумала Иззи, смахивая слезы. Она чуть не закричала, вспомнив, как мама лежала на кровати в психиатрической лечебнице. Как же она выглядит сейчас, после десяти лет в тюрьме? Ее затошнило при мысли о том, что она вот-вот увидит ее неподвижное тело, ведь она лежит в коме. Страшные воспоминания о том, как они виделись с ней последний раз, несколько лет преследовали ее во сне. Какую душераздирающую картину увидит она сегодня?

В книге Стивена Кинга «Мертвая зона» рассказывается о человеке, который пять лет после автокатастрофы провел в коме.

Очнувшись, главный герой хватал за руку того, кто оказывался рядом, и не отпускал, пока не делал предсказание о его будущем. Прочитав этот роман, Иззи несколько недель мучилась от бессонницы. Ей казалось, что впасть в кому — худшее, что может случиться с человеком. А сейчас в коме лежит ее мать. Иззи раскаивалась в том, что ни разу не приехала к ней за все эти годы. Сердце рвалось на части оттого, что вскоре она останется сиротой, а еще ей было страшно увидеть мать, опутанную проводами аппаратов жизнеобеспечения. Ей хотелось кричать от ужаса, но она должна попросить у нее прощения и проводить в последний путь. Она должна сказать матери, что всегда ее любила. Она обязана это сделать.

Одна из дверей приоткрылась. Иззи от неожиданности подскочила. Надзирательница окликнула ее по имени и распахнула дверь. Иззи пошла за ней и остановилась в холле, до боли сжав кулаки. Темноволосая медсестра в униформе, скрипя подошвами по кафельному полу, повела ее по длинному зеленому коридору. Остановившись у двустворчатой двери, она, к удивлению Иззи, вдруг улыбнулась:

— Ты как, нормально? — спросила она.

Иззи судорожно кивнула.

— Имей в виду, — продолжила медсестра, — мы редко пускаем членов семьи в санчасть. Больных в тяжелом состоянии, как твоя мать, мы отправляем в обычную больницу. Но, если честно, мы сомневаемся, что она выдержит такое путешествие. Твоя опекунша умоляла никуда ее не увозить, пока ты не придешь с ней попрощаться. У тебя есть несколько минут.

Иззи наклонила голову и хотела ее поблагодарить, но во рту вдруг пересохло.

— Не волнуйся, — успокоила ее медсестра, положив руку на плечо. — Твоя мать все равно что спит.

Она открыла дверь и провела Иззи внутрь.

В просторном помещении с белыми стенами стояла дюжина кроватей. На каждой из них лежала женщина. Кто-то из больных дремал, кто-то болтал с соседкой, кто-то читал. За столиком у двери сидела надзирательница. Когда они вошли, все с удивлением и растерянностью посмотрели на них. Медсестра подвела Иззи к первой пациентке, задернула шторку, отгораживающую их от других

пациентов, принесла металлический стул и взялась за поручень кровати.

— Джойс, к тебе дочь пришла, — сказала она лежащей на кровати женщине.

У Иззи сжалось сердце, но она постаралась взять себя в руки. Она с трудом дышала, потому что легкие обжигало огнем, казалось, что она вот-вот не выдержит и упадет бездыханной на пол. Иззи приблизилась к кровати, прижимая пальцы к дрожащим губам, и посмотрела на лежащую женщину.

Когда она увидела знакомые черты: высокие скулы, прямой нос, шрам над правой бровью (он остался после того, как она упала на обледеневшей дорожке), у девушки перехватило дыхание. Вокруг глаз у мамы появились морщинки, а в темных волосах — седина, но в остальном, если не считать трубки во рту, она ни капли не изменилась. В детстве мама казалась ей невероятной красавицей. С годами она стала понимать, что каждая девочка считает свою маму самой красивой, а образ, который она хранила в памяти, возможно, идеализировался со временем. Но нет, это правда. Ее мать была очень красива. Она уронила сумку на стул и подошла ближе.

— Может, она все-таки очнется? — спросила она медсестру. — Неужели нет ни одного шанса?

Та покачала головой.

— Нет, солнышко. Когда мы ее нашли, уже было ничего не исправить.

Она обошла кровать и положила ей руку на плечо.

— Мне жаль, милая. Что я могу для тебя сделать? Принести воды или, может, содовой?

— Нет, — с трудом проговорила Иззи. — Спасибо. Я бы хотела несколько минут побыть с...

— Ты правда хорошо себя чувствуешь? Ты так побледнела...

Иззи кивнула. Медсестра потрепала ее по плечу.

— Ну хорошо, — сказала она. — Тогда я оставлю вас ненадолго. Она дернула подбородком, показывая на надзирательницу за столиком: — Только не делай глупостей, ладно?

Иззи попыталась улыбнуться. Медсестра наконец ушла. Не зная, с чего начать, Иззи схватилась за спинку кровати, чтобы не упасть. К металлическому подножию была прикручена тяжелая цепь, которая

лежала под одеялом рядом с ногой матери. «Господи, какой абсурд: приковывать к кровати человека в коме!» Никуда она не уйдет, если только не случится чудо. Мать казалась неподвижной, как камень. Бледные руки, ладонями вниз, покоились по бокам, тонкие длинные пальцы цвета слоновой кости выделялись на фоне синего одеяла. Бабушка всегда говорила, что у нее руки, как у пианистки. Иззи хотела дотронуться до нее, но не решалась. Во-первых, она не знала, разрешено ли это в тюрьме, а во-вторых, ей было страшно. Стыдно в этом признаваться, но это так: она не хотела трогать человека в коме, даже если это была ее мать. У нее подгибались ноги, совсем как тогда, когда они разбирали вещи умерших пациентов в Уилларде.

Иззи вытерла щеки и набрала в грудь воздуха.

— Прости меня, — наконец решилась она. — Как мне жаль, что я не читала твои письма. Я сделала это слишком поздно.

Она с трудом подавила рыдания. Ей хотелось завывать в голос или с размаху что-нибудь ударить. Она была в бешенстве оттого, что все так глупо, по-дурацки вышло. Ну почему, почему? В голове промелькнула мысль о том, что другие пациентки, возможно, все слышат. Ну и плевать.

— Мамочка, пожалуйста, прости меня за то, что я к тебе не приходила. Я была такой глупой и упрямой. Просто мне было страшно. Я думала, ты больна. Я забыла все, что делал папа. Теперь я знаю правду. Ты пожертвовала собой ради меня.

Она опустила голову, провела рукавом по лицу, чтобы вытереть нос.

— Я хочу, чтобы ты знала: я всегда, всегда тебя любила.

«Все, хватит!» Иззи рухнула на стул, содрогааясь всем телом. Ну что ей стоило чуть раньше прочитать письма, которые отправляла ей мать? Почему она не приезжала ее навестить? Если бы она это сделала, она бы сразу поняла, что мама не сумасшедшая. Все эти годы ей так не хватало человека, который любил бы ее, с которым можно было бы откровенно поговорить, пусть хоть через решетку! А ведь мама всегда была рядом. Лишь однажды Иззи спросила у бабушки о том, что произошло в тот злосчастный день. Та сразу расплакалась. Иззи тогда было всего семь лет, но она понимала, что, кроме бабушки, у нее никого не осталось, и, чтобы ее не расстраивать, больше никогда не заговаривала об этом. Через три года бабушка умерла.

Иззи подумала о дочери Клары. Если она выжила, то всю жизнь, должно быть, мучилась от подобных мыслей, ведь она считала, что ее мать поместили в психбольницу, потому что она сошла с ума. Иззи встала со стула. Если дочь Клары жива, она должна узнать правду. Пусть прочитает дневник матери. В эту минуту Иззи пообещала себе, что непременно выяснит, как сложилась судьба дочери Клары, и докажет ей, что ее мать была здорова.

А теперь она должна попроситься к родной материю. Как же ей хотелось, чтобы она обвила ее руками и прижала к себе, а потом сказала, что любит ее больше всех на свете! Но это невозможно. Иззи бросила взгляд на надзирательницу: смотрит ли она? Но та читала журнал, откинувшись на спинку стула. Иззи глубоко вдохнула воздух, поцеловала пальцы и прижала их к щеке матери.

— Обещаю, у меня все будет хорошо, — сказала она. — Я сильная. Рядом со мной есть люди, которые заботятся обо мне. Мамочка, я тебя люблю. Всегда любила тебя и всегда буду любить. Мне жаль, что я не сказала тебе этого раньше.

Иззи подумала о том, что она могла бы еще что-нибудь добавить, но у нее было такое чувство, будто внутренности разбухают в животе, им не хватает места и она в любую секунду может взорваться, как раскаленный бойлер.

Тут в палату вошла медсестра. Она покачала пальцем, намекая, что пора заканчивать.

Вот и все...

— Прощай, мамочка.

ГЛАВА 20

КЛАРА

Уиллард.

День святого Валентина, 1932 год

С потолка в Хейдли-Холле свисали белые гирлянды и красные бумажные сердца, которые едва заметно закручивались оттого, что под ними, шаркая ногами, покачивались в танце пациенты. В комнате раздавались последние скрипучие звуки песни «Совсем один». Медсестра Мэй стояла у фонографа, раскачиваясь в такт музыки, тихо подпевая и не спуская бдительного взгляда с танцующих пар. Наблюдали за ними и несколько десятков пациентов. Одни сидели на деревянных стульях со столиками, к которым были привязаны, другие, обмякнув, полулежали в инвалидных креслах, третьи опирались на трости и костыли. Медсестра Тренч расхаживала между танцующими и следила за тем, чтобы они не слишком сильно прижимались друг к другу. По периметру комнаты, возле окон и дверей, на складных стульях сидели санитары, готовые вмешаться, если кто-то перейдет границы дозволенного. Все они — больные, санитары, медсестры — украсили себя красными бумажными бутоньерками, которые изготовили сами пациенты.

Клара сидела на скамье у подножия сцены и постоянно бросала взгляды на дверь, молясь о том, чтобы среди новой партии пациентов, приведенных на праздник, оказался Бруно. С тех пор как она получила кое-какие привилегии — теперь она могла заниматься рукоделием и посещать концерты и кинопоказы в Хейдли-Холле, прошел месяц, но она впервые попала на мероприятие, в котором принимали участие мужчины и женщины, которые лечились в Уилларде. Понимая, как призрачны шансы, она все-таки надеялась, что снова увидит Бруно. Ей хотелось верить, что он сделал над собой усилие и стал покорно выполнять все приказы, чтобы заслужить жалкие крохи свободы, дозволенные пациентам Уилларда. Если этого не произошло, надежды на то, что они встретятся и сбегут вместе, почти не осталось.

Последние десять месяцев она, как за спасательный круг, цеплялась за мысль о том, что Бруно где-то рядом, в Уилларде. Если

бы не это, она бы точно сошла с ума. Вероятно, его отправили работать на железнодорожную станцию, в кузню, в сад или на сенокос, в конюшню или на маслобойню, или в одну из мастерских, где делали обувь, щетки или мыло. Лучше всего, если он работает на свежем воздухе. Если ее снова отправят чистить картошку на кухню, они могли бы встретиться у компостной кучи. Он бы открыл ворота, и они бы убежали в лес и спрятались там.

Каждый раз, когда их выводили на прогулку, когда она шла в туалет, в столовую, в швейную мастерскую или когда у нее была возможность выглянуть в окно, — она искала его. Завидев пациентов на берегу озера, тех, что работали у причала или выгружали вагоны, она внимательно разглядывала мужчин, надеясь, что у одного из них будет знакомая походка и темные волосы, как у Бруно. До сих пор ей ни разу не довелось его заметить, но она верила, что когда-нибудь это случится. Иначе зачем ей жить дальше?

Она уже давно оставила надежду на то, что отец прикажет ее освободить. Семь месяцев назад доктор Роуч ясно дал понять, что они с ним солидарны в том, что Кларе не место в обществе нормальных людей. После этого он ни разу не вызывал ее на прием. Тем не менее она отказывалась верить, что до самой смерти будет сидеть в Уилларде, день за днем коротать время среди душевнобольных, которых, впрочем, было довольно мало по сравнению с количеством ненужных жен, матерей, сестер и дочерей, от которых хотели избавиться родственники. Бруно сказал, что найдет способ выбраться отсюда, и она ему верила. Что еще ей оставалось? Другого выбора не было. И все же порой ей хотелось сдаться и уступить. Она была бы даже рада сойти с ума и рухнуть в пучину безумства, чтобы больше ничего не чувствовать. Но она не имела права так поступить. Она обязана сохранить ясный разум — ради Бруно и Беатрис.

Клара содрогнулась, подумав о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы Бруно не получил ее письма и не бросился ей на выручку. Она бы точно сошла с ума. С одной стороны, она была ему безумно благодарна. С другой стороны, ее мучило невыносимое чувство вины из-за того, что по ее милости он оказался в больнице для умалишенных. Стоило ей подумать о том, что с ним произошло что-то плохое — а вдруг он умер от туберкулеза или его заковали в цепи в

изоляторе? — как в груди становилось пусто и холодно, словно кто-то выкачал из нее последние жизненные силы.

Она понятия не имела, что случилось с Бруно в тот ужасный день, когда их увели из кабинета доктора Роуча, но надеялась, что с ним обошлись не так жестоко, как с ней. Ее же посадили в особую палату и каждый день в течение двух месяцев кололи инсулин, после чего она впала в кому. Она помнила, как сначала страшно потела, подергивалась и стонала. Изо рта у нее текла слюна. Наконец она потеряла сознание. Но медсестры вывели ее из комы с помощью внутривенного введения глюкозы. Затем ее заставляли играть в настольные игры и разглядывать карты, чтобы предотвратить гипогликемический шок, а спустя два месяца отправили в больницу на поправку.

Через три недели Клара вернулась в швейную мастерскую. Ее зрение ухудшилось, мысли разбегались, она не могла сосредоточиться. Медсестра посоветовала ей тренировать мозг, чтобы избавиться от последствий инсулина, и Клара начала петь про себя детские песни, надеясь, что разум прояснится.

Она наблюдала за тем, как Эстер вальсирует с грузным мужчиной в брюках с высокой талией и на подтяжках. Оба смотрели вниз, на свои ноги. Эстер была одета в цветастое домашнее платье. Похоже, это она вела партнера в танце. Восемь месяцев назад доктор Роуч постановил, что ее удалось излечить от «агрессивности», и она получила некоторые поблажки. Эстер рассказывала, что во время концертов и кинопоказов мужчины и женщины сидят в разных концах зала, поэтому Клара была поражена, узнав, что по праздникам им разрешено танцевать вместе.

В дальнем углу, рядом со столом с прохладительными напитками, стояла Мадлен. Она потянулась к чаше с пуншем, но медсестра хлопнула ее по руке. Эстер поведала, что двоюродный дедушка Мадлен предложил ее забрать, и пока Клару «лечили» инсулином, ее подругу выпустили из Уилларда. Но несколько недель спустя она вернулась обратно, не помня ни своего имени, ни адреса. Она перестала разговаривать и тосковать по умершим детям. Хромой пациент подошел к ней и потянул на танцпол. Мадлен обняла его за плечи и прижалась всем телом, уткнувшись лицом в шею мужчины. Медсестра Тренч быстро подбежала к ним, чтобы развести в разные стороны.

Раздались звуки новой песни — «Голубые небеса» в исполнении Джин Остин. Клара вонзила ногти в деревянную скамейку. «Какие еще небеса? — подумала она. — Я все равно что в аду». Конечно, она была рада любым послаблениям, лишь бы не сидеть в палате, где ей кололи инсулин. Но ей впервые пришлось побывать на подобной вечеринке, и она вызывала у нее ужас. Когда Клара смотрела, как пациенты Уилларда танцуют и веселятся, будто нормальные люди, которые надеются найти любовь и счастье, ей хотелось с криками выбежать за дверь.

Кто-то из них улыбался и танцевал, но на каждого «нормального» приходилось два человека с тупыми, ничего не выражающими лицами. Некоторые из них, не способные двигаться в такт музыке, дергались и подпрыгивали. Пациентов в инвалидных колясках было в три раза больше, чем тех, кто пришел своими ногами. Большинство озирались по сторонам, раскрыв рты и пуская слюни. Одни прижимали к груди скрюченные руки, у других они были безвольно опущены вдоль тела. Вот так обошлась с ними жизнь. И ее жизнь не пощадила. Разве этого мало, чтобы сойти с ума?

Она хотела подойти к столу с напитками, но кто-то дотронулся до ее плеча. Она замерла. Этот человек уже два раза приглашал ее танцевать, а теперь решился на третий. Клара с улыбкой повернулась, чтобы вновь ответить отказом. Но слова застряли у нее в горле.

На нее смотрел мужчина с густыми усами и темной бородой. На висках виднелись седые пряди. Нос у него был немного кривой, словно его несколько раз ломали. Он был похож на буйного и косматого пещерного человека. Клара даже испугалась. Он протянул ей руку, а она вскочила и отошла от него. Тогда он заговорил:

— Привет, белла Клара, — низким голосом и с легким акцентом сказал он.

Она тут же повернулась к нему, закусив губу, чтобы не расплакаться, и бросилась к Бруно, чтобы его обнять.

— Не надо, — предупредил он. — Они сразу подбегут, чтобы выяснить, что случилось.

Она опустила руки, стараясь дышать размеренно, и огляделась по сторонам, чтобы проверить, не смотрит ли на них кто. Медсестра Тренч с покрасневшим от натуги лицом разводила по сторонам двух женщин, которые хотели потанцевать вместе. Медсестра Мэй

рассматривала граммофонные пластинки, раздумывая, какую песню выбрать. Она вынула из бумажного конверта черный диск, положила его на фонограф и поставила на край пластинки иглу. Зазвучал голос Этель Уотерс, которая исполняла песню «Разве мне грустно?». Сердце Клары билось так быстро, что она едва могла говорить.

— А если они тебя узнают? — вымолвила она.

— Не узнают, — ответил он. — Я все время сидел здесь напротив тебя.

— Точно? Ты уверен? — спросила Клара.

— Да, — кивнул он и взял ее за руку. — Я подождал немного, прежде чем идти к тебе, чтобы это не выглядело подозрительно. Если вести себя тихо, никому нет до тебя дела.

Он провел ее в центр комнаты и, встав на дозволенном расстоянии, положил ей руку на талию. Его горячие, как раскаленный утюг, пальцы прижимались к ее бокам. Она наслаждалась теплом его тела, ведь она так долго мерзла и страдала от одиночества, что даже ее кости, казалось, обледенели. Она подняла на него глаза и улыбнулась дрожащими губами.

— Я тебя искала, — сказала она, моргая, чтобы прогнать слезы. — Каждый день. — Она вглядывалась в его лицо, любуясь темными, как каштаны, глазами и длинными черными ресницами.

Он обернулся через плечо, чтобы проверить, чем занимаются медсестры и санитары. Клара оторвала от него взгляд и стала смотреть по сторонам: на стены, на других пациентов, на санитаров. Все расплывалось перед ее глазами.

— Прости, — сказала она, — просто...

— Я знаю. — Он крепче сжал ее руку. — Я тоже ужасно рад тебя видеть.

— Что с тобой случилось? — спросила она. — После того, как тебя увели из кабинета доктора Роуча?

— Я три месяца просидел в изоляторе, — ответил он.

— Господи! — вырвалось у нее. Она опустила голову. — Какой ужас...

— Ерунда, — сказал он. — Главное, что мы с тобой вместе. Ты и я. Нам нужно выбраться отсюда.

— Когда? — спросила она, поднимая на него глаза.

Она не могла противиться желанию посмотреть на него. Вдруг у нее закружилась голова.

— Скоро, — ответил он и украдкой стиснул ее талию, словно почувствовав тревогу Клары. — Успокойся и слушай меня. Я работаю вместе с могильщиком, делаю гробы и таблички. У нас есть доступ к туннелю под Чапин-Холлом. На складе рядом с моргом хранятся гробы. Тебе нужно как-то туда пробраться. Там есть указатель...

— Как же мне это сделать? — спросила она. Паника сдавила ей горло.

— Не знаю, — бросил он. — Слушай дальше. Давай я сначала все тебе расскажу. Затем мы обсудим, как ты будешь действовать. Когда окажешься в туннеле, иди по указателю в морг. Склад находится в помещении напротив. Спрячься в один из гробов. Мы с Лоуренсом тебя вынесем.

— Лоуренс — это могильщик?

— Да.

Они продолжали кружиться в танце, и от мелькания лиц за спиной Бруно ей стало дурно.

— Он нас не выдаст? — спросила она, крепче хватая его за плечо.

— Нет, — заверил он.

В эту секунду, тяжело топая и сурово поджав накрашенные губы, к ним направилась медсестра Тренч. Клара опустила подбородок, испугавшись, что может выдать себя неосторожным взглядом. На лбу у нее выступил пот, а колени стали ходить ходуном и подгибаться. Медсестра смерила взглядом расстояние между ними и положила толстые, как бревно, руки им на плечи, чтобы развести в разные стороны.

— Слишком близко! — объявила она.

Медсестра Тренч повернулась к следующей паре, и Клара вздохнула с облегчением. Но вдруг женщина остановилась и замерла на месте. Затем, обернувшись, она стала быстро переводить взгляд с Клары на Бруно и обратно. Казалось, это длилось вечность. Клара обмякла от ужаса: медсестра наверняка узнала Бруно! Все потемнело у нее перед глазами. Но, собравшись с силами, она все-таки заставила себя посмотреть на медсестру.

— С Днем святого Валентина! — сказала она, растягивая рот в улыбке. — Спасибо вам. Вы устроили чудесный праздник!

Медсестра Тренч, нахмурившись, внимательно разглядывала Бруно. Он же покачивался в танце и без выражения, словно в трансе, смотрел на бумажное сердечко над головой Клары.

— Хм, — фыркнула медсестра, надув красные губы.

Потом она сдержанно взглянула на Клару, кивнула и пошла дальше.

— Осторожнее! — бросила она напоследок.

Клара судорожно выдохнула и едва не рухнула на колени.

— Что с тобой? — спросил Бруно.

— Она тебя узнала! — прошептала она вне себя от волнения.

Бруно покачал головой.

— Она бы сразу позвала санитаров.

Клара старалась дышать спокойно, наблюдая за медсестрой Тренч, которая остановилась у другой пары.

— Не знаю... — ответила она. — Похоже, она предупредила нас, чтобы мы вели себя осторожнее.

— Она имела в виду, чтобы мы не забывались в танце, — возразил Бруно. — Так вот. Слушай. Я должен рассказать тебе план.

Клара набрала в грудь воздуха и медленно выдохнула. А может, Бруно прав? Медсестра Тренч позвала бы санитаров или отвела их с Бруно к доктору Роучу. А она как ни в чем не бывало продолжила проверять расстояние между танцующими парами.

— Ладно, — сказала Клара. Ее по-прежнему трясло, как в лихорадке. — Я тебя слушаю.

— Лоуренс живет в старом сарае на краю кедровой рощи.

Она кивнула.

— Да, я его видела, — подтвердила она.

— Мы спрячемся там до наступления темноты, а потом проберемся к озеру, где нас будет ждать лодка.

— Лодка?

— Да. Несколько лет назад Лоуренс нашел в роще старую лодку. Она наполовину сгнила, и ее засыпало сосновыми иголками и листьями. Но мне удалось залатать корпус и сделать пару весел из того дерева, которое идет на гробы.

— А это не опасно?

— Скоро узнаем.

Клара кивнула. Но вспомнив, что сейчас еще только февраль, почувствовала, как у нее упало сердце. Озеро замерзло. Им придется ждать до весны. А ей так не терпелось воплотить план Бруно в жизнь. Она не могла ждать так долго. Какая мука — остаться в Уилларде еще хотя бы на один день, не говоря уже о двух месяцах. Если бы она могла, она бы бежала отсюда сию же минуту. Но им с Бруно придется считать дни до весны, когда лед на озере растает... Боже! Она точно сойдет с ума от ожидания и волнений. А если случится что-то плохое? Если один из них заболеет или попадет в изолятор? Что тогда?

— Когда же? — затаив дыхание, спросила она.

— Скоро, — ответил он.

— Но ведь озеро замерзло!

— Лед сейчас тонкий, — сказал Бруно. — Последние две недели стояла на редкость теплая погода. Мы разобьем лед.

Все переворачивалось у нее внутри. Клара сделала глубокий вдох, подняла подбородок и немного приосанилась. У них появилась надежда. Наконец-то! Может быть, они получат свободу, поженятся и найдут Беатрис! Но сначала нужно придумать, как забраться в туннели под больницей. На первый взгляд это казалось почти невозможно, потому что днем ей никогда не приходилось бывать рядом с Чапин-Холлом. И вдруг ее осенило.

— Завтра, — сказала она. — Мы должны сделать это завтра.

Бруно удивленно приподнял брови.

— Почему? — спросил он.

— Так надо. Просто поверь, ладно?

— Что ты собираешься сделать? — спросил он.

— Я притворюсь больной, чтобы меня перевели в больницу, — сказала она. — А вечером проберусь в туннель. Ты можешь попасть туда в воскресенье?

— Да, — ответил он. — По воскресеньям Лоуренс тоже хоронит пациентов. Более того, как раз завтра мы должны похоронить одну женщину.

— Хорошо, — кивнула она. — Значит, завтра.

Песня закончилась. Медсестра Мэй поставила новую пластинку. Гертруда Лоуренс запела «Тот, кто позаботится обо мне», и у Клары болезненно сжалось горло — эта песня звучала, когда они с Бруно познакомились в «Коттон-клуб». Теперь они снова танцевали под эту

песню, только в клинике для душевнобольных. Когда она думала об этом, у нее подкашивались ноги.

В воскресенье Клара вместе с Эстер и Мадлен плела корзинки в комнате отдыха, а потом попросила у медсестер разрешения вернуться в палату. Она пожаловалась, на боль в животе и сказала, что хотела бы прилечь. Медсестра равнодушно велела санитару отвести ее в палату. Клара оглянулась через плечо на подруг, и у нее защемило сердце. Они сидели рядом на скамье и работали, опустив головы. Клара решила не рассказывать им о плане побега, чтобы их не наказали за доноительство. К тому же это слишком рискованно. Кто знает, как они поступят, если им пригрозят камерой-одиночкой, искусственной комой или изолятором. Она не стала прощаться, лишь произнесла про себя короткую молитву, надеясь, что Эстер и Мадлен тоже когда-нибудь выберутся из Уилларда.

Через полчаса, когда медсестры должны были привести всех пациентов в палату, Клара достала из трусиков пропитанную кровью пеленку и провела ею по простыням и по внутренней стороне бедер. Она не меняла прокладку целый день и, поскольку это был второй день месячных, крови было очень много. С трудом сохраняя спокойствие, она легла на кровать и свернулась клубочком. Когда послышался лязг открываемого замка, она застонала и заплакала, обхватив себя за живот. Женщины, войдя в палату, сгрудились вокруг ее кровати. Они разглядывали ее и перешептывались, покачиваясь взад-вперед. Одна из них погладила Клару по голове, нежно убрав волосы от лица. Медсестра приказала пациенткам разойтись по своим местам.

— Что с тобой? — спросила она.

Клара скорчила гримасу и поджала под себя ноги.

— Не знаю, — сдавленным голосом проговорила она.

— Повернись, дай посмотреть, — велела медсестра.

Клара со стоном перевернулась на бок, подогнув колени и зажмурив глаза. Медсестра отвела ее руку в сторону и пощупала живот. Клара завопила и перевернулась, задержав дыхание, чтобы у нее покраснело лицо.

— Прикатите инвалидное кресло, — обратилась медсестра к своим коллегам. — Надо отвезти ее в больницу.

Двадцать минут спустя Клара лежала на смотровом столе, а доктор Слейд, наморщив лоб, пальпировал ее живот. Медсестра помогла Кларе привести себя в порядок, выдала ей новую пеленку и чистую сорочку, и теперь без особого интереса наблюдала за ними.

— Ничего особенного не чувствую, — наконец, сказал доктор Слейд. — Можешь показать, где у тебя болит?

— Здесь, — ответила Клара и показала в область таза.

— Болит сильнее, чем обычно при месячных?

— Да, — подтвердила она. — Но мне уже лучше.

— Пошлите за доктором Кинг, — велел он медсестре. — Пусть проведет гинекологический осмотр.

Клара покачала головой и резко села.

— Все нормально, — заявила она. — Мне просто нужно немного пройтись.

Она соскользнула со смотрового стола и тут же сложилась вдвое, прижав руку к низу живота.

— Что ты делаешь? — возмутился доктор Слейд. — Разве я разрешил тебе встать?

— Мне лучше, когда я двигаюсь, — объяснила она.

Доктор Слейд недовольно взглянул на нее поверх очков.

— Хочешь сказать, ты устроила такой переполох из-за того, что у тебя газы скопились?

Клара пожала плечами.

— Я ничего не знаю, — сказала она. — Вы же доктор, а не я. — Скривившись, она схватилась за живот. — Ну вот, опять!

— Ляг. Посмотрим, что будет дальше. — Он хмуро посмотрел на медсестру. — Я не собираюсь назначать ей анализы или рентген из-за того, что у нее газы или болезненные месячные.

— Прошу вас, — не выдержала Клара, — можно мне немного прогуляться? Если это не поможет, я сделаю все так, как вы скажете.

Доктор Слейд смерил ее взглядом, затем покачал головой и раздраженно махнул в сторону коридора.

— Проводите ее до конца коридора и обратно, — приказал он медсестре.

Клара вышла за медсестрой из смотровой комнаты. Сердце бешено билось в груди. Она огляделась по сторонам, ожидая увидеть лестницу, которая ведет в подвал. В глубине души она понимала, что

пробраться туда будет непросто, но все-таки надеялась, что в этот раз — хотя бы один раз! — ей повезет. В обоих концах коридора начинались другие коридоры, ведущие налево и направо. Она разволновалась еще больше. Клара, шаркая ногами, плелась вдоль стены за медсестрой, одну руку прижимая к животу, а второй хватаясь за перила. Что делать? Удастся ли ей найти лестницу или придется подождать, пока ее отведут в больницу? Если не получится пробраться в туннель, нужно будет каким-то образом улизнуть из палаты. Но как? Это практически невозможно!

Когда они дошли до конца коридора, медсестра развернулась и пошла обратно, к кабинету доктора Слейда. Клара остановилась, крепче сжала перила и заглянула в коридор слева. В широком проходе сидели пациенты, пристегнутые к стульям кожаными ремнями. Некоторые плакали или стонали, другие без выражения смотрели перед собой. Коридор справа был почти пустым, если не считать инвалидного кресла и металлической тележки, на которой стояли стеклянные пузырьки из-под лекарств. В конце коридора она увидела открытый служебный лифт, а рядом с ним — двустворчатые двери. Над ними висела зеленая табличка с надписью «Подвал». У Клары на лбу выступил пот. Она повернула направо, к лестнице.

— Ты куда собралась? — удивилась медсестра. — А ну-ка назад!

Клара продолжала идти вперед, с трудом подавив желание броситься туда со всех ног.

— Можно я еще чуть-чуть пройду? — попросила она. — Мне от этого легче.

— Делай, что я сказала! — крикнула медсестра. — Доктор Слейд ждет!

Клара, словно не слыша, шла вперед. Медсестра вздохнула и поспешила за ней, скрипя подошвами. Клара оглянулась на нее через плечо.

— Хотя бы до конца коридора, — жалобно сказала она. — А потом обратно.

Медсестра с раздраженным видом зашагала рядом с ней, размахивая руками. Клара пошла медленнее, стараясь дышать спокойно. Все получится. Должно получиться. Когда они повернули к двери, Клара упала на пол, конвульсивно дергая руками и ногами. Она

закатила глаза и высунула язык, всем телом сотрясаясь на кафельном полу.

Медсестра резко повернулась и ахнула, вытаращив глаза. Она опустилась на колени и положила руки на плечи Кларе, которая продолжала трепыхаться на полу, притворяясь, что задыхается. Медсестра побежала за помощью. Как только она исчезла из виду, Клара вскочила, бросилась за дверь и стрелой помчалась по лестнице к подвалу под Чапин-Холлом.

Она остановилась внизу лестницы, пытаясь определить, в какую сторону повернуть. Длинные туннели с голыми стенами расходились в разных направлениях: налево, направо, прямо. Внизу пахло, как в пещере, плесенью и сырым камнем. Под потолком были протянуты тонкие и толстые трубы, а зарешеченные лампы отбрасывали слабый мерцающий свет. Тускло-желтые лампочки были покрыты грязью и засохшей паутиной. Каждые десять футов коридор разделяла массивная арка вроде тех, что украшали галереи в средневековых крепостях.

Клара слышала за спиной крики. Заработал грузовой лифт — заскрежетали цепи, и звук эхом отдавался в проржавленной шахте. Она кинулась к моргу, радуясь, что подвал похож на гигантский лабиринт. Преследователям придется поломать голову над тем, куда она побежала. Клара молилась о том, чтобы ни на кого не наткнуться — хоть бы ей повезло, ведь сегодня воскресенье!

Стук ее жестких подошв по каменному полу гулко отдавался в пустом туннеле. Она остановилась, сбросила туфли и вдруг замерла — впереди кто-то разговаривал. До нее донесся мужской голос, а потом послышались чьи-то стоны и плач. Она осторожно двинулась вперед, прижимаясь к стене, готовая чуть что повернуться и бежать обратно. Но когда она прислушалась, стало ясно, что чей-то голос повторяет одну и ту же фразу. Она уловила лязг металлической цепи которую протащили по полу. Впереди, у противоположной стены, находилась дверь с толстой металлической решеткой. Ручка двери была обмотана цепью, на которой висел замок. Прижимая туфли к груди, Клара перешла коридор и приблизилась к решетке.

Когда она оказалась рядом, в ноздри ей ударила страшная вонь — смесь запаха мочи и фекалий. Клара зажала нос и заглянула за край зарешеченной двери. Сердце громко стучало у нее в груди. Помещение

с каменными стенами было уставлено клетками, в которых сидели пациенты — голые или в грязных больничных халатах. Они были прикованы к стене. Кто-то сидел на кровати, кто-то лежал на полу. Клара чуть не закричала. Ее глаза загорелись от гнева. Почему их держат в клетках, в подвале? Пациентам в Уилларде и так живется не сладко, а этим беднягам приходится еще хуже! Какая дикость! Как врачам сходит это с рук? Она поклялась себе, что когда выберется из Уилларда, то сразу отправится в полицию, чтобы заявить о пропаже Беатрис и рассказать о том, какие зверства здесь творятся. Клара смахнула слезы, произнесла короткую молитву и поспешила дальше по туннелю. Она обязательно найдет человека, который положит этому конец!

Через некоторое время она увидела над металлическими распашными дверями табличку с надписью «Морг». В конце коридора находилась двустворчатая деревянная дверь; сквозь закопченные окошечки, расположенные в ее верхней части, пробивался слабый солнечный свет. Она чуть не ринулась к ней по туннелю, чтобы подергать за ручку. А вдруг дверь открыта? Но Клара вспомнила, что медсестры и санитары ее уже ищут. Даже если ей удастся выйти наружу, она не представляет, куда бежать дальше? Не исключено, что сотрудники психбольницы уже прочесывают местность. Лучше придерживаться плана, который придумал Бруно.

Она толкнула дверь хранилища, которое находилось напротив морга. Дверные петли взвыли, как обозленная кошка. Клара придержала дверь, чтобы не шуметь, и проскользнула через узкую щель в темное помещение. Внутри пахло деревом и опилками. Вдоль стен стояли какие-то длинные прямоугольные предметы. Клара надела туфли и на ощупь, осторожно, стала пробираться вперед. Ударившись ногой обо что-то твердое, она наклонилась и нащупала необработанный край деревянного гроба. Отставив крышку в сторону, она легла в гроб и накрылась крышкой. Сердце бешено колотилось в груди. Приподняв крышку, Клара снова опустила ее и провела пальцами по краям, чтобы убедиться в том, что она плотно прилегает к гробу. Если кто-то придет сюда и включит свет, он ее не увидит.

Немного успокоившись, Клара закрыла глаза. Она быстро и шумно дышала, прижимаясь головой ко дну деревянного гроба. Прошло всего несколько секунд, и ее уж переполняло желание скинуть

крышку, встать, выбежать из комнаты и помчаться в конец туннеля, где светило солнце. Вот бы согнуть локти и колени, подвигаться, растянуться, сесть! Но время от времени она слышала эхом отдававшиеся в коридоре отдаленные крики и шум. Кто найдет ее первым — Бруно или санитары?

Вдруг в туннеле раздались звуки чьих-то шагов. Она застыла, боясь пошевелиться. Тяжелая дверь открылась и закрылась. Затем она услышала приглушенный скрип и топот за стеной хранилища. Наконец дверь в комнату со скрипом отворилась. Клара перестала дышать. Какое наказание ждет ее за попытку побега? Камера-одиночка? Инсулиновая кома? Изолятор? Дверь со стуком закрылась. Кто-то щелкнул выключателем. Сквозь щели в крышке гроба просочились лучи света. В комнате послышались тяжелые шаги. Она зажмурилась.

— Будем здесь ее ждать? — спросил мужской голос.

— Ну да, мы так договорились, — ответил другой мужчина.

Волоски на руках Клары встали дыбом. Кажется, это Бруно. Но сначала нужно в этом убедиться. Она ждала, затаив дыхание. Ей было страшно, что она потеряет сознание, прежде чем он снова заговорит. Казалось, прошла вечность. Тот же голос произнес:

— Ты запер морг?

— Ага, — ответил первый мужчина. — Запер, а как же. — Голос был, как у старика — низкий, хриплый; человек говорил медленно, с расстановкой.

— А если кто-нибудь придет? — спросил его напарник.

— Сегодня мы хороним мисс Энни Блумберг, — ответил старик.

Клара резко втянула воздух — это Бруно и могильщик Лоуренс. Она стала поднимать крышку гроба, но вдруг в туннеле послышался громкий топот. Клара замерла. Дверь в хранилище вновь с визгом распахнулась.

— Вы здесь никого не видели? — тяжело дыша, спросил вбежавший.

— Сегодня мы хороним мисс Энни Блумберг, — заявил гробокопатель. — Она полетит на небо и встретится с Иисусом.

— Лоуренс, я не спрашивал, что вы будете делать, — раздраженно буркнул мужчина. — Я спросил, видели ли вы кого-нибудь в туннеле. У нас пациентка сбежала.

— Мы никого не видели, — ответил Бруно. Его голос как будто звучал громче, словно теперь он стоял рядом с гробами.

— Я не тебя спрашиваю, — прервал его мужчина. — Лоуренс, отвечай. Вы кого-нибудь видели или нет?

Клара едва удержалась от крика, потому что Лоуренс молчал очень долго.

— Нет, — наконец сказал он. — Я не видел в туннеле пациентку. Сегодня мы хороним мисс Энни Блумберг. Она полетит на небо и встретится с Иисусом.

— Ясно, — хмыкнул мужчина. — Тогда проверь все и доложи, если кого-то заметишь. Ты меня понял, Лоуренс?

— Да, — ответил тот. — Я скажу, если увижу женщину, но не мисс Энни Блумберг.

Скрипучая дверь закрылась. Клара выдохнула. Руки и ноги задрожали, когда облегчение волной пробежало по телу. Ее одолевало желание снять крышку и вылезти из гроба, но она решила подождать. Нужно убедиться, что санитар уже ушел. Она с силой сжала кулаки, вонзив ногти в ладони.

— Клара, ты здесь? — прошептал Бруно. Похоже, он отошел от гроба.

Клара сглотнула и хотела что-то сказать, но горячий комок в горле не давал ей это сделать. Она словно онемела.

— Клара! — повторил Бруно.

— Я здесь, — наконец выдавила она и постучала костяшками пальцев по деревянной крышке. — Здесь!

Клара чуть не подпрыгнула, когда по гробу что-то стукнуло, словно его ударили ногой. Потом кто-то начал стягивать с него крышку. Сначала она увидела пальцы, а потом, в щелочку, лицо Бруно. Наконец он убрал крышку и с тревогой уставился на нее. Она попыталась сесть.

— Не двигайся, — прошептал он. — И ничего не говори.

Она снова легла.

— Ты как, в порядке?

Она кивнула и с трудом попыталась улыбнуться, но лицо словно стянуло спазмом.

— Мы вынесем тебя отсюда, — шепотом пообещал Бруно. — Сегодня мы отсюда сбежим. Лоуренс нам поможет.

Над ней нависло длинное небритое лицо могильщика. Он стянул шапку, провел пятерней по седым всклокоченным волосам и коротко кивнул ей. Кожа вокруг его глаз истончилась от старости, и веки казались розоватыми. В морщинах на шее застряла черная грязь.

— Нехорошо они поступили, — сказал он, качая головой. — Зачем они забрали у тебя ребеночка?

Слезы чуть не брызнули у нее из глаз. Она сделала глубокий вдох и кивнула, обессиленно улыбнувшись Лоуренсу. Но вдруг лицо Бруно помрачнело, и она снова задрожала. Что такое?

— Мы должны вынести тебя из туннеля, — прошептал он. — Поднимем гроб по лестнице, погрузим на повозку и отвезем к кладбищу. Мы вывезли тело Энни рано утром и спрятали его в кедровой роще рядом с домиком Лоуренса. Оставим тебя там, а ее тело положим в гроб. Но нужно торопиться. Через пару часов стемнеет. Если они не найдут тебя в больнице, то начнут прочесывать территорию.

Он выпрямился и почесал затылок, избегая смотреть на нее. Потом вздохнул и снова перевел на нее взгляд, наблюдая за ее реакцией.

— Клара, нам придется заколотить гроб. Мы забьем не все гвозди. Это нужно на случай, если кто-то остановит нас по пути на кладбище.

Она кивнула, пытаясь улыбнуться и унять дрожь. Она тряслась всем телом, словно смертельно замерзла. Бруно опустился на колени и наклонился к ней, положив теплую ладонь ей под голову. Он нагнулся ближе и поцеловал ее в губы.

— С тобой ничего плохого не случится. Обещаю, — прошептал он. Его глаза заволокли слезы. — У нас все получится.

Он потянулся за крышкой гроба. Его лицо стало белым, как кость. Затем он положил крышку на место и до последней секунды, пока не закрыл ее до конца, смотрел Кларе в глаза. Наконец она снова оказалась в полной темноте. Зажмурившись и сжав кулаки, Клара старалась дышать размеренно. Затем она услышала, как кто-то перебирает в сумке гвозди. А потом раздался стук.

— Это первый гвоздь, — произнес Бруно.

Несмотря на то что он предупредил ее заранее, от этого звука она чуть не подпрыгнула. Затем стало тихо, словно Бруно решил подождать, чтобы она привыкла, а потом послышалось

оглушительное: бам-бам-бам-бам. Она съеживалась с каждым ударом, слезы текли по вискам. Проведя руками по груди, она зажала уши. Ей казалось, что острые железные гвозди забивают ей прямо в голову. Клара закусила губу, ее выворачивало от страха, хотя она старалась не думать о том, что случится, если Бруно по какой-то причине не сможет выпустить ее из гроба. Наконец он заговорил снова.

— Вот и последний гвоздь, — сдавленным голосом объявил он. — Теперь мы понесем тебя наружу. Постарайся не двигаться.

Гроб качнулся, когда они резко подняли его в воздух. На секунду Клара перестала чувствовать вес своего тела. У нее закружилась голова, и она прижалась руками к деревянным стенкам. Крошечные щепки тут же вонзились ей в кожу. Бруно и Лоуренс пронесли ее по туннелю, подняли по лестнице и водрузили на заготовленную тележку, а ее тело ворочалось внутри, словно скатанный ковер, как она ни старалась лежать неподвижно. Клара едва сдерживалась, чтобы не закричать.

У края кладбища Бруно и Лоуренс сгрузили гроб с тележки и понесли в кедровую рощу, спрятав под ветвями тесно растущих деревьев. Бруно ломиком вырвал гвозди. Он действовал осторожно, чтобы не повредить дерево, ведь в этом гробу им предстояло хоронить бедную Энни Блумберг. Ожидая, когда он ее освободит, Клара медленно и неровно дышала. Ей хотелось поднять руки и выломать крышку гроба, чтобы быстрее оттуда выйти. Наконец Бруно снял крышку. Она тут же выпрямилась в полный рост и выскочила из гроба, жадно глотая ртом чистый воздух, словно спасенная из воды утопленница. Бруно порывисто прижал ее к груди, уткнувшись лицом в шею. Она чувствовала на коже его теплое сбившееся дыхание. Она обняла его, наслаждаясь его теплом, мечтая, чтобы он согрел ее и она перестала дрожать. Как давно он ее обнимал! Казалось, с тех пор прошла вечность. Она не хотела его отпускать. Бруно обхватил ее лицо ладонями и жадно, страстно поцеловал. Затем отпрянул и посмотрел на нее. В его глазах стояли слезы.

— Я так по тебе скучал, — сказал он.

— Я тоже по тебе скучала, — ответила она, стуча зубами. — Даже не знаю, что бы со мной стало, если бы не ты...

Он прижал палец к ее губам.

— Тс-с, — предостерег он. — Теперь все будет хорошо. Мы выберемся отсюда и найдем нашу дочь.

Он снова поцеловал ее в губы.

— А сейчас беги. Спрячься под кроватью. Я за тобой приду.

Она кивнула и снова обвила его руками, положив голову на плечо.

— Я тебя люблю, — сказала она.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он. — Ну все, пора!

Клара повернулась и побежала. Пар от ее дыхания вырывался в холодный воздух. Она посмотрела через плечо и замерла, глядя на то, как Бруно и Лоуренс снимают хвойные ветки с обернутого в простыню тела Энни Блумберг. Они подняли ее и положили в гроб, а потом закрыли крышкой. Клара про себя помолилась за женщину, которая подарила ей шанс на спасение, потом нырнула в гущу деревьев и, не оглядываясь, помчалась вперед.

Она добежала до сарая, в котором жил Лоуренс, в один миг взобралась на покосившееся крыльцо и с громко бьющимся сердцем дернула провисшую дверь. Оказавшись внутри, она тут же зажала нос и рот рукой, потому что в ноздри ей ударила ужасная вонь от фекалий и разложения, словно там передохло дикое количество крыс. От запаха слезились глаза. Когда она делала вдох, то чувствовала рвотные позывы. Она подумала, что, может, лучше спрятаться снаружи дома — лечь на крышу или, скорчившись, забиться в какой-нибудь угол за сараем? Но Клара не имела права рисковать. А вдруг ее увидят? Надо строго следовать плану. Оглядевшись по сторонам, она попыталась взять себя в руки и успокоиться.

В полуразрушенном ветхом доме было две маленьких комнаты — кухня, она же гостиная, и спальня. Пол гостиной был покрыт сланцем; на обшитой деревом стене выделялся камин из крошащегося кирпича. Под засиженным мухами окном, задернутым рваной занавеской с узором пейсли, стоял крашеный низкий шкаф. К нему приделали насос и ржавую раковину. В центре комнаты она увидела плетеное кресло на трех ножках. Вместо четвертой Лоуренс приладил пару треснувших кирпичей. Обеденный стол старик смастерил из старой двери. Он был завален пустыми банками и пожелтевшими газетами. В углу корячилась толстопузая печка. Ее железную решетку лизали оранжевые язычки пламени.

Кларе ужасно хотелось сесть рядом с печкой, чтобы согреться, но она побежала через гостиную в спальню с земляным полом. Кровать с матрасом из конской щетины была придвинута к стене, а покосившийся комод, похожий на сидящего на корточках уродливого гнома, стоял у наполовину забитого досками окна. Тусклый свет проникал в комнату через верхнюю часть окон и падал на истоптанный коврик перед комодом. Его геометрический узор сразу напомнил Кларе о персидском ковре, на котором она стояла, не решаясь войти в отцовский кабинет.

Нет, сейчас не время об этом думать. Она заползла под кровать, запачкав землей локти и колени. Клара постаралась забраться как можно дальше, к самой стене, а потом, едва дыша, выглянула из-под низкого каркаса кровати. Она задыхалась от смрада — рядом с комодом стояло ведро, на стенках которого засохли зернистые пятна и коричневые подтеки. Клара стянула с кровати конец шерстяного одеяла, чтобы не видеть самодельный туалет Лоуренса. К ее запястью прилипла паутина. Она смахнула ее и замерла в ожидании, стараясь не обращать внимания на пронизывающий холод, исходивший от пола.

Когда же Бруно придет, чтобы забрать ее? Она вспомнила, как наблюдала за Лоуренсом из изолятора. Сколько времени ему требовалось, чтобы кого-нибудь похоронить? Тогда она была одурманена горем и лауданумом, поэтому все забыла. Остается только надеяться, что они с Бруно не станут задерживаться, и раз уж они работают вдвоем, закончат работу в два раза быстрее. На улице стемнело; сарай наполнился сизым сумеречным светом.

Ей казалось, что прошла вечность, прежде чем дверь наконец-то открылась. В темноте с трудом можно было что-то разглядеть. Клара начала выбираться из-под кровати. Вдруг ее пронзила мысль: а если это не Бруно и не Лоуренс? Она застыла на месте. Даже если это они, с ними мог прийти кто-нибудь еще. Она замерла и прислушалась, затаив дыхание. В гостиной кто-то чиркнул спичкой. Раздалось шипение, как будто занялось пламя. В дверном проеме показалась пара грязных сапог. В спальне зажегся желтоватый свет. Человек в резиновых сапогах, шаркая, прошел по земляному полу, остановился у противоположной стены и опустил на пол ржавый фонарь. Он снял обувь, и она увидела пару грязных заскорузлых ступней. Потом он бросил на пол свой пиджак. Кажется, это пиджак Лоуренса.

«Почему Лоуренс пришел сюда без Бруно? — испуганно подумала она. — А если он его выдал? И теперь ждет, когда прибегут санитары? Может, Бруно отправили обратно в палату, потому что пропала пациентка? Неужели Лоуренс забыл, что она прячется у него под кроватью? Или этот человек — вовсе не Лоуренс?»

Грязные ноги протопали к ведру. Человек щелкнул подтяжками, и штаны упали к лодыжкам. В стенку ведра ударила струя мочи. Мужчина крикнул и, секунду подождав, надел брюки, потом повернулся и приблизился к кровати, где лежала Клара. Он опустился на четвереньки, вонзив корявые пальцы в землю. Она, чуть не задохнувшись, прижалась спиной к стене; сердце, казалось, вот-вот вырвется из ее груди. Но Клара с облегчением выдохнула, увидев морщинистое лицо Лоуренса. Он сощурил розоватые веки.

— Тебя ищут, — сказал он.

— Знаю, — ответила она, стараясь успокоить скачущее во весь опор сердце. — А где Бруно?

— Он хоронит мисс Энни Блумберг, — ответил Лоуренс. — Велел мне сказать, что я заболел. Если ко мне придут.

Клара сглотнула.

— Когда он меня заберет?

— Когда все успокоится, — сказал старик. — А потом вы с Бруно пойдете искать свою малышку. Я спрячу тебя в другом месте.

Кровь отхлынула от ее щек.

— В каком? — спросила она.

Лоуренс широко улыбнулся — кривые зубы меж потрескавшихся губ были похожи на зерна кукурузы. Он жестом показал, чтобы она выходила, и с трудом поднялся на ноги. Клара проползла по земляному полу, выбралась из-под кровати и встала, отряхивая грязь и паутину с локтей и колен. Лоуренс быстро подошел к шкафу, отодвинул коврик, под которым обнаружилась крышка люка. Схватившись за железное кольцо, он открыл его. Ветхие ступеньки вели в бездонную пустоту. Лоуренс показал вниз.

— У тебя есть свеча или второй фонарь? — спросила Клара, стараясь взять себя в руки. — Там так темно... Если я услышу, что кто-то идет, я сразу его потушу.

Лоуренс скосил рот и посмотрел на свои ступни, почесывая за ухом. Затем быстро пошел на кухню. Она последовала за ним и встала

в дверях, глядя в окно: не поднимается ли кто на крыльцо? Небо уже потемнело, мрачные силуэты деревьев расплывались перед глазами. Лоуренс приблизился к самодельному столу и стал перебирать жестянки. Он заглядывал внутрь каждой, а затем с громким лязгом бросал на каменный пол. Из-под банок выползали жучки и личинки, копошащиеся черно-серой массой на столе. Клара зажала рот рукой. Наконец Лоуренс нашел, что искал. Он подошел к груде дров рядом с железной печкой, отломал несколько щепок, бросил импровизированные свечи в банку и взял с подоконника у раковины коробок спичек.

Они вернулись в спальню. Лоуренс держал Клару за руку, пока она спускалась по лестнице в подвал. Потом он передал ей жестяную банку и спички. Она встала на колени, поставила банку на земляной пол и зажгла щепку. Пламя разгорелось, озарив каменные стены и множество высушенных стрекоз и богомолов на веревочках, которые свисали с гвоздей. Сначала она содрогнулась от отвращения, но потом поняла, что приняла за гигантскую коллекцию насекомых крошечные кресты, сделанные из дерева и бечевки. Там их было тысячи. Они покрывали каждый дюйм подвальных стен.

Клара подняла глаза на Лоуренса.

— Что это? — спросила она.

— Это неправильно, — пробормотал он.

Клара растерянно затрясла головой.

— Что неправильно?

Лоуренс сморщился, словно сдерживая слезы.

— Люди, — ответил он. — Неправильно оставлять только номер на могилах.

Клара поднесла банку к стене, рассматривая миниатюрные кресты. На каждом из них были вырезаны инициалы и номер. Буквы были такими мелкими, что она едва могла их прочитать. Ее глаза заволокли слезы. Такой добрый, заботливый человек, как Лоуренс, не должен до конца жизни сидеть в Уилларде! Это несправедливо! Она положила руку на сердце и посмотрела на него.

— Лоуренс, ты хороший человек.

Он улыбнулся и коротко кивнул. Его глаза увлажнились, а морщинистые щеки залились краской.

— Я лучше закрою дверь, — предложил он.

— Да, — ответила Клара. — Спасибо тебе, Лоуренс.

Стараясь не обращать внимания на приступ клаустрофобии, Клара села на холодный земляной пол, скрестив ноги. Лоуренс закрыл люк, и она вновь оказалась в темноте. Огонь в банке отбрасывал на кресты дрожащие тени. От этого казалось, что у них выросли крылья и они помахивают ими, готовясь взлететь.

На люк над ее головой бросили коврик. Деревянная кровать заскрипела. Прошло всего несколько минут, и Лоуренс захрапел. Клара закусила губу и зажмурилась, чтобы не заплакать. «Скоро стемнеет, — успокаивала она себя. — И тогда Бруно за мной придет. Надо только немного подождать». Вдруг ее пронзила другая мысль, от которой кровь заледенела у нее в жилах: как Бруно проберется в сарай с наступлением темноты?

Обычно пациенты к ночи возвращались в палаты. Конечно, Бруно находился на особом положении, но неужели его никто не хватится? Кто из сотрудников должен привести его обратно? Или Бруно, как Лоуренс, пользовался большей свободой, чем другие пациенты? Сердце от подступившей паники быстрее забилося в груди. И тут дверь в сарай распахнулась. Она задула огонек и затаила дыхание.

— Лоуренс! — крикнул мужской голос.

Клара застыла. Это не Бруно!

— Лоуренс! — громко повторил мужчина.

Кто-то тяжело протопал по каменному полу и зашел в спальню. Кровать жалобно застонала, словно ее стали трясти.

— Просыпайся! — крикнул второй мужчина. — Вставай с кровати, черт тебя дери!

Лоуренс всхрапнул, и кровать снова скрипнула. Видимо, он перевернулся и сел.

— Ты что делаешь? — спросил первый мужчина. — Тебе что, работать не надо?

— Я заболел, — сказал Лоуренс. — Бруно хоронит мисс Энни Блумберг.

Клара съежилась — санитарам может показаться подозрительным, что Лоуренс твердит одно и то же.

— Ты давно спишь? — спросил второй человек.

— Не знаю, — ответил Лоуренс.

— Пошли! — воскликнул первый мужчина. — Мы только теряем время. От этого полудурка никакого толку.

— Лоуренс, ты здесь поблизости никого не видел? — не сдавался второй мужчина. — Женщину, пациентку? Она случайно не стучала тебе в дверь, не заглядывала в окна?

— Я заболел, — повторил Лоуренс. — Я спал. А Бруно хоронит мисс Энни Блумберг.

— Пошли! — сказал второй мужчина.

— Постой, — встрепнулся первый. — Это еще что такое?

— Что там, черт побери? — удивился второй.

— Из-под ковра дым идет!

Все перевернулось у нее внутри. Клара зажала рукой банку и, обжегшись о раскалившийся металл, закусил губы, чтобы не закричать. Слишком поздно. Ковер сдернули с люка. Она отползла в угол. Сердце билось так быстро, что она едва могла дышать. Кто-то завозился с железным кольцом и приподнял люк. Подвальную темноту прорезал луч света. Но вдруг крышка захлопнулась — ее придавило чем-то тяжелым, как будто упал человек.

Раздался крик, послышались звуки борьбы: шумное дыхание, удары кулаков по костям и плоти, кряхтение, треск разбитого дерева, грохот ломающейся мебели. Затем она уловила приглушенные голоса. Какой-то массивный предмет оттащили от подвального люка. Кто-то схватил железное кольцо и резко распахнул люк. Клара ахнула.

Это был Бруно.

У нее словно гора упала с плеч. Клара вскинула руку к громко бьющемуся сердцу.

— Ты как? — спросил он.

Она кивнула, не в силах говорить, поднялась с земли и стала карабкаться вверх по лестнице. Ее ноги дрожали. Лоуренс сидел на кровати, прижимая окровавленную руку к трясущимся губам. Два санитара с закрытыми глазами лежали на полу — один на спине, другой на животе.

— Они мертвы? — охрипшим голосом спросила Клара.

— Нет, — ответил Бруно. — Пошли! Надо выбираться отсюда.

Она подошла к Лоуренсу.

— Ты в порядке?

Он кивнул, встал, потом взял свой пиджак и подал его Кларе.

— На озере будет холодно, — пояснил он.

Она помедлила, потом набросила пиджак и порывисто обняла Лоуренса.

— Спасибо, что помогаешь нам, — сказала она.

Лоуренс кивнул, закрывая рукой губу.

— Надеюсь, вы найдете свою девочку, — сказал он со слезами на глазах.

— Пойдем, — напряженно повторил Бруно. — Быстрее!

Они выскользнули из сарая и побежали по лесу. Лоуренс показывал им дорогу. В небе висела луна, озаряя окрестности голубоватым сиянием и освещая им дорогу. Клара и Бруно бежали, взявшись за руки, уворачиваясь от ветвей, огибая кусты и деревья. Вдалеке, вокруг гигантского здания Чапин-Холла качались фонари, а в палатах мерцали керосиновые лампы, отбрасывая на кирпичные стены и зарешеченные окна длинные, похожие на человеческие силуэты, тени. Лучи фонариков металась по поляне, пока темные фигуры подкрадывались к лодочной станции и причалу. Пошел снег. Крупные снежинки плавно кружили в воздухе. Глядя на них, Клара почему-то вдруг вспомнила, как они с родителями отмечали Рождество. Она чуть не расхохоталась, настолько безумной показалась ей эта мысль. Она перестала смотреть на дорогу и упала, споткнувшись о ветку.

— Осторожно, — прошептал Бруно, помогая ей встать.

Она остановилась, чтобы отдышаться.

— Как же мы спустимся к воде? — спросила она. — Нас ведь заметят?

— Мы спрятали лодку на берегу, — ответил Бруно. — В конце дороги, за лесом. Никто нас не увидит, но нужно торопиться.

Она кивнула, и они снова побежали вперед.

Добравшись до края леса, они остановились, чтобы проверить, не идет ли кто по дороге. Там было пусто. Лоуренс перебежал на другую сторону, вскарабкался на скалистую насыпь и исчез из виду. Затем из-за камня показалась его голова. Он махнул Бруно и Кларе, чтобы они следовали за ним. Они посмотрели в обе стороны и бросились через дорогу, а потом вскарабкались вверх по камням и пошли вдоль каменистого берега.

Лоуренс и Бруно достали лодку из-под густого куста жимолости и подтащили ее к берегу, царапая деревянный киль о камни. Когда она

оказалась у кромки воды, мужчины, склонившись над кормой, столкнули ее в озеро. Клара посмотрела на воду: серебристый свет отражался от мягко перекатывающихся пологих волн, снежинки тихо падали в холодном ночном воздухе. Лед треснул несколько дней назад. Его осколки плавали в воде, натываясь друг на друга. Тонкие льдинки ломались и хрустели с таким звуком, будто вдалеке звенели стеклянные колокольчики. Она вдохнула полной грудью и задержала дыхание, наслаждаясь прохладным, чистым воздухом свободы.

— Быстрее! — воскликнул Бруно, оглядываясь на нее через плечо. — Залезай!

Волны били о корпус, раскачивая лодку, как колыбель. Лоуренс придерживал корму, а Бруно помог Кларе спрыгнуть с камня в лодку. Она села у носа и стала ждать, задыхаясь от волнения. Мужчины зашли в воду по пояс, ссутулившись и сжавшись от холода. И когда Бруно уже забрался на корму, Клара увидела на берегу огни. Там появились доктор Роуч и два санитары с фонарями в руках. Один из них засвистел в свисток, и оба помчались к берегу. Бруно снова спрыгнул в воду, чтобы помочь Лоуренсу забраться в лодку. Но тот продолжал цепляться за корму, мотая головой.

— Давай с нами! — воскликнул Бруно. — Не то всю жизнь просидишь взаперти!

— Нет, — ответил Лоуренс и отчаянно затряс головой. — Я не люблю лодки.

— Пожалуйста! — взмолилась Клара. — Залезай! Быстрее!

— Нет! — Лоуренс попытался посадить Бруно в лодку. — Я остаюсь.

— Стоять! — закричал доктор Роуч.

Поскальзываясь и чуть не падая, он бежал по каменистому берегу к озеру.

Санитары в это время, перескакивая с камня на камень, все ближе подбирались к беглецам, затем они прыгнули в воду. Один схватил Лоуренса за голову и потянул вниз, под воду. Бруно отпустил лодку и успел ударить санитару кулаком по лицу, прежде чем второй преследователь обхватил его за плечи и дернул в сторону. В это время лодка, покачиваясь на волнах, начала медленно удаляться от берега. Клара вскочила, перебежала на середину и опустила весла в воду, но это мало помогло. Стараясь не поддаваться панике, она снова

погрузила весла в воду и с силой надавила на них. Лодка на секунду застыла, а потом стала медленно приближаться к дерущимся мужчинам.

На берегу показался третий санитар. Он забежал в воду и с искаженным от натуги лицом ударил Бруно дубинкой по голове. Второй санитар разжал хватку, и Бруно скрылся под водой. Мужчина тут же нагнулся и, погрузившись в воду по самые плечи, поднял несчастного беглеца. Глаза Бруно были закрыты, лицо заливала кровь, а волосы распластались на лбу, как водоросли. Санитар вытащил его на берег и положил на камни так, что тело Бруно было наполовину скрыто в воде. Затем санитар снова побежал в воду. Он схватился за лодку и попытался залезть внутрь. Клара вскочила, вырвала весло из уключины и ударила им санитаря. Тот отлетел в воду, запрокинув голову. Но, очухавшись, снова бросился к лодке, ослепнув от заливающей лицо крови. Клара вновь подняла весло, готовясь со всей силы обрушить его на санитаря.

Внезапно воздух пронзил выстрел. Она застыла и подняла глаза. Весло дрожало у нее над головой. У кромки воды с дымящимся пистолетом стоял доктор Роуч. Он вытянул руку вверх.

— Я сказал, немедленно остановитесь! — крикнул он.

Клара бросила весло, и оно с тяжелым стуком упало на сиденье. На берегу показались три новых санитаря со смиренными рубашками и цепями. Тот, что держал Лоуренса под водой, вытащил наконец его наружу. Глаза старика были закрыты, изо рта текла вода. Санитар выволок его на берег и положил рядом с Бруно. Клара выпрыгнула из лодки и побрела по ледяной воде к берегу. Ее ноги словно окаменели. Холодный воздух, как острый кинжал, колот легкие. Она упала на колени между Бруно и Лоуренсом. Липкий страх застрял в горле, мешая дышать. Она трясла их за плечи, пытаясь привести в сознание. Бесполезно.

Лоуренс лежал на боку, запрокинув голову. Его кожа побледнела, а губы стали лиловыми. Он не дышал. Клара перевернула Бруно на спину, убрала с лица намокшие волосы и дрожащими руками обняла его окровавленное лицо. Она снова и снова выкрикивала его имя. Кожа его была холодной, как лед, из бледных рук ушла жизнь. Она прижалась ухом к его груди и перестала дышать, надеясь услышать стук сердца, но слышала только, как громко бьется ее собственное.

Клара закричала и рухнула на безжизненное тело Бруно. Ее руки и ноги тряслись, как в лихорадке, плечи содрогались в конвульсиях. Страшные рыдания вырывались у нее из горла, выкручивая воздух из легких. Она с трудом вдохнула. Перед ее глазами появилась пара галош. Собрав остатки сил, Клара подняла взгляд.

— Посмотри, что ты наделала, — сказал доктор Роуч, глядя на нее сверху вниз.

ГЛАВА 21

ИЗЗИ

Иззи дрожала всем телом, хотя надела зимнюю куртку. Она сидела на крыльце дома, накинув капюшон на голову и сунув в карманы сжатые в кулаки руки. С неба падали снежные крупинки, а от резких порывов ветра слезились глаза. Но все это казалось неважным, ерундой. Она хотела побыть одна на улице. Они с Пег недавно вернулись из похоронного бюро, которое занималось подготовкой маминого погребения. Люстры с приглушенным светом, тяжелые шелковые портьеры и витающий легкий запах формальдегида напомнили ей о поминках после похорон отца. Сидя у стола директора бюро, она вновь чувствовала себя семилетней девочкой, тонувшей в море черных платьев и пиджаков, выискивающей взглядом бабушку, чтобы она отвела ее домой. Выбирая маме гроб, она совсем выбилась из сил. А ведь еще надо выбрать обивку. И объяснить, почему церковной службы не будет. Господи, как ей хотелось вскочить с резного стула и распахнуть настежь окно! Как же здесь уныло и тошно!

Она жадно глотала свежий воздух, представляя, как мать лежит на металлическом столе в холодной камере похоронного бюро. Ее тело застыло, веки сомкнуты, словно склеены. У Иззи сжалось горло. Она встала и пошла по заиндевевшему газону, хрустевшему у нее под ногами. Иззи попыталась набрать в легкие холодного воздуха. «Теперь я сирота, значит, — подумала она. Горло и глаза болели, словно обожженные огнем. — Нет больше на земле человека, который думал бы обо мне каждый день и любил такой, какая я есть. Я осталась одна, совершенно одна».

Она столько лет страдала в одиночестве. Ей казалось, что за эти годы она стала самостоятельной и смерть матери не подействует на нее так сильно, как если бы они виделись каждый день. Но она ошибалась. Когда Пег сообщила ей новость, Иззи упала на пол и громко зарыдала. Ей стало нечем дышать. Заплаканная Пег опустилась на ковер и обняла Иззи. Она ничего не говорила и только гладила ее по голове, пока та не

пришла в себя. Наверное, только спустя час Иззи нашла в себе силы подняться.

Итак, мама умерла, совершеннолетие неумолимо приближалось, ее заперли в морге в Уилларде... Ей все чаще хотелось порезать себе руки. Она пока держалась, но все время представляла, как разбивает зеркальце, лежащее в сумке, и острым осколком рассекает нежную кожу на запястьях. Иззи говорила себе, что облегчение продлится не дольше минуты и боль не оживит маму. Пора стать взрослой, пора искать дорогу в жизни, не поддаваясь унынию и жалости к себе. Мать пожертвовала собой ради того, чтобы она была счастлива. И она должна постараться стать счастливой.

К большому облегчению Иззи, после инцидента в Уилларде Шэннон с подружками оставили ее в покое. Когда они проходили мимо по коридору, Шэннон опускала глаза. Может, она боялась, что Иззи заявит в полицию? С Итаном они расстались, но Иззи не подыгрывала его попыткам заговорить. Он передал через Алекс записку: написал, что сожалеет о случившемся, и попросил разрешения ее навестить. Иззи выбросила его письмо. Она попросила Пег и Гарри, если он позвонит, ответить, что она в ванной или гуляет с друзьями. Ей нужно время, чтобы разобраться в себе и понять, что она будет делать дальше. Столько всего произошло... Не хватало еще обломаться с Итаном. Впрочем, вряд ли он захочет встречаться с девчонкой, у которой нет ни родственников, ни блестящих перспектив.

— Иззи, — окликнула ее из кухни Пег, — иди домой. Скоро будем ужинать.

Иззи вздохнула, вытерла глаза и, борясь с тошнотой, повернула к дому. Есть совершенно не хотелось, но Пег и Гарри были так добры к ней, столько ей помогали! Можно поесть хотя бы из вежливости. Гарри стоял за кухонным столом и резал салат.

— Я решил приготовить твои любимые такос, — с улыбкой сказал он.

Иззи кивнула. Глаза вновь наполнились слезами. Здорово, что кто-то помнит, какое у нее любимое блюдо и тем более готовит его для нее. Но это такая мелочь по сравнению с тем, что Пег и Гарри для нее сделали! Они оплатили гроб и похороны ее матери и таким образом спасли ее от забвения на тюремном кладбище. Маму похоронят рядом с родителями. Иззи никогда не встречала таких щедрых,

великодушных людей. Она старалась найти слова, чтобы их отблагодарить, но каждый раз, когда она открывала рот, ее душили слезы и она замолкала.

Иzzi повесила на крючок жакет и, дрожа всем телом, встала у стола. Пег достала из холодильника молоко, налила в кастрюльку и поставила на плиту.

— Я сварю тебе какао, — сказала она. — И ты его обязательно выпьешь. Ты же с утра ничего не ела!

— Спасибо, — слабо улыбнулась Иззи.

В дверь позвонили. Гарри отложил нож и, вытирая руки о кухонное полотенце, пошел открывать. Минуту спустя он вернулся в сопровождении Алекс и Итана. Несмотря на то что Иззи решила держаться от него подальше, она почувствовала, что обрадовалась ему. Он был одет в черную куртку, черные джинсы и высокие ботинки. Его щеки разрумянились от холода. Иззи закусил губу, прогоняя желание броситься ему на шею. Алекс, чуть не плача, кинулась к ней.

— Иззи, как ты? — спросила она.

— Нормально, — ответила Иззи, смахивая слезы.

Алекс обняла ее. Когда Иззи отстранилась от нее, Итан прижал ее к себе. От него пахло зимним воздухом и одеколоном. Он коснулся холодной щекой ее виска. Ей ужасно хотелось уткнуться ему в плечо.

— Мне жаль, что твоя мать умерла, — сказал он.

— Да, — согласилась Иззи, торопливо обняла его и отодвинулась, не решаясь поднять глаза. Но он ее не отпускал. Какие у него сильные руки...

— Я буду рядом, — прошептал он ей на ухо. — Хочешь ты или нет.

Иzzi зажмурилась, чтобы не заплакать. Бесполезно. Слезы градом катились по щекам.

— Поужинайте с нами, — предложила Пег. — Гарри сделает такос. Он всегда готовит столько, что на целую армию хватит.

Итан отпустил Иззи и погладил ее по щеке большим пальцем.

— Обожаю такос, — с широкой улыбкой сказал он.

— Я тоже, — подхватила Алекс, прикоснувшись к ее плечу.

Иzzi улыбнулась. Сердце радостно забило в груди. Не так уж она одинока, в конце концов.

ГЛАВА 22

КЛАРА

Март 1946 года

Последние семь дней непрерывно лил дождь. Грязная вода текла в дренажные отверстия вдоль стен туннеля под Чапин-Холлом, и каменные полы постоянно были мокрыми. Клара стояла в очереди за Эстер, внизу лестницы, ведущей в подвал, и думала о том, заметит ли кто-нибудь, если она улизнет оттуда и побежит по туннелю к моргу, к дверям, за которыми лежит зеленый газон. Если она разобьет окно, протиснется через раму и во весь опор помчится к озеру, то успеет скрыться под водой, прежде чем ее поймают. Пора положить всему этому конец.

Она больше не будет спать на жесткой кровати в холодной вонючей палате, прислушиваясь к бреду и всхлипываниям других женщин. Больше не будет бесконечных рассветов, с наступлением которых ей приходится с трудом выбираться из кровати, чтобы в который раз увидеть, как несчастные пациентки сидят у окна, бьются головами о стену и воют, просясь домой. Пора покончить с жизнью, которая уходит на то, чтобы шить, играть в шашки и давиться безвкусной едой. Она больше не хочет видеть, как людей избивают и накачивают наркотиками. Она больше не хочет чувствовать в груди черную пустоту, от которой каждый удар сердца — словно удар ножа между ребер. Она посмотрела на свои руки: оттого, что она годами занималась шитьем, продевала нить в иголку, на подушечках пальцев кожу прорезали крошечные трещины. На среднем пальце образовалась вмятина от наперстка. Ногти были обкусаны до кожи, которая стала сухой и заскорузлой, как у старухи. А какие ручки были у ее матери! Гладкие, холеные, ногти розовые и блестящие, а кожа пахла лавандой. Она попыталась представить, какой стала мать: седые волосы, морщинистое лицо... Наверное, попивает чай из заграничной фарфоровой чашечки, сидя на бархатной кушетке. А отец? Здоров ли он? Неужели они счастливо прожили все эти годы в теплом и комфортном особняке? Вспоминали ли они когда-нибудь о ней? Задумались ли хоть раз, каково ей здесь, жива ли она? Приходила ли

им в голову мысль приехать в Уиллард, чтобы попросить прощения и велеть врачам отпустить ее на свободу? Или они так бессердечны, что им совершенно не было до нее дела? Неужели они никогда не сомневались, что поступили правильно, когда выбросили дочь из дома, словно ненужную вещь?

Пока Клара стояла в туннеле, железистый запах мокрого цемента пробудил в ней воспоминания о той ночи, когда они с Бруно пытались сбежать. Прошло столько лет, а у нее до сих пор стоит перед глазами лицо Бруно в тот момент, когда он грустно посмотрел на нее, прежде чем заколотить гвоздями гроб, в котором она пряталась. Если бы она могла тогда заглянуть в будущее, она бы без колебаний попросила его и Лоуренса закопать ее вместо мисс Энни Блумберг.

Глаза Клары стали наполняться слезами, и она, как сотни раз до этого, попыталась прогнать ужасные воспоминания и подумать о чем-нибудь другом. Клара вскинула подбородок от мысли о том, что скоро в Хейдли-Холле будут показывать кино, а потом пациентов поведут на пикник в честь Дня независимости. Конечно, не ахти какое развлечение, но хоть что-то, хоть какая-то перемена. Если бы не эти маленькие праздники, она бы точно сошла с ума. Каждый день она говорила себе, что когда-нибудь произойдет чудо и она выйдет на свободу. Если она сдастся и будет себя жалеть, то лишится рассудка. Она этого не допустит. Она будет держаться изо всех сил, иначе ей не выжить, иначе она никогда не найдет Беатрис.

Очередь постепенно продвигалась, и наконец Клара увидела впереди туннель.

— Как называется эта новая процедура? — спросила она Эстер.

— Электросудорожная терапия, — ответила ей подруга. — Но я слышала, как санитары называли ее «блицкриг».

— И что это значит? — удивилась Клара.

Эстер пожала плечами. Клара выглянула, чтобы увидеть, что происходит в начале очереди. В эту минуту два санитары выносили на носилках потерявшую сознание женщину. Простыня, которой она была прикрыта, соскользнула на пол, и Клара увидела, что женщина совершенно голая. Санитары потащили носилки в комнату, вход в которую располагался в коридоре напротив. Медсестра, поджав губы, подняла простыню и поспешила за ними. Вскоре санитары вернулись в лечебный кабинет, а спустя минуту они вышли оттуда, поддерживая

другую женщину, которая еле доковыляла до стульев, стоящих вдоль стены туннеля. Пациентка позади Клары начала всхлипывать, и это ужасно действовало ей на нервы. Очередь медленно продвигалась вперед.

В туннеле появился доктор Роуч. Он прошел вдоль очереди, записывая в папку имена пациентов. Когда он приблизился к Эстер, санитары выбежали из кабинета с носилками, к которым была пристегнута женщина. Она корчилась и кричала от боли, хватаясь руками за воздух. Вслед за санитарями показалась медсестра Тренч. С перекошенным красным лицом она кинулась к доктору.

— Доктор Роуч! — крикнула она. — Похоже, у нее спина сломана!

Сунув папку под мышку, тот подбежал к пациентке. Санитары остановились, давая ему возможность осмотреть больную. Он быстро провел рукой в резиновой перчатке вдоль ее позвоночника, достал папку и махнул в сторону служебного лифта.

— Отвезите ее в больницу, — велел он.

Санитары понесли носилки к лифту, стараясь держать их ровно, потому что женщина не прекращала биться и извиваться. Медсестра Тренч огорошенно смотрела на доктора Роуча.

— Я же вам говорила, это слишком...

Он схватил ее за руку и потащил в кабинет, что-то недовольно пробубнив ей на ухо. Клара стиснула зубы. Ее дыхание участилось. Что же они делают в той комнате? Она посмотрела назад, в конец туннеля — может, рискнуть? Вдруг ей удастся добраться до дверей, ведущих наружу, прежде чем ее поймают? Но она еще не забыла, что произошло после того, когда она пыталась сбежать в прошлый раз. Она задрожала всем телом, вспомнив десять месяцев, проведенных в палате-одиночке. Нет, больше она так не сделает. Она не сможет. Она и так чуть не умерла.

Тем временем очередь двигалась вперед Клара посмотрела на женщину, которая сидела на стуле. Откинув голову, она привалилась к стене туннеля. Ее глаза были прикрыты, казалось, она спала. Санитары усадили рядом с ней еще двоих женщин. Может, все не так страшно? Может, эта процедура сильно действует только на тех людей, у которых серьезные проблемы? Тут санитар взял ее за руку и вместе с Эстер повел в кабинет.

Внутри ждали медсестра Тренч и семь других медсестер. В середине помещения стояло четыре кровати. Матрасы были застелены чистыми простынями. Рядом с кроватями на металлических тележках были установлены деревянные ящики, в каждом из которых находился некий аппарат — с циферблатами, шкалами и торчащими в разные стороны проводами. Они были похожи на гигантские батарейки, которые с помощью черных толстых проводов подключались к розеткам в стене. Два других провода крепились к электродам с рукоятками. Санитары подвели Клару и Эстер к кроватям, а медсестры велели им лечь.

Клара послушно легла, хотя ее руки и ноги дрожали, а лоб и верхняя губа блестели от пота. Медсестра Тренч приложила пальцы к ее подбородку и надавила на него, чтобы она раскрыла рот. Потом она положила ей между зубов кусок дерева. Толстая мокрая палка воняла гнилью и рвотой. Медсестра Мэй встала у изголовья кровати, придерживая палку. Она приказала Кларе сжать ее зубами. Клара старалась дышать носом, чтобы не стошнило. Сердце билось быстро-быстро. Медсестра Тренч ремнями пристегнула ее запястья и лодыжки к кровати. Доктор Роуч взял электроды аппарата.

— Мы проводим сеанс электросудорожной терапии, — сказал он. — Я приложу электроды к твоей голове, и ты получишь слабый разряд тока. Бояться тут нечего. Мои коллеги сообщают, что пациенты, страдающие от шизофрении и галлюцинации, почувствовали значительное облегчение. Это тебе поможет, Клара.

Медсестры прижали ее плечи к кровати. И вдруг Клара с абсолютной ясностью поняла, что больше всего на свете хочет встать с этой кровати. Она не позволит больше издеваться над собой, она не хочет, чтобы через ее мозг пропускали электрические разряды. Клара начала извиваться и брыкаться, пытаясь вырваться и одновременно языком вытолкнуть изо рта деревяшку. Медсестра Мэй надавила на палку, и Клару чуть не стошнило. Вдруг в коридоре началась какая-то суматоха. Послышался странный гул, похожий на отдаленный гром, а потом оглушительный шум бегущей воды.

Толкаясь и давя друг друга, в кабинет ворвались вопящие пациентки. Кто-то попытался заблокировать дверь, навалившись на нее, пока остальные напирали снаружи. Раздался крик: «Наводнение!» — и дверь распахнулась, ударившись об стену. Женщины попадали на

пол. В кабинет ворвался поток коричневатой воды, которая доходила людям до колена. Она тут же смела с ног пациенток, медсестер и санитаров. Клара бросила умоляющий взгляд на доктора Роуча и медсестру Тренч в надежде, что они развяжут ее. Медсестра Мэй, словно в ступоре, уставилась на дверь, продолжая придерживать палку во рту Клары, которая мотала головой из стороны в сторону. Наконец женщина очнулась и отпустила палку. Клара выплюнула деревянный кляп изо рта.

— Развяжите меня! — закричала она.

Прибывающая вода сбила с ног медсестру Мэй. Лицо доктора Роуча, который видел, как она скрылась под водой, исказилось от страха. Но вместо того чтобы ей помочь, он, расталкивая всех, кинулся в другую сторону, в заднюю часть кабинета. Вскарабкавшись на шкафчик, доктор снял туфлю и потянулся к высокому подвальному окошечку. Вода прибывала, ее уровень становился все выше и выше. У изножья кровати, на которой лежала Клара, над водой показалась голова медсестры Мэй. Мокрые волосы прилипли к лицу, форменная шапочка сбилась на бок и держалась на единственной черной «невидимке». Женщина судорожно вцепилась в матрас Клары и протянула руку к доктору Роучу.

— Виктор! — воскликнула она. — Помоги мне! У меня нога застряла.

Доктор Роуч мельком взглянул на нее, затем отвернулся и разбил туфлей окно. Даже не оглянувшись, он подтянулся и выскользнул наружу. У Клары перехватило дыхание. Голова медсестры Мэй вновь ушла под воду, но руками она продолжала судорожно цепляться за матрас Клары, чтобы поток не унес ее окончательно. Однако вода прибывала слишком быстро. Медсестра снова вынырнула у края кровати. Теперь она уже ухватилась за ноги Клары, которая содрогнулась от прикосновения ледяных пальцев. Клара изо всех сил, так что вены на голове вздулись, потянула ремни на запястьях, но тщетно — они были слишком толстыми. Вода продолжала подниматься.

Справа от Клары, словно кит, выскакивающий из воды, вынырнула медсестра Тренч. Она жадно глотала воздух и отплевывалась. Смахнув мокрые волосы с глаз, она огляделась в поисках опоры. Затем, подавшись вперед, загребая руками и тяжело

кряхтя от натуги, стала продвигаться к Кларе. Когда она добралась до кровати, вода уже доходила ей до груди. Она нащупала ремни на запястьях и лодыжках Клары и стала их развязывать. Клара задержала дыхание, пока медсестра возилась с последним ремнем. Вода уже касалась ее подбородка, рта, верхней губы. Вдруг медсестра Тренч исчезла — ее смыло мощным течением. Лампочки моргнули и сразу погасли. Последний ремешок разошелся как раз вовремя, и Клара выплыла на поверхность, ударившись головой о потолок. Вода была повсюду: она заливала глаза, ноздри и уши.

Глотнув воздуха, Клара поплыла к разбитому окну, наощупь прокладывая себе путь мимо чужих тел, простыней и подушек. Биение сердца громом отдавалось в ушах. Вдруг Клара перестала понимать, в какую сторону надо плыть. Она открыла глаза и увидела бледное сияние дневного света, который дрожал под водой, словно мираж. Внезапно что-то темное загородило свет, как во время затмения. Она попыталась обогнуть препятствие, но кто-то вцепился в ее руку и потащил в другую сторону. Отчаянно сопротивляясь, она случайно вдохнула и наглоталась воды. И тут ее схватили за плечи, словно желая забраться на нее и вынырнуть на поверхность. А потом все исчезло, боль пропала и вода понесла Клару вверх.

ГЛАВА 23

ИЗЗИ

Спустя два дня после похорон матери Иззи стояла рядом с Пег на крыльце ярко-зеленого особняка в викторианском стиле. Сердце гроыхало в груди. Она долго колебалась, но наконец набрала в грудь воздуха, нажала на звонок и отступила от двери. Внутри дома слышались шаги по деревянному полу. Кто-то отодвинул и опять задвинул кружевную занавеску на дверном окошке, а потом завозился с замком. Наконец дверь открылась, и они увидели девушку в очках, с короткими темными волосами. Иззи подумала, что они зашли не в тот дом, но та с улыбкой спросила:

— Чем могу помочь?

— Здесь живет мисс Рита Тренч? — вежливо осведомилась Пег.

— Да, — ответила девушка. — А вы, простите, кто?

— Это моя приемная дочь Изабелла, — пояснила Пег, — а меня зовут Пег Бэрроус, я куратор музея. Я звонила недавно, спрашивала, сможет ли мисс Тренч ответить на несколько вопросов о своей работе в лечебнице Уиллард.

— Ах да, — кивнула девушка и с улыбкой протянула руку. — Меня зовут Рене, я ухаживаю за Ритой. Пожалуйста, входите.

Рене провела их внутрь, закрыла дверь и предложила раздеться. Под ногами путались кошки всех мастей: они мяукали, потягивались и точили когти о коврик. На лестнице и на диванчике в прихожей тоже были кошки, некоторые спали, уютно свернувшись калачиком.

— Надеюсь, аллергии у вас нет, — засмеялась Рене.

Иззи и Пег улыбнулись и покачали головами. Рене проводила их по узкому коридору в заднюю часть дома. Открытые двери с обеих сторон коридора вели в столовую и гостиную. В комнатах стояла антикварная мебель. Все полки и другие поверхности были уставлены бесчисленными вазами, стеклянными фигурками, старинными часами, фарфоровыми чашками и книгами — столько книг Иззи никогда не видела. На каждой стене висели картины, черно-белые фотографии или позолоченные зеркала. В доме не было пустого места — везде что-

то лежало или стояло. Даже лампы были задрапированы лентами и шальями.

— Мисс Тренч живет одна? — спросила Пег.

Рене остановилась и посмотрела на них.

— Да, — тихо ответила она. — Она всегда жила одна. У нее не осталось родственников. Грустно, правда? Но вы на возраст не смотрите. Ей за девяносто, но у нее такой ясный ум, что дай бог каждому.

— Она помнит, как работала в Уилларде? — спросила Иззи.

— А как же, — ответила Рене и пошла дальше. — К ней часто приезжают люди, расспрашивают о судьбе своих родственников. Она почти всех помнит.

Пег ободряюще улыбнулась Иззи, и у девушки чаще забилось сердце. Они вошли в просторную комнату с кухонной зоной и гостиной. Солнечные лучи, проникающие через двери, ведущие в патио, отражались от белых стен, наполняя комнату воздухом и ярким светом. На козетке полулежала седовласая женщина. Колени ее были прикрыты одеялом, на котором спал белый кот. Ноги в домашних тапочках свисали с края. Она расслабленно-откинулась на спинку. У нее был квадратный подбородок, словно у старого футболиста или борца-тяжеловеса. Это была поразительно мощная, крепкая старуха. Похоже, мисс Тренч не из тех, кто скукоживается со временем.

Вдруг она улыбнулась и приподнялась, жестом приглашая их сесть.

— Добро пожаловать, — произнесла она. — Хотите кофе, чая?

Пег и Иззи сели на диванчик кремового цвета, расположенный напротив кушетки.

— Нет, спасибо, — ответила Пег, — ничего не нужно.

— Прошу вас, — настойчиво повторила мисс Тренч. — У меня не часто бывают гости. Уважьте старуху, выпейте чашку чая. Рене, у нас шоколадный торт остался?

— Боюсь, что нет, — ухмыльнувшись, ответила Рене. — Вы же сами съели сегодня на завтрак последний кусок.

— Вот черт! — прыснула мисс Тренч и, спихнув с одеяла кота, свесила ноги с козетки. — Ну чаю-то все равно можно выпить, правда? Что вас ко мне привело, юные леди?

— Мы надеемся, что вы расскажете нам об одной из пациенток Уилларда, — сказала Пег.

— Если я ее помню, — кивнула мисс Тренч. — Как ее звали?

Пег незаметно подтолкнула Иззи локтем. Та сглотнула и подалась вперед:

— Клара Элизабет Картрайт.

Мисс Тренч, нахмурившись, откинулась назад.

— Вы ее родственница? — спросила она, подслеповато разглядывая Иззи.

Иззи покачала головой.

— Нет, — ответила она. Кровь бросилась ей в лицо. А если мисс Тренч им не поможет? Что тогда? — Мы нашли ее чемодан, который она привезла с собой в Уиллард.

— Мы готовим в музее выставку, — объяснила Пег, — пытаемся воссоздать жизнь пациентов больницы. Нам удалось получить доступ к документам всего нескольких человек, потому что они засекречены даже для членов семей. Нас очень заинтересовала судьба Клары. Но в ее деле не хватает кое-каких сведений. Например, мы не нашли свидетельства о смерти.

Мисс Тренч фыркнула и, кивнув, прикрыла глаза.

— Кто бы сомневался, — сказала она.

Старуха вновь положила кота на колени и стала поглаживать его морщинистой заскорузлой рукой. Но в какой-то момент ее движения замедлились, и она начала клевать носом. Иззи испугалась, что мисс Тренч просто заснет, однако неожиданно та подняла на нее совершенно ясные глаза.

— Я ее помню, — сказала она. — Клара была такая хорошенькая.

Иззи задержала дыхание от волнения. Рене принесла чайник на серебряном подносе и поставила его на журнальный столик. Она разлила чай, раздала всем фарфоровые чашечки и села в мягкое кресло рядом со своей подопечной.

— Вот лимон и сахар, угощайтесь, — предложила она.

Пег взяла себе и Иззи по два кусочка сахара. Иззи дрожащей рукой подняла изящную чашечку и блюдце, из вежливости сделала глоток, потом поставила чай на поднос, убрала руки на колени и сжала кулаки.

— В документах сказано, что Клара родила в Уилларде девочку, — сказала она. — Вы об этом что-нибудь знаете?

Мисс Тренч кивнула, поджав губы.

— Да, — тихо подтвердила она. — Клара чуть с ума не сошла от горя, когда у нее забрали ребенка.

Иззи застыла. На грудь словно положили холодный камень. Бедная Клара! Ее лишили свободы, разлучили с любимым мужчиной, да еще и ребенка забрали! Как она это пережила?

— Значит, ее дочь отдали приемным родителям? — спросила Пег.

Мысли Иззи стали разбегаться. Допустим, девочку удочерили. Была ли она счастлива в семье приемных родителей, или ее переводили из одного дома в другой? Она считала себя сиротой или думала, что была нежеланным ребенком? Знала ли она, кто ее мать? Если да, то не чувствовала ли она себя неполноценной из-за того, что ее мать была душевнобольной? Хотела ли ее навестить? А может, она гнала мысли о матери, предпочитая делать вид, что ее никогда не существовало? Может, она всю жизнь, как Иззи, боялась, что пойдет по ее стопам, потому что не сможет противостоять генам безумия, которые посеют хаос в ее мозгах?

Мисс Тренч покачала головой.

— Деток, которые рождались в Уилларде, обычно забирали родственники, — сказала она. — Или их отдавали на усыновление. Но судьба дочери Клары сложилась по-другому.

Иззи проглотила слюну. Горло обжигал горячий комок.

— Что это значит? — помрачнела Пег. — Что с ней стало?

Мисс Тренч вздохнула, скатывая узловатыми пальцами комок кошачьей шерсти.

— Почему вы расспрашиваете о ее дочери? — спросила она. — Вы же хотели узнать о Кларе?

Иззи дрожащими руками достала из сумочки дневник Клары.

— В чемодане мы нашли эти записи, — объяснила она, показывая дневник мисс Тренч. — Клара рассказала, как жила до поступления в Уиллард. Я хочу найти дочь Клары и отдать ей дневник матери. Если она еще жива, то должна узнать правду о том, что с ней случилось.

Мисс Тренч бросила взгляд на Рене. Казалось, она побледнела.

— Знаешь, золотко, сегодня мне потребуется что-нибудь покрепче чая, — сказала она. — Достань бренди, ладно?

— Но еще слишком рано, — запротестовала Рене. — Вы еще даже не обедали!

— Рано, не рано — мне плевать! — воскликнула мисс Тренч, хлопнув по ноге рукой с синими венами. — Всего один глоточек бренди! Делай, что я сказала! За что я тебе плачу?

Рене покачала головой.

— Хорошо, — согласилась она, вставая и направляясь на кухню. — Но когда врач узнает, он будет очень недоволен.

— Ничего он не узнает, если ты ему не скажешь! — хрипло прокричала мисс Тренч.

Когда Рене скрылась из виду, старуха слабо улыбнулась Пег и Иззи.

— Ребенка Клары не отдали на усыновление, потому что это была особенная девочка, — сказала она.

— Как это понимать? — удивилась Пег.

— Она была рождена здоровой матерью, — сказала мисс Тренч. — Ее лечащий врач знал, что ребенок тоже будет здоров. Он был уверен, что душевная болезнь ей не грозит.

— Хотите сказать, — у Пег округлились глаза, — что Клара не была сумасшедшей? Что она по ошибке оказалась в психлечебнице?

— Верно, — подтвердила мисс Тренч.

— Ее врач это знал?

Мисс Тренч кивнула.

— Почему же ее держали там? — спросила Иззи. — Почему ее не отпустили?

— Тогда все было по-другому, — вздохнула мисс Тренч. — В лечебницах было полно здоровых людей, особенно женщин. А мы думали, так и надо.

— Но вы сказали, врач знал, что Клара здорова, — напомнила Пег.

— Сначала не знал, — ответила мисс Тренч. — Мы все считали ее душевнобольной. Ситуация была непростая, потому что в ней были замешаны другие люди. Когда доктор Роуч понял, что она всего лишь несчастная молодая девушка, которая поссорилась с родителями, было слишком поздно. Ничего было не исправить.

— Как это? — в бешенстве спросила Иззи и сама испугалась того, какая злость ее охватила.

— Жена доктора Роуча не могла иметь детей, — объяснила старуха. — Они пытались, но бедняжка то и дело выкидывала.

Иззи закрыла живот рукой, почувствовав, что ее сейчас стошнит.

— Врач забрал ребенка Клары? — спросила Пег.

В эту минуту с бутылкой бренди вернулась Рене. Она налила немного в чашку мисс Тренч и поставила бутылку на стол. Старуха с хлюпаньем осушила чашку.

— Правильно, — подтвердила мисс Тренч. — Он забрал ее себе и воспитал как родную дочь.

— А где он сейчас? Вы знаете, чем он занимается? — спросила Пег.

— Знаю, — ответила мисс Тренч. — Лежит со своей женой на кладбище в Итаке. — Она без выражения уставилась на журнальный столик. — Никогда не понимала, почему она с ним так и не развелась.

— А дочь Клары? — продолжила расспросы Пег. — Что с ней?

— Насколько я знаю, она жила в Итаке. Работала учительницей. В младших классах, кажется.

У Иззи упало сердце.

— Работала? — переспросила она.

— Сейчас она, наверное, уже на пенсии, — пояснила мисс Тренч. — Ей седьмой десяток пошел, по моим подсчетам.

Иззи с облегчением вздохнула.

— Вы знаете, как ее зовут?

Мисс Тренч кивнула.

— Сьюзан, — сказала она. — Супруга доктора Роуча как-то приводила девочку к нему на работу. Ей тогда было годика четыре. Доктор был очень недоволен. Он сказал жене, чтобы она больше никогда так не делала. У меня тогда глаза на лоб полезли, когда я поняла, чей это ребенок.

— Вы ему что-нибудь сказали? — спросила Иззи. — Доктор Роуч понял, что вы знаете правду?

Мисс Тренч, нахмурившись, покачала головой.

— А смысл?

— Сьюзан знала, что она им не родная дочь? — спросила Пег, потом дотронулась до колена Иззи, ласково посмотрела на нее и осторожно произнесла: — Я понимаю, ты считаешь, что Сьюзан

должна прочесть дневник своей матери. Но если она не знает, что ее удочерили, то, наверное, лучше ей и не говорить.

— Все она знает, — перебила мисс Тренч. — Миссис Роуч была прекрасной женщиной. Она показала мне Сьюзан и сказала, что не хочет, чтобы девочка случайно узнала о том, что ее удочерили, как это произошло с ней. Она объяснила дочери, что Бог разрешил ей самой выбрать себе ребенка. И она выбрала ее.

— Вы часто видели Сьюзан после того, как они ее забрали? — спросила Пег.

— Всего раз, — ответила мисс Тренч. — Она была такая миленькая, совсем как ее мать, но темноволосая и с карими глазами.

Старая женщина вытерла мокрые щеки.

— И как ее отец Бруно, — тихо заметила Иззи.

— Точно, — подтвердила мисс Тренч.

— Постойте, — вскинулась Иззи. — Откуда вы знаете про Бруно?

Мисс Тренч поджала губы и жадно отхлебнула чай, смешанный с бренди. Она наклонилась, чтобы поставить чашку с блюдцем на стол, но руки так сильно дрожали, что она их чуть не уронила. Рене забрала у нее чашку и вернула на поднос.

— Может, сделаем перерыв? — предложила она. — Она устала от воспоминаний.

Но мисс Тренч взмахнула рукой и затрясла головой.

— Нет, нет! — возразила она. — Я и так слишком долго молчала. Я хочу снять груз с души, пока не умерла. — Она набрала воздуха и медленно выдохнула. — Бруно приехал в Уиллард, чтобы спасти Клару.

Иззи ахнула. Ее бросило в жар.

— Ему это удалось? — спросила она.

— Нет, — ответила мисс Тренч, и ее глаза вновь наполнились слезами. — Доктор Роуч и его запер в лечебницу.

Вдоль позвоночника Иззи, будто змея, заструился холод, а шею сжали ледяные пальцы. Она с трудом сглотнула — девушка не верила своим ушам.

— Вы уверены? — изумленно спросила Пег.

— Еще бы, — кивнула мисс Тренч. — Я работала в тот день, когда его принимали.

— Это случилось до или после рождения Сьюзан? — спросила Пег.

— После, — ответила мисс Тренч.

— Значит, доктор Роуч уже забрал ребенка, — утвердительно сказала Пег.

В животе у Иззи ворочался тяжелый камень.

Мисс Тренч кивнула. Поджатые губы превратились в тонкую нить.

— Тогда я не знала, где девочка. Я думала, ее отдали в Общество усыновления, чтобы для нее подыскали подходящую семью.

— Клара и Бруно виделись в больнице? — спросила Иззи.

Мисс Тренч кивнула.

— Виделись. Спустя год примерно. Никогда не забуду, как они танцевали в День святого Валентина. Они были такой красивой парой! Они думали, никто не знает, что они нашли друг друга, но я-то знала.

— Почему же вы ничего не сказали? — воскликнула Иззи. — Почему не помогли им?

— А какой от меня прок, — вздохнула мисс Тренч. — Я же мелкая сошка. К тому же родственникам Клары и Бруно не было до них дела. К кому бы я обратилась? Если бы доктор Роуч об этом узнал, они бы никогда больше не увиделись. А так они могли бы встречаться на праздниках, когда мужчинам и женщинам разрешали общаться. Грустно, конечно, но хоть что-то.

— Кто-нибудь рассказал Сьюзан о том, кто ее родители? — спросила Иззи. — Она знала, что они лечились в Уилларде?

Мисс Тренч опустила глаза.

— Она знает, что ее мать была пациенткой, — сказала она. — Но доктор Роуч соврал жене, будто Клара умерла при родах. Наверное, Сьюзан сказали то же самое.

— Значит, Сьюзан всю жизнь думала, что ее сумасшедшая мать умерла, — тихо, без выражения произнесла Иззи.

Мисс Тренч пожала плечами.

— Наверное.

— А вам не кажется, она имела право знать, что Клару насильно удерживали в психбольнице? — вскипела Иззи.

Мисс Тренч затрясла головой. Она достала дрожащими пальцами из рукава скомканный платок.

— Я же говорю, я видела Сьюзан всего один раз. Мне было интересно, как сложилась ее судьба, но я считала, что вмешиваться — не мое дело.

— Вы знаете, какая у нее фамилия? — требовательно спросила Иззи. — Она вышла замуж?

— Не знаю, — покачала головой мисс Тренч. — Простите.

— А ее второе имя? — не сдавалась Иззи.

Мисс Тренч закивала.

— Клара, — ответила она. — Миссис Роуч назвала ее так в память о родной матери.

— Так что случилось с Бруно и Кларой после того, когда они встретились в День влюбленных? — спросила Иззи. — Они остались в больнице до самой смерти? Они часто виделись?

Мисс Тренч вытерла платком нос.

— Ну, — пролепетала она, — об этом лучше спросить у самой Клары. Вы не нашли в ее деле свидетельства о смерти, потому что она еще жива.

Спустя неделю после поездки к мисс Тренч Иззи сидела напротив Пег в залитой флуоресцентным светом кафешке в Итаке и нервно дергала коленом под пластиковым столом. В полдень помещение наводнили студенты, пожилые пары и семьи с маленькими детьми. Официантки выкрикивали заказы и сновали туда-сюда с подносами, разнося горячие бутерброды, куски яблочного пирога, газировку с мороженым и кофе. На двери зазвенел колокольчик, и Иззи в сотый раз вытянула шею, глядя поверх голов посетителей за соседним столиком, чтобы узнать, кто стоит у двери. На этот раз явилась пожилая пара: низкорослый старичок в синей военной бейсболке и женщина в желтом плаще, которая, переваливаясь с боку на бок, словно утка, поковыляла к свободному столику. Иззи вздохнула, схватила солонку и стала вертеть ее в руках, чтобы успокоиться.

— Слышала выражение «кто над чайником стоит, у того он не кипит»? — спросила Пег и, откинувшись назад, улыбнулась.

— А вдруг она передумала? — спросила Иззи.

— Сомневаюсь, — успокоила ее Пег и посмотрела на часы. — Я предложила ей встретиться после полудня, до половины первого. А сейчас всего десять минут.

К их столику подошла раскрасневшаяся и запыхавшаяся официантка — молоденькая, всего на пару лет старше Иззи. Светлые волосы были завязаны в «конский хвост». Она убрала за ухо выбившуюся прядь, вытащила из передника блокнот и улыбнулась.

— Что будем есть? — спросила она.

— Мы ждем знакомую, — сказала Пег. — Принесите пока что-нибудь попить, если можно.

Официантка оглянулась через плечо.

— Ладно. А она скоро придет? А то хозяин не любит, когда столики надолго занимают.

Пег улыбнулась.

— Она будет здесь с минуты на минуту, — пообещала она. — Но когда вы подойдете к нам в следующий раз, мы обязательно что-нибудь закажем, даже если она не появится.

— Хорошо, — кивнула девушка. — Так что вы будете пить?

Пег заказала кофе, Иззи взяла колу. Они молча ждали, пока официантка записывала заказ. Наконец она удалилась, раскачивая «хвостом». Иззи только собралась выразить свое недовольство владельцем кафе — еще чего не хватало, прогонять посетителей! — как к их столу подошла пожилая женщина, высокая, стройная, с черными, как смоль, глазами и стильно подстриженными седыми волосами. Она выглядела изысканно: длинное темное пальто, высокие ботинки; лавандовый шарф, намотанный вокруг шеи, совпадал по цвету с тенями на веках. Иззи чуть не ахнула — женщина была поразительно похожа на Клару, только глаза у нее были темные, а кожа смуглая, загорелая, карамельного оттенка.

— Вас зовут Пег? — осведомилась дама, приподняв идеально выщипанные брови.

Пег вскочила со скамьи и протянула ей руку.

— Да, — с улыбкой подтвердила она. — А вы, должно быть, Сьюзан. Спасибо, что пришли. — Она показала на свободный стул. — Садитесь, пожалуйста. Я пересяду к Иззи.

Сьюзан села за стол и потянула шарф, чтобы его ослабить.

— А вас зовут Изабелла, я полагаю? — приветливо обратилась она к Иззи.

Иззи кивнула и пожала ей руку.

— Приятно познакомиться, — дрожащим голосом сказала она и дотронулась до сумочки, которая лежала на подушке рядом с ней. В ней был спрятан дневник Клары. При мысли об этом ее сердце забилось чаще.

— Что же случилось, Изабелла? — спросила Сьюзан. — Ваша матушка сказала, вы хотите мне что-то показать. Это связано с лечебницей, где работал мой отец?

Иззи сглотнула и выпрямилась.

— Да, я...

В эту минуту энергичная официантка принесла Пег и Иззи заказанные напитки. Она поставила их на стол и взглянула на Сьюзан.

— Принести вам попить, пока вы смотрите меню? — спросила она.

— Да, будьте добры, — ответила Сьюзан. — Чашку чая, пожалуйста. С лимоном.

— Сейчас будет, — кивнула официантка и удалилась.

— Можно я скажу кое-что, прежде чем мы начнем? — обратилась к Сьюзан Пег. — Задам пару вопросов. На всякий случай, чтобы не было недопонимания.

Сьюзан улыбнулась.

— Да, разумеется.

Пег откашлялась.

— Я не родная мать Иззи, а опекунша, — сказала она. — Не помню, говорила ли я вам об этом.

Сьюзан растерянно нахмурилась. Затем ее лицо прояснилось, и она сказала:

— Верно, вы упомянули об этом по телефону.

— К сожалению, родная мать Иззи недавно умерла.

— Какой ужас, — искренне произнесла Сьюзан. Она посмотрела на Иззи, словно желая ее подбодрить. — Деточка, я тебе очень сочувствую. Я тоже потеряла мать. Она умерла сразу после моего рождения.

— Я знаю, — кивнула Иззи, — а потом вас удочерили.

Пег заерзала и выразительно посмотрела на нее. Может, не стоит забегать вперед? Но Иззи была не в силах сдерживаться. От желания быстрее рассказать Сьюзан правду о Кларе и Бруно ее потряхивало,

словно она сунула палец в розетку. Иззи вытерла ладони о брюки и чинно сложила руки на коленях.

— Откуда вы знаете? — удивилась Сьюзан. Она подозрительно посмотрела на Пег. — В чем дело?

— Извините, пожалуйста, — сказала Пег. — Иззи немного нервничает. Я надеялась, что вы вспомните о своей матери, когда мы скажем о том, что мать Иззи умерла.

— Почему вы просто не спросили? — сказала Сьюзан. — Я думала, вы хотите что-то узнать об Уилларде и моем отце.

— Мы все вам объясним, — заверила Пег. — Обещаю. Но сначала нам нужно еще кое-что уточнить.

Сьюзан вздохнула.

— Хорошо, — согласилась она. — Что именно?

— Что вам известно о вашей родной матери?

— Только то, что рассказывала мне приемная мать. Она была пациенткой Уилларда.

— И все? — спросила Пег.

— Отец не разрешал нам об этом говорить, — сказала Сьюзан. — Я лишь знаю, что моя мать была его пациенткой. Она умерла при родах, когда я появилась на свет. Лет пятнадцать назад, после смерти приемной матери, я пыталась найти о ней сведения, хотя не знаю ее полного имени. Но мне не разрешили ознакомиться с документами, несмотря на то что я родственница бывшей пациентки.

Сьюзан, наморщив лоб, покачала головой.

— Все это очень странно. Они даже не сказали мне, в какой могиле похоронена моя мать, чтобы я могла ее навестить.

Иззи подалась вперед. Внутри у нее все трепетало.

— У вас были хорошие отношения с приемным отцом? — спросила она.

— А это здесь при чем? — удивилась Сьюзан, наклонив голову набок.

Пег побарабанила по столу, давая знак Иззи не торопиться.

— Я понимаю, почему Иззи об этом спросила, — заметила она, — но давайте все по порядку. — Пег взглянула на Иззи, призывая ее к терпению, и продолжила: — Значит, вы всегда хотели больше узнать о родной матери?

Сьюзан пожала плечами.

— Конечно, — сказала она. — По-моему, всем интересно, кем были их родители. — Она положила холеные руки на край стола и вздохнула. — Впрочем, если честно, в молодости я старалась об этом не думать. Меня пугала мысль о том, что мать была душевнобольной. С возрастом я поняла, что этот страх во многом повлиял на важные жизненные решения, которые я принимала. Моя приемная мать не понимала, почему я не хочу выходить замуж и иметь детей. А я не знала, как объяснить ей, что боюсь...

— ...передать детям дурные гены, — перебила Иззи.

— Абсолютно верно, — несколько удивленно подтвердила Сьюзан. — Я понятия не имею, какая болезнь засела в моей ДНК. И я не решалась спрашивать у приемного отца. Он был очень заботливым, но довольно вспыльчивым. Когда я немного подросла и решила расспросить его о родной матери, он буквально вышел из себя и запретил мне впредь это делать. Мать спрашивать было бесполезно, потому что она во всем подчинялась ему. К тому же я не хотела ее обижать или расстраивать. Она была очень слабым и чувствительным человеком.

— Вам было бы интересно узнать, что случилось с вашей родной матерью? — спросила Пег. — Даже если это не совпадает с тем, что рассказывал вам отец?

Сьюзан побледнела. Она пристально смотрела на Пег. В этот момент к столику подошла официантка. Она поставила на стол белую кружку, миниатюрный серебристый чайник и блюдце с лимонными дольками, потом полезла в передник за блокнотом и ручкой. Иззи застонала про себя.

— Не могли бы вы оставить нас на несколько минут? — попросила Пег.

Официантка закатила глаза и отошла.

— Не понимаю, — произнесла Сьюзан. — Откуда вам что-то известно о моей матери?

Пег стала рассказывать о своей работе в музее. Она описала проект, посвященный Уилларду, объяснила, что работа Иззи состояла в том, чтобы описывать содержимое чемоданов и сундуков. Когда Пег упомянула, что они получили доступ к документам, Сьюзан широко раскрыла глаза и подалась вперед, словно боялась пропустить хоть одно слово.

— Иззи много знает о вашей матери, — сказала Пег. — Даже больше, чем я. Она очень хотела встретиться с вами, рассказать, что случилось с вашими родителями.

У Сьюзан вытянулось лицо, и она откинулась на спинку кресла.

— С моими родителями? — нахмурившись, переспросила она. — Отец не знал, от кого забеременела моя биологическая мать.

Иззи втянула воздух.

— Простите, — перебила она, — но это неправда. Доктор Роуч все прекрасно знал.

— Как это понимать — «все»? — удивилась Сьюзан. — Пожалуйста, расскажите, что вам известно, не мучайте меня.

— Прежде всего, — сказала Пег, — я хочу, чтобы вы знали: я не считаю, что ваш приемный отец хотел причинить вред вам или вашей биологической матери. В те времена душевные болезни лечили по-другому, да и отношение к ним с тех пор поменялось. Он просто делал то, что от него требовалось. Но почему он решил оставить в больнице вашего настоящего отца... это другое дело.

— Вы утверждаете, что моего отца тоже лечили в Уилларде? — спросила Сьюзан. У нее дрожал подбородок. Она сжала губы и заморгала, чтобы сдержать слезы. — Слава богу, что я прислушалась к интуиции и не стала заводить детей!

— Нет, — сказала Иззи, качая головой. — Все не так.

Она потянулась через стол и дотронулась до руки Сьюзан. Удивительно — она утешает почти незнакомую женщину! Второй рукой Иззи достала из сумки фотографию.

— Разрешите, я вам что-то покажу.

Она положила на стол черно-белый снимок.

— Это Клара Элизабет Картрайт и Бруно Моретти, — срывающимся голосом пояснила она. — Ваши родители. И, можете мне поверить, они не были сумасшедшими.

Сьюзан наклонилась вперед и дрожащими пальцами взяла фотографию.

— Какие они красивые, — благоговейно произнесла она, прижимая руку к губам.

— Вы на них очень похожи, — откликнулась Пег.

— Бруно пытался вызволить Клару из Уилларда, — продолжила Пег, — но его тоже забрали в больницу.

— Зачем? — поразилась Сьюзан.

Пег взглянула на Иззи. Они договорились не торопиться и не рассказывать Сьюзан свою версию, согласно которой доктор Роуч объявил Бруно сумасшедшим, чтобы тот не узнал, что он взял его ребенка себе. Не стоит обрушивать на Сьюзан такую шокирующую новость. Кроме того, они не были стопроцентно уверены, что это так.

— Мы точно не знаем, — ответила Пег.

— Его выпустили оттуда?

— Мы точно не знаем, что случилось, потому что понятия не имели, что он тоже был пациентом Уилларда, — пояснила Иззи. — Иначе мы бы поискали его документы, когда получили доступ в архивы.

— Возможно, нам еще представится такой шанс, — предположила Пег, — но, если честно, я в этом сомневаюсь.

— Картрайт... — произнесла Сьюзан, похлопывая себе по подбородку. — Мне знакомо это имя. Генри Картрайт и его жена погибли во время пожара в тоннеле Холланда. Мне тогда было двадцать лет. Все журналисты трубили об этом, потому что он был знаменитым банкиром.

— Это ваши бабушка и дедушка, — сказала Иззи.

Сьюзан вскинула брови.

— Откуда вы знаете?

Иззи набрала в грудь воздуха, достала из сумки блокнот и положила его стол.

— Здесь все написано, — объяснила она. — Это дневник вашей матери.

Сьюзан ахнула и осторожно дотронулась до зеленой кожаной обложки. Она открыла дневник и пробежала взглядом по первым строчкам.

— Оставьте его себе, — предложила Пег.

Сьюзан долго молчала, потом взяла дневник и прижала его к груди.

— Спасибо вам большое, — поблагодарила она, улыбаясь сквозь слезы. — Даже не знаю, как вас благодарить!

Она снова взяла фотографию. У нее дрожали губы.

Иззи кашлянула.

— Это еще не все, — сердце, казалось, вот-вот взорвется. — Ваша мать не умерла при родах. В прошлом году Уиллард закрыли, и ее перевели в дом престарелых в Итаке.

Сьюзан уронила фотографию и прижала руку ко рту. Глаза у нее стали большими, как блюдца.

— Может, когда вы прочитаете дневник, — продолжила Иззи, — вы захотите ее навестить?

ГЛАВА 24

ИЗЗИ И КЛАРА

Несмотря на то что День благодарения праздновали три недели назад, стены и окна дома престарелых в Итаке до сих пор украшали фигурки оранжевых индеек и первых переселенцев в черных шляпах. Иззи вместе с Пег и Сьюзан шагала по душным коридорам за молоденькой медсестрой в розовой униформе. На лбу у Иззи выступил пот. Она сняла куртку и повесила на руку. Надо было надеть что-нибудь полегче. Воздух был пропитан застарелым запахом куриного супа, вареной картошки, хлорки и мочи. К ним, шаркая ногами, приблизился старик. Его заскорузлые руки сжимали две трости на четырех ножках, а пятнистая от возраста голова покачивалась над тоненькой шеей. Иззи смотрела прямо перед собой, чтобы не видеть в комнатах больничные койки, ходунки и седых старух в инвалидных креслах, не спускающих взгляда с орущих телеэкранов.

Она тихо чертыхнулась. Дом престарелых напомнил ей о тюремной палате, в которой лежала ее мать. Иззи облизала соленые от пота губы. В мире полно больных, несчастных людей, и никаких больниц, психушек и тюрем не хватит, чтобы исцелить их разбитые сердца, больные мозги и растоптанные души. Иззи набрала в грудь воздуха и постаралась прогнать эту мысль. Она решила думать только о Сьюзан и Кларе. Что ж, ей есть чем гордиться: во всяком случае, она сделала все возможное, чтобы исправить хотя бы эту ошибку, залатать хотя бы одно разбитое сердце.

Если, конечно, женщина, которую они сейчас увидят, — это действительно Клара Элизабет Картрайт.

Иззи до последнего верила мисс Тренч, но на парковке дома престарелых Сьюзан вдруг призналась в своих сомнениях по поводу того, что эта женщина — ее мать, и Иззи забеспокоилась. Сьюзан права: столько лет прошло, что медсестра вполне могла ошибиться. Уиллард — большая больница, и там могли что-то перепутать, неправильно записать имена. Совсем не факт, что эта женщина окажется Кларой Элизабет Картрайт, что бы ни говорила бывшая медсестра. За последние шестьдесят лет в Уилларде лечились тысячи

женщин, и среди них могла затесаться полная тезка Клары. Поэтому лучше не рассчитывать на то, что они нашли того, кого искали. Сьюзан повторяла, что старается не терять надежды, но сначала хочет убедиться в этом сама, увидеть ее своими глазами, никому ничего не объясняя, даже работникам дома престарелых.

Наконец медсестра остановилась у двери и повернулась к ним. В свете флуоресцентной лампы ее розовая униформа светилась, как яркая неоновая вывеска. Иззи дернула себя за воротник — она задыхалась.

— Клара такая милая старушка, — рассказывала медсестра. — Она очень удивится и обрадуется, что к ней пришли гости! Но я должна предупредить: порой ей отказывает память, и она раздражается, если не может что-то вспомнить. Похоже, это первая стадия Альцгеймера. Я знаю, вы пришли расспросить ее об Уилларде, но если она слишком разволнуется, придется попросить вас уйти. Она может сказать, что у нее есть дочь. Не возражайте. Она чуть не плачет, когда ей не верят.

Сьюзан тихо ахнула и прижала руку к груди. Девушка улыбнулась и открыла дверь в палату.

В маленькой душевой комнате стояли две больничные койки. На стене напротив висели два телевизора. Они были выключены. На первой кровати, открыв рот, спала пожилая женщина. Пряди седых волос разметались по ее морщинистому лицу. Медсестра прошла мимо и остановилась у второй кровати, показав на миниатюрную старушку, которая сидела, откинув голову, на стуле напротив окна.

Ее розовые веки были полуприкрыты. Тонкие седые волосы в лучах солнца напоминали клубы тумана. Она сжимала крючковатыми пальцами подлокотники, и тонкие косточки на старческих руках выдавались вперед, будто ребристый веер. На ногах у нее лежало красное одеяло, хотя в комнате было жарко.

— Она спит? — шепотом спросила Пег.

Медсестра покачала головой.

— Нет, — ответила девушка, — просто она немного глуховата. — Клара, смотрите! К вам пришли гости! — громко сказала она.

Клара заморгала и открыла глаза. Схватившись за подлокотники, она развернулась, чтобы взглянуть на них. У нее запал рот, и бледная

кожа иссохла за долгие годы тоски и страданий. Она по очереди осмотрела посетительниц. Сухонькие ручки едва заметно дрожали.

Медсестра быстро подошла к ней.

— Давайте я поверну ваш стул, чтобы вы могли поговорить с вашими гостями, — отчетливо сказала она и подала Кларе вставную челюсть.

Та вставила ее в рот, и у нее сразу появились губы.

— Они хотят расспросить вас об Уилларде. Здорово, правда? Вы помните Уиллард?

Клара схватила одеяло тонкими ручками и с усилием встала со стула. На ней был розовый халат, красные тапочки и носки длиной до колена. Шаркая ногами, она отступила в сторону, чтобы медсестра повернула стул. Потом она снова в него уселась, накрыла ноги одеялом и посмотрела на Иззи, Пег и Сьюзан, на которой ее водянистые глаза задержались на секунду дольше. Сьюзан опустила взгляд и стала суетливо развязывать шарф. Медсестра задернула занавеску между кроватями.

— Ну что ж, я вас оставлю, — бодро сказала она, — но скоро приду. Вам что-нибудь нужно?

— Нет, — ответила Пег. — Все хорошо, спасибо.

Когда медсестра ушла, Сьюзан села на стул в углу. Иззи поставила рюкзак на пол и дотронулась до ее плеча.

— Как вы себя чувствуете?

Сьюзан потерла лоб. Было заметно, как в ее венах на висках пульсирует кровь.

— Нормально, — еле слышно ответила она.

— Правда? — прошептала Пег. — Может, лучше подождать?

Сьюзан покачала головой.

— Все в порядке.

Пег сделала шаг вперед и присела на корточки рядом с Кларой, которая с любопытством смотрела на них.

— Здравствуйте, Клара, — громко поздоровалась она. — Как вы поживаете?

Клара едва заметно улыбнулась.

— Могло быть и хуже, — ответила она.

Иззи не ожидала, что у нее такой низкий хриплый голос. Она думала, он будет звонким, как у молоденькой девушки.

Пег встала.

— Меня зовут Пег, — представилась она. — А это моя приемная дочь Изабелла и наша подруга Сьюзан. Мы бы хотели поговорить с вами о том, как вам жилось в Уилларде, если не возражаете.

Клара кивнула.

— Не возражаю, — ответила она.

— Мы работали в Уилларде над музейным проектом и нашли там старые вещи пациентов, — объяснила Пег и показала Иззи, чтобы она взяла рюкзак, — в том числе огромный старый чемодан. Мы полагаем, что он принадлежал вам.

Клара пристально, с непроницаемым выражением лица, смотрела на Пег.

— Вы меня понимаете?

Клара кивнула.

— Мы хотим показать вам кое-какие предметы, чтобы проверить, узнаете ли вы их, — продолжила Пег. — Не возражаете?

Клара снова кивнула и сцепила руки на коленях, поглаживая корявым большим пальцем костяшку другого пальца.

Иззи вытащила из рюкзака пожелтевший нотный лист и подала его Кларе. Вокруг названия песни кто-то нарисовал сердечки. Красные чернила со временем потускнели. Клара вскинула подбородок, чтобы лучше его рассмотреть. Прочитав надпись, она ахнула, протянула к нотам дрожащую руку и положила их на колени. Потом ссутулилась, опустила голову и стала внимательно их разглядывать.

— Это мое, — наконец сказала она, поднимая увлажнившиеся глаза. — Подарок близкого человека. Я всегда хотела научиться играть на пианино, но отец был против.

Сьюзан, сидя в углу, смотрела на нее большими глазами, прижав пальцы к губам.

— А это? — спросила Иззи, протягивая ей открытку из Парижа.

Клара взяла открытку и улыбнулась.

— Я купила ее в Париже. Я ездила туда, когда мне было шестнадцать, — сказала она и тихо рассмеялась. — Собиралась отправить ее подруге, но решила оставить себе как сувенир.

Иззи, вздохнув поглубже, вытащила фото, на котором были изображены молодые Клара и Бруно. Клара так долго смотрела на снимок, что ее бледные щеки порозовели.

— Да, — сказала она, — мы были красивой парой, правда? — Она потянулась за фото, но вдруг вздернула руку к дрожащему подбородку, словно боялась до него дотронуться.

— Вы помните, кто это? — спросила Пег.

Клара фыркнула и вытерла нос.

— Конечно, помню, — сдавленным голосом сказала она. — Я столько лет не видела это фото... Много, много лет.

Наконец она взяла фотографию и прижала ее к груди. Затем, сделав глубокий вдох, взглянула на него еще раз.

— Спасибо большое, что принесли его мне!

Иzzi, едва сдерживая слезы, достала из рюкзака дневник, присела рядом с Кларой и положила тетрадь ей на колени.

— Простите, — решила она, — но я его прочитала. Я бы никогда этого не сделала, но я думала, вас уже нет в живых, — Иззи осеклась и сглотнула слюну. — Поэтому мы к вам приехали. Если бы не дневник, мы бы вас не нашли.

Клара провела дрожащими пальцами по зеленой кожаной обложке. Минуту она молчала. Затем перестала шевелить рукой, откинулась на спинку стула и вздохнула.

— Значит, вы все знаете, — сказала она. — Отец упрятал меня в психушку.

— Да, — ответила Иззи. — Мы знаем. Он поступил ужасно.

Клара, как в замедленной съемке, протянула руку и погладила Иззи по руке, потом взяла фото, засунула его в дневник и положила тетрадь на стол. Она скинула одеяло и взялась за подлокотники, чтобы встать. Иззи выпрямилась и отступила назад. Сердце оглушительно стучало в груди. Она боялась, что Клара велит им убираться и оставить ее в покое. Старушка с трудом выпрямилась, раскачиваясь всем щедедушным телом. Она одернула халат, коснулась редких волос и сделала глубокий вдох. Потом посмотрела на Сьюзан.

— Ты моя дочь, так ведь? — спросила она.

Сьюзан вскочила со стула. По ее лицу градом катились слезы.

— Я думаю, да, — ответила она.

Клара прижала ладони ко рту. Ее лицо вытянулось. Она шагнула к Сьюзан, протягивая к ней руки. Сьюзан бросилась к ней, и они, смеясь и плача, заключили друг друга в объятия.

— Я сразу поняла, кто ты, — сказала Клара. — У тебя мой нос и глаза, как у Бруно.

Сьюзан радостно рассмеялась.

— Правда? — спросила она.

— Сначала я сама не поверила, — ответила Клара, — но сердце не обманешь.

Она долго обнимала Сьюзан, потом отпустила ее и вытерла слезы. Шаркая по полу ногами, Клара с трудом направилась к креслу.

— Иди, посиди со мной, — позвала она Сьюзан.

Сьюзан переставила стул к ней поближе и взяла ее за руку.

— Я искала тебя, — всхлипывая, проговорила она, — но мне не удалось найти почти никакой информации. Я понятия не имела, что ты еще жива. Я бы...

Клара коснулась ее щеки, вытирая слезы тонкими, как бумага, пальцами.

— Тихо, тихо, — утешала она. — Теперь мы вместе. Это главное. Я знала, что так и будет. Если бы я в это не верила, я бы давно умерла.

— А мой отец? — спросила Сьюзан. — Он жив?

Клара покачала головой. Слезы полились у нее из глаз.

— Бруно пытался меня спасти, — сказала она. — У нас был план. Мы хотели тебя забрать. У нас почти получилось, но мы не успели. Они схватили нас, когда мы думали, что все позади. Бруно вернулся, чтобы спасти человека, который нам помог, и санитар ударил его по голове. Ударил слишком сильно...

— Господи, какой ужас, — срывающимся голосом сказала Сьюзан.

— Да, — ответила Клара, с трудом подавляя рыдания. — Мне жаль, что так вышло. Если бы я послушалась родителей, Бруно был бы жив, а нас бы с тобой не разлучили.

Сьюзан сжала ее руку.

— Не говори так, — сказала она, — ты же не знала, как все обернется.

— Я хочу тебе сказать: если бы от меня что-то зависело, я бы никогда тебя не отдала, — продолжила Клара. — Но они... — она замолчала. Ее подбородок и губы дрожали от горя. — Ребенку в Уилларде делать нечего. Но я думала о тебе каждый день. Я верила, что когда-нибудь выберусь оттуда и найду тебя. Я бы искала, пока не

нашла. Я бы всю землю обошла... — Она уронила голову, и слезы потекли по ее лицу.

Сьюзан бросилась ее обнимать.

— Я знаю! — воскликнула она, поглаживая мать по спине. — Ты не виновата. Теперь мы вместе, мы наверстаем упущенное время. Давай думать о хорошем.

Клара втянула носом воздух и вытерла слезы.

— Да, — согласилась она, — ты права. — Она немного подалась назад, вглядываясь в лицо дочери. — Скажи мне: тебя удочерили? Ты была счастлива?

Сьюзан кивнула, улыбаясь сквозь слезы.

— Да, — подтвердила она, — меня удочерили. И я была счастлива. В основном... — Она взглянула на Пег. До того как они приехали в дом престарелых, она сказала Пег и Иззи, что, если они найдут ее мать, она не станет рассказывать ей про доктора Роуча. Зачем ворошить прошлое? Кларе будет больно это слышать, а она и так настрадалась...

— Они назвали тебя Сьюзан, — задумчиво сказала Клара.

— Сьюзан Клара, — улыбнулась Сьюзан.

— А я выбрала для тебя имя Беатрис, — продолжила Клара. — Беатрис Элизабет Моретти.

— Как красиво. Мне нравится! — восхитилась Сьюзан.

Клара перевела глаза на Иззи.

— Ты вернула мне дочь! Как мне тебя благодарить?

Иззи улыбнулась и пожала плечами.

— Разве можно было поступить по-другому? — просто ответила она.

— Должно быть, ты ею очень гордишься, — обратилась Клара к Пег.

Пег обняла Иззи.

— Да, очень горжусь, — подтвердила она.

В этот момент в комнату вошла медсестра. Нахмурившись, она с беспокойством взглянула на Клару.

— Что здесь происходит? — поинтересовалась она. — Клара, вы в порядке?

— Я счастлива, — ответила Клара. — Я в жизни не была так счастлива. Вот, Дженни, познакомься с моей дочерью Сьюзан.

У медсестры отвисла челюсть, а глаза от удивления стали похожи на блюдца.

Сьюзан встала и пожала ей руку.

— Очень приятно.

— Я же говорила, у меня есть дочь, — продолжила Клара. — А меня никто не слушал. Видно, это мне на роду написано, — она хихикнула. Глаза ее сияли.

Иззи отдала Кларе остальные письма и фотографии Бруно, а Сьюзан стала расспрашивать медсестру о здоровье матери. Спустя несколько минут она присела на корточки рядом с Кларой.

— Дженни говорит, ты вполне здорова, — обрадованно сообщила она.

— Пожалуй, — согласилась Клара. — Неуклюжая только стала от старости, да и память порой отказывает.

— Послушай, — решила Сьюзан, — а может, переедешь ко мне? Я живу недалеко отсюда. У меня большой старый дом с огромным садом и две собаки. Я не роскошествую, но, как говорится, дома и стены помогают.

У Клары задрожали губы.

— У меня так долго не было дома — целых шестьдесят шесть лет. Я и забыла, что это такое, — едва слышно прошептала она.

— Значит, договорились, — сказала Сьюзан. — Мой дом — твой дом, раз ты согласна. Я сейчас на пенсии, так что смогу о тебе заботиться.

Клара улыбнулась. Ее глаза заблестели.

— Об этом я могла только мечтать, — сияя от счастья, согласилась она.

ГЛАВА 25

ИЗЗИ

В четверг, после уроков, Иззи буквально вбежала на кухню. Ей не терпелось вонзить зубы в чудесное шоколадное печенье, которое пек Гарри. У нее слюнки текли, когда она представляла, как вытащит из стеклянной банки штуки три, а то и четыре, и будет уплетать их, запивая большим стаканом молока. Гарри делал это печенье раз в две недели. Сказочная вкуснятина! Иззи бросила учебники на скамейку у двери, повесила пальто и вдруг встала как вкопанная. За последние две недели столько всего произошло — похороны матери, разговор с мисс Тренч, первое свидание с Итаном, встреча с Кларой и ее дочерью, — что она совсем забыла, какой сегодня день.

Пег и Гарри, широко улыбаясь, стояли на кухне. Вместо печенья они испекли шоколадный торт и украсили его цветами из белого и розового крема. В глазах опекунов отражался свет восемнадцати свечей. Под потолком плавали десятки розовых и сиреневых воздушных шаров. Завитки их ленточек падали вниз, словно струи дождя. Пег и Гарри запели: «С днем рождения тебя!» — и Иззи закашлялась, чтобы не заплакать. Когда в последний раз кто-то устраивал для нее праздник, пел для нее эту песню? Сложно сказать. Даже странно, что наступил тот самый день рождения, приближения которого она так боялась.

— Загадай желание! — воскликнула Пег.

— Хорошо, — зардевшись, согласилась Иззи.

Она откинула от лица волосы и задула свечи.

— Я предлагал Пег поздравить тебя после ужина, — сказал Гарри, — но она не могла ждать — так хотела сделать тебе сюрприз.

— Спасибо, — поблагодарила Иззи. — Вы украсили дом, испекли настоящий торт...

— Да! — радостно заявила Пег, обежала вокруг стола и обняла Иззи. — Будут и другие сюрпризы.

Она выдвинула стул.

— Но ты сначала сядь. Нам нужно кое-что обсудить.

Иzzi послушно села. Сердце забилось чаще. Пег устроилась напротив Иззи, положив руки на стол. Она сделала глубокий вдох и медленно выпустила воздух. Потом кашлянула, сглотнула — словно не знала, с чего начать. В груди Иззи скользнула холодная змейка разочарования. «Ну все, началось, — подумала она. — Сейчас Пег скажет, что мне пора убираться восвояси, потому что у них нет денег, чтобы меня кормить. Она попросит прощения, а потом добавит, что праздник решили устроить для меня, чтобы оставить о себе хорошую память».

— Возможно, я тороплю события, ведь твоя мама недавно умерла, — начала Пег. — Но мы с Гарри давно это обсуждали... Все документы готовы, и... ну... решать тебе, конечно... но... — Она жалобно взглянула на Гарри, словно обращаясь к нему за поддержкой.

Он обошел стол, беспокойно потирая ладони.

— С сегодняшнего дня ты считаешься взрослой, — продолжил он за нее. — Возможно, наше предложение тебе не понравится. Но мы... — он сел и взял Пег за руку, — мы бы хотели удочерить тебя, Иззи. Наверное, ты скажешь, что это ни к чему. Но мы мечтаем стать твоими родителями по-настоящему.

Иzzi открыла рот. Все слова куда-то делись. Пег взяла ее за руку.

— Мы любим тебя, хотим заботиться о тебе, — дрожащим голосом произнесла Пег. — Ты еще не раз встанешь перед сложным выбором — слишком сложным, чтобы делать его в одиночку. Мы хотим тебе помогать, хотим быть рядом, когда ты пойдешь в колледж, чтобы найти свое призвание... А на твоей свадьбе... — Пег, чуть не плача, сжала руку Иззи, — Гарри поведет тебя к алтарю. Это будет такое счастье! Потом ты родишь нам внуков...

Иzzi сжала губы. У нее дрожал подбородок. Она открыла рот, чтобы закричать «да!», чтобы сказать, что больше всего на свете она хочет стать им родной дочерью, но у нее болезненно сжалось горло.

— Что скажешь, детка? — спросил Гарри.

Иzzi с улыбкой закивала. Пег запищала от радости и зажала рот рукой. Все вскочили со своих мест и стали обниматься. Из глаз у всех троих брызнули слезы. Иззи зажмурилась. Удивительно: ее сердце поет от счастья, а ведь совсем недавно оно изнывало от горя. Она еще крепче сжала Пег и Гарри, представляя, как их сильные руки прогоняют прочь страхи и тревоги.

— Благодаря тебе мы так счастливы, — всхлипывая, призналась
Пег.

Вдруг кто-то постучал в дверь кухни.

— Входите! — крикнул Гарри.

В комнату вошли нагруженные подарками Алекс и Итан.

— С днем рождения! — хором прокричали они.

У них за спиной, взявшись за руки, стояли улыбающиеся Клара и
Сьюзан.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я очень рада, что могу воздать должное людям, которые помогали, поддерживали и верили в меня во время этого удивительного путешествия.

Прежде всего я хочу сказать, что никогда бы не осуществила свой замысел, если бы не труд Дарби Пенни и Питера Стастни, авторов книги «Жизнь, которую они оставили позади: чемоданы с чердака государственной лечебницы». Они заставили меня задуматься и открыли глаза на ужасные условия, в которых раньше содержались пациенты психиатрических лечебниц. Так у меня появилась идея, замысел новой книги. Я в большом долгу перед Дарби Пенни за то, что она потратила время, чтобы ответить на мои вопросы о государственной лечебнице Уиллард. Больше всего меня интересовало, на что была похожа жизнь пациенток в 30-х годах прошлого века. Надеюсь, вы простите меня за то, что ради увлекательности сюжета я позволила себе некоторые вольности в обращении с фактами.

Я также благодарна Деборе Цзян-Стейн, автору и основательнице проекта *The un Prison Project*, и Эндрю Томпсону, который поделился со мной своими знаниями о работе сотрудников исправительных учреждений.

Спасибо моим родственникам и друзьям, которые с пониманием относятся к тому, что я вечно занята, не обижаются из-за того, что я отвечаю отказом на их предложения встретиться, и не беспокоят, когда мне нужно побыть одной и поработать, чтобы закончить книгу вовремя. Я безумно благодарна вам за вашу веру в меня, за терпение и поддержку на моем тернистом пути, а главное — за вашу неизменную любовь.

Невозможно передать словами, как я благодарна коллективу издательства. Вряд ли мне удалось бы совершить это безумное и увлекательное путешествие, если бы не ваша дружба и ценные советы. Вместе мы завоюем целый мир, книга за книгой!

Я с большим удовольствием признаюсь в любви и выражаю благодарность моей подруге и кармической сестре Барбаре Титтерингтон. Спасибо за то, что всегда поддерживаешь меня и

читаешь мои черновики, а еще за то, что смотришь на меня с надеждой и веришь в мою звезду.

Я буду вечно признательна чудесному редактору Джону Сконамилю за то, что он дал мне шанс, а также терпеливому и дальновидному агенту Майклу Карру. Если бы вы знали, как я ценю вашу постоянную поддержку и замечательные советы, которые помогли сделать эту историю более выразительной! Кроме того, я благодарю агента по рекламе Виду Энгстрад, которой удалось собрать мнения других писателей о моих сочинениях, и директора юридического отдела Мерил Эрл — она занимается продажей прав на издание моих книг за границей. Я также хочу сказать спасибо Кристине Миллс-Ноубн за прекрасный дизайн обложки. И я благодарю коллектив издательства *Kensington* за тяжелый труд, хотя читатели не всегда о нем подозревают.

Я не могу не упомянуть о людях, окружавших меня и так или иначе помогавших мне: о библиотекаре, который предложил мне выступить с рассказом о книге, о журналисте, который написал обо мне статью, об участниках книжного клуба, которые пригласили меня домой, о людях, которые переводили деньги, чтобы я могла заниматься любимым делом, или читателях, которые прислали мне слова восхищения. Сложно передать, как много значат для меня ваша поддержка и доброта. Когда я вижу улыбки и волнение на ваших лицах, мои глаза наполняются слезами, а сердце — гордостью. Это одно из самых приятных переживаний, связанных с писательским трудом, и я всегда буду о вас помнить.

Кроме того, я от всего сердца благодарю мою любимую маму Сигрид за то, что она всегда стояла за меня горой, и дорогого мужа Билла, который видит меня насквозь. Мне не хватает слов, чтобы передать, как много он для меня значит. Наконец, я хочу выразить огромную любовь и благодарность моим детям — Бену, Джессике и Шейне, а также моим чудесным внукам — Райли, Харперу и Линкольну. Вы — мое главное достижение, и я люблю вас всем сердцем.

Вы все наполнили мою жизнь смыслом.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

В процессе создания романа «Что осталось после нее» я использовала несколько книг других авторов: книгу Дарби Пенни и Питера Стастни «Жизнь, которую они оставили позади: чемоданы, найденные на чердаке государственной больницы» (*The Lives They Left Behind: Suitcases from a State Hospital Attic*, by Darby Penney and Peter Stastny), книгу Нелли Бли «Десять дней в сумасшедшем доме» (*Ten Days in a Mad-House*, by Nellie Bly), а также труд Джеффри Л. Геллер и Макин Харрис «Женщины в больнице для душевнобольных: голоса из-за стен 1840–1945» (*Women of the Asylum: Voices from Behind the Walls 1840–1945*, by Jeffery L. Geller and Maxine Harris).

Эти книги оказали мне неоценимую услугу, когда я пыталась представить, как жили пациенты в лечебницах для душевнобольных, однако мой роман — это не историческое исследование. Я даже не пыталась написать что-то подобное. Скорее, я хотела передать свое представление о том, что чувствует человек, которого насильно удерживают в психиатрической больнице. Все персонажи этой книги вымышлены, но некоторые учреждения, в том числе лечебница Лонг-Айленд и больница Уиллард, существовали в действительности, так же как Чапин-Холл с прилегающими к нему больничными палатами и пристройками. Кроме того, в Уилларде имелись отдельно стоящие здания для пациентов: они назывались «Сосны», «Клены», «Санникрофт» и «Эджмир». В каждом располагались собственная столовая, кухня, кабинет заведующего, комнаты персонала и котельная. Хочу отметить, что в интересах сюжета я описала процедуры и методы лечения, которые применялись раньше или позже описываемого времени. Например, кровати, изобретенные в психиатрическом центре в Утике, напоминающие деревянную клетку с замком, вышли из употребления в 1887 году. Инсулиновую терапию стали применять в 1935 году, а электрошок — в 1938 году. Кроме того, в большинстве государственных психиатрических больниц психологи появились не раньше 1960 года.

Table of Contents

[Элен Мари Вайсман ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ НЕЕ](#)

[ГЛАВА 1 ИЗАБЕЛЛА](#)

[ГЛАВА 2 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 3 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 4 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 5 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 6 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 7 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 8 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 9 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 10 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 11 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 12 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 13 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 14 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 15 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 16 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 17 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 18 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 19 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 20 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 21 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 22 КЛАРА](#)

[ГЛАВА 23 ИЗЗИ](#)

[ГЛАВА 24 ИЗЗИ И КЛАРА](#)

[ГЛАВА 25 ИЗЗИ](#)

[БЛАГОДАРНОСТИ](#)

[ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА](#)

